

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

А. И. Красило

**Психологическое консультирование:
проблемы, технологии**

Учебное пособие

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
Российской академии образования к использованию
в качестве учебного пособия*

Москва — Воронеж

2007

УДК 159.964.2
ББК 88.4
К78

Главный редактор
Д. И. Фельдштейн
Заместитель главного редактора
С. К. Бондырева

Члены редакционной коллегии:

А. Г. Асмолов	И. В. Дубровина	Н. Д. Никандров
В. А. Болотов	М. И. Кондаков	В. А. Поляков
В. П. Борисенков	В. Г. Костомаров	В. В. Рубцов
А. А. Деркач	Н. Н. Малофеев	Э. В. Сайко
А. И. Донцов		

Красило А. И.

К78 Психологическое консультирование: проблемы, технологии: Учеб. пособие / А. И. Красило. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. — 504 с. — (Серия «Библиотека психолога»).

ISBN 978-5-89502-916-9 (МПСИ)

ISBN 978-5-89395-747-1 («МОДЭК»)

Пособие является логическим продолжением работы над концепцией социально-гуманистического консультирования, основные позиции которой были изложены в работе «Психологическое консультирование посттравматических состояний» (М.: МПСИ, 2004). Автором предпринята попытка преодоления эклектизма в освоении зарубежного опыта и разработки варианта практически адаптивного подхода к проблемам современного консультирования на основе достижений отечественной психологии. В пособии получает обоснование понятие «травматические взаимоотношения». Предпринята попытка выявить генезис и проследить особенности процесса их формирования. Дальнейшее развитие получили понятия «социальный невротик», «психологическая власть», «персонификатор» и др. Прослеживаются условия, в которых пострадавший получает возможность «сбросить груз» травматического прошлого. Задачи практического консультирования уточняются и систематизируются в соответствии с исследованными реалиями, что и составляет основную проблему, преодолеваемую автором на протяжении всего содержания книги.

Предназначено для студентов, преподавателей и практикующих психологов.

УДК 159.964.2
ББК 88.4

ISBN 978-5-89502-916-9 (МПСИ)

ISBN 978-5-89395-747-1 («МОДЭК»)

© Московский психолого-социальный институт, 2007
© ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Российской академии образования (РАО), 2007
© Оформление. НПО «МОДЭК», 2007

Глава 1. Сущность травматического взаимодействия

Всегда ли мы нуждаемся в понимании сути того явления, с которым работаем? Для отечественной научной традиции этот вопрос кажется просто бессмысленным. Как же работать с предметом, не пытаясь понять его сущность? Но умонастроения большинства практиков сейчас определяет другая методология, технократическая. Ведь для пользователей современной техники привычно не задумываться об ее устройстве. Вот и практические психологи, действуя в том же прогрессивном направлении, спокойно занимаются тренингами и проводят терапевтические сеансы с пострадавшими, не всегда задаваясь вопросом, что же такое психологическая травма и каковы ее основные свойства.

Такой «пользовательский» подход к делу порождает множество теоретических, практических и организационных проблем, которые стали предметом нашего внимания в недавно опубликованной работе (*Красило А. И., 2004*). Темпы развития современной психологии таковы, что за относительно короткий срок назрела необходимость доработки и систематизации выдвинутых ранее позиций.

Прежде всего, необходимо отметить, что психологическую травму мы не можем рассматривать, например, вслед за психоанализом лишь в качестве некоторого источника соматических и психологических дисфункций. Такое понимание оставляет нам для рассмотрения только клинические случаи явных нарушений социальной адаптации. Это законная область психотерапии, в которой преуспевают лишь те психологи, которые дополнительно располагают базовым медицинским образованием. Оставшаяся масса выпускников психологических вузов — имея, по преимуществу, возрастную и

социальную специализации — оказывается, таким образом, «не у дел» и испытывает определенный комплекс социальной не востребованности и неопределенности своего статуса. Они занимаются консультированием, которое, по сути, превращается в дилетантское выдергивание психотерапевтических методик и натаскивание на наиболее доступные из них. Но процесс консультирования имеет свою специфику, которую требуется развивать, уходя от внушающего влияния психотерапии (Красило А. И., 2004).

Это не значит, что разработку содержания процесса консультирования надо начинать с нуля. Дело в том, что психотерапия в своем развитии в значительной степени сама «обросла» консультативными элементами. И основная методологическая задача теперь заключается в том, чтобы практические психологи нашли достаточно обоснованные и строгие критерии для вычленения или адаптивного заимствования накопленного в психотерапии консультативного опыта. Но как раз для того, чтобы сформулировать эти критерии, нам необходимо более углубленно рассмотреть само понятие травмы. Разумеется, мы не сможем полноценно решить поставленную задачу, не попытавшись предварительно охарактеризовать весь доступный объем содержания этого понятия.

Прежде всего, необходимо отметить, что травма прерывает процесс жизнедеятельности, процесс психического и личностного развития, устремленного, во-первых, к обретению единства и целостности душевного мира человека, а во-вторых, к продуктивности и надежности связи личности с обществом. Первое, видимо, требует пояснений только для сторонников ортодоксального бихевиоризма. В отношении второго, думается, достаточно сослаться на замечательную по глубине методологического анализа работу Э. Дюркгейма (1994). Он гениально усмотрел сущность крайнего индивидуализма как систематического разрыва всех смысловых связей с обществом, неизбежно приводящего индивидуума к самоубийству. Катастрофичность результата, видимо, не может быть снята тем, что эгоцентризм пострадавшего провоцируется не идеологи-

ческими причинами, а душевной болью от переживания травматического события. Кстати, если пострадавший углубляется в мир психоаналитической мифологии, то его смысловые связи с обществом также неизбежно рвутся, и это закономерно порождает неистребимое ощущение одиночества и бессмысленности существования. В такой ситуации поддержание жизнедеятельности субъекта требует почти наркотического преследования им соматического удовольствия и веселья, этих суррогатов счастья и радости.

Ту же идею жизненной важности укрепления и развития связей личности с обществом, но освоенную в понятиях индивидуальной психологии, мы находим у А. Адлера, который постулирует врожденность чувства общности (Адлер А., 1993, 1997). Полностью разделяя пафос акцентирования внимания на этом важнейшем условии развития личности, мы не можем согласиться с врожденностью соответствующей потребности. Здесь мы сталкиваемся с вынужденной логической ошибкой гениального психолога, с отождествлением врожденности и значимости каких-либо условий развития личности. Сам А. Адлер открыл и другой путь развития взаимосвязи личности с обществом — компенсаторный.

Если человек оказывается неспособным к творческой созидательной деятельности, если он оказывается совершенно ненужным для окружающих, то у него формируется стремление к власти. Действительно, чем слабее и беспомощнее ребенок («комплекс неполноценности»), тем больше он в своих мечтах стремится к превосходству над другими. Но это же самое стремление, практически уже с двух лет, начинает реально проявляться и у избалованного ребенка. То есть стремление к власти может иметь своим источником не только комплекс неполноценности, но и особые взаимоотношения в семье, которые формируют у ребенка позицию незаслуженной и преувеличенной значимости, которую можно было бы назвать «комплексом сверхзначимости».

Своим рождением ребенок действительно дает родителям новое содержание и смысл их жизни. Но если этот смысл

становится «сильнее страсти, больше, чем любовь», т. е. если он выходит из сферы любви и кристаллизуется во взаимоотношениях власти, то ребенок становится социальным невротиком (*Красило А. И.*, 2004), компульсивно стремящимся подчинить своей капризной зачаточной воле всех окружающих. Если родители занимают устойчивую позицию «подстройки снизу» (*Ершов А. А.*, 1991), а ребенок, естественно, еще не способен ответить тем же, то не возникает необходимого ряда взаимных подстроек снизу, необходимых для формирования и поддержания взаимоотношений любви, неутоленная жажда которой движет одним из родителей, смещаясь с супруга (супруги) на ребенка.

Отождествление власти и влияния, характерное, к примеру, для социально-психологических исследований (*Шихирев П. Н.*, 1979), не может нас удовлетворить. Взаимовлияние субъектов присуще и прямо противоположным отношениям — любви. В понимании сущности власти и ее роли в развитии личности А. Адлер и Э.Фромм — по ряду причин, хорошо проанализированных П. Н. Шихиревым, — оказываются, несомненно, ближе к истине. Власть в качестве необходимого условия защиты человечества (*Бердяев Н.*, 1995), являясь необходимым средством внешнего объединения людей, выступает в роли важного условия коллективной деятельности, препятствующего распаду социальной общности. Но это вовсе не те социальные условия, которые необходимы для развития ребенка. Ребенок не может полноценно развиваться в «падшем мире» (Там же). Он нуждается во внутреннем единстве с окружающими, в «чувстве общности» с ними (*Адлер А.*, 1993), т. е. во взаимоотношениях любви.

«...Своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной» (*Выготский Л. С.*, 1984. С. 258) является результатом социализации и переживается ребенком в чувстве его любви к окружающему миру. Но этот мир вовсе не представляется ему смутной и недифференцированной

средой. Его социальная ситуация развития представляет собой некую систему отношений с социальной действительностью. Реальные отношения к «единственным и неповторимым» в восприятии ребенка культурным и духовным ценностям становятся прочной основой его личности. Эти отношения исключительны и уникальны как результаты любого творческого акта, без которого невозможна подлинная социализация. Но главный парадокс развития состоит в том, что ребенок изначально социализирован (*Выготский Л. С.*, 1984). Его отношения к социальной действительности спонтанно прорастают к высшим духовным ценностям именно через взаимоотношения любви. При этом спонтанность мы, вслед за Я. Морено (2001), понимаем как условие творчества и противоположность импульсивности.

Все психологи — и отечественные и зарубежные — считают, что ребенок — существо более творческое, чем нормативное. И только потом — вместе с развитием произвольности — он начинает различать множественность социальных норм, смысл которых он усвоил гораздо раньше, через неповторимость и уникальность собственной любви к окружающему миру. Нет ничего более глупого и вредного, чем представлять процесс социализации в качестве приспособления к внешним, враждебным нормам, сковывающим свободу личности. Но, к сожалению, именно на этот трагический путь социальной адаптации реально обречены сотни тысяч детей, лишенных любви. Стремление к свободе от общества, от социальной ответственности порождает либо трагический тип личности, лишенной всякой опоры и потому конформной и вечно эксплуатируемой, либо тип социального невротика, паразитирующего на этих «отбившихся от общества» индивидах с несоразмерной задержкой развития личности.

Правда, у этих потенциальных жертв, в отличие от социальных невротиков, все-таки есть шанс на прогрессивную социализацию, которая открывается им на пути личностного развития. Если отношения ребенка достигают социально значимых ценностей духовного уровня общения, то его лич-

ность получает необходимую опору (Психологическая теория коллектива, 1979) для свободного самоопределения и полноценно развивается по пути самореализации. Выстоять, остаться личностью, если травма все-таки настигла, для таких субъектов *потенциально* легче при условии, что они уже успели присвоить себе эту необходимую опору самореализации. Но *актуально* пережить стресс им, напротив, труднее, поскольку они — в полном объеме и сразу — видят все, что личность непосредственно теряет в результате травмы¹.

У пострадавшего остается надежда, что все это как-то можно вернуть в будущем, но способ возвращения к утраченным ценностям вначале всегда неизбежно абстрактен и расплывчат до нереальности. Цель представляется бесконечно далекой, а путь — неизмеримо трудным. И только индивиды с очень высоким уровнем притязаний и одновременно с крайне развитой пристрастностью к ценностям духовного уровня человеческого общения, т. е. необратимо социализированные, могут решиться самостоятельно пройти этот путь. Другим же, особенно в детском и подростковом возрасте, необходима своевременная помощь консультанта, содержание которой составляют задачи помощи пострадавшему в преодолении возникшего травматического барьера, который блокирует процесс прогрессивной социализации субъекта.

Психологическая травма тем и опасна, что угрожает существенным связям личности с культурно-историческими ценностями, которые являются для нее смыслообразующими. И феномен повышенной травматической уязвимости социализированной личности состоит именно в том, что вся драматичность социально-патологической ситуации переживается ею сразу, и в полном объеме (в *актуальной* форме).

¹ Так же как потеря зрения теми, кто имел длительный жизненный опыт быть зрячими, переживается эмоционально острее, нежели индивидами с врожденной зрительной патологией. Но проблема не только в остроте эмоциональных переживаний: если психологическая травма длительно консервируется в форме психологического барьера — это наносит поистине катастрофический ущерб процессу самореализации личности.

Отсюда и катастрофические нарушения психики, вплоть до галлюцинаций.

В то же время необходимо отметить, что любой тип родительской позиции, кроме *позиции любви и приятия*, порождает драматические проблемы в процессе развития личности ребенка еще до серии изолированных, но неизбежных ситуативных травматических воздействий, непосредственное переживание которых может иметь достаточно высокий порог. Индивиды с задержкой личностного развития на уровне микрогрупповой или субкультурной изоляции, т. е. на уровне защиты от социального мира, воспринимаемого ими чуждым и враждебным, в полной мере переживают драматичность полученной травмы лишь по мере завершения процесса социализации. До этого момента их психологическая травма остается в значительной степени *потенциальной*. Опасность потенциальной формы переживаний в том, что травма служит источником формирования медленно и незаметно нарастающего барьера дальнейшего развития личности. Она консервирует уродливость и фрагментарность социализации пострадавшего, способствует регрессии и эскалации девиантной импульсивности его поведения. В частности, такие индивиды беззащитны перед воздействиями, приводящими к наркотической зависимости.

Путь к социализации, открываемый родительской позицией любви и приятия (*Столин В. В.*, 1983), в результате полученной ребенком травмы неизбежно преграждает экзистенциальная проблема, которую нельзя отнести к травматическим, но которая имеет существенное значение в содержании переживания психологической травмы и процессе выхода из нее. Дело в том, что у развивающейся личности начиная с двухлетнего возраста взаимоотношения любви неизбежно вступают в противоречие с взаимоотношениями власти. Чтобы по-настоящему любить, человек должен соотноситься с теми условиями социальной среды, которые необходимы для выживания человечества, и, прежде всего, с окружающими его отношениями власти. Заметим, что отно-

шения любви необходимы не только для развития личности ребенка, они необходимы и для самого общества, поскольку иначе оно неизбежно регрессировало бы — в своем общем уровне культурного развития — до самых примитивных форм. А те массы индивидов, которые и являются сегодня реальными носителями высших социальных ценностей, вместо роли «атлантов», поддерживающих духовный свод человеческой культуры, не выросли бы даже до решения задачи самообслуживания и поддержания элементарной чистоплотности¹.

Любовь в процессе развития ребенка не может быть определена иначе, чем в качестве противоположности власти. Ребенок должен научиться — ради развития собственной личности, ради сохранения и приумножения высших духовных ценностей человечества — раздвигать пределы необходимых отношений власти и устанавливать взаимоотношения любви. Это и есть деятельная реализация сформированного в раннем детстве «чувства общности». Но проблема в том, что самые любвеобильные родители как раз и не в состоянии способствовать решению ребенком этой важной возрастной задачи. Вместо отношений любви они навязывают своему чаду отношения тотального внешнего контроля, т. е. отношения власти. Этот трагический парадокс и порождает феномен избалованного ребенка. Власть становится для него защитой, средством внешней связи с обществом, т. е. защитой от изоляции, и средством объединения различных сторон собственной личности.

Интерииоризация подобных внешних связей ничего не меняет в принципиальной сущности личности социального невротика. Эта вращенность отношений власти особенно ярко проявляется в поведении другой категории родителей, которых беспокоит разрушительное чувство собственного

¹ Вот эта потребность в обслуживании извне (неспособность «поддерживать собственные брюки») является одним из признаков социального невротика. Типичный пример: подросток бросает окурок на чистый пол в уверенности, что кто-то другой должен убирать мусор за него (или гордо выгуливает собаку на скудном городском газоне).

непреодолимого и неконтролируемого гнева при малейшем непослушании со стороны ребенка. Иногда такие родители осознают вред, который они наносят ребенку, но ничего не могут с собой поделать. Они слабо проницаемы и для психологической помощи, хотя некоторые сами обращаются за ней. Реальная помощь консультанта в этих случаях осложнена задачей коренной перестройки личности социального невротика, поскольку стремление к власти является необходимым условием ее внешней интеграции. Такого человека надо научить любить других и в то же время помочь ему обеспечить сохранение единства его личности. Он должен научиться преодолевать свой эгоцентризм и нарциссизм. Фактически, надо помочь ему изменить направление развития личности на прямо противоположное — от «синдрома распада» к «синдрому роста» (Фромм Э., 1992).

Ребенок стремится к власти не потому, что он непременно хочет получить этот суррогат любви. Он просто еще не может опосредовать чувство любви через свое отношение к социальным нормам и правилам. Точно так же как младенец, который легко удерживает случайно захваченный им предмет, но еще не научился разжимать руку, двухлетний ребенок не может отказаться от власти ради любви. Мама, у которой осталась хронически неутоленной жажда мужского рыцарского отношения со стороны ее супруга и его «горячей» искренней любви, переносит свои ожидания на сына. Если он к тому же с трудом появился на свет, подвергался риску выживания, тяжело болел, то неизбежна позиция гиперопеки, в которой чувство вины предопределяет взрослому стратегию «подстройки снизу».

Взаимоотношения любви базируются только на равенстве позиций сторон, независимо от того, непосредственны они или опосредованы отношениями к социальным нормам и ценностям. Если не учитывать закономерности формирования взаимоотношений власти и взаимоотношений любви, то непонятно, каким образом вообще может такая любвеобильная мама сформировать у ребенка вместо ответной люб-

ви неудержимое стремление к власти и подчинению себе других людей. Мамина любовь оборачивается для ребенка невыносимым тотальным контролем или становится причиной злокачественного нарастания его стремления к власти.

В психологической литературе, обсуждая проблемы делинквентного поведения и случаи преступлений против личности со стороны несовершеннолетних, говорят о недостатке родительской любви как главном условии и причине всех социально опасных девиаций. Но А. Адлер (1997) гениально усмотрел противоречие, наличие которого не позволяет абстрактно подходить к этой проблеме. Рекомендации родителям уделять больше внимания и любви детям не достигают желательного результата. То, что некоторые родители понимают под любовью, может быть совсем не тем, что требуется ребенку, т. е. вообще не любовью, а лишь чувством, обнаруживающим одностороннюю неутолимую потребность самого взрослого.

Изобилие родительской любви может лишить ребенка радости любви, не дать ему возможности усвоить ее как одну из главных социальных ценностей и смыслов. Ее чувственный избыток действует на развитие ребенка не менее губительно, чем позиция полного или скрытого отвержения. И секрет здесь в «надындивидуальной» форме взаимоотношений, закономерное развитие которых делает взрослого и ребенка беспомощными игрушками на все более раскручивающейся центрифуге власти: ребенка вжимает в позицию своеговольного господина, а взрослого — в позицию угождающего раба. Эти взаимоотношения ребенок впоследствии пытается перенести и на других людей, сверстников и взрослых. Вот тут-то и начинаются его неудачи, ощущение бессильного гнева и своей неполноценности перед лицом неожиданного и жесткого противодействия сверстников нелепым притязаниям избалованного ребенка.

С другой стороны, мы можем наблюдать не менее парадоксальную динамику взаимоотношений любви, которая проявляется прямо противоположным образом. Ребенок, который,

напротив, привык не подчинять, а только любить окружающих («все люди хорошие»), просто не может испытать комплекса неполноценности, поскольку взаимная любовь всегда полноценна. Конечно, это реально осуществимо только в том случае, когда любовь является для него смыслом, а не защитной функцией (Хорни К., 1995).

Доверчиво проявляя непосредственные и естественные знаки приятия и любви к окружающим, ребенок может столкнуться с обидами и травмами со стороны субъектов — сверстников и взрослых, — рассматривающих любое общение в качестве поединка, процесса соревнования и борьбы за власть. Думается, что именно в этих условиях угрозы безопасности у него и начинает развиваться защитная функция любви. Он реально чувствует, что, несмотря на враждебность и угрозы, его доверчивое отношение буквально обезоруживает окружающих и поворачивает их к нему той — глубоко скрытой от большинства окружающих — стороной, где еще теплится потребность в «чувстве общности»¹.

У пострадавших может сформироваться «фиктивная цель» (Адлер А., 1993), которая позволяет преодолеть негативные травматические переживания, сохранить самооценку и своеобразную преданность ценности любви. Может появиться стремление к социальной значимости как примитивный зародыш будущей самореализации, но никак не стремление к власти над другими людьми, к эгоцентрической эксплуатации и принижению других, отчетливо проявляемой представителями криминального мира и просто «школьной шпаной». Стремление личности к социальной значимости и стремление к власти над другим человеком — близкие, но

¹ Конечно, это не абсолютный закон, который непременно, как и всякий закон, имеет, даже в стабильные периоды развития общества, исключения. Любая психологическая закономерность может быть «зашумлена» неадекватными ей социальными условиями. Если два десятилетия назад рука двухлетнего ребенка могла спасти взрослого от нападения криминальных элементов, то в период смутного времени именно слабость ребенка или старика, напротив, провоцируют жестокое и беспощадное нападение.

все-таки принципиально разные сущности, которые не стоит отождествлять.

По А. Адлеру, именно чувство неполноценности порождает стремление к власти. Но верно и другое: именно стремление к власти как раз и обуславливает наличие чувства неполноценности. Если ребенок что-то не умеет или не в состоянии пока осуществить, то во взаимоотношениях любви с окружающими он будет испытывать любопытство, стремление научиться чему-либо, желание укрепить свои физические и умственные способности, но никак не чувство неполноценности. Только условия конкуренции, в которых победитель выигрывает позицию сверху, а проигравший вынужден подчиниться превосходящей силе, может породить ощущение неполноценности.

Власть — это осуществление внешнего господства над другим человеком. А психологическая власть есть *инсталляция персонификатора* в мир другого человека, т. е. такое вторжение в его мотивационно-потребностную сферу, которое не дает возможности пострадавшему обеспечить полноценную ориентировку и принять решение, соответствующее его интересам как личности. *Ориентировка* пострадавшего *деформируется и суживается* до такой степени, что все его действия выражают не собственные личностные смыслы, а позицию и интересы другого.

Такое явление наблюдается и вне травматического воздействия, в частности, в условиях так называемого «инцестуального комплекса» (Фрейд З., 1989; Фромм Э., 1992). Термин «ориентировка» (Гальперин П. Я., 2002) позволяет различить внутреннюю дифференцированность этого туманного понятия. Речь, видимо, идет об одной из типичных воспитательных ситуаций, когда ребенок, фактически, лишен свободы выбора. *Ориентировочная основа* его действий и поступков, сформированная во взаимоотношениях с родителями, обуславливает результаты, которые свидетельствуют о том, что в моменты принятия жизненно важных решений он неизбежно оказывается на позиции родителей и отстаивает их

интересы в ущерб своим. Ребенок может чувствовать себя независимым, только оставшись наедине с собой. Но это лишь ощущение, лишь смутная и заманчивая потребность, средства реализации которой, кроме стихийного подросткового бунта, ему не даны.

Взрослый человек — ради власти над другими — может стремиться занять более значимую социальную позицию в бюрократической иерархии. Это, действительно, может быть проявлением его стремления к компенсации или сверхкомпенсации. И это, действительно, может быть следствием испытанного в детстве «комплекса неполноценности». К примеру, нелепое поведение маленькой ростом девушки, которую непреодолимо влечет к вождению огромного «лендровера», занимающего огромное пространство на узких городских магистралях в многочасовых пробках, легко вписывается в классическую адлеровскую модель.

Но можно ли подобное компульсивное поведение отождествлять с любым стремлением индивида к самореализации в гражданском обществе. Сознательный выбор и предпочтительные отношения любви отношениям власти не всегда являются защитными. Более того, такой выбор может порождать еще большую открытость и незащищенность пострадавшего, обострять его посттравматические переживания и осложнять экзистенциальные проблемы личности, упрямо отстаивающей путь самореализации.

Прерывая процесс естественного развития психики индивида, травма может провоцировать искусственное взросление его личности. Но это вовсе «не ближайшая зона» (*Выготский Л. С.*, 1984). Отсюда и переживания трагичности и драматичности. Перед пострадавшим открывается невероятно длинный и трудный, но вполне реальный и спасительный путь самореализации. Парадокс состоит в том, что только индивид с предельно высоким или завышенным уровнем притязаний может решиться до конца пройти его. Индивида не просто влечет к фиктивной цели. Этот путь прямо противоположен позиции, сформированной в рамках

взаимоотношений власти: пострадавший не хочет получить желаемое даром или за счет эксплуатации других. Он хочет отдать свои силы и развитые способности обществу, а не просто взять или отнять что-то у других¹. Это путь созидательной социализации, predetermined выборочный личностного и психологического развития, направленного на сохранение и развитие общественно значимых норм и ценностей. Такие пострадавшие не просто «счастливики», которым поделом воздали избалованные или «обиженные судьбой» социальные невротики. Консультант должен быть твердо убежден, что без них общество просто прекратит свое существование. Оно живет до тех пор, пока существуют «хранители» его ценностей, так же как человек не считается умершим до тех пор, пока не произошли необратимые изменения в его мозге.

Решая свою посттравматическую проблему, такой позитивно социализированный индивид, независимо от возраста, — в отличие от социального невротика — не отделяет себя от общества и не противопоставляет себя ему. Цели, к которым он стремится, могут быть сформированы и в раннем детстве. Они будут так же неясны и расплывчаты, как и фиктивные. Но консультант должен видеть различие между нормально социализированным ребенком, который под воздействием травмы выделяет в своих живых реальных связях с обществом самую ценную сферу, к которой, как правило, остается пристрастен, и ребенком, который развивался по пути социальной невротизации.

Конечно, первичное усвоение социальных ценностей может быть следствием какого-нибудь нарушения в нормальном развитии, которое неизменно презрительно диагностируется начинающими психотерапевтами, например, ориентацией ребенка на нормы и оценки взрослых. Но как

¹ Даже если «их» миллионы, а он — «один». То есть он настолько усвоил ценности справедливости, равенства и любви к окружающим, что ненавидит любое проявление эксплуатации человека человеком. Разумеется, на такой основе никакой эгоцентризм не может прочно укорениться.

только ребенок начинает вращаться в общественные отношения и принимать на себя ответственность за ценности, ставшие неотделимой частью его личности, все его нарушения, искривления, защиты и т. п. *обращаются* (А. В. Петровский) и приобретают социальную ценность.

Ребенок может вращаться в общество не самой лучшей и сильной своей стороной¹, но если она нужна обществу, если через нее начинают воспроизводиться и сохраняться уязвимые со стороны социально невротизированных субъектов ценности, то они — каким бы странным на первый взгляд ни показался наш вывод — *обращаются в основу, фундамент* его личности. Ради защиты личностно значимых ценностей ранее слабый в физическом и моральном отношении индивид может затем кардинально перестроиться, приобрести необходимую волю и энергию, как герой Войнич. Разные социальные условия избирательно фасилитируют процесс адаптации индивидов с различными акцентуациями и особенностями индивидуального и личностного развития.

Травматическая ситуация создает проблему для развития личности, которая может привести к формированию барьеров и регрессии, и одновременно срывает все защитные механизмы, обнажая те ее пласты, которые способны развиваться в направлении социализации. В условиях травматической ситуации одновременно и многократно повышается и вероятность социальной невротизации, и вероятность преодоления клинической невротизации на пути социализации. Выбор личности зависит от ее сращенности с социальными ценностями различных уровней: любовью, властью, материальным благополучием. Свобода этого выбора проявляется в процессе практического сравнения значимости альтернативных ценностей, который может привести к новым травматическим ситуациям. Эти поиски личностью себя являются травматическим путем решения проблемы идентичности. Они также входят в проблематику преодоления последствий травмы². Личностная травма — это, как правило, целая цепь трав-

¹ «Когда бы знали вы...» (А. Ахматова).

² Есть известная поговорка «Беда не приходит одна».

матических событий, связанных друг с другом, хотя иногда они могут быть отдалены по времени на месяцы и даже годы.

Личность не «распускается» на стебле характера и уходящего в глубины генетики темперамента, как некий цветок, который непременно должен иметь для выживания прочные биологические корни и буйную социальную листву. Такая модель не соответствует не только психологической реальности, но и элементарным законам живого мира. Этот цветок, который благоухает общечеловеческими гуманистическими и демократическими идеалами или, напротив, источает ядовитые антиобщественные испарения, вообще неживой. Он безразличен к своему источнику развития и совершенно лишен движущей силы (*Выготский Л. С.*, 1984).

Некоторые авторы, похоже, вообще не знают свойств живого организма. Преклоняясь перед наблюдательностью и талантом Ж. Пиаже, который долго, с философской пронизательностью изучал моллюсков, они пренебрегают учетом самых элементарных законов живой природы. Быть может, они полагают, что таким образом можно избежать греха редукционизма. Но, кажется, здесь проявляется нечто другое: просто творческой личности гораздо проще и приятнее впасть в абсолютную свободу системного экстаза (*Г. П. Щедровицкий, Я. Л. Коломинский*) и произвольно городить из эмпирического материала некую непротиворечивую структуру. И пусть произведение больше похоже на проект некой неживой конструкции¹, что из того? Почему в ней должно обязательно просвечиваться нечто живое? Достаточно того, что построена система, которая может как-то передвигаться в пространстве и которую можно неторопливо рассматривать.

Такой системой, разумеется, может стать любая модель консультирования, в отличие от предмета ее изучения — живой человеческой личности. Действительно, никакой массовой психологической помощи невозможно ожидать без по-

¹ Бывает, конечно, и гораздо хуже: некий общепсихологический бигмак, которым буквально закармливают студентов третьего курса психологических факультетов.

строения системы психологической службы. Но само психологическое здоровье личности (Дубровина И. В., 1991; Психокоррекционная и развивающая работа., 2002), для укрепления которого она создана, не является системой. Практический психолог может выделить лишь некоторые важнейшие ориентиры психологического здоровья с тем, чтобы сделать свою деятельность целесообразной, планируемой, чтобы обеспечить необходимые организационные условия. Но мы должны осознавать, что это именно мы субъективно выделяем какие-то качества, допустим эгоцентризм, нарциссизм и инцестуальный комплекс (Фромм Э., 1992), как признаки нездоровья и целенаправленно концентрируем свою деятельность на переориентацию личности в направлении «синдрома роста». Эти признаки «не живут» ни в качестве отдельных изолированных сущностей, ни в составе некоего механического конструкта. Консультирование будет только тогда успешным, когда мы сможем уловить противоречивую динамику внутренних сущностных связей в логически построенной нами модели.

Поскольку мы заботимся о развитии личности, то должны хорошо понимать, что даже самая гениальная инженерная или процессорная конструкция, которой мы справедливо восхищаемся, пока еще не обладает саморазвитием и неизменно остается в этом отношении проще и примитивней любого растения. Очень часто результат системного конструирования получается действительно творческий и тем самым радует своего автора, но, к сожалению, затем оказывается, что полученный продукт по своей сути является никак не гуманитарным, а инженерным, т. е. совершенно не относящимся к сущности «человечного человека» (Леонтьев А. Н., 1975).

Но вернемся к рассмотрению предпосылок тех проблем, с которыми неизбежно сталкивается консультант. Эгоцентрический ребенок еще до травмы поставлен в условия, в которых вынужден был разрушать свои связи с окружающими людьми и обществом в целом. Никакого «врожденного чувства общности» (Адлер А., 1993) в его поведении даже не про-

свечивается. Поэтому значимое положение в обществе для него действительно становится фиктивной целью. Общественные связи не приобретают значения сущностных, они инструментальны и утилитарны. Общество лишь средство, которое используется для решения эгоцентрических проблем. И если какой-нибудь волшебник дал бы такому несчастному подростку всевластие, то он — после «чумового веселья» — захотел бы «раскрутить земной шарик так, чтобы тот развалился». Это пример высказываний типичного социального невротика, стремящегося к власти над окружающими.

Необходимо отметить, что подобное стремление было бы вполне естественным еще два столетия назад, когда не существовало тех гуманистических ценностей, которые социальный невротик теперь может разрушать. Если в обществе отношения господства и подчинения являются типичными, то в отношении соответствующих социальных норм и ценностей социальный невротик ведет себя довольно лояльно и потому никак не выделяется своим поведением. В качестве особого социально-патологического и социально-паразитического типа личности он выявился только в современных общественно-исторических условиях¹. Главной особенностью социального невротика стало уже не его непосредственное стремление к власти, а другое яркое новообразование — способность разрешать внутренние конфликты за счет разрушения гуманистических и социально-культурных ценностей.

Детей и подростков, посттравматические страдания которых связаны с их пристрастностью к созидательным общественным ценностям и смыслам, с нежеланием расстаться

¹ Это упорное стремление к возвращению к диким рыночным отношениям трехсотлетней давности совершенно необъяснимо с точки зрения одних лишь социально-экономических причин. Оно вступает в настолько очевидное противоречие с лозунгами защиты демократии, достоинства и прав человека, которыми — каким-то необъяснимым способом — социальные невротики пытаются оправдать свой отказ от построения современного цивилизованного общества, что не заметить факт конституализации нового типа личности становится уже совершенно невозможно.

с ними или согласиться на судьбу изгоя, отверженного обществом, мы будем далее называть *позитивно социализированным* или просто *социализированным*. Ясно, что задачи консультирования в отношении социального невротика и социализированного пострадавшего, которому, действительно, свойственно «чувство общности», должны различаться по своему содержанию и последовательности их реализации.

Главным признаком, отличающим социализированную личность от социального невротика, является сформированность *совести*¹. Совесть мы понимаем не только как *интеральный*² контроль со стороны «тысячи внутренних свидетелей». Хотя, действительно, в отличие от чувства вины, связывающего ребенка с определенными другими в рамках первичного межличностного общения, совесть выступает в качестве более обобщенного и социализированного личностного новообразования. В этом отношении, человека совестливого легко можно спутать с невротиком, развивающимся в направлении сверхкомпенсации: в обоих случаях индивид возвышается над ситуативным межличностным уровнем общения. В обоих случаях для него неприемлемы бытовые утешения — в пережитом позоре или собственном негативном проступке, — которые строятся по логике: «никто не узнает», «все скоро забудется», «со всеми бывает» и т. д. И социализированная личность, и гиперкомпенсирующийся невротик постоянно находятся как бы в огнях рампы. Но отношение к «зрителям» у них разное.

В первом случае — ощущение обобщенного «всевидящего ока» тысяч других людей связано с перспективами самореализации индивида в социуме и проблемой принятия обществом результатов этой самореализации. Оно означает личностную открытость субъекта перед другими, оценку его

¹ Этот «моральный орган» совершенно отсутствует не только у законченных преступников («отморозков»).

² С разрешения читателя как синоним понятий «внутренний» и «интериоризированный». Громоздкий термин «интериоризированный», который часто оказывается затребован в тексте, излишне затрудняет чтение. Термин «интернальность» удобнее применять в другом значении — для подчеркивания межличностной стороны процесса интериоризации.

поведения в свете высших человеческих ценностей. То есть, фактически, индивид развивает рефлексию и возвышается над самим собой. А во втором случае речь идет о противопоставлении невротика массам, которыми он в качестве «сверхчеловека» «имеет право» эгоцентрически манипулировать. Это типичное проявление того самого разрушительного стремления к личной власти, о котором писал А. Адлер (1997).

Совесть в своей обобщенности и интеральности доходит у социализированной личности до степени самоконтроля. Но от процесса произвольного самоконтроля, который всегда страдает грехом долженствования, отягчающим любое произвольное действие, совесть отличается наличием внутреннего императива для совершения поступков, которые, в этом случае, абсолютно не нуждаются для своей реализации ни в каких дополнительных волевых усилиях. Напротив, в условиях больного общества регрессирующая социализированная личность порой делает — в целях «выживания» — сознательные попытки поступить против собственной совести и все-таки не может их осуществить. Для «отморозков», не имеющих этого главного личностного органа, подобная проблема просто непонятна и смехотворна. С самого раннего детства их социальный контроль был чисто внешним. А их активность была направлена на поиск таких лазеек в этом контроле, которые позволяли бы торжествовать их «демону» (Берн Э., 1988), т. е. лишенному любви дурашливому ребенку.

Формирование совести нельзя связывать только с развитием мышления, хотя определенная обобщенность этого «внутреннего другого» вполне очевидна. Дело в том, что личность всегда есть противоречивое единство «Я» и «Другого». Иначе вообще было бы невозможно никакое единство и развитие личности. Но *в совести проявляется не просто «другой», а «Другой, которого Я люблю»*. Поэтому «Я» всегда открыто для этого «Другого». Обмануть этого «Другого» просто невозможно, а предать, поступить упрямо «ему на зло» означает потерю величайшей социальной и культурной ценности — любви.

Таким образом, совесть есть существенная связь личности с социумом, а не просто обобщение тысяч внешних «Других», в которые, «как в зеркало», смотрится наше «Я» (Ч. Кули). Без этого высшего, надындивидуального, уровня невозможна никакая «интериоризация контроля», поскольку в таком случае опускались бы два условия, необходимые для успешной социализации. Во-первых, *сфокусированность* социальных норм на высших гуманистических ценностях. И во-вторых, единство личности с этими ценностями.

Личность, противопоставляющая себя социальным ценностям, которые формировались тысячелетиями, является патологической личностью, «мутантом» с упрощенной и преждевременно завершенной структурой, которая позволяет индивиду легче адаптироваться к больному обществу¹. Но если мы задаемся целью формирования психологически здоровой личности, то нашей первоначальной задачей является «*духовное пробуждение ребенка*», чтобы он «*получил доступ ко всем сферам духовного опыта; чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное в жизни...*» Постепенно все должно стать ей (душе ребенка. — А. К.) доступным: и природа во всей ее красоте, в ее величии и таинственной внутренней целесообразности, и та чудесная глубина, и та благородная радость, которую дает нам истинное искусство, и неподдельное сочувствие всему страдающему, и действенная любовь к ближнему, и блаженная сила совестного акта, и мужество национального героя, и творческая жизнь национального гения...» (Ильин И. А., 1994. С. 184). Поэтому мы и считаем первым этапом и самым надежным признаком продолжения непрерывного процесса социализации — формирование у ребенка совести.

Процесс социализации не может остановиться. В условиях травматической ситуации перед личностью стоит выбор: принятие страданий и их преодоление на пути социализации или путь регресса, т. е. социальной невротизации. Ино-

¹ Хотя, разумеется, тот же обычный вирус гриппа иногда может «демонстрировать» свою большую биологическую силу над организмом человека.

гда этот выбор осознается, а иногда личность привычно идет в своем направлении, придерживаясь значимых для нее ценностей и не замечая этого выбора: дескать, вижу, что какая-то «дорожка» уходит в сторону.

Но самым важным для нас, в связи с рассматриваемой проблемой травматизации, является феномен, который мы назвали *заражением совести*. В переживаниях пострадавшего место любящего «Другого» начинает занимать персонификатор, который осуществляет свою власть через тотальный контроль за мотивами действий со стороны «Я» (*инсталляция персонификатора*). В отличие от здоровой совести это «всевидящее око» проявляет себя в качестве преследователя, разрушающего любую защиту личности. В этом проявляется его относительно положительное значение (если, конечно, дело не доходит до непоправимых и еще более травмирующих поступков пострадавшего, вплоть до самоубийства). Что касается негативных последствий, то они вполне очевидны и ярко выражены. Личность чувствует себя больной и беззащитной, не способной сопротивляться негативным внешним факторам. Это похоже на ослабление иммунитета организма в результате заражения СПИДом. Роль такого смертоносного вируса в отношении личности пострадавшего и играет персонификатор.

Фактически, травма — это особая «психологическая болезнь», угрожающая психологическому здоровью личности, которая может развиваться в травматической ситуации только при определенных условиях. Мы не считаем, в отличие от психоанализа, психологическую травму следствием особого невротического пути развития, который ведет к неврозу как к своей цели. Возможно, это справедливо в отношении психических заболеваний. Но психологическая травма является специфической проблемой, которую нельзя свести к частному случаю патопсихологического процесса.

Конечно, чем крепче психологическое здоровье, тем легче преодолевается травма. Но психологическое здоровье — это не просто аналог иммунной системы организма. Пара-

докс психологической травмы состоит в том, что чем более развита личность, чем более она социализирована, тем в большей степени она оказывается актуально уязвимой, тем отчетливее и ярче негативные переживания, вызывающие стрессовую реакцию пострадавшего. И в то же время чем более развита личность, тем активнее она будет искать приемлемый социализированный выход из сложившейся — драматической для нее — ситуации.

Вообще, негативные социальные условия развития личности не выступают для нее в качестве безличных социологических факторов, которые высятся вдоль пути индивида, наподобие рекламных щитов: «безработица», «обнищание», «произвол криминала», «уничтожение науки и образования»... Они непосредственно выступают именно в форме психологической травмы, точнее, серии травм, неизбежность которых для личности определяется степенью ее пристрастности к тем смыслообразующим ценностям духовного уровня, которые, в свою очередь, являются объектами сознательной деструктивной деятельности социальных групп, особенно тех, которые реально располагают государственной властью.

Успешность преодоления травмы, помимо квалифицированной помощи консультанта, зависит также и от других важных факторов. Например, от гармоничности развития личности (Додонов Б. И., 1981). Если ребенок обнаруживает опережающее социальное развитие, если процесс его социализации намного опередил развитие ее волевых и физических качеств, то он становится в большей степени *актуально уязвимым* к условиям травматической ситуации, чем ребенок с равномерным, но слабым развитием всех сторон личности и тем более с выраженной задержкой усвоения социальных ценностей. Но зато в условиях травматической ситуации у него больше шансов сделать социализированный выбор, чем у ребенка, чьи сущностные связи с обществом только начали приобретать какую-то различимую для него ценность. Мы не можем сказать, что вот, дескать, опережающая социализация и есть тот самый патопсихологический про-

цесс, который привел к психологическому нездоровью. Это значило бы поставить все с ног на голову. Если благоприятные социальные условия спровоцировали развитие личности в направлении значимых — в том числе и для развития самого общества — ценностей и именно поэтому она стала эмоционально уязвима к травматической ситуации, то это не повод относить данное направление к числу невротических или патопсихологических процессов¹. Да та же «ориентация на мнение взрослых» способна спровоцировать такой перекосяк в развитии. Но, во-первых, развитие личности вообще никогда не бывает равномерным (*Выготский Л. С.*, 1984; *Додонов Б. И.*, 1981). А во-вторых, притягательность самих ценностей — это тоже фактор, который не следует сбрасывать со счетов и тем самым сводить опережающее развитие в этом направлении только к уступчивости, конформности или инфантильности. «Пифагоровы штаны» равномерности развития не могут служить мерой «нормальности» развития личности.

Все это важно в плане построения стратегии консультирования. Ведь если мы начнем «лечить» пострадавшего от социализации, то тем самым направим его на путь социальной невротизации. Да, от стресса мы его избавим и даже можем обеспечить удовлетворительную адаптацию эгоцентрической личности с заниженными социальными притязаниями. Но тем самым мы можем подтолкнуть пострадавшего «разменять» те высшие социальные ценности, которые ранее питали его личность, на мелочь социально-невротической адаптации. Но какой тогда смысл будет иметь понятие «психологическое здоровье»?

На практике консультант часто сталкивается с посттравматическими — или сформированными в раннем детстве — патологическими установками индивида по отношению к цен-

¹ Ведь мы же не считаем, к примеру, цветение вишни, спровоцированное ранним потеплением, патологическим процессом только на том основании, что, как всегда, неожиданные морозы уничтожили надежду на урожай. То, что «рано и преждевременно», никто не спорит, но развитие цветов и плодов самого растения не одно и то же, что его поражение какими-нибудь болезнями или вредителями.

ности для него общества и своей собственной личности, которые прямо противоположны созидательным. Вместо стремления к обретению единства и целостности своего душевного мира наблюдается полный отказ индивида от развития личности и размывание его деятельности на несвязанные между собой поведенческие социальные стереотипы, за которые пострадавший хватается, как за соломинку, в надежде на приемлемую социальную адаптацию. А вместо укрепления жизнеутверждающих связей с обществом он начинает проявлять агрессию к его нормам и ценностям, последовательно разрушая тем самым и общество, и свою личность. Развитие этих защитных механизмов обуславливает превращение пострадавшего в социального невротика, который кажется внешне адаптированным и, как правило, не испытывает внутренней потребности в психологической помощи.

На самом деле, это состояние пострадавшего свидетельствует о крайней степени его психологического нездоровья, помощь по восстановлению и укреплению которого как раз и должна стать основной задачей практических психологов образовательных учреждений (*Дубровина И. В.*, 1991; *Психокоррекционная...* 2002). Это и есть тот самый основной функционал, который позволил бы надежно определить содержание их работы. Отграничение четкой сферы деятельности и ответственность за ее результаты являются необходимыми условиями установления устойчивого статуса для той части психологов образовательных учреждений (*Красило А. И.*, 1998б), которые не имеют дополнительной специальной медицинской подготовки, или клинической специализации.

Психологическая травма может быть настолько затеряна в раннем детстве, что ее анализ окажется совершенно недоступен даже самым остроумным ухищрениям психоаналитической технологии. Она может вообще не выступать в качестве какого-то события, которое эмоционально вспоминается и негативно переживается субъектом. Более того, она способна поражать не индивида, а семью как определенный целостный социальный организм и тем самым обнаруживать свою

социально-психологическую природу, в отличие от индивидуально-психологической. Последствия травмы могут передаваться от родителей к детям, а также своеобразным «косвенным путем» — через социальную деформацию национальных и семейных традиций и условий воспитания подобно передаче вирусов того же СПИДа новорожденному ребенку.

Психологическая травма вообще не бывает отдельным событием. Это действительная возможность реализации комплекса факторов риска. Хотя последствия некоторых событий могут быть настолько губительными и яркими, что индивиду, да и психотерапевту, кажется, будто именно вот это конкретное событие и послужило причиной невроза, имеющего в то же время и личностную составляющую. Здесь, в самой трактовке содержания травмы, мы с удивлением можем наблюдать присутствие столь неистребимой теории двух факторов. С одной стороны, признается влияние неблагоприятной внешней среды, а с другой — полагается болезненная («гнилостная») природа самой личности.

Да, мы можем видеть, что человека сбила именно эта конкретная машина, когда он неосмотрительно ступил на проезжую часть. Но еще раньше кто-то показал ему путь на опасный перекресток, в то время как была и другая, более удобная и безопасная дорога. Кто-то внушил ему установку ждать, пока погаснет красный сигнал светофора, и затем уверенно идти «на зеленый». Он так и сделал, а в данной ситуации лучше было бы поступить наоборот. Другой пострадавший в это же время был сбит прямо на тротуаре. А кто-то погиб вследствие террористического акта прямо на автобусной остановке.

Пока человек сидит и с интересом наблюдает, как наступающая гроза валит и сжигает вековые деревья, ему кажется, что несчастье не может его коснуться. И только потом находит массу поводов, чтобы обвинить себя в неосмотрительности и полной безответственности, «вдруг» вспоминает, что забыл после ремонта восстановить молниеотвод.

Понимание психологической травмы как чисто индивидуального события лишает консультирование многих реальных возможностей действенной помощи пострадавшим. Такая трактовка изолирует жертвы неблагоприятных событий и оставляет их наедине со своим горем, подобно тому как больной, несмотря на заботу медицинского персонала, все-таки неизбежно переживает все «прелести» госпитализации, чувствуя себя несчастным индивидом, отделенным от общества (или даже временно изгнанным из «праздника жизни»). Свое, вполне адекватное в данных социальных условиях, поведение пострадавшие вместе с психотерапевтом начинают рассматривать в качестве личностного источника травмы, а затем опять же вместе с психотерапевтом обрушиваются на чувство вины, пытаясь необратимо вытравить его из психики.

Другим условием повышения вероятности психологической травмы и превращения ее возможности в действительность является взаимодействие пострадавшего с социальным невротиком. Социальный невротик также может стать пострадавшим и, разумеется, он тоже бывает иногда не способен предотвратить новую психологическую травму, но его действия, складываясь в определенную, подчас не осознаваемую им стратегию, компульсивно направлены на снижение подобной вероятности. Он эгоцентрически творит социальное зло, рационализируя свои действия то правом расового превосходства, то необходимостью социального прогресса. При этом содержание провозглашаемых им гуманистических и демократических лозунгов непременно вступает в очевидное противоречие с результатами его деятельности.

Жертвы его действий, нуждающиеся в психологической помощи, если, конечно, они сами не являются социальными невротиками, в целях своей реабилитации, прежде всего, не должны возлагать ответственность за травму на особенности и уникальность собственной личности, априорно считая путь своего развития невротическим. Иллюзия, что выбранный ими путь созидания привел их к травме, которой

они к тому же порой должны стыдиться, есть не что иное, как рационализация начинающейся регрессии и распада социально ценных сторон их личности. Если пострадавшие выполняли в обществе важную созидательную функцию, которая несовместима с формированием защитного эгоцентризма, то за их уязвимость отвечает не только сама личность, но и общество, которое и обязано оказать им необходимую психологическую помощь.

Если страдающий индивид не делает деструктивных выводов и не озлобляется на общество в целом, например, за то, что его не оградили от эскалации криминала, то он должен оцениваться консультантом в качестве нормально развивающейся личности. У него есть достаточный запас психологического здоровья, чтобы не вступить на путь социального невротика. Но при этом он, конечно же, нуждается в психологической поддержке. Задача консультанта — помочь ему выдержать страдания на пути конструктивной утилизации травмы, решительно используя внутренний конфликт в целях активизации процесса личностного развития и самореализации.

Повторные травмы могут означать не столько слабость или несформированность адекватных защитных социальных механизмов, сколько пристрастие данной личности к общественно значимым созидательным ценностям. Дело может быть вовсе не в том, что у данного индивида есть какое-то «искривление» в развитии личности, а в том, что таким искривлением страдает большое общество, которое возложило на него непосильный груз сохранения жизнеутверждающих ценностей. Если пострадавший ищет и находит в себе духовные силы не вступить — даже ради облегчения своих травматических переживаний — на путь разрушения основополагающих человеческих ценностей, то он как раз и является нормальным человеком.

Психологическое здоровье личности измеряется в рамках социально-гуманистического подхода степенью ее социализации, т. е. степенью интериоризации индивидом культур-

но-исторических смыслов человеческой жизни. Консультант стремится *определить и укрепить те потенциальные возможности индивида, которые позволяют личности противостоять факторам, способствующим ее распаду и сползанию на путь социальной невротизации.* Это и есть та реальная «самость» пострадавшего, которая может вовсе и не быть погрязшей в каких-то низменных, «теневых» влечениях. «Тень», на самом деле, действительно существует, но она имеет социально-психологическую природу. По своей форме она двойственна: распадается на внешнюю и внутреннюю составляющие. Именно теневые качества составляют противоположность внешней и внутренней сторон психологической травмы. Часть ее как бы «прилипает» к личности, составляя «исчезающий момент» самости. Таким образом, личность потенциального пострадавшего и становится уязвимой для внешнего социального зла, т. е. для ее поражения психологической травмой. Единство и сращенность теневых сторон осуществляется в процессе травматического взаимодействия.

И лишь впоследствии величие духовного уровня общения сталкивается с фактом недоразвития ретрофлексированных влечений, обнажая внутреннюю противоречивость личности и незавершенность процесса ее развития. При этом *незавершенность* мы понимаем как позитивное качество личности, развивающейся в патологических условиях, но устремленной к более высокому ценностному единству, чем то, которое навязывается наличными интересами реальных социальных групп.

Само это «прилипание» теневой стороны (социального зла) не означает, что было нечто *изначально* «темное» (врожденное зло) в самой личности. «Тень» может прилипнуть и к еще не дифференцированным, т. е. еще не опредмеченным — в силу отсутствия врожденных генетических программ — человеческим потребностям и образовывать *теневые склонности*, которые проявляются в поведенческих провокациях, хорошо улавливаемых персонификаторами. Личность пострадавшего становится своеобразной *ареной борьбы* социального добра и зла, а не *вместилищем врожденных* противо-

ложностей «самости» и «тени». Социальное зло всегда имеет форму деструктивных психологических условий развития личности. Именно патологические социальные условия порождают патологические типы родительских позиций; массовые ошибки семейного воспитания; деструктивные смыслы и цели, доминирующие в общественной психологии, и т. п. Психологические явления нельзя непосредственно выводить из социальных условий, но справедливо и другое: социальные конфликты способны перемещаться на межличностный и личностный уровень (*Тернер Дж.*, 1985), обращаясь и видоизменяясь до такой степени, что их генезис и внутренние связи на различных уровнях почти невозможно установить и идентифицировать.

И если в результате преодоления психологической травмы пострадавший освобождается не только от теневого влияния персонификатора, но и от части «тени», которая была укоренена в нем самом, то он осуществляет необходимый личностный рост, который позволяет ему стать достаточно устойчивым в отношении данного типа социального зла. Более того, он совершает при этом не только индивидуальный путь личного освобождения, но и важное социальное действие, которое ограничивает и подавляет распространение социального зла. Все эти моменты очень важны для обеспечения протекания психологически здорового процесса личностной идентификации. Если же пострадавший попытается непосредственно отбросить вместе с «теневыми склонностями» нечто ценное в своей личности, то на самом деле это приведет лишь к консервации травмы, поскольку ретрорефлексивно отвергаемые части личности неизбежно сохраняют внутренние связи с остальной ее сферой (*Перлз Ф.*, 1995). Это как раз и был тот тупиковый путь морализаторства в понимании процесса развития личности, который сейчас окончательно истребляется атаками психотерапии.

Задача консультанта в рамках социально-гуманистического подхода заключается именно в том, чтобы помочь пострадавшему необратимо преодолеть теневые склонности его

личности, сохранив все ее позитивно-уникальные стороны. Личность действительно развивается только тогда, когда вбирает в себя социальные противоречия и проблемы, ищет в себе силы для их решения. Но это не значит, что данные противоречия должны становиться ее *индивидуальными внутренними конфликтами, которые отстраняют и отделяют ее от общества людей*, опасно поглядывающих на пострадавшего, как на больного СПИДом. В форме травматического конфликта изначальное социальное противоречие становится неподвижным, как бы мертвым, порождая лишь фейерверк защитных импульсов¹.

Пережив психологическую травму на родной земле, человек в отчаянии хочет покинуть ее, перестает любить знакомые и ранее милые сердцу уголки родного города или села. Чтобы избавиться от травматической боли, он делает то же самое, что пострадавшим предлагается мысленно сделать во время сеансов НЛП. Работа с *образами* травматической ситуации в социально-гуманистическом консультировании направлена на то, чтобы из картины горестного воспоминания, «помещенного в рамку», ушел лишь психологически побежденный персонификатор, а чувство любви к своей земле («к родным березам!»), напротив, должно окрепнуть и усилиться. Именно пострадавший, а не его персонификатор должен чувствовать себя истинным хозяином там, где он испытал боль и унижение.

В образе Сони Мармеладовой Ф. М. Достоевский прекрасно показал, что, несмотря на торжество социального зла, которое загнало ее в самый гнусный угол «выживания», оно, тем не менее, бессильно поразить саму личность. Личность остается неуязвимой в отношении бурлящего вокруг социального зла, если это зло предварительно не «склеилось» с самой личностью на каком-то незаметном участке «психологического поля»², связанного с неопределенностью личностного

¹ Радоваться этому процессу и поощрять его, наверное, не более разумно, чем руководствоваться «хунвейбиновскими» лозунгами в деле социального прогресса.

² Если использовать терминологию К. Левина (*Левин К.*, 2000).

развития индивида, с временной потерей ориентиров его дальнейшей социализации. Последнее обстоятельство обусловливает маргинальность социальной и внутренней личностной позиции индивида.

Например, давно известно, что если в семье никто не сквернословит, то обороты из словаря «неудачника» (Берн Э., 1988), принесенные ребенком из детского сада, уже на второй-третий день легко «отлипают» от образной, эмоционально чистой, ясной и выразительной детской речи.

Социально-гуманистическое понимание психологической травмы направлено непосредственно на решение проблем *посттравматической идентификации* пострадавшего. Анализ содержания этого понятия вовсе не нуждается в терминах аналитической психологии (Юнг К., 1994) или терминологии теории поля (Левин К., 2000). Но нам хотелось показать, как хорошо «просвечиваются» эти понятия в русле социально-гуманистической проблематики. Образы, связанные с ними, могут вполне успешно использоваться и практически, в общении с пострадавшими на первых этапах консультирования, не в ущерб гармоническому единству понятийного аппарата, которым оперирует сам консультант.

Социально-гуманистический психолог рассматривает травму, прежде всего, как результат недостаточной социализации индивида, запаздывания развития каких-то ее сторон. Вторым фактором риска он полагает дисгармоничность в развитии личности. Неравномерность развития психики закрепляется во внутренних установках и становится барьером обретения единства и целостности личности. И напротив, позитивным фактором, способствующим предупреждению психологического травматизма, является ранняя гармоническая (Додонов Б. И., 1978, 1981) социализация индивида. В частности, отечественными педагогами давно замечено, что общественно ценный, добавим, творческий труд является важным условием укрепления психологического здоровья личности.

Иногда, при поверхностном наблюдении, создается впечатление, будто личность менее уязвима к травме в случае, когда все стороны личности почти равномерно недоразвиты. На самом деле такая личность беспрерывно цепляет и «накручивает на себя» такой слой *потенциальных* травм, что ее дальнейшее личностное развитие катастрофически блокируется. Работа с такими пострадавшими, которые непосредственно пока не ощущают своих личностных утрат, представляет наибольшую сложность для консультирования. Особенно, если они составляют большинство в подростковой группе, из которого к тому же выделяются неформальные лидеры.

В современных социальных условиях травма стала массовым явлением, статистической нормой: терроризм, покушения на личность и имущество, шоковая терапия и т. п. Социальные невротики стремятся возложить вину на пострадавшего за любые отклонения от существовавших ранее реально, а сейчас фактически номинально правовых и моральных норм. На всех пострадавших от их действий они пытаются возложить вину за то, что те не вели себя подобно Швейку в специально созданной ситуации групповой манипулятивной игры.

В этих условиях против интересов пострадавшего «играет» понятие «предрасположенность». Дескать, из всех овец волк выбирает самую слабую и глупую. Такой «социальный дарвинизм» берет свое начало, во-первых, от полного невежества в вопросах межвидового взаимодействия животных, а во-вторых, от понимания «предрасположенности» как абсолютно отрицательной переменной. Однако такой однозначности в оценке того или иного личностного новообразования просто не существует. Даже социальный невротик оказывается затребованным на той стадии развития общества, когда требуется разрушение отживших отношений. В этот момент социализированные личности — в силу их повышенной социальной ответственности — не в состоянии возглавить процесс назревших социальных преобразований. Они отдают себе отчет в возможной катастрофичности непроду-

манных действий, поскольку в условиях отсутствия плана демонтажа социальной системы метод социальных проб и ошибок всегда обретает выраженную тенденцию к его превращению в практику своекорыстных и губительных для общества авантюр.

Выделение «слабости» и «глупости» как необходимых и достаточных причин травматизации пострадавшего выгодно только преступным элементам, но никак не обществу, которому криминал пытается навязать свое видение процесса психологической травматизации пострадавших. Во-первых, «слабость» человек может чувствовать потому, что видит себя одиноким перед лицом сплоченного криминала, который имеет силовую поддержку со стороны государства (известное «крышевание» в органах МВД) и солидную моральную поддержку со стороны либеральной идеологии (культ «личного успеха» на пути неограниченного присвоения общественной собственности). Представители Санкт-Петербургской преступной группы не просто убивали одиноких стариков, чтобы приватизировать государственные квартиры. По словам следователя, человек просыпался утром и не знал, что именно на этот новый радостный солнечный день уже давно назначена (заказана) кремация его тела.

Все, кто был знаком с правдоподобно — для среднего участкового милиционера и замотанного дежурного врача — умершим: соседи, старые знакомые, дальние родственники, которые только изредка навевались к старикам, и т. д. — становятся жертвами психологической травмы. Психологически вообще не может быть и не бывает «одиноких стариков». Это чисто юридический термин, который более близок криминалу, чем законопослушным гражданам. Пострадавшие просто боятся пойти в милицию, полагая, что найдут там если не сообщников, то уж никак не защитников свидетелей от мести криминала. По большей части они вынуждены всю оставшуюся жизнь нести груз вины перед убитыми.

Вот это чувство вины и отделяет их от социальных невротиков. Конечно психотерапевты — при наличии доста-

точных материальных средств у «клиента» — могут помочь пострадавшему избавиться от этого, в данном случае вовсе не деструктивного чувства. Хотя в большинстве других травматических криминальных ситуаций именно это чувство вины и является тем рычагом, который помогает персонификатору установить взаимоотношения психологической власти над жертвой и добивать ее, пытаясь вытянуть не только оставшееся имущество, но и все моральные и духовные силы, необходимые ей для элементарного выживания. Не только «слабость и глупость» жертвы, над которыми легко потом мог бы посмеяться и сам пострадавший, как это и бывает в криминальной среде, являются основными причинами криминальной травмы. Часто причина травматизации оказывается совсем в другом, в частности, в том, что социализированная личность пристрастна к ценностям, которые для потенциального персонификатора являются лишь знаемыми, т. е. совершенно лишенными эмоционального содержания и смысла. Поэтому социализированная личность и оказывается уязвимой для представителей криминала, которые в моральных терзаниях жертвы, спровоцировавшей на себя криминальную агрессию, способны видеть только страх перед наказанием или перед самим персонификатором. Грубо упростив схему травматической ситуации, можно сказать, что персонификатор навязывает пострадавшему взаимоотношения власти, пресекая его сущностные связи со смыслообразующими ценностями¹.

¹ Можно романтизировать эту схему, сказав, что преступник ловит жертву за крылья, как лиса могла бы поймать «гадкого утенка», пока он ходил по земле, кланялся курам и чувствовал свою вину оттого, что на скотном дворе он «не такой, как все», совершенно не умеет жить и думать, как утки и индюки. Можно представить эту ситуацию и в комическом свете, как это и делает в защитных целях криминал: «Глупый павлин распустил хвост, а я за хвост его и зацепил. Без хвоста-то он выглядит не лучше курицы!» Если продолжить этот сравнительный ряд, то отличие персонификатора от хищника из мира животных можно увидеть в том, что первый сам предусмотрительно постарался избавиться и от крыльев, и от хвоста, чтобы стать неуязвимым при отражении агрессии. Разумеется, ни летать, ни радовать людей красотой живописных «нарядов» и изяществом «танцев», он уже не в состоянии.

Смысл криминальной психологической травмы, переживаемой пострадавшим, вовсе не в тех целях, которые сознательно ставил перед собой персонификатор, а в тех средствах, которыми тот пользовался. В результате психологической травмы под угрозу ставятся жизненные ценности пострадавшего, о которых персонификатор иногда и понятия не имеет. Порой он не ценит даже собственного здоровья и жизни, не понимая, зачем они вообще нужны вне процесса постоянного веселья или наркотического бреда. Поэтому спокойно и расчетливо бьет ногой по почкам жертвы. Интуитивно он хочет навязать своей жертве такие же условия распада личности, в которых сам воспитывался, выживал и адаптировался. Дети, которых жестоко заставляют попрошайничать, озлобляются на «жадных взрослых» и потом, в подростковом возрасте, оказываются готовы «со спокойной совестью» грабить и убивать любых встречных, несущих выражение той же напускной занятости и равнодушного отказа. Тех же, кто «подает» им, они глубоко презирают, проницательно замечая слабость воли, уступчивость напористой агрессии, импульсивную доверчивость или демонстративно проявляемое сострадание. В этом и состоит социальная опасность (социальное зло) попрошайничества, формирующего массу законченных социальных невротиков. Такая система воспитания криминальной личности развивалась и сохранялась веками в ряде субкультурных и контркультурных ниш. Симптоматично, что в наше время степень толерантности к попрошайничеству, как и ко всему криминалу в целом, поистине не знает границ.

Одна из противоречивых сторон переживания психологической травмы состоит в том, что сквозь призму взаимоотношений власти пострадавший видит угрозу или гибель ценностного и смыслообразующего содержания своей жизни, а персонификатор смотрит на разрушение общественных отношений и связей личности с обществом как на разрывы в «новом платье короля». Поэтому пострадавший, как правило, оказывается в глубокой депрессии, а персонификатор со-

храняет тот максимальный уровень веселья, жизнерадостности и остроумия, на который он способен.

В процессе ранней социализации индивида можно выделить два противоположных по знаку момента. Усвоение *ценности любви* к человеку «как образу Божьему» может быть продолжением *любви к авторитарным* родителям. При таких предпосылках в переживания пострадавшего легко внедряется тот самый смертоносный психологический вирус, о котором мы говорили выше. Место любимого авторитарного родителя властно занимает (инсталлируется в его психику) персонификатор. А пострадавший продолжает вести внутренний диалог с ним как со своими родителями, постоянно оправдываясь, защищаясь, надеясь на достижение редкого, но все-таки иногда достижимого в узком семейном кругу понимания и любви.

Эта нацеленность на достижение любви, кстати, является типичной ошибкой в разрешении многих межличностных конфликтов. Инфантильное ожидание понимания, которое выражается в компульсивных попытках «все объяснить» враждебно настроенному оппоненту, и есть не что иное, как проявление потребности в любви¹. И со стороны такого пострадавшего, компульсивно добивающегося понимания со стороны персонификатора, предполагается — в качестве необходимого условия посттравматической реабилитации — решение дополнительной задачи: осознание позиции сверхтребовательности своих родителей (Столин В. В., 1983), т. е. позиции преимущественного отвержения в сочетании с надеждой на необходимую ребенку любовь, ради которой тот готов идти на все мыслимые и немыслимые жертвы.

Да, в ситуации травмы пострадавший часто руководствуется амбивалентными мотивами, выбор которых подвергается воздействию разрушающего влияния страха, провокаций, специальных манипулятивных приемов со стороны реальных персонификаторов. К тому же жертва может

¹ Конечно, можно, вслед за К. Хорни, считать ее защитной. Но в данном случае это особая защита, которая, в отличие от множества других случаев, **никогда** не обеспечивает эффекта реальной защищенности.

находиться в состоянии очередного возрастного кризиса, нервного истощения, отчаяния и т. п. Если человек не социальный невротик, то это не значит, что он аутентичная личность или шизоид, демонстрирующий строго нормативное поведение. Он просто нормальный человек: не клинический и не социальный невротик. Пострадавший продолжает путь самореализации, несмотря на блокированность всех остальных видов потребностей, которые в известной пирамиде А. Маслоу (1997) лежат ниже уровня самоактуализации и удовлетворение которых является, по мысли автора, ее необходимым условием.

Представители генетического гуманизма (*Маслоу А.*, 1997; *Роджерс К.*, 1999; *Мей Р.*, 2002) не допускают такой возможности. Поэтому общество предстает в их описании миром, расколотым на две части, которые не соприкасаются друг с другом, отделены какой-то непроницаемой перегородкой. С одной стороны, в обществе процветают вполне благополучные самоактуализирующиеся личности, а с другой — клинические невротики, которыми занимаются психиатры и психоаналитики. Правда, в обществе и на самом деле есть такая страта, в которой довольно часто встречаются индивиды, далекие от социальной жизни и интересов общества. У них почти не сформированы смыслообразующие созидательные ценности. Поэтому они представляют себя живущими не в обществе, а в мире свободных межличностных отношений. Если травма застигает пострадавшего на подобном зачаточном уровне социализации и развития собственной личности, а ее негативные последствия вдобавок еще и консервируются подоспевшими психоаналитиками, то он неизбежно превращается в индивида, демонстрирующего весь невротический букет патологической адаптации.

Клинический невротик действительно может страдать всю жизнь от своих импульсивных сексуальных действий в раннем детстве (*Фрейд З.*, 1989), которые впоследствии стали для него необъяснимой загадкой и затем, в подростковом возрасте, легли грузом вины.

Еще больше индивидов страдает от «фиктивных целей» (Адлер А., 1993), сформированных в пятилетнем возрасте. Ощущение «богоподобия» проявляется в компульсивных ритуальных действиях невротика, которые не несут никакого реального социального или адаптивного смысла. Они направлены на достижение и сохранение гомеостаза и внутреннего комфорта. Клинический невротик почти обречен в сложившихся патологических условиях, которые он сам и воспроизводит, прожить всю свою жизнь манипулируемым слабовольным субъектом, который всем подчиняется и всем угождает. Этот «гадкий утенок» мечтает, но никогда не станет андерсоновским «лебедем», если не предпочтет отношениям власти отношения любви.

У социального невротика (точнее, флеганта) стремление к власти имеет совершенно другую природу и качество. Не способный к созиданию, он не столько находит, сколько получает в подарок способ *быть полезным обществу*¹. Прежде всего, для родителей, которым он всегда был не просто «полезен», а крайне необходим, стал смыслом их жизни. Они постоянно, радостно и гордо, подчеркивали, что без него просто не смогли бы дальше жить. С самого раннего детства, «практикуясь» на ближайшем окружении, и в первую очередь на родителях, он обучался присваивать себе созидательные способности окружающих.

Эта логика хорошо высвечена уже в работах А. Адлера (1993, 1997) и, особенно, Э. Фромма (1992, 1994, 1995). Но они несколько увлеклись противопоставлением стремления к созиданию, с одной стороны, и стремления к власти — с другой. Странно, что даже Э. Фромм, провозгласив своей сознательной целью переосмысление идей З. Фрейда на почве марксистской методологии и действительно много сделав для этого², прошел мимо того диалектического положе-

¹ Это еще один парадокс, с которым имеет дело консультант.

² Во всяком случае, Э. Фромм сделал в этом направлении больше, чем сотрудники сотен кафедр марксистской философии в нашей стране, нашедшие впоследствии свое призвание в огульной критике марксизма или желтой политологии.

ния, что противоположности разрывать нельзя. Именно они рассматриваются в классической немецкой (*Гегель Г. В. Ф.*, 1973) и марксистской философии в качестве основы живого развивающегося единства. Как подчеркивал наиболее видный методолог отечественной психологии Э. В. Ильенков (1991), если вы в своем теоретическом анализе разорвали противоположности, то потом никакими системными ухищрениями вы их уже «не склеите».

Надо учитывать хитрую диалектику самого общества, на кризисном этапе развития которого всегда требуется разрушение отживших общественных отношений. Поэтому социальный невротик, будучи совершенно равнодушным к судьбам конкретных людей, на определенном — смутном — этапе истории может восприниматься массами как прогрессивный деятель. И поскольку разложение социальных отношений — это своеобразное призвание социального невротика, то он в данных условиях оживает и проявляет неумную активность. Начинается эпидемия массового патологического развития личности. Социальный невротик становится наиболее доминирующим социальным типом, но не за счет своей распространенности, а за счет более легкой адаптации в ключевых сферах управления обществом. В этих сферах рассматриваемый социальный тип действительно начинает составлять большинство. Стремление к власти обеспечивает достаточную уверенность и решительность в процессе его деструктивной деятельности (*Фромм Э.*, 1994).

Но он умеет только разрушать. Психологически он заинтересован в бесконечном продолжении распада общественных отношений, оправдывая его абстрактными политическими идеями, которые легко находят отклик у некритически настроенных масс. Его трудно обвинить в некрофильской ориентации (*Фромм Э.*, 1992) социальной активности, подобно тому как нельзя обвинять молочнокислые бактерии в том, что в соприкосновении с ними молоко скисает. Он так психологически устроен и никогда не примет никаких аргументов и фактов, которые угрожают прервать процесс его

паразитирования на социальных отношениях. У него сформирована психологическая защита, подобная механизму вытеснения у клинического невротика.

В созидательные периоды развития общества, когда разрушение общественных отношений перестает быть социально затребованной деятельностью, социальный невротик не теряет своей активной общественной позиции. Но степень откровенной «некрофильности» (Э. Фромм) значительно понижается. Его планы действительно могут достигать определенных социально значимых — и даже позитивных — результатов, но, конечно, только за счет манипулирования другими людьми.

Его стремление к власти практически затребовано любым обществом в сфере управления. Но, разумеется, социальный невротик только частично — и не самым лучшим образом — обеспечивает потребность общества, организации или группы в управлении. Просто он лучше других адаптируется к системе управления, чувствуя себя в ней как рыба в воде. Он — типичный карьерист, использующий таланты и способности других для того, чтобы подниматься вверх по служебной лестнице. Его отличает именно эта полная неспособность усомниться в своем «праве» — использовать способности других в личных целях, поскольку с самого детства он именно так относился к собственным родителям, склонным к гиперопеке.

От талантливого управленца социальный невротик отличается полным пренебрежением к проблемам организации, ради решения которых в свое время и была создана управленческая структура. Его поведение похоже на поведение психопата, но отличается большей когнитивной сложностью, изворотливостью и полным отсутствием каких-либо определенных принципов, как моральных, так и профессиональных. Дальнейшая стабилизация общественных отношений оставляет ему для душевного равновесия только поле машинообразной безличной бюрократии¹. Соприкосновение с любыми жизненными проблемами, что неизменно приводит к сбою в работе чет-

¹ Э. Фромм справедливо считает любовь невротика ко всему машинообразному проявлением тенденции к «некрофилии».

ко и безукоризненно работающей бюрократической машины, которая уже давно его усилиями работает сама на себя, доставляет социальному невротiku болезненное ощущение оскорбленности его эстетических чувств и вызывает «праведный гнев» на головы «противников прогресса» и т. п.

В области культуры и искусства социальный невротик не может ничего создать, но с большим энтузиазмом берется уничтожать, издеваться, высмеивать классические образцы и памятники и, особенно, кумиров прошлого, пренебрегая тем, что «кумир поверженный — все бог». Он стремится опозлить, принизить все существующие ценности: любовь, дружбу, патриотизм, самопожертвование героя, бескорыстную преданность искусству. Его легко отличить по главному признаку — паразитированию на вершинах человеческой мысли, культуры и духа.

В криминальной среде социальный невротик компульсивно стремится подчинить себе более ловких, превосходящих его в физическом и умственном отношении субъектов и использует их способности по преимуществу для укрепления собственной власти. Что касается «психологии и психопатологии обыденной жизни», то и здесь открывается не менее обширная область типичных поведенческих проявлений. Социальный невротик заставляет всех зависимых от него людей «делать добрые дела» и получает за это признательность и благодарность других, ради блага которых он якобы и старается. К примеру, в транспорте он грубо сгоняет молодую девушку, сидящую рядом с незнакомым ей крепким парнем, чтобы усадить пенсионера. А «любящая мать» систематически и демонстративно заставляет отца — за счет его жизненно важных потребностей — компенсировать финансовую беспечность сына. Родители заставляют подростка сходить с младшим братом в зоопарк, вместо того чтобы разрешить ему необходимый отдых и общение с друзьями, укрепить здоровье на катке и т. п. Поведение социального невротика похоже на поведение пациентки, описанное Э. Берном в примере сценария «Красной шапочки»: «Покормите собаку!» и т. п. («Вон там волки, убейте их!»).

Социальная среда традиционно рассматривалась в психоанализе как враждебная. Поэтому даже такой социально ориентированный представитель этого теоретического направления, как Э. Берн (1988), который, тем не менее, восторженно почитал З. Фрейда, не видит в открытых им самим типах и видах жизненных сценариев никакого другого социального смысла, кроме семейного «клонирования» судьбы. Но групповое поведение всегда формируется в определенных социальных условиях и именно в осознании связи с ними обретает свой истинный смысл. Так, за «сценарием Сизифа» просвечивается, к примеру, образ жизни огромных масс людей; и не только в Америке и Европе: вся древняя и средневековая история России также была борьбой людей за выживание. Частые опустошительные войны уничтожали все деревянные строения, которых было подавляющее большинство. Не выдерживал и камень. А в середине XIX в. русские моряки, защитники Севастополя, ежедневно восстанавливали за ночь разбомбленные интервентами редуты, восхищая своим нечеловеческим ратным трудом французов и англичан. Это в Западной Европе можно видеть целые города, уцелевшие с XII в.

От самых древних времен и до смутного времени конца XX и начала XXI в. неизменно повторялось то же самое: пострадавшие люди, сразу после военных пожаров, начинали снова возрождать города и села на месте пепелищ. Такая стратегия и такое оптимистическое отношение к жизни, конечно, не могут рассматриваться как бессмысленное воспроизведение одного и того же «сценарного итога». Это, напротив, признак жизненной стойкости, логически вполне обоснованный путь формирования особого образа жизни. Деятельность масс людей была в материальном отношении достаточно аскетична: нацелена на обеспечение лишь того необходимого минимума, который вполне достаточен для развития духовности и культуры¹. Примечательно, что все богатство просторной деревянной избы жителя России века-

¹ Сравните поместье Мамонтова в Абрамцеве с дворцами никому не известных современных деятелей.

ми хранили в единственном сундуке, который легко и быстро можно было вынести в случае пожара.

Точно так же, как и за сценарием Сизифа, за каждым устойчивым народным или семейным психологическим «сценарием» надо видеть социальную реальность, породившую их. Мы убеждены, что выявленные таким образом социальные связи, условия и факторы не только полезно, но и необходимо осознать в процессе консультирования вместе с каждым пострадавшим.

Социальный невротик тоже может оказаться пострадавшим от действия различных видов враждебных человеку стихийных сил (землетрясение, цунами), войн, террористических актов или групповых бандитских разборок. И это особая проблема. В процессе консультирования этот типаж «виртуально» выступает в роли «персонификатора» при анализе переживаний пострадавших. Уничтожив в себе все признаки духовности, обесценив все, что делает человека человеком, оставаясь в полной зависимости от собственного стремления к власти, социальный невротик совершенно не может понять, что такого ценного он отнимает своими эгоцентрическими действиями у другого человека. И это не обязательно «отморозок» с криминальным прошлым. Среди социальных невротиков могут быть люди достаточно образованные и интеллигентные по внешней манере поведения. Но тех функциональных органов, которыми другие чувствуют искреннюю любовь к другому человеку, боль от унижения Родины и т. д., у них просто не сформировано.

Важно понимать и другую сторону развития личности социального невротика. Даже садист — это, прежде всего, несчастный человек и, может быть, даже самый несчастный (Хорни К., 1995). А «персонификатор» в реальности вовсе не мифический злодей, не олицетворение всех злых сил («инфернал»). Как правило, он сам когда-то стал жертвой травмы. Но поскольку травма застала его на том раннем этапе развития, когда высшие человеческие ценности им еще не были присвоены, не стали частью его «Я», то вместо пере-

живания травмы совершился *адаптивный выбор* готовых субкультурных форм защиты; как правило, с помощью родителей (семейная традиция, «сценарий» по Э. Берну) или сверстников из деструктивной подростковой группы. Социальный невротик уязвим и в отношении новых возможных травм, он не чувствителен только к боли, которую может причинять другим. От эмпатических сопереживаний его спасает *эгоцентризм*, который, в свою очередь, становится источником травматизации окружающих людей.

Психологическая травма, во-первых, — это всегда *взаимоотношения*, а не только их отражение в психике потерпевшего: следы и образы памяти, аффекты и прочие пункты общепсихологической «инвентаризации» личности, т. е. то, с чего всегда начинала психотерапия. Поэтому консультанту очень важно понимать, как именно пострадавший может обеспечить самостоятельность, независимость и самобытность своего собственного пути в любом избранном им направлении (ценность свободы развития), не опасаясь психологического и физического вторжения в этот процесс со стороны персонификатора.

Во-вторых, психологическая травма — это, как правило, *навязанные взаимоотношения* пострадавшего с *социальным невротиком*. Если на месте персонификатора оказывается понимающая, лишенная эгоцентризма и движимая ценностями любви и справедливости личность, то человеку, пострадавшему от его случайных действий, и консультирования-то никакого не потребуется. Да, физическая травма может оказаться необратимой, а вот любая психическая травма — при определенных условиях — оказывается вполне ценностно-обратимой.

В качестве таких необходимых первостепенных условий можно выделить: 1) готовность персонификатора пойти на те шаги, которые полностью восстанавливают личный и социальный статус пострадавшего; 2) понимающее отношение референтной группы пострадавшего и общества в целом, которое, к сожалению, в ряде случаев оказывается слишком

консервативным и нечувствительным к пониманию экзистенциальных проблем пострадавшего. Эту сторону консультирования довольно успешно, но односторонне начали разрабатывать представители экзистенциально-гуманистического направления в практической психологии (Маслоу А., 1997; Роджерс К., 1999; Мей Р., 2002 и др.), которое, на наш взгляд, точнее было бы назвать *генетическим гуманизмом*.

Для того чтобы действительно освободиться от груза прошлого, пострадавший нуждается в помощи персонификатора. Но при этом персонификатор сам предварительно должен обрести каким-то образом мощный импульс для своего развития. Только при этом условии он будет способен отказаться от использования травматической ситуации в качестве безотказного средства, обеспечивающего ему «подстройку сверху» над пострадавшим в рамках взаимоотношений власти. В свою очередь, персонификатор также объективно заинтересован в помощи пострадавшего. Чтобы возродиться как личность, он должен — подобно Нехлюдову — заслужить прощение жертвы или оказать ей такое содействие, которое дало бы пострадавшей личности реальную возможность вырваться из плена социально-травматических условий, угнетающих, деформирующих и уродующих ее.

В том случае, когда и пострадавший и «персонификатор» — оба являются социальными невротиками, развитие травматических взаимоотношений идет либо по линии эскалации травматического конфликта, непременно имеющего исключительно межличностную форму, либо по линии наращивания социальной невротичности пострадавшего, т. е. на пути его защитной субкультурной социализации.

При этом консультанту надо учесть, что персонификатор тоже может развиваться, и поэтому важно осознать вместе с пострадавшим один из ключевых моментов в процессе формирования посттравматической системы его отношений: как с необходимостью должен реагировать «здесь и теперь» персонификатор на свои поступки, приведшие к психологической травме другого человека. То отношение, которое было

«простительно» для более раннего возраста или в других социальных условиях, становится уже непростительным для взрослого человека или, к примеру, при возвращении общества к стабильному периоду своего развития, который неизбежно актуализирует задачу реставрации на новом уровне общественной психологии разрушенных ранее общекультурных социальных норм и ценностей. Осознание подобных изменений в социальных требованиях может дать важный материал для формирования такой гибкой защиты (копинга) от вероятных действий персонификатора, которая не задерживала бы личностный рост пострадавшего.

Ведь травма — это не только нечто произошедшее в прошлом, образ, хранящийся в памяти, и т. п. Известно, что именно в результате травматических событий даже грубый насильник парадоксальным образом — вместо ожидаемой (со стороны пострадавшей личности) реакции раскаяния — приобретает известную *власть* над жертвой, которой иногда откровенно цинично пользуется даже на суде, принуждая потерпевшую сторону отказаться от законных попыток обрести свободу от гнетущего ее психологического влияния. Даже если повторное физическое столкновение преступной личности с жертвой объективно маловероятно, психологически персонификатор постоянно присутствует в представлении пострадавшего на протяжении всего периода посттравматического стресса; а затем неизбежно навязчиво презентуется ему как в кризисные периоды развития личности, так и просто спонтанно-спорадически. Вот эта вероятность реального вмешательства в субъективный мир пострадавшего, даже ничтожно малая, является важным условием и одной из существенных составляющих психологической травмы. А стремление персонификатора к власти, в частности представителей криминала, иногда оказывается почти психопатическим явлением. Преступники убивают свидетелей вовсе не из-за страха быть пойманными. Они любят риск игры в «полицейские и воры» и порой даже специально оставляют следы, чтобы полиция могла начать погоню (Берн Э., 1988). Но им

просто непереносимо мучительно осознавать даже малейшую возможность зависимости от чьей-то свободной воли.

Психологическая травма постепенно прорастает в сознании пострадавшего переживаниями «безвозвратной» потери значимых для него духовных ценностей. Это очень важный момент в понимании сущности травмы. Ведь под личностным развитием мы, прежде всего, понимаем освоение жизнеутверждающих социальных ценностей и смыслов. Но в первых переживаниях пострадавшего отражается лишь необратимость случившегося, а не абсолютная недостижимость утраченных ценностей. В самых тяжелых случаях пострадавший, как правило, не имеет представления о других — доступных для него в процессе развития — ценностях, которые могли бы компенсировать болезненные потери и наполнить трагическую пустоту душевного мира новым содержанием, осветить его мрак радостным мироощущением полноты и осмысленности своего жизненного пути.

Свойство травмы — создавать барьеры на пути созидательной творческой деятельности — отмечали З. Фрейд (1989) и Э. Фромм (1992), подчеркивая противоположность «либидо» и «танатоса», «синдрома роста и синдрома распада». Смысловую же сторону травмы, как известно, наиболее продуктивно разрабатывал В. Франкл (1990).

Переживания пострадавшего отражают не абсолютную драматичность потерь, а их ситуативное значение относительно достигнутого к настоящему моменту уровню развития личности. Переживание побоев слабым ребенком, который никому из сверстников, и даже малышам, не может «дать сдачи»¹, и каким-нибудь бойцом восточных единоборств, который реально имеет возможность расквитаться со своими обидчиками или хотя бы противостоять подобным субъектам в будущем, протекает по-разному.

Юная девушка мечтает испытать радость и безмятежное детское счастье от ощущения своей необычной красоты и

¹ Это, по-видимому, является значимой составляющей необходимых условий формирования «комплекса неполноценности» (Адлер А., 1993).

обаятельности в подвенечном наряде, привлекающем к ней взгляды всех окружающих. Но в результате психологической травмы все атрибуты и детали свадебного торжества неизбежно становятся источниками ее душевной боли. Конечно, это не значит, что она теперь не в состоянии подняться на вершину человеческой любви и единства душевной жизни. Но о том, что надежда на счастье потеряна «здесь и теперь», сигнализируют ее переживания — правдивые до протокольности и обманчивые по поведенческому смыслу, которые всегда отражают не только «объективную» ситуацию, но и наличные духовные резервы пострадавшего. Как только она изменит свое отношение к травме и сделает первый шаг к обретению душевного здоровья — от панического бессилия к твердой решимости добиться победы, — сами переживания изменят свое качество. В этом отношении и требуется консультативная помощь, первым результатом которой является понимание пострадавшим активной (деятельностной) природы переживаний и истинного смысла своего травматического конфликта.

Приведенный пример, к сожалению далеко не единственный, иллюстрирует еще одну особенность консультативного подхода к травме. В психотерапии (Фрейд З., 1989; Адлер А., 1993; Юнг К., 1994; Хорни К., 1995; Мясищев В. Н., 1960 и др.) выделяются два условия, совпадение которых и приводит к формированию невроза: сама травма и особый путь развития личности, который называется невротическим. Во-первых, методологически ошибочным, на наш взгляд, является уже сам разрыв двух сторон, органическая связь и взаимодействие которых только и образует содержание проблем консультирования. На наш взгляд, само отнесение конкретной травматической ситуации к классу травм не может быть осуществлено по чисто формальным признакам, без учета особенностей развития личности пострадавшего.

Во-вторых, и невротическое развитие точно так же может быть определено только относительно условий, препятству-

ющих успешному выходу пострадавшего из травматического кризиса, которых практически бесконечное множество. Но если учесть, что невротичность в современном обществе — это статистическая «норма», то реальное значение в решении проблемы профилактики и преодоления последствий травмы начинает иметь достаточно разветвленный массив условий, рассматриваемых во взаимосвязи с особенностями «травмогенной» ситуации, а не стандартный набор симптомов.

Переживания этой ситуации могут консервироваться, «созреть», деформироваться и проявляться в совершенно других внешних и внутренних условиях, по сравнению с теми, в которых были впервые презентированы пострадавшему. Конечно, рассматривая эти условия, мы не должны допустить, чтобы проблема растворилась в их множественности. Изменчивость травматических условий и приобретение ими *невротического значения* определяются глубинными закономерностями, которые мы и пытаемся здесь выявить. Все дело в том, что эти условия не являются безличными факторами, действующими «сами по себе», а приобретают «невротическую валентность» именно в связи с особенностями личности пострадавшего и персонификатора.

Элементы одной из возможных групп условий, с точки зрения психотерапии, вообще не содержат в себе ничего невротического. Их единственная общая особенность — недостаточно высокий уровень развития тех сторон личности, опираясь на которые она впоследствии только и могла бы получить возможность «сбросить груз прошлого». В том числе и отмеченная выше сентиментальность, которую уж никак нельзя назвать стороной некоего особого невротического развития.

Другая группа условий отличается противоположностью психологического содержания. Именно высокое развитие личности, ее пристрастность к социальным и культурным ценностям делают личность особенно уязвимой к травматическо-

му взаимодействию, а в периоды перестройки социальных отношений, фактически, определяют ей роль жертвы¹. Но такую гиперсоциализированность и охранительную ответственность личности тоже нельзя априорно связывать с неким патологическим процессом, классифицировать в качестве «отклонения от нормы», которое в интересах дальнейшего развития личности требует срочной коррекции. Психолог-консультант не имеет права способствовать превращению общества в сплошную и беспросветную субкультурную криминальную среду. Действительно патологичными можно скорее считать, если воспользоваться терминологией Э. Берна, особенности развития не самой жертвы, а ее преследователей, социальных невротиков, которые почему-то гораздо чаще, чем пострадавшие, воспринимаются психотерапевтами в качестве «нормы».

Да, представитель криминала, испытывающий потребность в поддержании своего тонуса проклятиями обманутых жертв, может находиться в состоянии эйфории. Он, как правило, не ощущает проблем, о которых ему хотелось бы поговорить с психологом². Но это не значит, что у личности, пострадавшей от его действий, мы должны проницательно предполагать возможность «раннего невротического развития», а социального невротика, напротив, считать «нормально развивающимся».

Личность может развиваться в таких условиях, когда она привыкла брать на себя весь груз групповых и социальных проблем. Это не только «комплекс неполноценности», проявляющийся, в частности, в ощущении окружающих, что если бы данная личность была включена в наблюдаемую ею драматическую ситуацию, то непременно в привычной роли «крайнего». «Больше некого», — чувствует и сам такой человек. Ведь лидерам и другим членам его социальной группы, взявшимся разыграть эту ситуацию в ролях, отправить на страдания кого-то другого было бы эмоционально тяжелее

¹ Это очень похоже на большую уязвимость культурных сортов плодовых растений по сравнению с дичками к болезням и вредителям.

² Как в черном анекдоте: «Три старушки — и бутылка!»

или просто невыносимо. Даже если за этими представлениями стоит полное отсутствие со стороны потенциальной жертвы стремления к лидерству и, как следствие, низкий межличностный статус в первичной группе, такие люди со временем начинают выполнять важную функцию своеобразных «рецепторов социальной боли» в общественном организме. В дальнейшем эта функция может стать для личности важным условием поиска и обретения жизненного смысла. И с этого момента ее уже нельзя рассматривать как некую патологическую странность, препятствующую процессу социальной адаптации.

Так, вся поэзия Н. А. Некрасова одухотворена истинно человеческим ощущением чужой боли и состраданием. Как представитель элиты, он мог бы не обращать внимания на неизбежные в условиях больных общественных отношений драматические роли и травматические переживания, которые лично ему реально совершенно не угрожали. «Найдется другой, чей статус в группе самый низкий, которому и суждено испить чашу лишений, страданий, унижений», — так думают многие и спокойно проходят, расточая либеральные фразы, мимо тех, кто повержен и подавлен. Кто-то должен для них и за них выполнять какую-то грязную каторжную работу, о прекращении которой — пусть даже в отношении самого малого круга несчастных, но все-таки пока существующей — им просто некогда подумать. Им достаточно знать, что это не они, что это «не для них». Так что же, выходит, это и есть спокойная и адаптированная норма? Это и есть психическое и психологическое здоровье?

Цунами уносит жизни сотен тысяч людей. Истинно здоровые личности ужасаются, сопереживают, помогают в беде. Но есть такие, которые активно бросаются использовать чужую беду в качестве своих «новых возможностей»: занимаются мародерством, продажей сирот для рынка педофилии и детской порнографии¹. Мы убеждены, что именно эти крайне выраженные криминальные типы, которые воспринимают боль другого как необходимое условие собственного бла-

гополучия, и есть настоящие социальные невротики. А действительной человеческой нормой являются как раз первые, которые всегда ставят себя на место жертвы и именно с такой точки зрения оценивают социальную ситуацию, результаты «прогрессивных общественных преобразований» и т. д.

Травма вообще не может рассматриваться в качестве результата простой конвергенции двух факторов: наличия невротической личности и эмоционального шока. Самым существенным в понимании сущности психологической травмы является блокирование жизненных смыслов пострадавшего. К сожалению, самой уязвимой стороной в этом отношении, в отличие от типичного социального невротика, оказывается подчас наиболее развитая и глубоко социализированная личность. Тем более, как уже отмечалось выше, травма не может пониматься и как чисто внешнее воздействие какого-то фактора из стандартного ранжированного перечня, составленного социологами или криминалистами.

Конечно же, есть определенное ядро уязвимых для каждой личности смыслов и социальных связей, разрушение которых неизбежно приводит к травме. Но на самом деле травматические обстоятельства представляют собой некую субъективно-объективную «воронку», расширяющуюся по мере развития личности. В ее основании лежат наиболее вредоносные факторы, которые с необходимостью травмируют личность, независимо от уровня и особенностей ее развития. Но даже здесь возможны исключения, которые не стоит рассматривать лишь в качестве курьеза или небольшой статистической погрешности. Дело в том, что эти исключения проливают свет на сущность других, менее болезненных, но более массовых психологических травм.

Возьмем, к примеру, внешнюю угрозу смерти для человека, решившего покончить жизнь самоубийством, или потерю родственника преступником, хладнокровно убившим своих родителей. Для последнего, при достигнутом ко времени совершения преступления уровне личностного развития, ак-

¹ То же самое наблюдалось и при распаде Советского Союза.

туально «травматично» лишь пребывание в колонии строгого режима, усиленное осознанием пожизненности срока заключения.

В то же время почти каждое взаимодействие в межличностных отношениях может превращаться из позитивного или нейтрального события в травму. Такая динамика особенно характерна для интимных сторон жизни личности, которые неизбежно, в силу своей специфики, недостаточно социально регламентированы. Так, например, в сексуальной сфере, несмотря на бурный вихрь антикультуры в период сексуальной революции, за бросающимся в глаза полем запретов или, напротив, поощрительных санкций остается громадная область, до сих пор нормативно почти не освоенная.

Всю историю человеческой культуры здесь царили манипулятивные игры (Берн Э., 1988). Современные подростки оказываются одинокими и беззащитными перед лицом открывающихся перед ними проблем половой идентификации точно так же, как и сотню лет назад. Разрушение системы ранее более строгих норм практически ничего не дает им в этом отношении. Ситуация несколько не прояснится, если часть подростков мы назовем невротическими личностями. Точно так же, если у З. Фрейда не было достойного отца, с которым он мог бы в своем стремлении к личному достоинству, славе или превосходству идентифицироваться, то это еще не значит, что он был невротической личностью. Социальное зло поразило семью и межличностные отношения талантливой и бурно развивающейся личности. Кроме проблемы идентификации подростку открываются и другие «сюрпризы». Ранее надежная интуиция, абсолютное доверие к которой было сформировано на протяжении всего предпубертатного периода развития личности (Юнг К., 1994),¹ неожиданно, но неизбежно и тенденциозно дезориентирует значительную часть каждого нового поколения подростков. Интуиция действительно «компенсирует то, что вы не можете ощутить, почув-

¹ «Обладая интуицией, вы обычно не вдаетесь в детали, стараясь воспринять ситуацию в целом, и тогда, внезапно, нечто вырисовывается из этого целого» (Юнг К., 1994. С. 23).

ствовать или осмыслить из-за недостатка реальности» (Юнг К., 1994. С. 21), но только в условиях, тождественных тем, в которых она формировалась, а не в совершенно неизведанной области, в которую вступает подросток.

То же самое можно сказать и об адаптивной функции развитых к этому периоду чувств. А интеллект подростка, мы прекрасно это знаем, вообще развивается в условиях мировой системы образования¹ только для решения будущих профессиональных — индустриально-технократических, формально-логических и вычислительных — проблем, к которым средний ученик, как правило, не испытывает никаких теплых чувств. Видимо, именно это обстоятельство и послужило основой для выделения К. Юнгом интеллектуального типа личности, совершенно беспомощного в области человеческих чувств [Там же. С. 24].

Что касается сексуальной революции, то она, с «благословения психоанализа», только крайне упростила половые взаимоотношения и, несомненно, не столько решила важнейшую психологическую проблему, сколько прошла мимо нее. Она создала условия для регламентации лишь примитивного уровня общения, пренебрегая духовным (Добрович А. Б., 1987) как отжившим, фантастическим, идеализированным, религиозно табуированным и т. д. Но на примитивном уровне вообще не может проявляться никаких психологических травм, «если руки-ноги целы», если «от тебя не убыло» и т. п. Такое мироощущение всегда, видимо, породило то плоское разнообразие садистской фантазии, которое наиболее ярко проявилось в средневековых публичных расправах победителей с их врагами².

При анализе сексуальной подростковой травмы открывается целый ряд переменных, которые были вне поля зрения при либидозной исследовательской фиксации. Нормативная неосвоенность этой сферы делает развитое мышление

¹ В том числе, хотя и в меньшей степени, и в нашей стране.

² Парадоксально возрождение этой криминальной изобретательности вместе с активной работоторговлей в наше официально провозглашенное «время перехода от тоталитаризма к демократии и гуманизму».

подростка бессильным даже в том случае, когда его интеллект достиг уровня освоения формальных операций: отсутствуют необходимые понятия, которые могли бы обеспечить категоризацию проблемных условий на конструктивных уровнях общения (Добрович А. Б., 1987): конвенциональном, игровом, деловом и, прежде всего, духовном. Точно так же навыки произвольного поведения, приводившие к неизменному успеху в детстве, в подростковом возрасте не только оказываются бесполезными, но и могут стать своеобразными барьерами социальной адаптации. А профилактика формирования перверсий в подростковом возрасте вообще лежит в противоположной стороне от анатомо-физиологического просвещения в духе сексуальной революции.

Усвоение примитивных эротических трансакций типа: «Я тебя хочу!» — не обеспечивает необходимой ориентировки на духовном уровне. Попав в орбиту высших человеческих ценностей, такой индивидуум оказывается дезориентированным, поскольку вооружен (и ограничен) лишь скудным анатомо-физиологическим словарем, бессильным для полноты отражения психологического содержания¹.

Превращение нейтрального или просто неприятного и болезненного события в травму зависит от таких понятий, как «инициатива», «справедливость», «игра», «обман», «принуждение» и т. д. Пожалуй, ключевым здесь является понятие власти, которое, несмотря на глубокие классические исследования А. Адлера (1993) и Э. Фромма (1992) часто смешивается и растворяется в близких, но не тождественных понятиях: «влияние», «воздействие», «превосходство» и т. д.

Логика сравнительного анализа содержания процессов психотерапии и консультирования (Красило А. И., 2004) подвела нас к выводу, что консультант, в отличие от психотерапевта, во-первых, оказывает помощь не только невротичу, но — и даже в первую очередь — *социализированной личности*.

¹ Видимо, поэтому подростки бывают так избирательно восприимчивы — вместо более глубоких психологических переживаний — к механизированным описаниям физиологических реакций, вроде того, как «сердце остановилось, постояло немного и снова пошло».

Во-вторых, он работает не с клиническим, а с *социальным невротиком*. Этим и определяются в конечном счете различия в содержании и форме сравниваемых процессов. Причем, если воспользоваться терминологией Э. Берна, социальный невротик одинаково «успешно» может выступать и в роли «преследователя», и в роли «жертвы», взаимодействие которых анализируется нами как развитие *взаимоотношений* пострадавшего и персонификатора.

Хотя различия между клиническим и социальным невротиком достаточно четко выражены, между ними нет непреодолимой границы. Какой-нибудь психопат, который готов идти «с ножичком» хоть на паровоз, будет прекрасно адаптирован к криминальной среде, паразитирующей на разложении социальных отношений. Такие персонажи, как правило, хорошо справляются с функцией лидера примитивной группы, подчиняя и эксплуатируя окружающих. Патологическое развитие их характера обеспечивает формирование своеобразных суррогатов позитивных лидерских атрибутов, которые обращаются в криминальной среде в качества, необходимые для адаптации преступной личности в условиях примитивной группы. Бездумное «бешенство», неспособность сдерживать свои эмоции обращаются в «смелость» и «решительность»; эгоцентризм и стремление к власти оцениваются внушаемым окружением как «сила воли» и т. д.

Но травма не просто «игра третьей степени» (Берн Э., 1988). Таковой она поначалу представляется только крайнему индивидуалисту, не осознающему, что затронута социальная сущность его личности, что ситуация вынуждает отказаться от ряда духовных ценностей, истинного значения которых для своей личности он пока не осознает. Переход от роли жертвы к роли преследователя на самом деле есть начало активной деструктивной социальной деятельности. На этом пути разрушения культурных ценностей психиатры и психотерапевты неизменно сопровождают своих клиентов — профессионально поддерживают и авторитетно поощряют. Но «разложение совести» отнюдь не безвредный экспери-

мент в области гештальтпсихологии, продвигающий нас в самопознании (Перлз Ф., 1995).

Оба типа невротиков (клинический и социальный) характеризуются отказом от высших человеческих ценностей, которые только и делают индивидуума человеком. У обоих блокировано личностное развитие и перспектива *интервенции своей созидательной социальной значимости*. В гуманистической психологии существует довольно близкое по значению понятие *самореализации* (Маслоу А., 1997; Роджерс К., 1999). Если закрепить за другим, также близким к нему по значению понятием *самоактуализации* ограниченное стремление индивида лишь к экстерииоризации своих способностей в ходе творческой деятельности, подчеркивая при этом эгоцентрическое безразличие индивида к социальным результатам, то понятию самореализации можно придать значение отрицания указанного безразличия.

Умение ценить достижения прошлых поколений и желание их сохранить через результаты своей творческой деятельности (Федоров Н. Ф., 1995; Бердяев Н., 1995), собственно, и есть та социальная пристрастность, которая названа нами выше «интервенцией созидательной социальной значимости». Именно это психологическое содержание и соответствует, на наш взгляд, полному значению термина «самореализация». Отношения личности и общества, существенные при анализе травмы, которые иногда оказываются решающими в процессе оказания психологической помощи пострадавшим, не учитываются в существующем («экзистенциально-гуманистическом») значении понятия самореализации. Но значимость результатов самоактуализации индивида для общества — важный атрибут процесса его самореализации. Не любой результат и не от любого индивида общество может принять в качестве вклада в содержание исторически формирующихся ценностей: «Забыть Герострата!»

Личность должна настолько социализироваться и настолько вырасти, чтобы иметь возможность реально что-то предложить обществу. Иначе продукты ее творчества будут

рядом сплошных примитивов, эпатажей и курьезов. И если индивид достиг такого уровня потенциальной самореализации, то для него, конечно, будет трагедией и личной драмой тотальное социальное отвержение, которое как бы превращает самые ценные и оригинальные продукты его творчества из «золота» в не нужные никому «черепки». Такова судьба тех, кого объявляли «врагами народа». Травмой для многих представителей творческой интеллигенции была даже предварительная демонстрация возможности подобной перспективы или намек на нее, не говоря уже о прямой угрозе. Это психологически ломало большинство высокоразвитых личностей и делало их послушными в отношении представителей государственной власти.

С другой стороны, конечно, существовали и существуют индивиды, которые стремятся не «сохранить и отдать», а только «взять или разрушить». Их не запугаешь блокированием возможностей самореализации. Подобные угрозы не только не содержат для них ничего травмирующего: для социальных невротиков они вообще оказываются просто бессмысленными и смехотворными. Поэтому в одних и тех же социальных условиях первая группа рассмотренных индивидов падает духом и впадает в депрессию, а представители второй — оказываются совершенно не подверженными стрессу. Дело не в том, что у первых было «невротическое развитие», а вторые оказались нормой, «социально близкими». И конечно же, секрет «железной выдержки» главаря какой-нибудь бандитской группы вовсе не в мифической «силе воли» социального невротика, а в примитивности его личности и наличии защитного эгоцентризма.

Для любого невротика характерен эгоцентризм (Фромм Э., 1992). В отношении взрослого это психологическая загадка. Если эгоизм есть сознательное отрицание альтруизма, то эгоцентризм имеет внесознательную природу. Чувство вины у эгоцентричного индивидуума, в отличие от эгоиста, не подавляется и вовсе не нейтрализуется сложнейшими рационализациями, а просто не возникает. Точно так же эгоцентрик

не оправдывается, не защищается, когда ущемляет чьи-то интересы, а парадоксально искренне возмущается, что ему не дают в полной мере осуществить его потребности за счет других людей. Он тоже способен строить сложнейшие когнитивные рационализации собственного поведения; но они не оправдательные, а агрессивно-наступательные. Эгоцентрик компульсивно борется за свою «социальную правоту», поскольку постоянно ее ощущает, независимо от величины ущерба, нанесенного другим. Он неизменно социально активен, в отличие от эгоиста, заботящегося лишь о том, чтобы течением общественной жизни его не смыло в небытие или ситуацию дискомфорта.

Эгоист презентруется окружающим его людям как персонифицированный курьез, в качестве некоего философского исключения, имеющего право на существование. Он не покушается на господство духовных ценностей, отвергая их обязательность только «для себя», и готов принять соответствующие социальные санкции. Он не возмущен и даже проявляет одобрительную заинтересованность, когда другие стремятся к чему-то прямо противоположному. В то время как эгоцентрик преодолевает вытеснение себя из активной социальной жизни, в том числе и в результате полученной психологической травмы, именно через *попытку превращения своего антисоциального поведения в социальную норму*. Он всегда хочет жить в другом обществе, образующемся из старого путем простого его распада. Таким оригинальным способом он и преодолевает те травматические ситуации, которые частично сам создает своим поведением. Сталкиваясь с барьерами, возникающими на пути его социальной значимости, он ни в коем случае не проявляет себя создателем, «биофилом» (Фромм Э., 1992, 1995). Его путь — это исключительно путь распада, разрушения и разъедания культурных норм и ценностей.

Стоит задуматься: в каком смысле взрослый человек «не может встать на точку зрения другого»? Что ему мешает? У ребенка это недостаточное развитие интеллекта. А у взрос-

лого? Что стоит за нежеланием субъекта сдерживать свои не-социализированные и потому совершенно неразвитые потребности, оправдывая это врожденным инстинктом, особенно если дело касается сексуальной сферы? Одна из очевидных причин — это невыносимая для данного индивида душевная посттравматическая боль. Но существует еще и социально-психологический аспект данной проблемы.

Видимо, несовершенство современного общества необходимо порождает социально-нормативные провалы и «ловушки», в которые попадают массы индивидуумов. Поскольку травматические переживания массовые, они, в свою очередь, через процессы групповой коммуникации служат источниками формирования определенных социальных шаблонов преодоления, укореняющихся в сфере общественной психологии без каких-либо требований к развитию личности. Эти средства личной защиты антиобщественны по содержанию и эгоцентричны по форме. Именно они в первую очередь и с абсолютной готовностью усваиваются социальным невротиком.

Безусловная пристрастность к достижению социально значимых ценностей изначально формируется в семье. Родители, которые не имеют ни объективных, ни субъективных предпосылок, чтобы усвоить смысл господствующих ценностей, и которые одновременно оказываются не в состоянии открыто протестовать против бессмысленных для них — и потому неизбежно раздражающих — норм, широко используют, будучи естественными воспитателями своих детей, специфическую форму *педагогического протеста*. Они неосознанно воспитывают детей в духе неприятия данных норм и ценностей, снимая таким образом с себя социальное напряжение и находя в этих педагогических уловках определенное мстительное удовольствие. Именно таким патологическим способом они разрешают свой внутренний социальный конфликт. Отсюда и их эгоцентризм в отношении собственных детей. Родители не видят смысла тратить физические и духовные силы на поддержание и развитие общества,

частью которого себя не считают. Поэтому они стараются исключительно «продолжить себя в детях». В результате формируется родительская позиция гиперопеки и воспитательная стратегия делегирования нереализованных жизненных целей своим детям (А. П. Новгородцева).

Подобное поведение может рационализироваться достаточно разнообразно, но, фактически, сводится к оправданию принципа удовольствия за счет пренебрежения интересами окружающих. В таких условиях принцип «Бери от жизни все!» начинает неизбежно подавлять возможные спонтанные созидательные импульсы ребенка в процессе его социализации. Для этого родителям даже не надо что-то специально воспитывать. Чаще всего, напротив, достаточно просто не замечать в поведении ребенка его эгоцентризма¹. Тем самым как раз активно формируется личностный барьер, препятствующий дальнейшему процессу социальной децентрации ребенка, который и определяет, на наш взгляд, последующее социально-невротическое развитие его личности и детерминирует качество выбора не только в драматических ситуациях психологических травм, но и в условиях любого заурядного социального дискомфорта. Дело здесь не в «инцестуальном комплексе», а в том, что любовь родителей к ребенку связана в единое целое с их агрессивной направленностью против общества. Хотя, конечно, такие родители — при всей их негативной оценке общественно значимых целей — могут внешне (принудительно) принимать участие в поддержании функционирования социальной системы.

Как может образоваться такая извращенная связь между любовью к ребенку и подрывом основ его личностного развития? Ответ простой и очевидный для отечественной методологии — внутренний конфликт, который и создает условия для объединения, казалось бы, несовместимых реальностей. Для действительного объединения необходимо

¹ Типичный пример: благодушная бабушка поощрительно смотрит на внука, который остервенело ломает ветки деревьев в общественном парке, начинающем уже заметно гибнуть в результате подобных действий.

не просто различие, а противоречие тенденций, поскольку только противоположности могут образовывать новое живое единство. Этот вывод вовсе не очередное проявление абстрактно-диалектического формализма: чувства любви и ненависти суть реальные противоположности, которые могут объединяться и переходить друг в друга. В данном случае любовь к ребенку и ненависть к обществу, принуждающему к безличному функционированию. Отчужденная от человека деятельность не имеет для «работника» никакого другого смысла, кроме добывания средств физического выживания.

Можно сомневаться, может ли ненависть к обществу переходить в любовь к нему, как, например, связывается любовь к человеку с ненавистью к нему? Для ответа достаточно посмотреть вокруг. К примеру, в наше время поистине массовый характер носит смена ненависти со стороны миллионов людей к союзному государству на влюбленность в его современные уродливые и совершенно нежизнеспособные остатки¹. И этот факт вполне доступен наблюдению.

Клинический невротик уходит в болезнь, в соматические нарушения. Поэтому он в первую очередь и привлек внимание психологов, имеющих базовое медицинское образование. На вопрос: «Где же ты был, когда делили мир?» — клинический невротик неизменно отвечает: «Я был болен» (Адлер А., 1993. С. 16).

Популярность этого типа клиентов определяется не только медицинским образованием большинства психотерапевтов, но и тем, что многие из невротиков, не обремененные ценностными проблемами, ставят сейчас перед специалистами чисто анатомо-физиологические проблемы, мешающие им «заниматься сексом без ограничений», которыми затем и удовлетворяются (см.: Эллис А., 2002б. С. 274—278).

Социальный невротик, как уже отмечалось выше, решает свои проблемы через разрушение социальной среды. Им

¹ Сила влюбленности части элитарной интеллигенции в социального квазимодо такова, что ее можно назвать слепой. Эти влюбленные уже двадцать лет с умилением смотрят на все социальные проблемы и драмы, словно юноши, обвороченные какой-нибудь родинкой любимой.

движет стремление *оправдать* свои поступки и образ действий в травматической ситуации, утверждая их в качестве *всеобщей нормы* поведения. В травматической ситуации он пытается найти любой доступный выход, чтобы избежать роли жертвы: предательство, жестокость и садизм в отношении окружающих и т. д. Но это свое предательство социальные невротики рационализируют как героизм, патриотизм¹, ненависть к тоталитаризму и т. п. Конечно, своими действиями они всего лишь снижают вероятность получения травмы, поскольку никто не может быть застрахован от роли пострадавшего. Но элементы рационализации и прочей универсальной личностной защиты не являются определяющими для диагностики социальной невротизации. Главная особенность этого процесса состоит в двух уже отмеченных выше моментах. Социальный невротик эгоцентрически старается не только переложить свою боль на других, но и сделать это правилом, социальной нормой.

Он не ищет справедливого разрешения внутреннего конфликта. Поэтому первая социальная ценность, на которую он направляет неумную агрессию, — это справедливость. Ценность любви он презрительно сводит к физиологии половых органов. Со стороны может показаться, что он воинственно отстаивает ценность свободы. Но, приглядевшись, мы видим, что он ратует за свободу от общества, за свободу своего мелочного каприза, свободу дурной бесконечности поиска темного дна распадающейся личности, свободу снобизма и комфорта за счет страданий окружающих. Это свобода от социальной ответственности, свобода от созидания и решения актуальных гуманитарных проблем. Ее источником является скука, которая создает проблему времяпрепровождения и проявляется в явных антисоциальных действиях

¹ Например, «лесные братья» до сих пор никак не могут успокоиться в роли прощенных без покаяния, компульсивно пытаются оправдать и даже романтизировать свое пособничество фашизму и геноцид еврейского населения. Они пытаются установить вечный памятник своему предательству гуманизма и человечности.

(Берн Э., 1988) или в разрушении ценностей культуры через какие-нибудь биеннальные инсталляции.

Есть ситуации, в которых выбор действий пострадавшего в условиях травматического конфликта оказывается крайне ограничен и отягчен необратимым трагическим исходом. Например, если травма была нанесена с использованием подавляющей силы, да еще и совершенно незнакомым субъектом, который использовал возможность скрыться от социальной ответственности. И напротив, в условиях продолжающегося взаимодействия пострадавшего и персонификатора выбор оказывается гораздо богаче и шире, чем это представляется мелодраматическому и индивидуалистическому сознанию. Если пострадавший сделал выбор с учетом общественных ценностей, если просто *оказался не в состоянии* в силу достигнутого им личностного развития стать на путь социальной невротизации, то консультант просто обязан использовать этот позитивный потенциал *травматического выбора* в целях психологической реабилитации клиента.

Для пострадавшего его выбор кажется «естественным», «само собой разумеющимся». Но в этом-то и состоит социальная ценность беспомощного, трусливого и склонного к панической безнадежности «луча света в темном царстве». Не надо ждать от пострадавших проявления абсолютной и разносторонней социализации. Но надо уметь различать их позитивные стороны и опираться на них.

Мы понимаем, в какое крайне уязвимое положение ставим себя, говоря в позитивном смысле о «луче света». Во-первых, нельзя не согласиться с выводами Р. Мей: невинность служит провокацией и оправданием насилию, а в глубине рабского долготерпения всегда зарождается невиданный по разрушительной силе и жестокости бунт (Мей Р., 2001б).

А во-вторых, живы собственные воспоминания того чувства внутреннего раздражения, которое у подростков нашего поколения было связано с «образом Катерины». «Луч», который не только ничего не осветил, но и сам вскоре болезненно и бессильно погас, как спичка, брошенная в воду! Эта наивная беспомощность и безвредность, гиперболизированное переживание героиней пьесы своего «греха», эта острая чувствительность к собственному «греху» со стороны неоправданно слабой, почти невротической личности неизменно вызывали вовсе не симпатию и сочувствие, а

смесь явного раздражения, чувства собственного превосходства и подростковой насмешливости. Но все это было в то время, когда самое темное в социальной жизни: и открывшиеся ужасы «тридцать седьмого», и мрачные тени, казалось бы, навсегда уничтоженного фашизма — представлялись безвозвратно оставленными в прошлом.

В шестидесятых, начитавшись о недавних рискованных переворотах во власти и образе жизни поверженных «монстров», мы часто думали (вроде того, как дети любят пугать себя страшными сказками), что могло реально произойти, если бы каким-то образом власть в стране захватили простые уголовники с их ограниченными представлениями о смысле человеческой жизни и неограниченными материальными потребностями. Уверения носителя нового культа личности о том, что партия все осознала, нас как-то не убеждали и не успокаивали. Гарантии казались хлипкими и «не подкрепленными организационно»...

Через полвека мы неожиданно осознали, что находимся в том самом «темном царстве», которое раньше казалось книжным и нереальным. Садистские опыты «шоковой терапии», власть криминала, контролирующего государственные органы и без стеснения демонстрирующего свою наглую физиономию в телевизионной рекламе, с нескрываемым выражением решимости «отобрать и поделить» все, что своим трудом заработали миллионы создателей и подвижников, и т. п.

Двадцать лет ведется непрерывная раскопка «гробов» тридцатых, но уже как-то не верится, что это делается только для того, чтобы очистить настрадавшимся людям дорогу к «обеспеченной и достойной жизни». Этот некрофильский энтузиазм все больше становится похож на мародерство: «обличения» явно служат задачам оправдания новых войн, убийств, насилия, работорговли¹.

Отношение консультанта к пострадавшему вообще не может быть юридическим или морализирующим. Оно должно быть деятельным. Даже если живые ростки социализации засыпаны наслоениями впитанного индивидом социального зла, в том числе эстетически неприглядного и унизительно-мелочного в восприятии диссидентски смешливых подростков, психолог должен попытаться — нет, ни в коем случае не оправдывать, — а просто «разгрести» наслоения, препят-

¹ «Повторялось то эхо на тропе боровой. Там сокровищ несметных клад сокрыт под землей. В ночь на Янко Купала сорван красный цветок, и к богатствам зовущим путь уже недалек. “Миллионов глазницы отмщения ждут. Пусть за зло нам ответят те, кто нынче живут!” — Только чей это голос? — Слышен хохот и вой. — Палачи уж полвека под могильной плитой! Лучше случай не сыщешь, небывалое зло — оправданье другого: на костях им — везло! “Чтоб покаяться, надо лишь младенца убить, А потом всей семьею будем счастливо жить!”» (А. И. Поселковий).

ствующие развитию личности человека, подавленного травматическими событиями. Его задача — поддерживать и развивать активность пострадавшего в направлении тех духовных ценностей, без которых индивиду недоступна «роскошь человеческого общения». Он может проявить себя в условиях травматической ситуации и трусом, и «ханьгой», и «халвящиком», и «безвольно изнеженным» и т. д. Но для консультанта важно другое: сохранились ли под обломками травматической ситуации те живые ростки социализации, которые с помощью психолога способны развиваться. Каждая новая травматическая ситуация вовсе не угрожает ни жадности, ни предательству, ни стремлению к эксплуатации других. Они все время нарастают, становятся крепче и, лишь временно распадаясь на части, не ломаются, а обрушиваются и давят в глубине личности пострадавшего самое ценное — чувство общности (Адлер А., 1993), на месте которого после ряда подобных травматических испытаний формируется некрофильская жажда власти (Фромм Э., 1992).

«Речь идет о событиях и проявлениях души, которые встречаются теперь сплошь да рядом и в жалком существовании людей, живущих в забвении своих вечных прав. Речь идет также о психологии, совершенно отличной от обыкновенной психологии... которая исследовала бы непосредственное отношение души к душе, а также *чувствительность и чудесное присутствие нашей души*. <...>

Я знаю многих людей, которые совершали подвиги добра и милосердия, не тронув ни одной души; и я знал других, которые, казалось, жили во лжи и несправедливости, никого не отвращая от себя и ни в ком не возбуждая подозрения, что они не добры. <...>

В то время как вы деятельно добры в невидимом, все те, кто приближается к вам, будут, сами того не зная, поступать так, как они не поступали бы рядом с другим человеком» (Метерлинк М., 2000. С. 22, 88, 89, 90).

Современная гуманистическая психотерапия (Роджерс К., 1999) чуждается любого позитивного воздействия на «клиента», не решается воспользоваться даже эффектом Пигмалиона (Майерс Д., 1997). В этом есть свои известные плюсы, но и свои минусы, ограничивающие возможности консультативной помощи пострадавшим. «Свободный» выбор — стать социальным невротиком или продолжать развитие по пути социализации, на самом деле никогда не яв-

ляется свободным. Это такой момент разрушения личности под давлением социального зла, когда для пострадавшего еще есть действительная возможность выбора. Пройдя этот момент, особо остро встающий в период переживания очередной психологической травмы, индивид может уже не захотеть возвращаться назад. У него просто не останется ни потребностей, ни мотивов для последовательной волевой реализации этого трудного решения, которое в таком хроническом случае требует для своего реального осуществления невероятного и длительного напряжения всех наличных духовных сил. У социального невротика, «закупорившегося» в пространстве взаимоотношений власти, вообще нет никакой свободы, его действия легко предвидеть и просчитать, если, конечно, социализированная личность не будет произвольно подставлять свою эмпатическую способность на место его эгоцентризма. Поэтому консультативная работа с социальным невротиком неизмеримо сложнее: в ней меньше потребностей самого пострадавшего в том свободном выборе между добром и злом, о котором заботятся представители гуманистической психологии, и меньше надежды на реальную отдачу, на эффективность затраченных сил. Поэтому важно распознавать конфликтный личностный выбор как можно раньше, пока вообще остаются основания называть его свободным.

Пострадавший может оказаться личностно несостоятельным, сиюминутно пожертвовать своими сущностными смыслами, но в следующий момент глубоко почувствовать, что разрушается и мир, который он любит, и его собственная личность. Иной может решиться совершить защитное действие, направленное против личности или жизни другого человека и соответственно против смыслообразующих социальных ценностей. Конечно, такие поступки должны быть санкционированы самим обществом, допустим, во время военных действий. Да и в относительно «мирное» время социализированная личность (созидатель) все чаще сталкивается с очевидным, но непростым выбором: или дать растоптать

свою личность, или нанести ущерб недоразвитому ублюдку. Оба типа поведения социально опасны, но работать с такими пострадавшими необходимо по-разному.

Обратимся к гениальному произведению Ф. М. Достоевского. Если бы Раскольников «оказался несостоятельным», «малахольным», если бы у него затряслись руки и он не смог опустить занесенный топор, то как личность был бы он ниже или выше того образа, который состоялся в романе? Ограничимся этим вопросом и предоставим ответ самому читателю. Мы затронули проблемы, которые для «матерого» психотерапевта, имеющего солидный клинический опыт, наверняка совершенно неинтересны и скорее всего покажутся несущественными. Но нелишне заметить, что как раз подобные проблемы и составляют содержание предмета собственно психологических исследований¹.

В плане проблем консультирования нам здесь достаточно отметить некоторые парадоксы избирательного внимания психотерапевтов, пропускающих содержание, которое определено представляет интерес для психологов. В частности, увлеченно занимаясь «разложением совести» (*Перлз Ф.*, 1995), психотерапевты почему-то не практикуют «разложение презрения», «разложение чувства мести» и т. п. Вот это презрение обыденного сознания к человеку, оказавшемуся не способным себя защитить (Катерина), и порождает тщеславные идеи раскольниковых, которые ломают и чужую, и свою собственную жизнь.

На самом деле пострадавшая личность во многом терпит ущерб не только со стороны персонификатора, но и со стороны обыденного сознания, манипулирующего ограниченным набором житейских понятий, которые совершенно не улавливают психологического содержания. Конечно, можно сказать вслед за Свидригайловым, что Родион решился на убийство из тщеславия. Можно также считать, что стремление к власти, направленное на фиктивную цель, по-

¹ Для того чтобы сравнить личности Катерины («Гроза») и Родиона потребовалось бы целое исследование, которое, несомненно, дало бы ценные психологические результаты.

родило его уродливые притязания и действия. Но это не вся правда. И уж, во всяком случае, не та, которая необходима Родиону, чтобы появилась возможность возрождения его личности, надломленной собственным трагическим поступком. Консультант не может позволить себе уподобиться в оценке действий пострадавшего тем дурашливым подросткам, которые во всем окружающем ищут только повод для изнуряющего их веселья.

Кстати, для подростка вообще нет ничего страшнее, чем выглядеть в глазах окружающих и собственных глазах жалким и смешным персонажем. В подтверждение этого можно привести типичный пример.

Подросток М. Р., 13 лет, совершил попытку кражи в государственном магазине. Задержан органами правопорядка и доставлен в детскую комнату милиции, где с ним была проведена беседа. Вызвана мать. О поступке подростка сообщено в школу. Директор заметил стрессовое состояние М. Р., проявил достаточную чуткость, учел его хорошее поведение в школе и высокую успеваемость — мальчик учился без троек — не стал «распекать» и предавать гласности его поступок. Но психологического сопровождения, ввиду отсутствия подходящих специалистов, не было своевременно обеспечено.

Через два года после этого случая школьный психолог, который недавно начал работать в том же образовательном учреждении, обнаружил депрессивное состояние подростка. Обеспокоенность учителей вызывал тот факт, что два года назад успеваемость М. Р. резко понизилась. Психолог обратился к личному делу учащегося, в котором обнаружил извещение из ОВД. Из доверительной беседы с подростком выяснилось, что главным источником этого состояния явилось катастрофическое разрушение завышенной самооценки. И что было особенно показательным, наиболее яркие отрицательные переживания вызывались не совершенным правонарушением, а осознанием «мелочности» собственного поступка подростка, совершенного под конформным влиянием со стороны приятеля. В ушах у подростка все время звучало определение: «мелкий жулик» или просто «жулик». Он сообщил, что если бы он чувствовал себя «серьезным, крупным» вором, то ему было бы легче.

Типичные «серьезные игры» (Штерн Э., 1997) и эффект «смещения ролей» (Эриксон Э., 1996а). Ценности различных ролевых сфер оказались совершенно несовместимы. Но эмоциональное и смысловое содержание этой несовместимости открылось подростку только в форме травматического конфликта. И теперь он уже не просто стоял перед когнитивным

выбором. Он как бы уже совершил выбор, который, как оказалось, его абсолютно не устраивал. Но назад пути нет. Никто из представителей органов правопорядка и сферы образования не верил, что это не его сознательный выбор, а, напротив, нечто отвергаемое. Ему надо было доказать и объяснить себе и другим, что «все не так», но таких терминов, как «серьезные игры» и «диффузия ролей», он просто не знает.

В условиях оторванности обучаемых от социальной жизни, при остроте и практической нерешенности проблемы социальной адаптации, подростки реально имеют лишь теоретическую возможность понимания и усвоения смысла жизни (Фельдштейн Д. И., 1994). Одни «максималисты» приходят к выводу, что «надо брать от жизни все», другие, фактически, прошли полную социализацию в морально-идеологической и культурной сферах. Последние, в том числе и М. Р., оказываются социально адаптированными в духовной сфере, при полной дезориентации в сфере материальной и реальной социальной. Травматическая ситуация мелкого преступления стала для М. Р. *первым шагом в его реальной социализации*. То, что этот шаг был ошибочным и подросток в нем раскаивается, не могло снять проблемы: он теперь уже не ребенок, которому раньше все прощалось. Увлеченный «серьезными играми», М. Р. незаметно для себя, как и большинство других подростков, легко перешел эту паспортно-возрастную границу.

Ему нравилось то ощущение бесстрашия¹, которое он вдруг приобрел. Его, к примеру, забавляло, что он в состоянии смело подойти вплотную к непрерывно «вертящемуся» контролеру в троллейбусе, спокойно и уверенно стать за его спиной и легко переместиться в ту часть салона, где билеты у всех уже проверены. Вера в высокие идеалы, ценность достоинства и честности легко совмещались в его противоречивой личности с симпа-

¹ Основой этого бесстрашия, скорее всего, является экспериментирование с взрослыми социальными ролями при уникальных внутренних условиях: остаточном (временном) сохранении ощущения детской безответственности.

тией к циничным персонажам из кинофильмов, не желающим быть «овцами» (т. е. теми же бессильными «лучами света в темном царстве»). Вместе с друзьями он считал, что делать добро должны «обветренные морскими ветрами и покрытые шрамами жестоких сражений» люди, а не чувствительные «слюнтяи» и «размазни».

В то же время и сам процесс интеграции подростковой личности также, как выяснилось в беседе, изобилует сюрпризами. Например, М. Р. казалось, что если в результате разрешения внутреннего конфликта, он утвердится в правиле не воровать даже общественное имущество (возможность воровства у частных лиц он с негодованием отвергал), то будет чувствовать себя слабым, похожим на человека, который сдал норматив по прыжкам в высоту только потому, что ему в качестве исключения как физически ослабленному разрешили снизить планку. Он хотел «добиться своего» (стремление к превосходству) реально и *в обычных условиях, делая и поступая так же, как тысячи других, как большинство*. Но в этом стремлении поступать, как большинство, с его стороны не было никаких признаков конформности.

По этой же причине он демонстративно не курил. Для своих личностных «прыжков» он считал справедливым поставить себе планку чуть выше, чем для других, чтобы добиться желанных побед в более трудных условиях и с более ограниченными средствами. Его самооценка не просто была крайне завышенной, она определенно «зашкаливала». Он был убежден в уникальной социальной значимости своей личности, нисколько не сомневаясь, что в будущем «все ее признают», и скорее стеснялся, даже тяготился, своим «величием», чем пытался доказывать или демонстрировать другим свои способности. Скорее всего это следствие «материнской позиции» принятия (Фромм Э., 1992).

Тут мы имеем дело с некоторым интравертированным выражением ощущения собственного превосходства, аналогичным тому, которое иногда проявляется в характерной преувеличенной скромности и «стеснительности» высоких ро-

стом и физически сильных людей перед группой относительно низкорослых и хилых, считающих себя «средними». Отношение М. Р. к окружающим было аналогично реакции согнутых и опущенных плеч Гулливера, внезапно оказавшегося среди лилипутов. Но в результате специфической травмы (от собственных действий) позитивная самооценка была сломана, начался процесс катастрофического распада личности, обострилась проблема идентичности, неразрешимость которой и привела подростка к депрессивному состоянию. Описывая поведение детей и подростков с аффективным поведением, Неймарк справедливо замечает, что завышенную самооценку этих учащихся нельзя никак понизить, не сломав личность (Неймарк М. С., 1972). На любые подобные попытки взрослых подросток отвечает защитной агрессией, демонстрируя крайне аффективное поведение. Но эта ошибочная стратегия в данном случае была реализована представителями органов МВД в условиях созданной самим подростком травматической ситуации.

Взрослые как бы ни в чем не виноваты, просто оказались плохо психологически подготовлены и не сумели понять, что М. Р. необходима скорее релаксация, чем «административные меры с целью пресечения». Все поведение подростка говорило о том, что его самооценка уже безнадежно сломлена протокольным определением «мелкий жулик». Понятно, что если бы вместо представителей органов МВД подобное катастрофическое разрушение личности подростка осуществил какой-нибудь своекорыстный персонификатор, то у подростка вообще не осталось бы никаких шансов вырваться из-под его гнетущего влияния. Персонификатор непременно своекорыстно воспользовался бы сложившимися в его пользу взаимоотношениями власти.

Из анализа этого случая мы сделали несколько выводов. Во-первых, стали более понятны мотивы запредельной подростковой жестокости в колониях малолетних преступников. Подросток в большей степени, чем взрослый, стремится к ощущению собственной значимости. Он не хочет войти в

открывающийся ему взрослый мир ничтожной и жалкой личностью. Поэтому только такие методы могут скорректировать поведение делинквентных подростков, которые дают им ощущение высокой созидательной значимости. Здесь, конечно, совершенно не подходит стратегия бихевиориального приучения к принудительному труду на трофейных станках образца 1913 г.¹

Во-вторых, стремление к значимости как недостаточно развитую потребность в социализации, которая может дифференцироваться и превратиться либо в некрофильскую потребность к разрушению (Фромм Э., 1994), либо, напротив, в созидательную потребность, не надо отождествлять со стремлением к власти над другой личностью. Созидательная потребность может быть агрессивна в отношении норм, препятствующих реализации новых социальных или инженерных проектов. Но социализированная личность, в отличие от социального невротика, не настаивает на своей ошибке, если видит негативный социальный результат своих действий. А социальный невротик в таких случаях всегда действует напролом, не считаясь с интересами лизавет², «подвернувшихся ему под руку». В иерархии мотивов социализированной личности «стремление к значимости» подчинено «стремлению к любви», а в мотивационной сфере социального невротика доминирующим является стремление к власти. И свою социальную значимость он, как правило, измеряет исключительно масштабами предпринятого им социального разрушения.

¹ Этот психологический момент гениально осознал А. С. Макаренко.

² Личность Раскольниковва принципиально отличается от характера некоторых персонажей, которые своими политическими действиями убили уже тысячи «старушек» и «случайных свидетелей», продолжая видеть в распаде социальной жизни — вместе с «передовой интеллигенцией» — признаки оздоровления общества. Одно дело — настаивать на какой-нибудь технической идее, страдая от непонимания коллег и преодолевая косность застойной науки. Другое дело — лишать окружающих, которые наивно согласны с внедряемой идеей и даже поддерживают ее, смысла их жизни, да и самой жизни.

Процесс разрушения, в ходе которого он подчиняет себе других, для него более важен, чем достижение позитивного результата. Он навязчиво стремится использовать других в своих целях, «гуманистически» эксплуатировать (Фромм Э., 1992), но ни в коем случае не сотрудничать с ними. В этом и проявляется его стремление к власти над другими. Социальные отношения он стремится наделить полярностью «господство — подчинение». Демократию, к примеру, он понимает как набор разрозненных формальных признаков, вроде «обеспечения прав меньшинства». Но на протяжении всей истории человечества меньшинство всегда управляло и эксплуатировало большинство. Ничего демократического в этом абстрактном и взятом отдельно от других автономном признаке подавления большинства в интересах меньшинства — социального, национального, сексуального и т. п. — нет и не может быть¹.

Чтобы «собрать» распавшуюся личность пострадавшего, надо выяснить, каким образом и какими сторонами она увязла в травматической ситуации. При этом мы допускаем, что позитивные стороны могут быть использованы персонификатором для нанесения вреда пострадавшему, а негативные стороны, с которыми личность боролась, спасти ее от трагического финала. В частности, в криминальной травме преступник всегда эксплуатирует, высмеивает и разрушает лучшие стороны личности пострадавшего: доброту, отзывчивость, сопереживание другому. Даже тогда, когда «наживка» рассчитана на эксплуатацию негативных сторон: жадности, корыстного стремления присвоить найденное, слабости к «халяве» и т. д. — одновременно идет эксплуатация и лучших сторон пострадавшего. Как правило, это целая картина, клубок различных факторов и мотивов, который практически невозможно распутать самому пострадавшему, вставшему перед сложнейшей проблемой нового этапа идентификации

¹ Масса людей не понимают этого только потому, что в школе их «закормили», как справедливо заметил Э. В. Ильенков, разрозненными «абсолютами».

(*посттравматической идентификации*): что оставить и что сохранить в своей личности.

В качестве «наживки» могут выступать и социально неодобряемые качества, даже те, которые еще не стали предметом широкого обсуждения и достоянием общественного мнения. Например, незрелый эгоцентризм самих пострадавших, используемый устроителями различных финансовых пирамид. Сотни тысяч людей захотели сразу разбогатеть, как пескарь, которому снилось, что он выиграл в лотерею. Те, кто уже почти отчаялся вовремя успеть попасть на «праздник жизни», активно включились в погоню за птицей беспробудного и загульного счастья, которая неизменно снится в предутренние часы рабу, изнуренному непосильной и нудной работой. Толпы уставших и озлобленных людей протоптали дорожки понятий и правил к ее пустому «гнезду». Но это было вовсе не пустое, социально бессмысленное и нерезультативное времяпрепровождение. Пока массы не осознавали себя «обманутыми вкладчиками», своими эгоцентрическими действиями они создавали морально безопасную атмосферу для гораздо более опасных форм нарциссизма и некрофилии: узаконили и морально оправдали неформальные правила общественной жизни, которые оправдывают любые преступления, ставшие сейчас уже нормой, приметой времени. Вот вам и «проблема трудового воспитания».

Эта готовность миллионов легко жить и потреблять, не задумываясь, откуда берется личное «изобилие», ничего не возвращая обществу взамен, служит достаточным моральным оправданием для тех, кто действительно серьезно, без бахвальства и угроз, «взял и поделил».

А сумасшедшую толпу «горе-акционеров», мечтающих всем сразу стать беззаботными миллионерами, не интересуется, что они-то и представляют собой тот общественный исторический суд присяжных, который сейчас неизбежно оправдывает, покрывает и тем самым творит неизмеримое зло. Именно поэтому в результате общей моральной деградации и наступили времена, когда ни старость, ни малолетство не спасают жертвы от преступников.

Эмоционально понятно стремление пострадавших отторгнуть все, что послужило причиной травмы и продолжает служить основой преследования пострадавшего со стороны носителей обыденного сознания. Дело в том, что человек, который выглядит смешным и жалким по собственной вине, неизбежно занимает в структуре группы периферийное положение. То есть травма в этом случае служит не источником его поддержки со стороны окружающих, а оправданием агрессии и пренебрежительного отношения к нему. Это могут быть и не реальные действия, а только воображаемые по-

страдавшим; но на основе интуитивно усвоенных им законов групповой динамики.

Конечно, консультирование проходит легче и успешнее, если пострадавший рефлексировал момент борьбы мотивов и сделал более осознанный выбор. Здесь мы, кстати, затронули важную сторону проблемы профилактики психологических травм. И напротив, положение потерпевшего может быть еще хуже, если он понимает, что для него не было никакого сознательного выбора именно потому, что он поспешил проявить заурядную уступчивость (конформность), внушаемость, трусость, наконец. Слишком рано человек сдался, испугался, не смог себя защитить. Тем не менее анализ возможных в данной травматической ситуации выборов, как доступных в прошлом, так и вследствие приобретенных позднее способностей, является необходимым составным этапом консультирования, на котором решается задача оценки *реально использованного* пострадавшим и *объективно доступного* для данной ситуации «дерева возможностей» *травматического выбора*.

Сознательный выбор подчеркивает зрелость личности, а положительный бессознательный проявляет эмоциональную глубину социализации, предел приверженности социальным ценностям в условиях эскалации испытываемых страданий. Бессознательный выбор может быть «зашумлен» проявлениями указанных выше негативных сторон личности пострадавшего. Но он никогда не исчерпывается их суммой. Человек конформен до определенного предела. При этом консультанту надо различать конформность социального невротика, который тем более подвержен групповому давлению, чем активнее стремится изолировать себя от общества (Петровский А. В., 1979), с одной стороны, и необходимые поиски социальных ориентиров личностью на пути ее социализации — с другой. Самостоятельность и самоопределение личности не имеет ничего общего с конформной подростковой установкой «все попробовать»: наркотики, гомосексуальные контакты и т. п.

Социализированная личность ощущает более глубокие проблемы смысла жизни, которые закрыты для социального невротика. Ее чувство одиночества в подростковом возрасте, помимо феномена переживания уникальности, вовсе не отягчено склонностью выделения себя из группы для установления взаимоотношений власти над окружающими, а неразрывно связано с недоверием к групповой подростковой защите и стремлением к истинному решению экзистенциально-гуманистических проблем. Поэтому она в первую очередь обращается к ориентирам, испытанным опытом человечества. Но это обращение вовсе не означает их принятия. Личностное самоопределение социализированной личности проявляется в том, что она проверяет, испытывает истинность этих ориентиров в новых социальных условиях и берет на себя ответственность за это.

Та же упомянутая выше «трусость» пострадавшего может быть различной когнитивной сложности. Это и страх физической боли, и интернальная привычка подчиняться властному окрику, и опасение общественного осуждения. «Бойтся собаки» не только трус, но и тот, кто не решается ударить ее подвернувшейся железной трубой, камнем, т. е. боится не зубов, а осуждения окружающих или, быть может, одновременно проявляет страх и жалость к животному, опасение нанести вред его здоровью или нанести психологическую травму владельцу «любимца» и т. п. Ничего подобного, как правило, уже не испытывает представитель криминала, решившийся на разбойное нападение.

Обыденное сознание всегда оказывается на стороне персонификатора, т. е. на стороне социального невротика. Психотерапевт также склонен обвинять саму жертву, движимую своими страхами, в провокации ущерба, нанесенного пострадавшему (Берн Э., 1988). Он, фактически, полностью снимает ответственность с персонификатора. Консультант не может стоять на такой позиции. Да, можно допустить, что жертва сама находит своего преследователя и помогает ему. Но это не значит, что отношение к эгоцентрическому пре-

следователю должно быть таким же, как к социализированным личностям. *Отношение* (Мясищев В. Н., 1960) есть важное средство социально-гуманистического консультирования и реабилитации пострадавших.

Наиболее благоприятный вариант *формирования реабилитационных отношений*, на наш взгляд, обеспечивается при соблюдении следующих условий. Во-первых, пострадавший и воображаемый им персонификатор должны смотреть на ситуацию как бы извне и *категоризировать* ее, но не в протокольных травматических терминах, а в понятиях, которые отражают двойной ущерб: и личности пострадавшего, и личности персонификатора. Они в разной мере, но все-таки *совместно* нанесли ущерб общественным ценностям. Исключение, подтверждающее это правило, составляют только жертвы террористических актов, в ходе которых террористы борются за власть со слабым политическим руководством страны, которое их провоцирует¹.

Совместный ущерб, нанесенный обществу и личности каждого, предполагает и некоторое посттравматическое сотрудничество с тем, чтобы компенсировать его. Это и есть реабилитационное сотрудничество, стратегия которого во многих моментах совпадает с принципами разрешения межличностных конфликтов представителями гарвардской школы (Фишер Р., 1992). Конечно, отношения между пострадавшим и персонификатором не могут полностью строиться на этой достаточно продуктивной модели разрешения внешних конфликтов. Речь может идти только о частичных заимствованиях при коренной модификации принципов и методик.

¹ Например, создает условия стихийного дележа и захвата государственного имущества, при которых пытается присвоить большую часть себе; снабжает оружием, включая танки и орудия; дает свободу неограниченного выхода за рамки конституции, вступает в переговоры на высоком государственном уровне, проявляет нерешительность и попустительство к явным преступникам и т. п.

В современных условиях, это есть форма борьбы за мировое господство между политическими элитами разных стран. Террористы среднего уровня и рядовые бандиты уничтожают ни в чем не повинных людей с тем, чтобы отработать хорошо финансируемый заказ по ослаблению политической воли одной из господствующих элит.

Это реабилитационное «сотрудничество» пострадавшего и персонификатора, реальное или только представляемое пострадавшим, конечно же, имеет свою особую специфическую цель и задачи.

По завершении процесса консультирования стороны травматической ситуации должны стать абсолютно безразличными друг другу. Это второе условие: цель реабилитационного сотрудничества мы видим в обретении свободы и независимости обеими сторонами травматической ситуации. Но для этого консультанту требуется решить две труднейшие задачи: способствовать восстановлению существенных связей *позиционеров* властных взаимоотношений с обществом, сориентировать их развитие в направлении социализации.

Как уже отмечалось выше, персонификатор объективно нуждается в помощи пострадавшего не меньше, чем тот в его содействии. Ведь не только пострадавший, но и социальный невротик, выступающий в функции персонификатора, нуждается в реабилитации. Вернуться на путь активной социализации они эффективнее всего смогут только на пути взаимопомощи. Другое дело, что «реальный персонификатор» может не испытывать такой потребности и совершенно не понимать, о чем вообще идет речь. Но и в этом случае такая реабилитационная позиция для пострадавшего будет наиболее продуктивной, полностью открывающей ему путь дальнейшего личностного развития.

Религиозно убежденные жертвы, даже в случае самых жестоких казней, могли найти в себе силы для того, чтобы сохранить свое человеческое достоинство; и только потому, что могли возвыситься до заботы о душе своих мучителей. Забота пострадавшего о личности персонификатора — это не только вопрос морали или свидетельство высокого духовного развития человека, но и вопрос его безопасности, независимости и духовной свободы. Конечно, консультирование не может ставить перед собой такие грандиозные задачи, как непосредственное превращение приниженного и раздавленного подростка в самодостаточную и самореализующуюся лич-

ность. Но цель такая не только может, но и должна быть поставлена в качестве ориентира и перспективы дальнейшего саморазвития пострадавшего.

Да, персонификатор своими действиями может разрушать и общественные отношения, и личность пострадавшего, и свою собственную. Но пострадавший должен выбрать именно такую стратегию реабилитации, такое отношение к случившемуся, что неизбежно будет способствовать и сохранению социальных ценностей, и возрождению собственной личности, и предотвращению дальнейшего падения и регресса персонификатора. То есть пострадавший не должен выступать как моральный и психологический инвалид, в истерике хватающийся за социально-невротические субкультурные формы и прочие стереотипные виды защиты. В целях продуктивной реабилитации он должен **принять на себя ответственность** и за социальные, и за психологические последствия травматической ситуации. Именно таким образом он и обретет необходимые для преодоления травмы и восстановления психологического здоровья личностные смыслы, которые при другом подходе (Франкл В., 1990, 2000) предлагаются ему в готовом виде.

Но принятие подобной ответственности не означает культивирования пострадавшим фарисейского торжества и укрепления себя в позиции нравственного «благодетеля» по отношению к персонификатору. Если персонификатор будет чем-то обязан пострадавшему, то это только укрепит их психологическую близость и взаимозависимость. Взаимоотношения травматических сторон должны стать *общественно опосредованными* и в определенной степени обобщенными.

В условиях сознательного и целенаправленного разложения моральных норм в течение последних двух десятилетий создалась «хорошо унавоженная» питательная среда для криминала. Наблюдается уникальная ситуация: правовые нормы оказались шире моральных и нравственных. На протяжении всей истории человечества всегда было наоборот: не зная правовых норм, законопослушный индивид, имел возмож-

ность не нарушать их. И это ему успешно удавалось именно потому, что он опирался в своем поведении на моральные нормы, за пределы которых выходил лишь незначительно, спорадически и непременно «с оглядкой».

Современная демократическая мораль почти не осуждает преступника. Разрешено все, что не имеет оттенка красного цвета. Разрозненным и заброшенным индивидам, не достигшим в своем развитии уровня автономной морали (*Kohlberg L.*, 1984), не на что опереться в своих поступках. Моральная маргинальность: «отжившие нормы и ценности», с одной стороны, и «готовность к риску ради личного успеха» — с другой, делают значительную часть населения легкой добычей криминала. Причем еще одна примета времени: в играх аферистов роль преследователя¹ неизменно берет на себя государство, устранившееся от управления рыночными отношениями. Это не только идеальный обобщенный образ, или переодетые в милицейскую форму бандиты, но и реальные представители органов правопорядка, которые в последние годы получили название «оборотней в погонах».

Таким образом, государство и его представители являются соучастниками массовой травматизации населения. И от этого факта не может абстрагироваться консультант, если он выстраивает систему реабилитации пострадавшего, опирающуюся не на мифологию, а на ориентировку в истинном положении вещей.

Может показаться, что все это праздные вопросы, которые не имеют никакого отношения к проблеме помощи пострадавшему. Ну, допустим, пострадавший поймет, что не только струсил, но и «пожалел» персонификатора с какой-то минимально взятой вероятностью; допустим, каких-нибудь пять процентов (5 %) — что из того? Попробуем ответить на этот вопрос.

¹ Государство, конечно, сначала выступает в роли Джо, настолько презренного и морально падшего, чтобы можно было решиться его «объегорить» (см. описание игры «Давай объегорим Джо!» в кн.: *Берн Э.*, 1988). В эту же игру успешно сыграл первый Президент Украины против первого Президента России. А роль Джо, разумеется, предназначалась первому и последнему президенту распавшегося Союза.

Во-первых, неизвестен возможный исход травматического события без этих 5 %. Во-вторых, «этими жалкими пятью процентами» пострадавший все-таки еще связан с обществом. И в сложной, тяжелой ситуации он не решился порвать этой нити. В-третьих, он имеет право оставаться человечным потому, что ростки любви к человеку, страх причинить ему боль все-таки присутствовали, хотя и неустойчиво, задолго до травмы. Это не некие «чужеродные привои», которые консультант пытается навязать личности пострадавшего и которые имеенно потому и будут впоследствии неизбежно отторгнуты. Более того, это самая ценная часть его индивидуальности, которую надо непременно спасти от негативного влияния персонификатора.

И если пострадавший после травмы стал в большей степени осуждать зло, то это не следствие травмы, не жалкая месть, а развитие того зерна, которое и до травмы было неотъемлемой составляющей его личности. Эта сторона индивидуальности могла замедлиться в развитии только в случае формирования психологического барьера. Но таким наиболее вероятным барьером является как раз полученная травма. И если рассматриваемая составляющая социализации не заглохла, не регрессировала перед перспективой неизбежных и мучительных страданий, то она должна была быть достаточно развитой и до травмы, т. е. достигать вовсе не взятой нами произвольно и утрированно самой мизерной величины, а достаточно устойчивого ценностного уровня.

Иными словами, сохранение данной стороны личности, несмотря на стремление избавиться от страданий, доказывает ее значимость как *полноценного фактора личностного выбора* пострадавшего. Многомерность травматического выбора говорит о сохранности социально ценных измерений личности. Обыденная оценка двумерна и приближается к плоскому криминальному пониманию взаимоотношений. Но даже самая минимальная выраженность дополнительного фактора превращает задачу из двумерной в трехмерную и т. д. Если бы личность пострадавшего располагалась только

на двух осях: «стремление к власти» и «сопротивление подчинению», то персонификатору просто не за что было бы «зацепиться», чтобы навязать свое господство.

К тому же в последующем пострадавший мог компенсировать, допустим, свою трусость, проявленную в момент получения травмы, на пути социальной невротизации. Он мог начать рассматривать те уродливые взаимоотношения власти, в которых он увяз в условиях травматической ситуации, как определенную норму социальных отношений раба и господина. Для этого достаточно начать систематически запугивать окружающих, доведенных «шоковой терапией» до состояния хронического страха, парализованных и дезориентированных в нравственном отношении. Социальному невротизму вполне достаточно периодически взаимодействовать с кем-то зависимым или просто способным испугаться, клонируя таким путем травматические взаимоотношения власти и неизменно занимая при этом роль господина. Такой вариант, уже осуществленный или еще не реализованный, осознанный или интуитивный, тоже входит в содержание множества возможностей травматического выбора.

Время травматического выбора также не ограничивается протяженностью исходного травматического взаимодействия. Оно может длиться всю жизнь или же заканчиваться через многие годы, например, попыткой самоубийства или убийства персонификатора, если пострадавший не нашел других, более социально приемлемых и рациональных вариантов травматического выбора и не обрел устойчивой возможности свободно сбросить груз прошлого. Но для того, чтобы сбросить этот груз, надо сначала решиться его нести. Это тоже один из выборов, которые составляют содержание общей *позиции пострадавшего*.

Упрощение богатства содержания травматического выбора как раз и создает ту «черную дыру», в которой неизменно исчезает собственно психологическое содержание, а процесс консультирования лишается серьезного источника разработки методов практической помощи пострада-

давшему. С этих позиций даже изменение революционного мировоззрения Ф. М. Достоевского на «охранительное», его ненависть к «бесам» можно было бы трактовать как закономерную реакцию защиты своего «эго» после пережитого стресса. Но вполне понятно, что сложнейшее когнитивное содержание процесса развития личности не может быть просто вынесено за скобки и заменено видимостью чисто эмоционального процесса, подчиняющегося психофизиологическим закономерностям, или исчерпывающе объяснено результатами подсознательной работы, predetermined врожденной инстинктивной программой.

Без взаимоотношений власти и их категориально-оценочной фиксации не может оформиться никакой психологической травмы, не может быть вообще никаких психологических проблем пострадавшего и поиска выхода из них. Именно эта социальная форма и порождает когнитивную сложность переживаний пострадавшего. Но она же может играть роль ступени в процессе развития той личности, которая решилась найти достойный выход из травматической ситуации, т. е. добиться полного освобождения от взаимоотношений психологической власти со стороны персонификатора.

Если личность не обладает развитыми социальными ценностями и смыслами, то область ее актуальной травматизации может ограничиваться лишь экстремальными случаями. Некоторую сложность проблем для психологического консультирования составляет масса индивидов, которые сохраняют «рудименты» социальных ценностей. Эти рудименты им необходимы для поверхностной адаптации в социальной среде; например, для обеспечения процесса потребления «культурных консервов» — интенсивного эмоционального сопереживания положительным героям кинокартин, сериалов и т. п. Но если они не «срабатывают» в условиях травматической ситуации, не ослабляют личность в искусственных условиях какой-нибудь криминальной аферы, то их с достаточным основанием можно рассматривать не

как свидетельство многомерности личности, а просто в качестве средств маскировки ее социально-невротического развития.

Это не значит, что одинокая социализированная личность всегда должна уступать и поддаваться напору сплоченного криминала, использующего групповые манипулятивные игры. Но вполне очевидно, что в современных социальных условиях для активного противостояния социальному злу и обеспечения успешного исхода борьбы с ним необходима специальная психологическая подготовка, а не то состояние безнадежности, повсеместно наблюдаемое сейчас, которое стало результатом еле сдерживаемого пристрастия — и даже кокетства — «доверенных избранников» к «непопулярным мерам».

Этот метод зомбирования граждан и почти полного подавления их сопротивляемости криминалу, импортированный из варшавского психиатрического опыта, является важным фоновым фактором, способствующим нарастанию числа криминальных травм, которые в последнее время стали настолько массовыми, что заняли место типичного образца, почти вытеснив их классический, сексуальный, тип. Эта массовость, частая повторяемость травматических воздействий, их явно нарастающая неизбежность создают социальные условия, блокирующие процесс социализации личности, и направляют активность индивидов по социально-невротическому руслу: высшие ценности начинают цинически отождествляться с дорогим металлом, культура — с инсталляциями и т. п.

Наиболее удобной моделью для изучения социального невроза является компульсивное поведение старослужащего, впадающего в гнев при малейшем ослушании со стороны такого же рядового воина, как и он. Все дело в том, что социальный невротик сам когда-то был психологически травмирован. Он испытал физическое издевательство и крушение смысла армейской службы, но по ряду субъективно-объективных обстоятельств, на которых мы остановимся ниже, не смог принять противоречие травматического события на себя. В то же время он оказался достаточно жизнеспособен, чтобы не уйти в болезнь, т. е. стать клиническим невротиком.

Он прекрасно понимает, что его обидели совсем не те, кто сейчас пытается отстоять свое человеческое достоинство. Но в то же время он подсознательно понимает, что если «молодому» удастся выйти из его повиновения, то, значит, и у него была такая возможность; значит, он просто оказался «слабак» и полностью виноват в своих унижениях и пресмыкательстве перед слепой силой. Другое дело, если существует

такой «порядок», такая общеобязательная неписаная норма и традиция, которую он обязан свято чтить и охранять. Социальный невротик не изобретает психологическую защиту¹, а усваивает ее в готовом виде из ближайшего межличностного окружения, деструктивной группы или субкультуры. В результате у него формируется тесная связь между состояниями страха и гнева. Но, чтобы действительно преодолеть свои страхи, ему надо пройти достаточно трудный путь личностного развития и многому научиться: не впадать в неконтролируемое состояние гнева, прощать окружающим их маленькие слабости, упрямство формирующейся индивидуальности и тем более ущерб личной власти, за которым стоит стремление другого отстоять свое человеческое достоинство.

У нас нет сведений о современной армии, но 30—40 лет назад новобранцев нередко ждала процедура порки, которая именовалась «присягой». После этого унижительного ритуала, иногда доходящего до степени садизма, торжественная процедура целования знамени призывником и повторение им слов военной присяги неизбежно превращались в фарс. Сопротивляться этому произволу новобранцы почти не могли не только в силу их малочисленности и разобщенности, но и в силу того, что, в отличие от военного времени, сержантский состав был демократически приближен к рядовому. Лишившись отдельных условий размещения, сержанты оказались уязвимыми и зависимыми от массы старослужащих, а новобранцы тем самым очутились под двойным недифференцированным давлением: со стороны физической силы и со стороны, опирающейся на нее и потому безусловно поддерживающей ее официальной власти. За непослушание рядовому старослужащему новобранец легко мог получить «наряд вне очереди» от сержанта.

Социализированная личность получала психологическую травму, переживание которой совершенно четко объективи-

¹ Хотя, конечно, может вносить посильный вклад в групповое обсуждение соответствующих проблем вместе с десятками тысяч других невротиков нового поколения, представителей субкультуры или антикультуры.

ровалось в двух образах межличностного персонификатора (рядового старослужащего) и социального (сержанта).

У массы новобранцев это формировало установку рабской покорности и терпения, которая на третьем году службы «превращалась» в компульсивное стремление к эксплуатации молодого пополнения. Открытое издевательство, по мере развития общества, постепенно сглаживалось, вплоть до конца восьмидесятых годов. Последующее обострение социальных проблем, вероятно, вызвало новый рецидив «дедовщины». Рационализация этого массового социального невроза сводилась к принятию уродливых социальных отношений в качестве закономерной «нормы»: «Потерпим, а потом сами на ком-то “поездим”».

Таким образом, оказывались уязвимыми ценности социальной справедливости, уважения к личности, добровольного и альтруистического служения Отечеству и т. д., которые неизбежно начинали интенсивно распадаться в данных условиях. Внесла свою лепту в разрушение позитивного отношения к армии и практика значительной части вузовских военных сборов, организованных на старших курсах соответствующими кафедрами. Часть тех студентов, которые ранее уже полностью отслужили «положенный срок» в армии, не могли перебороть свои социально-невротические импульсы в отношении тех, кто высокомерно относился к пережитым ими годам страданий, увенчанных последующим невротическим торжеством. Будущие «молодые» офицеры с удивлением и искренним возмущением видели, что их «бывалые» соскурсники, с которыми они дружески общались несколько лет, сидели рядом за одним столом, вместе проводили свободное время, внезапно и необъяснимо превращаются в каких-то «монстров». Это пугало их и еще больше отвращало от армии, усиливая то высокомерное снобистско-интеллигентское отношение, с которым они пришли на сборы. А «бывалые», как «старые цирковые лошади»¹, услышав звуки военной трубы, опять чувствовали себя «униженными и оскорбленными» и снова бросались защищать свое достоин-

¹ Воспользуемся удачным образом из произведения Л. Н. Толстого.

ство, давно растоптанное совершенно другими индивидами, опасаясь за свою самооценку и «образ Я» в целом.

Сама же личность в ходе подобной невротически «вывернутой» «деятельности» приобретала деформацию, которая в распадающейся социальной среде становилась почвой для роста криминальной направленности. Понятно, что «дедовщину» вовсе не следует рассматривать как причину бурного роста криминала в наше время. Но совершенно ясно, что рассматриваемое нами невротическое стремление к разрушению общественных норм и ценностей является для криминала типичным и всеобъемлющим свойством.

Точно такой же механизм формирования социального невротика существует и в условиях патологической структуры семьи. Его «устройство» — в определенной степени — было уже раскрыто работами Э. Берна (1988). Изучая процесс формирования жизненного сценария, он подчеркивал значение таких родительских предписаний, как: «Тебе еще рано пить!», «Не давай себе волю с мальчиками!» и т. п. Э. Берна гениально выявил смысл и содержание этих предписаний для самого ребенка в процессе развертывания его жизненного сценария. Запреты и, казалось бы, надежные, овеянные воспитательной традицией способы избежания зла, фактически превращаются в разрешение, в согласие родителей с тем сценарным итогом («проклятием»), от которого они пытались уберечь ребенка.

Почему же родители так настойчиво практикуют эти свои полезные советы («предписания»)? Ответ Э. Берна: таков их жизненный сценарий, усвоенный, в свою очередь, от бабушек и дедушек. Но если мы не будем сразу же хвататься за новую психотерапевтическую технику и торопиться применять ее на практике, наспех подогнав и адаптировав ее для пополнения безразмерного «набора начинающего консультанта», то нас этот ответ удовлетворить не может. Явно недостает предварительного ответа на более простой вопрос: «Почему любящие родители, способные к эмпатиче-

скому сопереживанию, делают очевидное зло любимому человеку и не видят, что творят?» Может быть, это те родители, которые лишь обманывают себя и ребенка, у которых сформировалась позиция чрезмерной требовательности: «Я люблю ребенка, но не такого, каков он сейчас». Это упростило бы решение.

Но, на наш взгляд, все дело во внутреннем конфликте социального невротика: он любит ребенка и хочет его предостеречь, но в той же мере он компульсивно стремится оправдать себя, пытается сохранить свои привычки и привилегии. Поэтому он не может, к примеру, просто и определенно сказать: «Пивная увлеченность разрушает личность». Он должен обосновать и оправдать перед ребенком правомерность своего поведения, в процессе которого «деньги на ветер» отцом как бы «зря не тратятся». Поэтому в очередной раз и звучит эта сакраментальная фраза: «Тебе еще рано пить». Таким образом, отец нажимает на субординацию, неравенство социальных позиций и т. д., в общем, закладывает основы для формирования и развертывания жизненного сценария, который только ждет своего пускового механизма. И когда директор школы, вручая аттестаты, говорит выпускникам: «Теперь вы уже взрослые...» — «сценарий» действительно срабатывает.

В заключение этой части хотелось бы отметить, что «методика разложения совести», против абстрактного социального значения которой мы уже неоднократно высказывались выше, все же имеет некий позитивный психологический смысл. При определенных условиях ее использование вполне допустимо и целесообразно, а именно в процессе реабилитации совести пострадавшего, пораженной авторитарным «Другим». Но задача консультанта опять же гораздо шире, чем задача психотерапевта. Психолог не имеет права остановиться только на этапе анализа. Так он будет способствовать превращению пострадавшего в социального невротика. Его цель — добиться *реабилитационной интеграции внутреннего диалога пострадавшего с любящим «Другим»*. Для этого необ-

ходимо помочь ему освободиться от интерального паразитирования (инсталляции) со стороны персонификатора и тем самым восстановить созидательную направленность совести пострадавшего.

Проделанный нами анализ позволяет дать более полное описание важнейших признаков психологической травмы, порождающей, в свою очередь, многочисленные отклонения процесса развития личности пострадавшего в сторону социального невроза.

Глава 2. Содержание и динамика психологической травмы

В процессе консультирования нельзя выделить и решать только один вопрос или аспект травмы. При конкретном практическом анализе она должна быть каждый раз представлена в единстве всех ее динамических и противоречивых сторон. Изменение какой-либо одной позиции меняет все представление и отношение к травме в целом. Если пострадавший и психолог не готовы к такой многоплановой работе, то лучше ее не начинать в данное время вообще¹.

Как минимум, можно выделить несколько основных сторон травматической ситуации как субъективно-объективной целостности.

1. *Межличностная*, содержание которой составляют взаимоотношения пострадавшего и «персонификатора». Как отмечалось выше, под *персонификатором* мы понимаем индивидуума или группу людей, на которую пострадавший проецирует всю боль и ответственность за перенесенную травму. Если проекция преувеличена или не имеет оснований, то мы используем термин *инфернал*. Травматические взаимоотношения отличаются исключительной сложностью и особой динамикой. Чувства и отношения пострадавшего изменяются в процессе консультирования — от стремления к уничтожению или причинению «равноценного» ущерба «персонификатору» (мести) до прощения и понимания его как человека, который пострадал от своих же действий. Наиболее благоприятными условиями, которые обеспечивают такую прогрессивную динамику, являются следующие:

¹ Негативные последствия типичны: конфликт, наращивание защитных механизмов, трагические и необратимые поступки со стороны пострадавшего.

- возможность точной идентификации персонификатора, в отличие от его неопознанности, например, в случае, когда преступник скрывается и остается безнаказанным;
- эффективность правозащитных действий, обеспечивающих искомое чувство защищенности пострадавшего от возможных манипулятивных действий персонификатора;
- особенности личности персонификатора и процесса ее развития; его отношение к собственным действиям как в момент совершения действий, травмировавших другого, так и в последующий период¹.

2. **Социальная**, содержание которой составляет осознание пострадавшим условий процесса воспроизводства и поддержания духовных ценностей. Сюда можно отнести:

- прежде всего, и это главная проблема, *блокированность* процесса *созидательной социальной* самореализации пострадавшего²; причем чем значительнее публичность личности (реальная или «виртуальная»), тем меньше остается для нее возможности скрыть даже малейшие проступки, которыми персонификатор, как правило, готов оправдать свою агрессию³;

¹ Его искреннее покаяние в ущербе, нанесенном пострадавшему, несомненно, облегчает задачи консультирования и в значительной степени сокращает этот процесс. Если моральный груз несет не только сам пострадавший, так же как, например, материальный в случае инвалидности потерпевшего, то его психологическое здоровье в посттравматический период будет восстанавливаться быстрее.

² Это трагедия Раскольниковова: общество не примет результатов его общественно-научного творчества, пока он не возложит на себя тяготу наказания за право быть членом этого общества.

Хотя в аналогичной ситуации ущерб может получить и личность, не имеющая в данный момент никакой потребности в созидательной деятельности вообще. Налицо особый случай, требующий дифференцированной стратегии консультирования.

³ Социальный невротик легко снимает остроту и позитивную личностную значимость подобного внутреннего конфликта на пути активного разрушения общества и его культурных ценностей.

- необходимость существования социальных ценностей, несмотря на их блокированность для пострадавшего в результате его травмы (или деструкции ценностей в масштабах всего общества, переживающего очередной период кризиса и распада общественных отношений);
- успешность процесса выявления социальных корней испытанного зла; это не означает, что, к примеру, пострадавший от действий криминала обречен посвятить всю свою дальнейшую жизнь борьбе с преступностью: есть политические, экономические, идеологические и другие корни преступности; элементарное невежество, требующее подъема культуры и развития системы образования; т. е. пострадавший вполне свободно может найти самые широкие социальные возможности и смыслы переживания и «перерастания» негативного воздействия травмы в социально активную деятельность;
- преодоление деструктивного влияния чувства своей собственной вины в случившемся¹;

— в отличие от психоанализа, нам эта проблема представляется более реальной и сложной, хотя, конечно, теряет в художественности и фантастичности;

— З. Фрейд прав только в том, что не все стороны личности пострадавшего, реально усилившие риск травматизации, требуют блокирования и преодоления: иначе мы можем теоретически обосновать криминальный тип личности персонификатора, который никогда и ни к кому не проявляет ни сострадания, ни доверия, ни жалости;

- неадаптивность подростка, которая в больной социальной среде не может однозначно рассматриваться как проявление невротичности²; в этом отношении само

¹ З. Фрейд нашел гениальное, но мифологическое решение этой задачи: сексуальное преступление взрослого родственника провоцирует сам ребенок, но он тоже не может считаться виновным, поскольку это, во-первых, «всеобщий инстинкт» и, во-вторых, ввиду того, что ребенок просто слишком мал.

² На эту сторону содержания процесса консультирования постоянно обращает внимание И. В. Дубровина.

понятие социальной адаптации обнаруживает свою *противоречивую сущность*; задача психолога не только корректировать, но и поддерживать тех подростков, чье девиантное поведение противоречиво связано с их приверженностью к общечеловеческим культурным ценностям, подвергнутым социальному остракизму.

3. *Личностная*. Травму нельзя решить, как, например, когнитивную задачу, с тем чтобы пострадавший окончательно удовлетворился каким-либо однозначным решением и остановился на застывшей в памяти формулировке, включающей оценку и ограниченное отношение к случившемуся в прошлом драматическому событию его жизни.

Сам процесс личностного развития, неотделимый от самопознания, порождает или выявляет ранее незаметные или казавшиеся несущественными стороны и грани той целостности, которая составляет единую картину травматического события. С каждой из этих граней, по мере их презентации в сознании, пострадавшему необходимо соотнестись.

Этот естественный процесс наиболее ярко, но односторонне негативно описал Э. Берн (1988). Он обратил внимание на безрезультатность традиционной психотерапии, которая может превращаться в манипулятивную игру. Но помимо блестящего выявления игровых моментов, в наблюдаемом им процессе, к сожалению, оказалась в тени содержательная сторона — **неисчерпаемость** травмы.

Заметить эту сторону изучаемой реальности Э. Берну, видимо, помешала его приверженность к психоаналитической ориентации. А ортодоксальному психоанализу это тем более было практически невозможно в силу того обстоятельства, что его представители не только не ставили целью развитие личности, но, напротив, пытались свести ее социальное пространство к эдипову комплексу.

Неисчерпаемость травмы проявляется у хорошо рефлексизирующих пострадавших прежде всего в процессе интуитивного *спонтанного созревания проблем и решений*, которое требует прерывания текущих сознательных действий и возвра-

шения к сознательному анализу травмы, как правило, в совершенно неподходящих для этого условиях.

Это возвращение не надо путать с компульсивными переживаниями, спровоцированными внешними причинами, случайными ассоциациями и т. п. В такие моменты пострадавший скорее пытается вспомнить и использовать испытанные способы защиты, чем пытается сформулировать новую проблему или ее решение. Хотя, конечно, именно эти мучительные переживания и отчаянные поиски решения и подготавливают интуитивно созревающие решения.

Роль и значение интуиции пострадавшего в работе с травмой будет обсуждаться позже. Здесь важно подчеркнуть другое: травма не осваивается пострадавшим сразу и в полном объеме не только в силу болезненности переживаний, но и в силу того, что развитие личности, освоение новых ценностей, установление новых смысловых связей с обществом и окружающими неизбежно высвечивают новые проблемы. Эти проблемы вовсе не та теневая часть ситуации травмы, различить которую мешает аффект (хотя есть и такая важная сторона ориентировки пострадавшего в травматической ситуации), а содержание, лежащее за пределами непосредственно воспринимаемой ситуации, но в то же время тесно связанное с ней.

И открывается эта сфера действительной *социальной «самости»* как бы новыми ступенями самопознания на пути личностного роста пострадавшего. Область травматической ситуации постепенно расширяется и приобретает новые измерения. Некоторые обстоятельства, которые казались раньше первостепенно важными и существенными, начинают восприниматься в качестве менее значимых деталей общей картины. И напротив, несущественные ранее детали выступают частью новых драматических проблем.

В целом постстрессовый процесс переживания травматической ситуации далек от картины плавного перехода аффективной бури, где в волнах тревоги и отчаяния тонут последние надежды, к полному штилю радостного спокойствия.

вия. Дело в том, что по ступеням личностного роста пострадавшего поднимается и его «тень» (Юнг К., 1994). На каждой из новых высот своего духа пострадавший может внезапно с отчаянием различить неожиданные следы персонификатора, который, оказывается, уже давно освоился на новом уровне и готовит новый план нападения. А пострадавший еще не освоил новых приемов защиты и поэтому вынужден панически опускаться по завоеванным ступеням вниз за старым испытанным оружием из арсенала деструктивных субкультур.

К сожалению, иногда это происходит не только в представлении пострадавшего, но и в реальности¹. Личностный рост может делать пострадавшего не только сильнее, но и в какие-то моменты, без квалифицированной поддержки консультанта, более слабым и уязвимым.

Но сказанное не означает, что потерпевший обязан пожизненно носить груз травмы. Он имеет свободу в определении такого момента когнитивной «вычерпанности» содержания травмы, когда обращение к ее анализу занимает больше времени и усилий, чем другие пути саморазвития. Ничто не может этому помешать, если пострадавший уже успел настолько овладеть процессом категоризации обстоятельств травматической ситуации, что может спокойно вызывать образы негативных воспоминаний в памяти, не испытывая разрушительных и неконтролируемых отрицательных аффектов и не впадая в депрессивные состояния.

Это как раз тот момент в развитии, достижение которого знаменуется абсолютной свободой личности в ее желании «сбросить груз прошлого» (Леонтьев А. Н., 2001). Личность спокойно проходит мысленно по местам, представление ко-

¹ Поскольку творчество является источником развития личности, то можно понять, почему жертва насилия, которая затем нашла свое призвание в музыке, пыталась покончить жизнь самоубийством после того, как представители мафии принудили ее танцевать стриптиз под ее собственное пение (Япония, 80-е гг.). Такие садистские действия превосходят по жестокости и цинизму пытки различных тоталитарных служб, в процессе которых жертву периодически приводят в сознание, только для того, чтобы она могла испытывать боль.

торых ранее ввергало ее в ужас и отчаяние, видя все издали; и, может быть, только слегка жалея о времени, упущенном для более полноценной жизни и развития своих способностей. В отличие от техник НЛП (Гриндер Г., 1998; Грэхэм Дж., 1993), консультант не ставит задачу избавить потерпевшего навсегда от трагически пережитых образов. Просто ранее единый путь личностного развития неизбежно разветвляется на два направления: собственно развития и навязанного переживания травмы.

В заключение хотелось бы отметить еще одно важное условие работы с социальным невротиком, которое кажется очевидным, но, тем не менее, прежде чем использовать его «по умолчанию», надо найти для него соответствующее место. Совершенно исключается любое принуждение социального невротика к консультированию. Этот важный юридический аспект необходимо специально подчеркнуть в связи со знакомой нам историей психиатрического и психотерапевтического преследования инакомыслящих.

Глава 3. Основные проблемы

Мало понимать сущность травматического взаимодействия, надо еще уметь предвидеть те проблемы, с которыми неизбежно может столкнуться практический психолог в процессе консультирования пострадавшего. Проблемы эти разноплановы. Одни из них вытекают из самого содержания психологической травмы, другие являются дополнительными, но от эффективности их решения не в меньшей степени зависит успех консультирования.

Станет ли *деструктивное взаимодействие* травматическим, зависит от наличия многих условий и личного выбора его участников, как потенциального пострадавшего, так и потенциального персонификатора. Результаты деструктивного взаимодействия могут консервироваться и становиться *травматическим конфликтом* лишь в связи с формированием личностных новообразований, обеспечивающих усвоение соответствующих культурно-исторических ценностей. Примером такой *отсроченности* формирования травматического конфликта являются детские сексуальные травмы, с анализа которых, фактически, и началось развитие практической психологии в русле психотерапии и психологического консультирования.

Перед консультантом неизбежно возникают два ряда проблем: содержательных, связанных с анализом травматического взаимодействия, и процедурных, имеющих отношение к организации индивидуально направленного процесса консультирования, связанных с последовательностью действий самого консультанта, принципами и логикой построения консультативных взаимоотношений. Решение процедурных вопросов не всегда уступает место содержательным, тем более что они не могут существовать в качестве чисто формаль-

ных, оторванных от содержания травматических взаимоотношений.

В процедурном отношении консультанту важно, прежде всего, определить **степень тяжести травмы и определить ее тип**. Критерием здесь является, как было отмечено выше, не сама сила деструктивного воздействия, а способность пострадавшего ориентироваться в травматической ситуации без ее защитного искажения¹. Некоторые пострадавшие способны конструктивно переживать ситуации, которые для большинства других становятся причиной глубокой депрессии. Поэтому вместо терминов по шкале «легкость — тяжесть» мы будем использовать понятия «допредельность» и «запредельность». Допредельной травмой мы будем называть такие результаты травматического взаимодействия, которые не способны блокировать или деформировать процесс развития данной личности. Результаты деструктивного взаимодействия могут вообще не приобрести качества травмы, остаться просто отрицательными эмоциональными переживаниями, которые нашли адекватный действенный выход. При определенных условиях субъект впоследствии оказывается способным даже гордиться этим своим жизненным опытом.

Так, например, криминальная травма, нанесенная личности воров, может относиться к числу допредельных, если она только временно снижает самооценку пострадавшего, если процесс деструктивного переживания имеет выраженную тенденцию к затуханию. Его продолжительность зависит от индивидуальных свойств личности и тех предполагаемых усилий, которые потребуются пострадавшему для того, чтобы он почувствовал уверенность, что возместил потерю и восстановил свои жизненные силы.

В случае аферы, при тех же материальных потерях, травма оказывается более изощренной и сложной, поэтому гораздо чаще переживается в качестве запредельной. Преступник пытается игровыми методами возложить вину на самого по-

¹ В частности, без того эффекта, который З. Фрейд называл «вытеснением».

страдавшего, спровоцировать его на морально осуждаемые действия и поставить перед проблемой снижения самооценки и сохранения позитивной «Я-концепции».

Травма становится проблемой, неизбежно угрожающей деформацией или распадом личности в том случае, если пострадавший не защищен от аффективной помеченности травмы. Возвращение к аффекту провоцируется внешними воздействиями и внутренними страхами, а также, об этом говорилось выше, спонтанным созреванием осознания травматических проблем и их решений (работа интуиции).

Тяжесть травмы и глубина переживаний пострадавшего не только напрямую зависят от степени неразвитости психики (задержки в развитии, «невротичности»), но и, напротив, усиливаются при достижении пострадавшим наиболее высоких уровней личностного развития. Например, развитая фантазия усиливает представления и переживания, соответственно усиливаются и искажаются образы памяти, поэтому даже допредельная душевная рана у творчески одаренных пострадавших практически не заживает.

Для того чтобы оценить влияние такого фактора, как степень развития фантазии на глубину и качество переживаний личности, достаточно вспомнить известный случай необычного завершения А. М. Горьким творческой работы над одним из своих рассказов. При написании сцены удара ножом фантазия выдающегося писателя позволила ему с такой ясностью почувствовать боль героини, что он потерял на время сознание и упал на пол. Понятно, что такой человек и собственную, ранее пережитую боль будет вспоминать с необычайной силой и яркостью.

С другой стороны, и посттравматические страхи, в свою очередь, способствуют развитию фантазии. Но, конечно же, мы не склонны упаковывать посттравматическую проблематику в классический общепсихологический «набор взаимных зависимостей», процессов и функций. Действительно значимые факторы, определяющие глубину травмы, лежат в совершенно другой плоскости. Поэтому нелишне еще раз

подчеркнуть, что именно развитость ценностной сферы, а не что-то другое, в том числе и пресловутая «невротичность», понимаемая как задержка и искривление в развитии («гнилое дерево»)¹, как правило, становится условием реальной человеческой драмы.

Стремление к справедливой мести, не переходящей определенных моральных и правовых рамок, в значительной степени может быть оправдано и поддержано не только обществом, но и консультантом на начальном этапе реабилитации пострадавшего; в некоторых случаях оно является единственным доступным средством облегчения драматических и разрушительных для личности пострадавшего, явно запредельных переживаний. Мы считаем, что помилование насильника не может совершаться без свободной воли пострадавших личностей, надежно защищенных обществом от психологического давления преступника. Нарушение этого условия может негативно сказаться на процессе реабилитации пострадавших, чьи интересы общество, несомненно, должно предпочитать интересам преступной личности, если, конечно, нет надежных фактов, подтверждающих необратимость ее развития по пути социализации. Но дело как раз в том, что, как только бывший преступник окажется на этом пути, он вовсе не будет заботиться в первую очередь о своем помиловании и тем более о чем-то вроде своего личного комфорта. Напротив, он будет пытаться всеми силами искупить свою вину перед пострадавшим и обществом в целом. В отношении личностного роста эффект очевиден.

Но такая позиция личности на подъеме ее духовного возрождения, несомненно, будет негативно оценена практикующими психотерапевтами, поскольку чувство вины они считают абсолютно деструктивным. Получается, что мы имеем дело в развитии личности с неким психологическим «аппендиксом»,

¹ В природе мы можем наблюдать аналогичный парадокс: буря валит крепкие дубы, сохранившие листву, а при этом рядом остаются почти не тронутые стихией слабые по всем признакам деревья, уже давно сбросившие рано пожелтевшую листву. Конечно, они лишились 2—3 гнилых веток, но в целом вполне благополучно продолжают произрастать.

который непременно надо удалить не только у больного, у которого уже началось воспаление, но и у любого другого, вполне здорового человека. Необходимо иметь в виду, что помимо негативной стороны, т. е. добровольного согласия с властью другого, чувство вины имеет и положительную сторону — стремление вернуть любовь этого другого.

Таким обобщенным другим субъекту может представляться все общество в целом, но не на этапе распада, а на этапе сохранения духовных ценностей, необходимых для развития личности. Негативный результат проявления субъектом чувства вины получается только тогда, когда оно провоцируется кем-то с манипулятивными целями или актуализируется без учета межличностных условий, точнее, оказывается обращенным к эгоцентрическому субъекту, для которого нет более значимой ценности, чем власть.

Травма как результат собственных действий против личности другого или (в более широком плане) антисоциальных действий — это особый *тип травмы* и особый тип социального невротика. Пострадавший выступает в роли персонификатора¹ для своего бывшего психологического преследователя и начинает активно препятствовать его жизненно-смысловой переориентации и вступлению на путь социализации.

Можно отметить, что распространенные в период перестройки бессмысленные политические лозунги отмщения в отношении давно умерших палачей не имеют никакого психологического и реабилитационного значения. Они носят явный провокационный характер, обостряют новые социальные конфликты, сеют вражду и имеют все признаки малодушного торжества над морально сломленным, временно растерянным и потому сдавшимся без боя правопреемником, например, как это мы сейчас наблюдаем в прибалтийских странах.

¹ В реальных взаимоотношениях это можно наблюдать в поведении некоторых хронически озлобленных диссидентов, охваченных жадой мести не столько к функционерам партийно-хозяйственного актива, «естественно переметнувшимся» к победителям, сколько ко всему своему народу.

Это разные вещи: отчаяние пострадавшего, который мучительно не может найти справедливого выхода из травматической ситуации, с одной стороны, и стремление клиента психотерапии просто обелить себя, свои преступления перед обществом за счет пострадавших — с другой. В частности, задачей консультирования не является стремление создать абсолютный моральный комфорт для реального виновника социального конфликта путем возложения на индивидуальные или национальные особенности его персонификатора всей вины за ужасающие последствия личного падения своего «клиента». Так, для Родиона Раскольников воображаемым персонификатором является старуха процентщица.

Видимо, все-таки психологическая связь любого преступника с жертвами его действий не должна упрощаться на пути непосредственного психотерапевтического избавления «клиента» от чувства вины. Это справедливо хотя бы потому, что мы не можем абстрактно отбрасывать ни одно средство, которое может способствовать реабилитации преступной личности, если оно, разумеется, не является разновидностью морализаторства, пошлого и бесполезного. «Стерильный» от чувства вины путь преодоления делинквентности представляется нам достаточно фантастическим и абсолютно непрактичным в рамках системы массового консультирования. Хотя, конечно, это «средство» должно быть строго дозировано, его нельзя искусственно усиливать и культивировать. Тем более что отношения в обществе достаточно динамичны. И казалось бы, абсолютно устоявшиеся и непререкаемые оценки действий людей в одночасье могут измениться по своему знаку на прямо противоположные.

Социальные катаклизмы бывают настолько кардинальными, что легко затрагивают и переворачивают межличностные взаимоотношения власти. Бывший раб или социальный изгой вдруг становится господином. Большинство психологических проблем легко снимаются для него и без

психотерапии на социальном уровне¹. Но зато эти же социальные изменения порождают психологический конфликт для бывшего господина, который обречен теперь на раскаяние или оправдание, защиту своего «Я» в свете новых нравственных (и правовых!) координат. В новом облики оживает, казалось бы, давно похороненный «бес морализаторства». Одни личности оказываются чудесным образом мгновенно избавленными от травматических переживаний, а масса других внезапно оказывается в травматической ситуации, переживаемой весьма парадоксально: впервые, но в прошедшем времени. Действия, которые доселе казались им естественными и единственно возможными и которыми они длительное время даже гордились, теперь прочно связаны с неожиданными травматическими переживаниями. Все эти динамические условия требуют учета и адаптации процесса консультирования к соответствующему конкретному предмету с его сложной и противоречивой динамикой.

Особым типом травмы является также классическая сексуальная. Ее главную особенность мы видим в том, что переживания и воспоминания здесь могут приобрести форму перверсий, заканчивающихся разрядкой сексуальной потребности пострадавшего, а страхи и депрессивные состояния со временем стать пусковым механизмом в этом процессе. Сращенность переживаний тревоги, страхов, обиды и т. п. в сочетании с активизацией познавательной потребности и сексуальных влечений делает анализ этого типа травм наиболее сложным и трудоемким, что требует от консультанта значительно более высокой профессиональной квалификации, чем работа с большинством других типов травматических ситуаций.

Главной содержательной проблемой травматических взаимоотношений является проблема власти. Принято счи-

¹ Например, гомосексуалист, наркоман или бывший фарцовщик в новых условиях может стать депутатом и неумолимо инициировать преследование «агрессивно-послушного большинства», которое, как он считает, «годами отравляло жизнь».

тать, что ее разработку начал А. Адлер (1993, 1997), который действительно внес наибольший вклад в осознание, постановку и решение данной проблемы как первостепенной в психотерапевтическом взаимодействии.

Но в то же время Э. Берн прав, говоря, что у З. Фрейда «есть все». Основоположник психоанализа интуитивно пришел к одновременному решению целого комплекса психотерапевтических проблем, в том числе и проблемы власти. Видимо, поэтому ему совершенно не нужна была какая-то дополнительная формулировка проблемы власти как самостоятельного теоретического вопроса. Как уже отмечалось выше, З. Фрейд возложил вину за травму на самого ребенка (на его всеобщий врожденный инстинкт). Но принятие реальности существования «простительной вины» пострадавшим — это более сложный процесс, чем он представляется с первого взгляда. Это не просто понимающее освобождение пострадавшим и себя самого, и близких родственников по принципу «никто не виноват».

Если пострадавший чувствует, что он, хотя бы прости-тельно, но все-таки в какой-то мере виноват сам — это для него большой плюс в решении задачи смягчения остроты переживаний. Одно дело — видеть себя беззащитной жертвой, оказавшейся в полной власти маньяка, другое — инициатором импульсивных действий простодушных и безвольных взрослых. В последнем случае они (взрослые) уже видятся пострадавшим в качестве слепых орудий его сексуального инстинкта, всеобщность которого прощает всех участников этого взаимодействия в отношении третьей стороны — «враждебного» общественного мнения. В своих переживаниях пострадавший видит себя уже не жертвой. И если не «преследователем» (Берн Э., 1988), то уж точно таким маленьким хитрым манипулятором. А всеобщность его рано пробуждающегося либидо снимает вину теперь уже не со взрослых, а именно с него, в частности, за те последствия, к которым он якобы склонил безвольных взрослых, оказавшихся не в состоянии противостоять его сексуальным провокациям.

Практически З. Фрейд превращает клинического невротика в социального, сознательно формируя у пострадавших тот тип защиты, который стихийно складывается, к примеру, у проститутки, испытывающей сексуальное принуждение (Ф. Перлз). «Не они насилуют меня, а я сама непрерывно хочу разнообразного секса», — внушает она себе защитный лозунг и компульсивно демонстрирует его истинность, с готовностью принимая роль нимфоманки, фактически совершенно чуждую ей. Аналогичный процесс искаженного защитного восприятия взаимоотношений власти, видимо, приводит и к формированию гомосексуального поведения. Но этот вопрос, вполне очевидно, требует специального дополнительного, причем достаточно обширного изучения.

В современных исследованиях понятие власти размывается и порой отождествляется с другими понятиями: «влияние», «зависимость», «воздействие» и т. п. (Шихирев П. Н., 1979). Значение последних к тому же иногда смешивается со смыслом защитного использования понятий «дружба» и «любовь» со стороны невротической личности. Действительно, содержание всех этих понятий тесно взаимосвязано. Но на этом весь пафос указанных исследований и заканчивается, а картина изучаемого предмета остается в конце теоретического анализа еще более неясной, чем в его начале. На самом деле, есть возможность использовать в процессе консультирования более определенное значение понятия власти. Одним из первых (и даже более глубоко, чем некоторые современные психологи, использующие различные и порой противоположные по содержанию понятия как синонимы) явление странного «подпадания» одних людей под власть других исследовал М. Ю. Лермонтов: «...из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается...» (Лермонтов М. Ю., 1969. С. 261).

Взаимоотношения власти формируются в условиях, характеризующихся достаточно близкой психологической дистанцией (Столин В. В., 1983) сторон. В условиях травмы эта дистанция между пострадавшим и его персонификатором ока-

зывается минимальной. Более того, выход из психологической травмы тесно связан с нахождением путей их взаимного отдаления, вплоть до отчуждения. Конечно, это не экспериментальные исследования В. Вундта и не клинический метод З. Фрейда, но мы убеждены, что в данном случае метод художественного познания обогатил практическую психологию весьма ценными результатами, содержащими значительный эвристический потенциал и заслуживающими специальной работы по их научной аккомодации.

Если одни люди обеспечивают себе власть над другими лишь за счет превосходства в финансовом отношении или физической силе, то отношения власти не представляют особого интереса для психолога. Хотя и здесь встречаются интересные парадоксы: слабый присваивает себе чужую силу, а неимущий распоряжается чужими финансами как своими. Речь не идет и о том, что кто-то откровенно вынуждает или принуждает других что-то делать против их воли. Нас мало интересует факт подобной очевидной зависимости. Конечно, степень удовлетворения потребностей одних может зависеть от воли, интересов и желаний других. И это тоже можно назвать проявлением власти.

Влияние одного подростка на другого может быть таким, что тот оставит свой индивидуальный путь и окажется в зависимости от хорошо адаптированного в подростковой группе сверстника или старшего по возрасту друга, поведению которого пытается подражать. И вот эта ситуация, действительно, уже является одним из наиболее ярких проявлений психологической зависимости и власти.

Нас не интересует власть как стремление к лидерству и превосходству над другими в группе, характерное для спортивных соревнований и учебных состязаний, а также конкуренция в вопросах внешней привлекательности, общительности и т. д.

Нас интересуют *травматические взаимоотношения власти*, связанная с ними способность одной стороны присваивать себе моральную победу над другой, независимо

от объективного результата взаимодействия. Один и тот же поведенческий акт или результат взаимодействия в одном случае служит доказательством победы и превосходства, если он принадлежит доминантному индивиду, а в другом — доказательством поражения и рабской приниженности, если принадлежит подвластному. Такой властный персонаж — настоящий мастер обеспечивать себе личную власть над окружающими — предстает нам в образе Фомы Опискина (*Достоевский Ф. М.*, 1882б).

Мы убеждаемся, что психологическая власть зависит от умения индивида использовать социальные реалии: доминирующие культурные нормы и ценности. Слабость и даже физическая беспомощность могут обеспечить превосходство и стать основой для манипулирования другими: «деревянная нога», «беспомощный», «неумейка» и т. п. Э. Берн увидел ту хитрую диалектику власти, которая была скрыта от А. Адлера. Может быть, это можно объяснить тем, что изменились социальные реалии? Возможно, масса людей перестала стремиться к действительному превосходству, как во времена Д. Карнеги (1989), а конкуренция продолжает существовать в качестве основополагающего принципа экономической и социальной жизни только в своекорыстной фантазии наших отечественных либералов. Возможно, в качестве истинных социальных реалий в современном мире уже давно активно выступает вместо конкуренции, давно ушедшей в историю, эскалация глобализма, что очень похоже на характеристику отечественных социально-экономических условий. Но это не наши проблемы — пусть над ними ломают головы социологи и историки психологии. Для нас, прежде всего, важна та действительно существующая психологическая реальность, которую так гениально описали Э. Берн (1988) и Э. Шостром (1994).

Оказывается, что и самому беспомощному ребенку нет нужды комплексовать, если он нашел способ эксплуатировать свою слабость и присваивать себе способности окружающих. Чем он слабее и болезненнее, тем больше ему помо-

гают, защищают его, заступаются в драках. Нет никакой нужды прилагать огромные усилия для своего физического совершенствования. Манипулятор, в том числе и ребенок, с тем же успехом может использовать гуманистические принципы, с каким Фома Опискин использовал религиозные каноны.

Но, к сожалению, даже самое гениальное описание явления не позволяет дойти до его сущности, если в распоряжение исследователя не могут попасть некоторые необходимые орудия теоретического анализа. Важнейшим из таких орудий, на наш взгляд, является понятие ориентировки (Гальперин П. Я., 2002). В функциональной структуре деятельности ориентировка занимает особое место. В ходе ориентировки создается *динамический образ* ситуации, на основе которого формируется *цель* дальнейшей исполнительской части действия (операции). Особенности последней пока не представляют для нас интереса.

Исследованиями П. Я. Гальперина (2002), В. Я. Ляудис (1980, 1981) и др. установлено, что именно в ориентировочной части деятельности формируются новые потребности и мотивы. Ранние исследования Д. Б. Эльконина в области периодизации психического развития (Эльконин Д. Б., 1971) позволили сделать вывод, что другим важным условием развития мотивационно-потребностной сферы и, очевидно, ценностной (!) является общение. Эта гипотеза получила исчерпывающее подтверждение в работах В. Я. Ляудис и ее учеников, которые перенесли центр исследовательского интереса с возможного психологического анализа процесса общения к изучению условий формирования продуктивного взаимодействия учителя и ученика. Это было вполне логичным и перспективным продолжением исследований в русле психологического анализа учебной деятельности и позволило получить результаты, ценность и эвристический потенциал которых в полной мере еще не осознаны со стороны научного

сообщества и, к сожалению, почти не известны практическим психологам образования.

Социально-психологический анализ совместной деятельности сдерживался зауженным значением этого понятия, тесно связанным с его психолого-педагогическим атрибутом — продуктивностью учебного взаимодействия. Непродуктивное взаимодействие вообще не рассматривалось в рамках совместной деятельности. Но именно анализ этой *непродуктивной* совместной деятельности только и позволяет вскрыть те глубинные психологические механизмы, которые обрекают учителя на традиционный тип взаимодействия с учащимися (Красило А. И., 1986), несмотря на наличие в его сознании явно выраженных гуманистических установок и инновационных идей: «равенство позиций», «демократический стиль общения», «развивающее обучение», «права ребенка», «творческий подход» и т. п.

Социально-психологический анализ совместной деятельности (Там же) дал целый ряд научных результатов, оказавшихся одновременно актуальными для психологии управления, педагогической психологии и психологического консультирования. В частности, впервые удалось подойти к определению понятия управления, хотя до сих пор специалисты, в том числе и в области психологии управления, используют лишь *представления* об управлении и, вместо того чтобы сформулировать ответ в понятиях, начинают что-то вырисовывать, нажимая в основном на наличие обратной связи. Получила экспериментальное подтверждение гипотеза о том, что совместная деятельность, направляемая целью-результатом (в отличие от цели-противоречия) с неизбежностью приводит к поляризации взаимоотношений (Там же).

Одна сторона, чья *индивидуальная* деятельность привела к результату, который был принят в качестве цели последующей *совместной* деятельности, необходимо становится управляющей, а вторая сторона — управляемой. Последняя вынуждена «подстраиваться снизу» к той, которая, фактически, едино-

лично осуществляет управление процессом совместной деятельности. Для педагогической психологии, в русле которой автору пришлось длительное время работать, важно было решение комплекса задач, направленных на обеспечение условий, которые позволяют учителю заменить «цель-результат» на «цель-противоречие». Это и есть необходимые социально-психологические условия продуктивного взаимодействия учителя и ученика. В том, что психолог должен корректировать не личность ученика, а условия образовательной среды, уже более пятнадцати лет не устает убеждать практических психологов образования И. В. Дубровина (Психическое здоровье... 2000).

Для психологического консультирования важна другая сторона, более близкая к содержанию психологии управления. Дело в том, что взаимодействие участников совместной деятельности, опосредованное целью-результатом, приводит к разделению и закреплению за каждым из них двух противоположных частей этого циклического процесса: ориентировочной и исполнительской. Таким образом, формируются *взаимоотношения управления*. Это есть вполне определенный способ разделения и закрепления основных функциональных частей в психологической структуре совместной деятельности (Красило А. И., 1986). Такое понимание взаимоотношений позволяет проследить процесс их формирования, не разрывая общение и предметную сторону совместной деятельности на два параллельных процесса, которые затем в лучшем случае могут изучаться лишь в качестве механически взаимодействующих друг с другом.

Автор ставил задачу понять, как противоречивое единство двух неразрывных сторон совместной деятельности порождает человеческие *взаимоотношения*, а затем, по мере их развития и осознания участниками, и соответствующие *отношения* каждого друг к другу. Взаимоотношения развиваются из совместной деятельности, а затем конституируются в этом новом качестве, а вовсе не «складываются» из отношений, подобно кирпичикам, как это представляют себе

сторонники парадигмы, которую можно было бы назвать конструктивистской¹ (Т. Ньюком, Ф. Хайдер, Я. Л. Коломинский).

Во взаимоотношениях управления один участник специализируется на управлении, а другой — выполняет исполнительские функции. В результате приведенных выше рассуждений мы получили краткое описание достаточно завершённой модели взаимоотношений власти, содержащей в себе момент развития и совершенствования. Разумеется, мы пока обозначили еще не все понятия, необходимые для психологического анализа взаимоотношений власти. До сих пор мы говорили только об управлении совместной деятельностью. В отечественной социальной психологии сложилось представление, что управление деятельностью — процесс закономерный, прогрессивный и общественно полезный, а управление человеком — явление не гуманистическое и безнравственное. Автор этой работы всегда полагал, что и управление индивидуальной деятельностью человека является не чем иным, как управлением самим человеком. А в том, что совместной деятельностью кто-то обязательно должен управлять, поскольку такова необходимость дальнейшего прогрессивного развития производительных сил, конечно, никто не сомневается.

Один человек может управлять совместной деятельностью разными способами. Способ первый: тенденциозно сокращать область ориентировки своего партнера, с тем чтобы никакой другой цели, кроме предусмотренного (или заданного) результата, тот не мог сформировать. На этом пути ориентировка оказывается *неполной*: ее содержание постоянно необходимо уменьшается и тенденциозно деформируется в рамках динамического образа, сжимается до информационного объема цели-результата. Но это еще не сущность отношений власти, а лишь проявление авторитарности, которая обеспечивает руководителю необходимые условия для

¹ Имеется в виду, что даже изготовление простой табуретки требует ее предварительного конструирования «как системы».

единоличного принятия решений, хотя, несомненно, это типичный вариант управления человеком через управление его деятельностью.

В травматических условиях (под влиянием аффекта) ориентировка автоматически заужается до цели-результата, который становится символом власти. В то же время у пострадавшего наблюдается нарушение синтетической функции, способности создания им более целостного образа ситуации и ориентировки в ней с целью выработки гибких и адаптивных действий по отношению к результатам навязывания ему травматического образа, деформированного волей и эгоцентрическими интересами персонификатора.

Способ второй — расширение области ориентировки управляемого. Это вообще нельзя назвать управлением человеком, потому что тут мы имеем дело с процессом, направленным в противоположную сторону от только что рассмотренного. Такое управление совместной деятельностью, очевидно, подходит для процесса обучения и высоко технологичных областей производства. Расширение ориентировки также может быть тенденциозно направлено на решение определенных задач и проблем, как социально-экономических, так и образовательных.

Момент действительного равенства партнерских позиций, в том числе учителя и ученика, достигается только в том случае, когда их совместная деятельность опосредована целью-противоречием, т. е., с одной стороны, области ориентировки партнеров оказываются максимально расширенными, в результате чего активно мобилируются все актуальные знания и способности, с другой — никто из участников процесса не знает цели-результата. Поэтому совершенно не предрешено, кто из партнеров будет иметь моральное право на демонстрацию своего превосходства¹. В методических целях

¹ На самом деле, предлагаемая нами образовательная технология такова, что никто из участников продуктивного взаимодействия даже не пытается использовать это свое право, хотя познавательная победа учеников всегда осознается и по достоинству оценивается учителем.

вполне обоснованным является и дозированное расширение области ориентировки учеников, ограниченное учебной задачей, что обеспечивает необходимую мотивацию учебной деятельности (*Талызина Н. Ф.*, 1975).

Сам образ имеет особенности, которые мы хотели бы выделить. Ориентировка совершается в реальности, а образ является ее следствием и основой для построения (формирования программы) действий. Субъект как бы отрывается от реальности и строит программу возможного действия в плане образа. Для принятия решения и разворачивания исполнительской части деятельности образ, в динамике которого на время запланированного действия экстраполировано течение реальных процессов, на какой-то момент должен быть остановлен (умерщвлен!). Практическая деятельность вообще имеет явную тенденцию, в отличие от созерцания, умерщвлять живую действительность. Таким образом, человек и защищает себя от действия разрушительных природных сил (*Бердяев Н.*, 1995).

Действие совершается в виртуальном пространстве образа. К примеру, человек ловит мяч в той точке пространства, где его еще нет в момент запуска сформированной операции. Лишь по завершении исполнительской части действия, в течение которой ориентировка существует в виде исчезающего момента, в качестве контроля реально достигнутый результат окончательно сличается с ожидаемым. Причем это сличение происходит не только в пространственном отношении, но, самое главное, в мотивационно-потребностном. Человек может «успешно» (в физическом отношении) совершить запланированное действие, но в результате испытать разочарование или боль.

В условиях травматической ситуации аффект метит остановленный образ и воспроизводит его снова и снова. Это не просто «картинка из прошлого». Если бы это было так, то мстительная агрессия в отношении персонификаторов, наблюдаемая у части пострадавших, вплоть до желания физического уничтожения инфернала, стала бы совершенно не-

понятным действием, направляемым каким-то бессмысленным мотивом. Что в образ воспоминания может внести последующее реальное исчезновение инфернала, если это просто «следы в памяти»? Следовательно, образ травматической ситуации тесно связан с образом персонификатора и сложившимися взаимоотношениями пострадавшего с ним. Пострадавший, как правило, пережил фрустрацию, напуган, воля его парализована, он оказывается не способен контролировать собственные импульсивные и явно бессмысленные действия и т. п. Аффект сужает ориентировку жертвы травматических событий и все ее мировосприятие до области травматической ситуации. Персонификатор также пережил аффект, но с другим знаком, не подавляющим, а энергетически поддерживающим уверенность в достижении своих целей.

Таким образом, аффект сам становится неизменным условием построения взаимоотношений пострадавшего и персонификатора, которые оказываются кардинально неравны по потенциальным возможностям сторон ориентироваться и взаимодействовать в новых ситуациях. По моральным понятиям это совершенно несправедливо, что и вызывает у пострадавшего жажду мести, средства которой и сама цель ограничены достигнутым уровнем морального развития субъекта: чем он выше, тем менее вероятна реакция мщения.

В условиях реального или виртуального взаимодействия пострадавшего и персонификатора образ травматической ситуации превращается в ориентировочную основу деятельности (ООД). Для пострадавшего этот образ может служить источником энергетической поддержки на пути мести, а для персонификатора, если пострадавший отказывается от тактики сведения счетов, он становится *средством установления психологической* власти над пострадавшим. И пострадавшая личность, и персонификатор интуитивно понимают, что ориентировка пострадавшего в присутствии персонификатора является фрагментарной и неполной. Персонификатор всегда — в реальности и мысленно — опережает

защитные действия пострадавшего, обреченного на мучительный диалог («надо было...»). Управляя ориентировочной частью деятельности пострадавшего, персонификатор управляет процессом формирования его потребностей и мотивов, поскольку они актуализируются и развиваются именно в ходе ориентировки (Эльконин Д. Б., 1971, 1989), при условии построения соответствующих взаимоотношений (Ляудис В. Я., 1980). Даже во сне персонификатор постоянно преследует пострадавшего и неизменно одерживает над ним новые победы. Для многих травматических ситуаций, в частности криминальных, «сведение счетов» оказывается физически недостижимым даже правовым способом. Поэтому задачу консультанта мы, прежде всего, видим в содействии освобождению пострадавшего из ловушки взаимоотношений власти на пути его личностного развития и необратимого преодоления мотива мести.

Сам динамический образ, на основе которого в процессе ориентировки вырабатывается цель, может искажаться под влиянием страхов и потребностей личности, особенно со стороны слабо контролируемых или недостаточно осознанных сексуальных влечений, теряя свою динамику, становиться «аффективно-статическим». Выше мы рассматривали совместную деятельность учителя и ученика, предполагая, что партнеры имеют только некий деловой мотив. Но исследованиями М. С. Неймарк (1972) доказано, что в сочетании с другими мотивами всегда присутствует личный, кстати, единственный, который может проявляться без сопровождения иного мотива. Личный интерес одного субъекта может влиять на область ориентировки другого человека таким образом, что тот начинает активно отстаивать не свои, не общие и даже не социально значимые интересы, а исключительно интересы манипулятора. При этом его собственные влечения и социальные нормы становятся средствами воздействия на него со стороны манипулятора.

Пострадавший также иногда *стоит не на своей позиции* (Минделл А., 1993) и защищает не свои личностные интересы.

Будучи дезориентированным, посредством презентации ему деформированного образа травматической ситуации, он категоризирует травматическое взаимодействие с точки зрения позиции персонификатора, который вовсе и не собирается стремиться к истине. В этих условиях, например, под «справедливым решением проблемы» пострадавший понимает лишь собственные уступки и соглашательство, принятие всей вины за травматический конфликт на себя. Это важный признак взаимоотношений психологической власти. Видимо, поэтому случается, что не самый худший представитель криминальной группы получает наказание и отбывает срок лишения свободы за то, в чем виноваты другие. А виновному в ДТП нередко удается убедить жертву в том, что именно ее нелепые действия привели к трагическому финалу. Незрелые сексуальные потребности; примитивная, совершенно несоциализированная агрессия; недостаточно осознанные страхи и тревога; безлично усвоенные нормы, противоречивость которых вызывает панический ужас подростка, — все это условия формирования подобных взаимоотношений.

Рассмотрим другие, более устойчивые признаки взаимоотношений власти, характерные для *травматического конфликта*. Стоит напомнить еще раз, что большинство событий и действий, которые могли бы в достаточно близких — дружеских или любовных — отношениях рассматриваться как норма или просто недоразумение, обычная случайность, при определенных условиях приобретают статус травматической ситуации¹. Наша задача как раз и состоит в том, чтобы попытаться определить эти условия.

¹ Речь, конечно же, не идет о физических увечьях, когда даже полностью сформировавшийся мазохист начинает высказывать искренний протест и считать себя не игровой, а реальной жертвой. Но, например, побои и сексуальное принуждение в семье не всегда вызывают помимо стресса эффект осознания неразрешимого пока травматического конфликта. А авторитарное заключение в гарем для женщин Востока — совершенно парадоксальное с точки зрения европейской культуры — не является травмой, в отличие от их европейских или американских сестер и т. п.

Прежде всего, это столкновение с социальным невротиком, который установил психологическую власть над пострадавшим. Он парадоксально имеет явное преимущество над пострадавшим в вопросе социальной адаптации. Как раз потому, что общество и культурные ценности совершенно безразличны ему, так же как и родительская любовь, которой, даже будучи крайне избалованным, он по-настоящему был лишен, он не боится ошибиться и нанести вред обществу. Общество просто не представляет для него никакой ценности. И потому он готов вертеть его судьбой, как игрушкой, оберегая лишь свои амбиции в процессе неистребимого личного стремления к власти.

Подросток, дезориентированный необходимостью выполнения противоречивых групповых и социальных норм, но остающийся при этом пристрастным к высшим культурным¹ ценностям, необратимо им усвоенным, легко попадает под влияние и оказывается в психологической власти такого социального невротика, который «всегда знает, что делать» и «легко принимает ответственные решения», за которыми, как потом обнаруживается, скрывается полная социальная безответственность. Но такое развитие взаимоотношений власти еще не травматический конфликт. Недостаёт случайности, в которой социальный невротик неизбежно проявит эгоцентризм и поставит своими действиями психологический барьер на пути достижения пострадавшим ценностей духовного уровня общения.

Все эти культурно-исторические ценности, которые уже необратимо проросли в духовный мир пострадавшего и стали неотъемлемой частью его личности, мы будем называть в дальнейшем *личностным смыслом* (Леонтьев А. Н., 1975). Представления о личностном смысле как о чем-то лишь индивидуально-биологическом не имеют никаких методологических оснований. В процессе социализации личность обретает смысл любви, дружбы, свободы, которые являются вершинами человеческой культуры. Конечно, это обретение

¹ Их можно также назвать «экзистенциальными».

осуществляется на основе активных творческих действий субъекта, который сталкивается не с однородной массой некоего «социума», а с проблемами и противоречиями, в лабиринте которых он однажды находит свой путь, свой смысл жизни и свою личность.

Этой своей деятельностью он возрождает к человеческой жизни не только себя, но и личностную реализацию многих поколений людей, которые сохраняли, оберегали и развивали эти смыслы (Федоров Н. Ф., 1995; Бердяев Н., 1995). Личность продолжает существовать и после физической смерти социализированного индивида. Но, разумеется, это не мертвый результат, а процесс развития, который невозможен без процесса активной социализации представителей последующих поколений, движимых чувством социальной ответственности. И конечно же, без их личного творческого вклада в процесс обретения личностного смысла искомый итог возрождения и развития духовных ценностей оказывается совершенно недостижимым.

Когда же эти ценности, выстраданные в ходе всей драматической истории человечества, заменяются суррогатом жизненных смыслов, «кустарными поделками»¹ в духе пролеткульта, «блатняры» и «попсы», то субъект травматического конфликта оказывается вообще не способен осознать наличие потенциальной психологической травмы. Для этого надо, прежде всего, обладать хоть каким-то минимумом соответствующего психологического содержания социально значимых ценностей. Но, к сожалению, именно эта сфера как раз и является у жизнерадостных некрофилов начисто «отмороженной». В то же время необходимо отметить, что они легко справляются со стрессом на более удобном для них пути — освоении панк-набора социально-невротической защиты.

¹ Которые тоже, как правило, вовсе не являются некими индивидуальными творениями, а представляют собой серийные находки из «помойного ведра», содержимое которого составляет «духовное богатство» деструктивных групп. Нечто вроде пустых бутылок, годных для «получения средств к существованию» через пункт приема стеклотары.

Сами социальные невротики в этом своем положении, которое поддерживается и сознательно «подогревается» заинтересованными политическими группировками, конечно, почти не виноваты. Эффективность политического манипулирования такова, что именно «нищие духом» напористо отстаивают консервацию деструктивных социальных перемен, потенциальными жертвами которых они являются (Бодалев А. А., 2002). Но если свобода понимается как «срыв с тормозов», любовь — в качестве эротического массажа, а дружба ассоциируется со слезливо-доверительным пьянством, неизменно переходящим в поножовщину, то психологу консультировать тут пока некого. Надо идти заниматься — пока не поздно (!) — просвещением и профилактикой девиантного поведения детей и подростков.

Одна из трудностей освобождения пострадавшего от власти персонификатора состоит в том, что тот уже нашел способ осуществления своего личного интереса через манипулирование пострадавшим и потому прекрасно *ориентируется* в конфликтных взаимоотношениях. В то время как пострадавший участвовал в травматическом взаимодействии лишь как *исполнитель* и совершенно не представляет себе условий закономерного завершения травматического взаимодействия результатом, который является шаблонной целью достижения личных интересов со стороны персонификатора. Доступный пострадавшему динамический образ конфликтных взаимоотношений пока ему самому неясен и к тому же изрядно искажен как стараниями манипулятора, так и своими поспешными попытками защиты «эго». «Противоречия ночного помешательства были необъяснимы, как чернокнижие. Тут все было шиворот-навыворот и противно логике, острая боль заявляла о себе раскатами серебряного смешка, борьба и отказ означали согласие, и руку мучителя покрывали поцелуи благодарности» (Пастернак Б., 1991. С. 184).

Вместе с формированием травматического конфликта возникает другая особенность взаимоотношений власти. Даже если реальные взаимоотношения с персонификатором пре-

рваны, он остается значимой и основной деструктивной силой в переживании травмы пострадавшим. Мало того, что персонификатор продолжает свое негативное воздействие на пострадавшего в интериоризированных взаимоотношениях власти, он еще и наделяется мистическими свойствами, вплоть до превращения его в «инфернала», при одной мысли о котором пострадавшего охватывает панический страх. Среди неизбежных следствий подобного процесса особое значение приобретает фактор неблагоприятного «всевидающего ока»: *интериоризированный персонификатор* видит все, что знает и понимает пострадавший. Таким образом, и *реальный персонификатор* имеет возможность паразитировать на развитии пострадавшего, открывающего новые горизонты понимания содержания своей травмы, свои новые лично значимые аспекты взаимосвязи с обществом, которые становятся новыми болевыми точками и новыми источниками зависимости от воли персонификатора.

Настасья Филипповна боится погубить любимого человека и поэтому вынуждена пожертвовать своей любовью к нему (*Достоевский Ф. М.*, 1882а). Это не мелодрама, а реальный выбор действительно любящей, но пока не победившей свою травму души. Риск изменения отношения общества к любимому человеку на крайне негативное или насмешливо-презрительное, вместо радости и счастья, которое она мечтает подарить своему избраннику, доставляет неизменные душевные мучения героине романа.

Реальный персонификатор может даже всего этого не знать и не понимать, но пострадавший боится, что тот может интуитивно дойти до истины или, как он это делал раньше, случайно нащупать болевые точки. Пострадавший представляет персонификатора не только всезнающим, но и чувствующим его страхи, как в кошмарном сне¹, когда человек с удивлением обнаруживает, что все его попытки спастись

¹ З. Фрейд гениально усмотрел в сновидениях невротиков максимально открытый для психологического анализа процесс работы того же самого психологического механизма, который функционирует у человека и в бодрствующем состоянии, но дал ему фантастическую интерпретацию.

встречают неожиданные действия преследователя, «прошупывающего» жертву на страхи. Реальные персонификаторы также интуитивно ориентируются по страхам пострадавшего. Как отмечал герой Ф. Искандера, гипноз кроликов не в удавах, а в страхах самих кроликов (*Искандер Ф.*, 1988).

Почему жертва, даже потенциально сильная личность, *плачет и молит о пощаде*? Ведь это неэффективно. Все знают, что такое провокационное поведение только раззадоривает мучителя. Казалось бы, логичнее было бы действовать прямо противоположным образом — не показывать свою слабость и страх. Объяснение только одно: за этим стоит желание любви¹. Жертва с самого начала не сопротивляется побоям, ее пугает ненависть и гнев, которые актуализируют панический детский страх потери родительской любви. Родители такой альтруистической личности, слушая ее детские мольбы о пощаде в процессе извержения своего «справедливого родительского гнева», видимо, получали полную садистскую релаксацию от тягот и стрессов своего, доведенного до скотского, существования. Слезы ребенка каждый раз снова будили в их уже успокоенной и освободившейся от ожесточения душе сохранившуюся еще потребность в более возвышенных человеческих отношениях², поэтому гнев всегда сменялся на милость и жалость, сопровождаемую обильными любовными излияниями и абсолютно искренней нежностью к ребенку.

Таким «оргазмом авторитарности», сопровождаемым полной и глубокой релаксацией, обычно завершаются сцены, которые в зависимости от динамики потребности родителей в освобождении от тяжести накопившегося стресса периодически вновь повторяются по любому мелкому поводу. Ребенок боится не только физической боли, но, в первую очередь, угрозы потери родительской любви. Это как раз и препятствует бунту и активному отпору. Несомненно, такие личности с большей вероятностью включаются в разнооб-

¹ Которое может быть отягчено садомазохистским воспитанием или последующим сексуальным развитием.

² То есть в общении на духовном уровне по А. Б. Добровичу (1987).

разные социальные игры в роли жертвы. Но можно ли считать такое искривление развития личности той самой личностной составляющей, предопределяющей развитие невроза, как полагали отцы психотерапии? Во-первых, отметим, что понятия «жертва» и «невротик» не являются синонимами. А во-вторых, в реальной жизни существует не психотерапевтический выбор: норма или невротическая реакция, — а совершенно другой: стать социальным невротиком и потерять надежду на обретение экзистенциальных ценностей или остаться в роли жертвы, сохранив надежду на возрождение. Никакого «среднего» выбора, как правило, в реальной жизни не существует.

Суметь молниеносно принять правильное решение, преодолеть сложнейшую психологическую проблему, дать взвешенный и справедливый отпор преследователю, к сожалению, способны пока только единицы. Чтобы придать такому единичному явлению массовый характер, требуется колоссальная и затратная профилактическая работа психологов. Необходимо отметить, что время протеста, сопротивления и освобождения ребенка от авторитарного самодурства рано или поздно стихийно наступает именно там, где родители не жалеют и не ласкают ребенка после побоев. Поэтому можно сказать, что любовь и жалость родителей в сочетании с побоями в большей степени превращают личность в жертву, чем воспитание, целиком основанное на страхе. Это не значит, что последнее «лучше» или более ценно. Речь идет только о семейных условиях формирования тенденции к принятию роли жертвы, к выбору индивидом пути страдания и личностного развития вместо *социально-невротической адаптации*.

Рассмотренный процесс раскрывает, как нам представляется, истинную сущность «инцестуальной связи» по З. Фрейду (1989) и Э. Фромму (1992), а также невротической защиты «слияния» по Ф. Перлзу (1995). Ребенок, интуитивно опасющийся отвержения и лишения родительской любви, ни секунды не может прожить без подтверждения суще-

ствования этой любви. Он испытывает крайнюю тревогу по поводу малейших нюансов в общении со значимыми людьми, не может успокоиться, пока не выяснит причину временного дистанцирования и не убедится, что его любят; но всегда убеждается в этом лишь на короткое время, а затем снова компульсивно ищет подтверждения. Источник этой компульсивности — периодический гнев родителей, за которым может стоять множество возможных источников: и скрытое отвержение ребенка, и патологические взаимоотношения с нелюбимым супругом, и социальное отвержение, и позиция изгоя в группе и обществе и т. д.

Сексуальную сторону рассматриваемого механизма можно анализировать и дальше. На обозначенном выше пути анализа понятие «инцестуальный комплекс» выступает, как нам представляется, в форме, более соответствующей реальности. Значение этого темного понятия в работах З. Фрейда (1989) и Э. Фромма (1992) становится более ясным уже в свете гипотезы А. Адлера (1993) об идентификации мальчика с матерью, если в семье мать занимает доминирующую позицию относительно отца ребенка. Под нашим руководством в ряде дипломных работ (МИПКРО, 1995—1998) была проведена экспериментальная проверка данной гипотезы. Были получены убедительные результаты, позволяющие заключить, что у значительной части мальчиков, где лидером в семье является мать, половая идентификация действительно протекает не по формально-гендерным признакам, а под влиянием фактора доминирования в условиях взаимоотношений власти в семье.

Но если мальчик усваивает поведенческие стереотипы разрешения конфликтных межличностных ситуаций на пути подражания матери, то его мужская идентичность (Эриксон Э., 1996б) неизбежно содержит внутренний конфликт. Стараясь реализовать, развить и утвердить свою мужскую идентичность, мальчик парадоксально вынужден подражать матери, поскольку реальный отец — по критериям наличных общественных стандартов — занял в семье явно женскую по-

зицию ведомой стороны. Как известно, сам З. Фрейд развивался в условиях подобного внутренне конфликтного и крайне противоречивого процесса идентификации.

Таким образом, невротическая защита *слияния* (Перлз Ф., 1995) в сочетании с поведенческими *интроектами* доверия словам авторитарного источника власти формируются именно во властных взаимоотношениях ребенка с родителями, т. е. являются модусами стремления к власти со стороны социально невротизированных родителей. Сущность рассматриваемых процессов хорошо просвечивается сквозь описательные схемы Ф. Перлза (1995), к сожалению апеллирующего в основном лишь к зрительным представлениям читателя.

А вот содержание понятия ретрофлексия, на наш взгляд, катастрофически им заужено. Граница между «Я» и другими, проведенная ближе к центру, — это не просто недоразвитие тех сторон личности, которые отрицаются окружающими и в угоду которым ребенок как бы «отрезает» часть своего «Я». Дело в том, что он отсекает и жизненно важные для развития его личности связи с обществом, обрыв которых может значить даже больше, чем зауживание первых проявлений развивающейся индивидуальности.

Личность — ансамбль общественных отношений (Маркс К., 1955). Именно поэтому и агрессия, и сексуальные потребности — в случае сдерживания их развития — периодически проявляются во вспышках примитивного и деструктивного поведения, характерного для социальных невротиков. Развивающейся личности необходимы условия для созидания, главнейшим из которых является полнота социальных связей с обществом по всем направлениям развития потребностей, которые «ищут свой предмет» (Леонтьев А. Н., 1975).

Если эти предметы не будут восприниматься самим субъектом в качестве овеществленных результатов человеческой культуры, то и потребности его неизбежно будут оставаться примитивными. Как известно, результат без процесса его достижения есть «труп, оставивший за собою жизнь». Но в то

же время и процесс без результата — это тоже нечто нездоровое, текучее, лишенное возможности оценки и достигнутого субъектом, и социальной ценности его личности, т. е. не больше, чем арттерапия (Красило Т. А., 2005). В конечном счете если агрессия не направляется на решение жизненно важных социальных проблем или устаревших социальных норм, то она проявляется в припадках ярости и злобы по отношению к конкретным людям или обществу¹, что особенно характерно для криминала.

Люди, запуганные представителями органов правопорядка и глубоко разобщенные в своих человеческих интересах, сбиваются в митинговое стадо, надеясь выжить. Более глубокий и хронический социальный невротик, которым является любой представитель криминальных сообществ, вообще никогда не пытается сдерживать свою агрессию и неотвратимо продвигается в направлении прямо противоположном общественному развитию. Криминал не нуждается в обществе и культуре. Ему как раз нужны другие условия: дезинтеграция общества, полное отсутствие норм и ценностей, но при этом наличие конкретных индивидуумов, которыми он как бы «питается», т. е. беззастенчиво эксплуатирует².

Как уже отмечалось выше, социальным невротикам противостоят те, кого психологи привыкли считать «закомплексованными» личностями, «идиотами», «лохами». В самом деле, лох — это, как правило, тот, кто боится вору сказать, что не верит ему. И не потому, что боится наказания, а боится потерять способность любить, хотя и не осознает этого. Как же можно не верить тому, кого любишь! «...Он не остановился бы перед обязанностью, перед долгом и в этом случае не побоялся бы никаких преград... Это был один из тех благороднейших и целомудренных сердцем людей, *которые даже стыдятся предположить в другом человеке дурное*³, торопливо на-

¹ В том числе и жизненно важные для духовной жизни общества; лишь бы видеть вокруг руины и, особенно, лежащих в пыли бывших кумиров, с отбитыми носами и отломанными руками.

² Так, любое посягательство на имущество есть присвоение времени и жизненных сил, затраченных на зарабатывание необходимых средств.

³ Курсив наш. — А. К.

ряжают своих ближних во все добродетели... а при неудачах прежде всех обвиняют самих себя. Жертвовать собою интересам других — их призвание. Иной бы назвал его и малодушным, и бесхарактерным, и слабым. Конечно, он был слаб и даже уж слишком мягок характером, но не от недостатка твердости, *а из боязни оскорбить, поступить жестоко, из излишнего уважения к другим и к человеку вообще»* (Достоевский Ф. М., 1982б. С. 147). Подобные люди настолько благородны, что в ситуации конфликта совершенно не сопротивляются тому, что их хотят обмануть; видят, что какие-то лилипуты ткуют манипулятивные сети — порой очень неумело и грубо («практиканты»!) — но не встанут и не порвут эти нитки власти над собой. И все потому, что уверены: они нанесли этим людям ущерб и должны заплатить. Причем настолько преувеличивают моральный ущерб законченного эгоцентрического манипулятора и преуменьшают свой и моральный, и материальный ущерб, что со стороны иначе чем глупостью или малодушием это трудно назвать¹.

Почему «цинциннаты», приговоренные по произволу ничтожных личностей к уничтожению, не встанут с плахи и не пойдут в ту сторону, «где, судя по голосам, стоят существа, подобные им» (Набоков В., 1990)? И почему у подобных людей «утонченной деликатности, высочайшего благородства, мужества испытанного» формируется такая неадаптивная личностная особенность²? Не хотелось бы упрощать решение проблемы, но и не стоит терять из виду необходимые психологические условия, которые почти неизменно оказываются в тени. Мы убеждены, что когда взрослый человек стыдится предположить в другом человеке склонность к наглому и бессовестному обману и боится оскорбить его недоверием, то это происходит не просто потому, что он несет некий деструктивный или чисто невротический груз детских переживаний. Чаще всего для него это не груз, а сознательная защита высших духовных ценностей, которые проросли на почве специфических взаимоотношений матери и ребенка.

¹ Той же проблематики касался и В. Набоков (1990).

² Таков, как нам представляется, и герой «Палаты номер шесть».

Мама наверняка периодически устраивала истерики: «Как ты можешь мне не верить!» Это было недвусмысленное требование к ребенку: «Забыть себя в другом». Великий немецкий философ (*Гегель Г. В. Ф.*, 1973) именно так и определял сущность человеческой любви, как способность забыть себя в другом человеке и «*тем самым впервые обрести самого себя*». Какое-либо иное поведение ребенка, кроме предусмотренного и желаемого, видимо, было для матери равносильно факту отсутствия главных признаков ожидаемой «слепой», нерассуждающей, абсолютно доверяющей любви: «Как ты можешь сомневаться, если я это тебе говорю!» Компульсивное требование абсолютного доверия к словам родителей интериоризируется и хранится всю оставшуюся жизнь, спонтанно проявляясь в острых эмоциональных ситуациях, когда аффект на время разрушает интеллектуальные способности личности, сковывает рассудок, который в других обстоятельствах мог бы осуществить полную ориентировку в ситуации, т. е. препятствует уже сознательному и произвольному выходу за рамки усвоенных в детстве эмоциональных стереотипов.

Интроект запрета на сомнение в правдивости слов собеседника превращает умного, зрелого человека в беспомощную жертву. В ответ на явную ложь, произнесенную твердым голосом, сопровождаемую пронзительным, испытующим взглядом, пострадавший позорно теряется. Он даже не сомневается, например, произнося про себя: «А вдруг это, действительно, правда?» — вместо проверенного юридического штампа: «Хотелось бы верить!» Он сразу автоматически верит, хотя в то же время видит, как его противники сразу стряхивают со своих лиц напряженность, облегченно расслабляются и затем начинают с каким-то эмоциональным подъемом заниматься своими делами, «обмениваясь улыбками».

В дальнейшей жизни *интроект доверия* и основанное на нем поведение (или, в терминах Э. Берна, жизненный сценарий) ребенка, созданный родителями для себя, для внутреннего семейного употребления, делают его носителя неадаптивным; особенно в той криминальной среде, которая в по-

следние пятнадцать лет легко выплеснулась из ГУЛАГов и затопила весь евразийский материк. Ведь преступники всегда стараются быстро исчезнуть с места преступления. В сознании жертвы остается только их довольный смешок, который властно прорывается в сознание пострадавшего, заглушая все другие мотивы, и именно в те решающие моменты, когда раздавленная отчаянием личность в очередной раз собирается с силами, чтобы подняться с колен и вновь обрести свое человеческое достоинство. Этот насмешливый гул не исчезает сам, как улыбка чеширского кота, а преследует пострадавшего, поскольку «кидалам», разумеется, никогда не может прийти в голову обременять себя заботами о том, чтобы морально компенсировать ущерб и тем более эмоционально отогреть обманутого ими «лоха».

Но опять же доверие без предварительной проверки — единственный путь к истинной любви. И потому мы должны признать, что люди с высоким травматическим риском в то же время выполняют важнейшую социальную функцию. Если не зауживать социальные связи личности островком межличностных трансакций, мы можем убедиться, что на самом деле они смело, бескорыстно и мужественно защищают высшие социальные ценности и смыслы. Вспомним эпизод воспитательного воздействия доверия из «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко (2003). Таковым был социальный тип доперестроечного прошлого, такими были массы людей, составлявших советский народ, который сторонники «шоковой терапии» сначала попытались превратить в «зомби», а потом, поскольку это им удалось лишь частично, отдали тех, чье призвание жертвовать собой ради интересов других, «на съедение» явно повеселевшему криминалу¹.

Здесь открывается и другая сторона некрофильской ориентации социального невротика. Убивая в своей жертве чувство доверия и сострадания к окружающим, он уничтожает общественные отношения духовного уровня. Нечто удобное

¹ Этаким мелким беспозвоночным тварям и крупным «щукам». Как было установлено еще Салтыковым-Щедриным, акулы в наших российских водоемах не водятся: все щуки да караси.

(«вкусное») для такой их деструктивной деятельности они находят в психике несравненно более развитых в моральном отношении людей. Но дело не только в этом. Важно также, почему общество на протяжении многих веков поощряет и поддерживает воспроизводство потенциальных жертв. Почему уязвимые для паразитирования со стороны социальных невротиков «функциональные органы» не стали своеобразным психологическим атавизмом, как, например, в той же криминальной среде, где доверчивость определенно считается глупостью, где обманутый всегда сам виноват в том, что его обманули, где у каждого существует жесткая и обобщенная установка: «Никому не верить! Все окружающие готовы тебя обмануть! Будь всегда начеку, проверяй!»¹ Сравнение с волками, которым нужны овцы, здесь совершенно не подходит, поскольку жертвы в данном случае, как уже отмечалось выше, более лично и морально развиты, чем их преследователи. Здесь скорее подойдет сравнение гибели человека от укуса энцефалитного клеща.

Общество поддерживает и поощряет развитие тех сторон личности, которые необходимы для выживания человечества. Именно на этих уязвимых сторонах и паразитирует криминал, обретая не только удовлетворение своих корыстных интересов, но и сверхкомпенсируясь. За счет потерпевших криминальные элементы повышают свою самооценку, обретают чувство превосходства в умственном, волевом и даже порой, каким бы странным это ни показалось, моральном отношении. Опытные аферисты оставляют личность жертвы в совершенно раздавленном состоянии.

Приведем такой пример. С. К. боялся спровоцировать у матери «программирование» ухода из жизни: боялся, что она, устав бороться с болезнями, потеряет уверенность в своих силах, способность вовремя «предостеречься». Поэтому он интуитивно прерывал любые ее разговоры о том, что пришла пора «подготовиться». Он не хотел ничего слышать о том, что надо рационально и с холодным расчетом сделать «последние приготовления». «Нет! Думать только о жизни, бороться за жизнь, не допуская и мысли о том, чтобы сдать болезням!» И его тактика довольно длитель-

¹ Как ни парадоксально, но такое видение соотношения личности и общества полностью соответствует психоаналитической концепции.

ный период успешно срабатывала: ожидания не обманывали сына несколько десятилетий.

Все это время он упорно полагал, что после окончания школы дети не должны ожидать помощи от родителей, а, напротив, сами должны быть готовыми помогать им, имея при этом в виду лишь себя. Поэтому он и относился ко всем материальным средствам, которыми распоряжается мать, как к чужому имуществу, вовсе ему не принадлежащему, на которое он никогда и ни при каких условиях не вправе рассчитывать.

Но наступили новые времена: двое аферисток легко унесли все наличные деньги и неприятельные золотые украшения матери, в том числе и единственный сохранившийся подарок ее умершего мужа — залог некоторой ее уверенности в завтрашнем дне. В результате за упорное отстаивание сыном социальных, семейных и нравственных ценностей всем пострадавшим пришлось заплатить непомерную плату, в том числе и здоровьем. Хотя мать и не производила впечатления немощного человека, она, конечно же, была недостаточно способной противостоять напористому криминалу.

Разумеется, в составе предшествующих травматических условий наличествует явная тактическая ошибка в действиях сына, направленных не на более актуальную в современных условиях задачу — защиту матери от поразившего страну криминального беспредела, а на самоотверженную психологическую поддержку ее жизненных сил. И все-таки мы уверены, что если бы такую же сыновнюю ответственность и чуткость, легко уязвимую как оказалось¹, не ощущали миллионы других людей, то человечество давно бы вернулось в какой-нибудь первобытный период своего развития.

Видимо, обществу все-таки жизненно необходимо массовое формирование и развитие личности, имеющей такие особые функциональные органы, которые условно можно назвать духовными. Эти психологические органы, обеспечивающие поддержание в обществе необходимого уровня культурных ценностей и необходимых личностных смыслов, как раз и поражаются социальным невротиком подобно тому, как вирусы гепатита поражают печень. Но ведь из существования факта уязвимости печени со стороны вирусов мы не делаем глобальных нигилистических выводов вроде того, что печень человеку вовсе не нужна.

¹ А в условиях победившего криминала почти неизбежно обреченную на то, чтобы стать местом сплошной травматической язвы.

Поэтому пострадавшего не надо рассматривать только в качестве невротика, не способного преодолеть свои детские комплексы. Он взял на себя определенную социальную ответственность за поддержание чувства доверия человека к человеку, интуитивно чувствуя, что это единственно доступный ему путь к сохранению ценности любви для себя и для других. Как остроумно заметил Г. В. Ф. Гегель, «только дураки» учатся на своих ошибках, «а люди неглупые, вопреки всем своим ошибкам, не умнеют» (Гегель Г., 1973. С. 534). Они решают более сложные и социально ответственные задачи, чем представители криминала, работающие «на себя», т. е. исключительно на свой организм, испытывающий ограниченные¹ потребности в комфорте и удовольствиях. Эгоцентрическая работа «на себя» заключается в разложении общества и деструкции необходимых для личности условий ее развития. Любые эгоцентрические действия индивидов затрагивает общественные интересы и интересы их ближайшего окружения.

Подобное обращение (А. В. Петровский) анатомо-физиологических и индивидуальных особенностей в личностные качества наблюдается у социальных невротиков. Но, в отличие от социализированной личности, социальный эффект их активности («самоактуализации») можно оценить лишь со знаком «минус», поскольку формируется патологическая личность (криминальная и т. п.). Мы исходим из известного методологического положения, согласно которому индивидуальные особенности, например астения, вообще не могут непосредственно входить в структуру личности (Ильенков Э. В., 1991). Необходима их затребованность обществом, определенный социальный заказ.

Разлагающаяся социальная среда сама может провоцировать массовое формирование «некрофильской ориентации» личности (Фромм Э., 1992); например, из психологического материала обычной задержки развития, которая при благоприятных социальных условиях могла быть легко скомпенси-

¹ Кстати, опять парадокс: духовно ограниченные потребности, но — при этом — в неограниченных материальных размерах.

рована. Личность социального невротика приобретает *преждевременную завершенную личностную форму* и консервирует задержку психического развития в форме социального инфантилизма и эгоцентризма. Сама эта личность становится очередным единичным источником дальнейшего разложения социальных отношений: правовых, моральных и даже эстетических. Распад одного уровня социальных отношений создает условия для разложения другого. Массовое формирование нового вида социального невротика в одной стране провоцирует их активизацию в другой. В этом отношении интересен расцвет «биеннале».

Показательно очевидное разложение *эстетических* норм, стремление социальных невротиков навязчиво выйти за пределы любых культурно-исторических рамок. Это торжество антитворчества и антиэстетики. От позиции художника осталось только созерцание, невмешательство, вызванное астенией и рафинированной ленью инфантильного индивида. Комплекс неполноценности при восприятии вершин человеческой культуры порождает интерактивные произведения социальных невротиков, представляющие собой то ли рационализацию демонстративного энкопреза, то ли анальную разновидность вандализма. Полное отсутствие развития художественной техники компенсируется непомерным тщеславием, пошлостью и паразитированием на «пока еще кое-где» сохранившихся эстетических нормах.

Если общество не будет создавать и воспроизводить эти нормы, то инсталлятору и сказать-то, по сути, будет вовсе нечего. Поэтому его социальную позицию можно определить как паразитическую. Как и всякий процесс социального паразитирования, «биеннале» не является способом действительной изоляции социальных невротиков от общества, а, напротив, предполагает тесное слияние, проникновение в его поры. Эта форма некрофилии естественно противопоставляет себя обществу лишь потому, что видит в нем аппетитную питательную среду, компост, который перерабатывается на «инсталляции», пригодные для потребления другими, более солидными социальными невротиками. Последние, соб-

ственно, и заказывают, оформляют, пропагандируют и щедро оплачивают все виды эстетически упакованного хамства.

С точки зрения психологической сущности типичной индивидуальности авторов инсталляций, прежде всего, необходимо отметить их острую потребность во внешнем обслуживании витальных потребностей. В глубине души им хочется, чтобы кто-то по-прежнему мыл и убирал все вокруг, ставил на свое место, а родители-то уже старенькие. Вся оригинальность инсталляций зависит от регрессии процесса эстетического развития зрителей, которым вдруг почему-то захотелось духовной пищи «с душком». Здесь и было затребовано, пришлось весьма кстати мировосприятие любопытного годовалого ребенка, которого непреодолимо тянет заглянуть под хвост корове. Правда, на фоне детской недоразвитой эмоциональности формируется примитивное мышление едва дотягивающее до общеобразовательного стандарта, которое все-таки позволяет удовлетворительно вербализовать некую «эстетическую позицию».

Этот ребенок вовсе не стремится изолировать себя от общества. Его путь никогда не приведет его к ощущению самоубийственного космического одиночества. А его крайний индивидуализм — это просто капризная требовательность к родителям и обществу. Предъявляя эстетические претензии к обществу, он вовсе не чувствует себя оторванным от него. Он постоянно ощущает, что общество ему чем-то обязано, но во время не удовлетворило его инфантильные, распадающиеся потребности. Его протест — это протест годовалого ребенка, с наслаждением размазывающего свои экскременты. Он уверен, что родители должны непременно вернуться, увидев, до чего он способен опуститься без их заботливого обслуживания. Но сверхопекающие родители все не приходят, и потому на всю оставшуюся жизнь он на них «обиделся».

Потребность в гиперопеке при всех обстоятельствах неизменно сохраняется у такого «ребенка», давно переросшего свой избирательный возраст. Теперь соответствующий образ, тесно связанный с ней, эксплуатируется в качестве хорошего бизнеса, поскольку есть такой социальный заказ со

стороны благополучной «элиты» радостно распадающегося общества. Цель инсталлятора — эпатировать, размазывать собственную беспомощность и примитивность, проецируя ее на общество и окружающих.

«Мерзкие мерлоки» куда-то ушли, и потому избалованный ребенок («господин») достойно и героически деградирует, как генералы без мужика в сказке Салтыкова-Щедрина. Отсюда и пассивное псевдоэстетическое созерцание грязного унитаза, вместо того, чтобы его помыть. Некрофильская эстетизация поломанной сантехники («неповторимые звуки нашей квартиры»), давно нуждающейся в элементарном ремонте, выдает беспомощного «барчука» и «лентяя по убеждению», оригинально приспособившегося получать из этого своего положения приличные средства к существованию.

Начал формироваться новый декаданс, порожденный массовой депрессией, сменяющей аффекты страха и ужаса перед приближающейся необходимостью «непосильной» работы по уборке собственной квартиры. Бомжовый пафос отрицания общества, сопровождаемый жизнерадостным детским смешком, сплавивает «биеннальные тусовки» и порождает все новые презентации и организационные формы пропаганды некрофильской психологии распада¹.

В этот процесс могли внести свой посильный вклад и психотерапевты. Лечение психически больных с широким использованием техники инсталляций и упрощенных вариантов арттерапии привело к тому, что, выйдя из стен психиатрических лечебниц, значительная масса реабилитированных стала заметно распространять эти техники в обществе. Бывшие клиенты уже не могли обойтись без усвоенных психотерапевтических средств, которые, к их собственному удивлению, позволяют им еще и успешно социально адаптироваться, причем непосредственно в среде культурной элиты. Правда, на пути разрушения самой социально-культурной

¹ В частности, телевизионные предвыборные инсталляции, в центре которых неизменно оказываются зрительные образы коммунистов, весело и торопливо сколачивающих виселицы для любителей рока и пива, и т. п. Материалом для этих инсталляций служат кадры кинохроники карательных рейдов Колчака или кого-то еще из «освободителей».

среды. А вот идти путем трудовой адаптации, например, к какому-нибудь станку им, очевидно, не позволила бы астения и вынужденная изнеженность госпитализированных больных.

Учитывая эти крайне неблагоприятные условия развития личности, мы разработали программу ранней профилактики и коррекции развития некрофильской ориентации у младших школьников. Программа *артбилитации* (прил. 2) предполагает определенную «прививку от некрофилии»: 1) полное снятие барьеров с развития художественных способностей, а не только достижение психотерапевтического эффекта и создание условий для их саморазвития; 2) развитие созидательной мотивации; 3) формирование продуктивных взаимоотношений учителя и ученика и т. д.

Подводя итоги рассмотрения взаимоотношений власти, необходимо определиться в понимании сути травматических взаимоотношений. Под властью персонификатора над пострадавшим мы будем понимать такие *взаимоотношения, в рамках которых достижение безусловно необходимых для пострадавшего ценностей поставлено в зависимость от произвола персонификатора* (в том числе и социального персонификатора). Под «безусловной необходимостью» мы понимаем те культурно-исторические условия реализации индивидуально-своеобразного пути развития личности, без которых разрываются все существенные связи потерпевшего с обществом и он чувствует себя изгнанным из него (подобно Раскольникову)¹. Власть персонификатора угрожает личностным смыслом, оживлявшим созидательную деятельность пострадавшего, оставляя ему открытым только путь социального не-

¹ Раскольников не может разорвать взаимоотношения с матерью, сестрой, друзьями. Но в рамках этих взаимоотношений его личностный конфликт не решается. Его дальнейшее личностное развитие опирается на взаимоотношения с Соней Мармеладовой, которые также принадлежат к миру, в котором он только и хочет быть «великим». В качестве «персонификатора» в данном случае выступает жертва — старуха-процентщица, мысленный образ которой, конечно же, не может «волшебным образом» измениться до символа понимающего прощения. Она член общества. И общество, в том числе мать и сестра Родиона, защищают право жертвы его преступления быть членом этого общества, т. е., по крайней мере, ее право на жизнь.

вротика. Рассмотрение взаимоотношений власти позволяет нам более определенно сформулировать задачи консультирования, которые будут рассмотрены в специальной главе. Сейчас достаточно отметить лишь очевидный практический вывод из данного этапа обсуждения основных проблем консультирования: помощь пострадавшему в преодолении деструктивной психологической власти персонификатора, несомненно, должна рассматриваться в качестве одной из центральных задач психологического консультирования.

Следующей важной проблемой является объективация тревоги. Принято считать, ссылаясь на З. Фрейда, что страх — это опредмеченная тревога. Но это не совсем так. Необходимо дифференцировать противоположности: человеческие потребности и тревогу. *Опредмечивается* только потребность, а тревога скорее *объективируется* (Бердяев Н., 1995). Для объективации иногда вовсе не требуется реально существующего предмета («тигра под кроватью»). Уподоблять тревогу потребности нет никаких оснований. Тревога «представляет собой напряжение, **противостоящее** (курсив наш. — А. К.) напряжению потребностей и активности, направленной на их удовлетворение» (Салливан Г. С., 1999. С. 29). Но «самым непродуктивным и необъяснимым типом поведения» ее делает все-таки процесс объективации¹.

В то же время *необъективированность* неизменно признается существенным атрибутом тревоги (Мей Р., 2001а), поскольку в случае объективации она теряет свою специфику и переходит в страх. То, что тревога блокирует жизненно важные ценности, и то, что она имеет субъективно-объективную диалектическую форму, кажется бесспорным. Правда, если мы проведем различие между внутренним конфликтом и конечным результатом блокирования развития личности — тревожностью (Там же), то можем с достаточным основанием предположить, что переживание конфликта в форме тревоги

¹ Так же, как и объективация боли, которая часто бывает невротической. К примеру, совершенно здоровое сердце начинает «побаливать», формируется невроз, который затем сам становится причиной действительно уже органических нарушений.

выполняет еще и новую дополнительную функцию, почему-то не привлекающую внимание авторов.

Тревога активизирует *аутоцентрическую* ориентировку индивида на поиск содержания и последующий анализ составляющих конфликта. Тревога — это активность, которая, как и любая другая, вовсе не гарантирует успеха, особенно тем индивидам, которые привыкли искать причины своих несчастий исключительно во внешних воздействиях окружающих. Нет ничего удивительного в том, что индивиды, которые привыкли использовать для решения своих проблем *аллоцентрическую* ориентировку, поощряемую и целенаправленно развиваемую системой общественного образования, переживая тревогу, теряются. Но эта растерянность еще не есть осознание бессилия, безнадежности и бессмысленности своей активности. Пока субъект тревожен, он активен. И этим тревога, видимо, отличается от состояния депрессивности, которое в этом смысле можно назвать «пассивной тревожностью».

В то же время совершенно непонятно, почему Р. Мей называет тревогой переживания людей, вызванные изменением цен на бирже (Мей Р., 2001а. С. 259). Ведь тревога здесь явно объективирована. По определению самого автора это уже не тревога, а страх, который вполне конкретен и, более того, имеет явную внешнюю, материализованную причину, угрожающую разрушить «Я-концепцию» «рыночного человека»¹. Точно так же, если индивид осознает источник трево-

¹ Термин Э. Фромма. Мы, конечно, понимаем, что человеку-созидателю не хватает времени и желания вычислять и предвидеть изменение цен на бирже, его не увлекают эти подростковые адреналиновые игры с головокружительными рисками финансовых «американских горок», которые щекочут нервы любителям аттракционов. Подобная игровая зависимость его совершенно не привлекает. Поэтому он и не проявляет поисковой активности профессиональных дилеров. Вследствие чего нежелательные и рискованные изменения цен для него всегда полная неожиданность. И именно поэтому он, понимая, что внезапно, но, к сожалению, неизбежно в самый неподходящий момент ему снова придется спасать свои накопления, остается всегда в тревоге. Но решить этот внутренний конфликт на пути презрения ценностей творческой созидательной деятельности, стать новым дилером и больше никем, потерять все индивидуальные смыслы своей жизни он не может.

ги: к каким именно значимым ценностям относится ранее смутная угроза, с какой стороны ее ждать, — то это уже не тревога. И вообще непонятно, если не видеть в переживании тревоги побуждения к ориентировочной активности, зачем она вообще презентирована человеку!

У человека, в отличие от животных, нет инстинктов (Ильенков Э. В., 1991; Леонтьев А. Н., 1975). Связь функциональных органов имеет социальную форму, которая осуществляется в процессе деятельности человека. Это не отрицает наличия анатомо-физиологических различий, которые являются важными условиями, но отнюдь не источниками и движущими силами развития человеческой психики (Выготский Л. С., 1984).

Изучение особенностей инстинктивных взаимосвязей в стаде животных, особенно человекообразных обезьян, дает основание заключить, что подчинение стада вожаку основано на инстинктивных механизмах, исключающих физические поединки со смертельным исходом (Фабри К. Э., 1976). У высших животных вожаками становятся иногда даже не самые сильные в физическом отношении особи, а чаще всего детеныши индивидов, имеющих наивысший ранг в стаде¹. Сам инстинктивный механизм, обеспечивающий вожаку возможность управления стадом, становится, по преимуществу, продуктом подражания и научения, а не процесса автономного развертывания наследственных программ. Конечно, до *социального наследования* здесь еще далеко.

Но весьма важным представляется тот факт, что уже у животных появляются особые инстинкты, которые вполне очевидно противоречат задачам выживания отдельных индивидов. Инстинктивный страх перед вожаком подавляет даже пищевые потребности подчиненных. Рассматриваемый инстинкт отличается от других адаптивных инстинктов животных парадоксальной особенностью: он подавляет жизненные силы индивидов и даже может вывести их в определенных условиях за грань выживания. Вместе с появлением

¹ Мы не останавливаемся здесь по вполне понятным причинам на конкретных механизмах формирования его иерархической структуры, достаточно детально изученной в работах этологов.

«сообщества животных» формируются новые *надындивидуальные инстинкты*, обеспечивающие в первую очередь выживание не отдельных животных, а стада.

Половой инстинкт¹, очевидно, надындивидуален, даже у нестадных животных, так же как и материнский. Оба последних уже могут вступать в противоречие с инстинктами, ориентированными на выживание отдельного индивида. Но половой инстинкт психоаналитики справедливо относят к источникам жизнеутверждающей «психической энергии». И если отбросить неадекватную в отношении человека биологическую терминологию, то можно различить в этой идее вполне позитивный психологический смысл. Эти надындивидуальные инстинкты не мешают выживанию отдельного животного. Только в некоторых особых и, как правило, переходящих условиях они ставят его под угрозу. В то время как подавленность и потеря жизненных сил перед вожаком — фактор, действующий постоянно негативно на процесс развития и сохранения способностей остальных особей к индивидуальному выживанию. То есть уже у животных возможно существование неких психологических механизмов, которые, хотя и закладываются наследственно, а затем развиваются в ходе онтогенеза, материализуясь на физиологической основе психики отдельных индивидов, но при этом вовсе не для обеспечения индивидуальных потребностей этих индивидов: *нечто в индивиде существует не для индивида*. В истории филогенеза у животных сформировались специальные инстинктивные связи, обеспечивающие согласование между инстинктом власти и сексуальным инстинктом. В реальном взаимодействии индивидов они взаимно согласуются, отграничиваются и легко переходят друг в друга.

У человека все инстинкты подверглись разложению, поэтому его психика универсальна: отсутствие наследственных программ обеспечивает свободное развитие в любом направлении социализации, доступной индивиду. Эти возможности определяются состоянием общественных отношений и

¹ Половой инстинкт, разумеется, сформировался раньше других надындивидуальных, поскольку свойствен и нестадным животным.

условиями ближайшего социального и межличностного окружения. Величайшая свобода человека породила массу драматических проблем, которые решаются сознательно и обществом в целом, и отдельными индивидами. Отрицая инстинктивную природу сексуальной потребности, никто не отрицает наличия самой потребности, которая презентуется индивиду в той или иной форме социализированных переживаний. Причем даже самые примитивные из них суть человеческие, хотя бы потому, что психика животных просто не может дойти до такой степени «бессмысленного» распада.

Начало формирования взаимоотношений власти презентуется индивиду в переживании тревоги. Если, к примеру, тревога животного инстинктивно легко проецируется на хищника или соперника, устойчиво препятствующего его сексуальным домогательствам к сексуальному партнеру, то у человека выбор гораздо богаче и является совершенно непредрежденным. Предмет человеческой объективации может быть реальным, фантастическим или травматическим.

Под *реалистической* объективацией мы понимаем проецирование тревожности на конкретного (реального) человека. Это не значит, что она объективна. Во-первых, формирующиеся в результате этого процесса страхи вообще никогда не бывают объективными. А во-вторых, из всех видов объективации, реалистическая, напротив, самая иллюзорная по степени дезориентации индивида. Проекция страхов индивида, катастрофически парализующих его волю, на реально существующего человека не всегда означает, что предмет проекции («инфернал») и сам по себе является таким объективно опасным.

Реальная выпуклость подобных страхов блестяще отражена в произведениях Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова. Исходная тревога всегда отражает, кроме враждебных намерений персонификатора, еще и степень внутренней готовности индивида отстоять свои потребности. Отказ от своих потребностей приводит к замене в сознании индивида чувства страха на ощущение слепого подчинения воле другого, которому

тот иногда пытается символически сопротивляться. В интенсивности тревоги отражается и состояние взаимоотношений, включая и возможные резервы социальной поддержки самому пострадавшему, и вероятность использования групповых и социальных связей «инферналом»¹. В процессе консультирования пока, к сожалению, используется только стратегия актуализации, или построения, *группы поддержки* для пострадавшего (Линдемманн Э., 1998).

Фантастическая объективация наглядно проявляется, например, в детских страхах, когда ее предметом становится реально невоспринимаемый или не существующий в действительности объект («тигр под кроватью»).

Травматическая объективация — это объективация *тревоги на персонификаторе*: почти «животный», панический страх перед совершенно ничтожной личностью, как правило, только ситуативно утвердившей некую психологическую власть над пострадавшим, который, как правило, превосходит ее в моральном и личностном развитии².

Сама тенденция все время оправдываться и защищаться есть сформировавшийся социальный характер, который, в свою очередь, предопределяет плебейскую судьбу жертвы. Неизвестны только детали и декорации будущего социального фона. Человек защищается непрерывно и без разбора, не выделяя угрозы: сплошная мутная, обволакивающая и давящая тревога. Он делает это не потому, что спорадически выясняет наличие какой-то угрозы, блокирующей удовлетворение его витальных потребностей, и не в результате замеченной им опасности для личности, острого ощущения неминуемого распада позитивной «Я-концепции» и т. п.

Просто в его жизни был или есть авторитарный другой, который никогда не давал времени и возможности вообще хоть

¹ «Крышевание» как типичный пример.

² Хороший пример — страх героев известной сказки К. И. Чуковского перед обычным «тараканом». Если же господин действительно превосходит раба по уровню своего развития, то это «смягчает» травматические переживания «раба по положению» и дает ему возможность обрести социальный статус «раба-холуя», «у которого слюнки текут» услужить своему господину.

как-то сориентироваться, но требовал немедленных действий, подчеркивал значимость допущенных при этом ошибок, лавинообразно нарастающих в подобных условиях. Есть акт принуждения, есть взаимоотношения, предполагающие как закон необходимость непрерывно оправдываться, объяснять и защищать право на каждое свое очередное действие в качестве неотъемлемой функции плебейского образа жизни. На все надо спрашивать разрешение и все обосновывать. Человек каждый раз вынужден объяснять реальному или интериоризированному другому, что его очередная потребность или мотив имеют право на жизнь, что нечто сделать просто необходимо, причем не для себя лично, а для общего блага (или блага другой стороны, что, собственно, в условиях властных взаимоотношений одно и то же).

Психологическая защита пострадавшего, как правило, существует не от чего-то, а для кого-то. И в процессе консультирования необходимо распознавать эту *недифференцированную по объекту* защиту. Пострадавшие, личностное развитие которых было сковано подобной защитой, еще до травмы постоянно оправдывались за то, что вообще живут на этом свете. Можно ли их причислить к клиническим невротикам классического психоаналитического, аналитического или индивидуально-психологического типа? Для этого не существует никаких надежных критериев. На самом деле, их ничего не отличает по клиническим признакам от «нормы», кроме разве что ярко выраженной интрапунитивности. Но это вовсе не тот признак, который может дать основание говорить о «патологии».

Реалистическая объективация легко может переходить в травматическую и фантастическую. Этот процесс давно наблюдается и хорошо описан в практике психотерапии и консультирования (Захаров А. И., 1982).

Необъективированная тревога по своей сути есть побуждение к ориентировке в опасной для человека ситуации. Все ее наиболее устойчивые признаки, выявленные в фундаментальных исследованиях, не противоречат наличию ориенти-

ровочной функции. Тревога может быть врожденной или базальной (Хорни К., 1995), может передаваться ребенку от матери как неизлечимая болезнь (Салливан Г. С., 1999). Другое дело, что в ходе подобной специфической — не направляемой наследственной программой — активности человек может сделать множество ошибок, которые, в свою очередь, могут привести к новой травме. Но это только потому, что человек пытается по привычке ориентироваться лишь во внешних условиях и обстоятельствах, в то время как содержание этого процесса не исчерпывается аллоцентрической стороной. Аутоцентрическая ориентировка также имеет свои ориентиры: чувство вины или, напротив, чувство ярости и агрессии, которые по разным маршрутам направляют субъект на поиск определенной позиции в рамках взаимоотношений власти.

Как уже отмечалось выше, поскольку человек лишен инстинктов, то результат его ориентировки вовсе не предрешен. Именно поэтому только человек имеет возможность выйти из узких рамок взаимоотношений власти. В конечном счете он оказывается свободен вновь обрести ценность истинной человеческой любви. Но никакой готовой «программой» — ни наследственной, ни социальной — для осуществления этой своей цели, знаменующей окончательную победу над травмой, он не обладает. Предпосылка власти — страх, но, чтобы он мог завладеть рассудком и подавить активность человека, необходима объективация той интуитивной тревоги, которая есть побуждение к ориентировке. Объективация как путь от субъекта к объекту (Бердяев Н., 1995) осуществляется через поисковую активность неизбежно растерянного и подавленного субъекта; в силу невозможности для него, исключительно на основе аллоцентрической ориентировки, найти выход из экзистенциальной проблемы, создавшейся на базе травматической ситуации.

Как отмечалось выше, способы освобождения от психологической власти человеку наследственно не заданы. К. Хорни (1995) выделяет три наиболее распространенных

стратегии на пути ее преодоления. Первая, «от людей», реальна именно потому, что общество открывает человеку больше возможностей, чем малая группа, в которой почти неизбежны навязанные взаимоотношения. Даже самый слабый в волевом отношении человек может в условиях современной цивилизации обеспечить для себя некоторое безопасное одиночество в течение довольно длительных периодов, не жертвуя при этом удовлетворением своих витальных потребностей. В результате он привыкает к свободе и независимости как к естественной потребности и не видит смысла в подчинении себе других людей, ощущая эту необходимость лишь в качестве дополнительной и крайне обременительной обязанности. «Так как ты кроток и справедлив, ты говоришь: «Не виновны они в своем маленьком существовании». Но их узкая душа думает: виновно всякое великое существование... Беги, мой друг, в свое уединение, туда, где веет суровый, свежий воздух! Не твое назначение быть махалкой для мух» (Ницше Ф., 2002. С. 97—98).

Вторая стратегия — «против людей». Имеется в виду осуществление личной власти, стремление подчинить себе других (Хорни К., 1995). Но мы считаем, что сюда можно отнести и поведение людей в ситуации острого конфликта. Не только побеждающая и уже начинающая доминировать сторона использует подобную стратегию «на уничтожение», но и та, которая пока обороняется: «Если ты борешься, то, значит, еще не проиграл!» Подростки, в моменты осознания невыносимости для них бремени психологической власти родителей, в ответ на проявление их ласковой и нежной опеки неожиданно, но вполне закономерно переходят к острой конфронтации. Дело в том, что в условиях прямой конфронтации взаимоотношения власти действительно распадаются. И это, конечно, представляет определенную ценность для развивающейся личности, которая в то же время болезненно ощущает свое дистанцирование от значимых других и потерю психологической поддержки родителей, остро необходимой подросткам именно в этот рискованный период их жизни.

Третья стратегия — «к людям» — означает, фактически, использование любви в качестве защиты. Это объясняет нам многие парадоксы массовой любви к тиранам. Но для нас здесь интересна, прежде всего, связь любви и власти. Для начала, отметим, что любовь, рождающаяся под давлением агрессивной власти и страха, «чтобы мороз по коже», «чтобы ноги подкосились» и т. п., вовсе не является вершиной человеческой любви. Сравним: «Только одни на свете были эти глаза. Только одно было на свете существо, способное сосредоточивать для него весь свет и смысл жизни» (Толстой Л. Н., 1953. С. 302).

Кажется, уже довольно доказано историческое происхождение любви как одной из ведущих человеческих ценностей и смыслов. Но мало подчеркивается при этом, что путь к вершине человеческой любви лежит через преодоление отношений власти. Любовь не может существовать в пространстве этих отношений. Мощнейшее взаимовлияние — да, а вот власть — нет. Последняя нисколько не способствует доверию — основе ценностной любви. Ощутить себя «в полной власти», «сдаться» напористой воле и потому «упасть в объятия» — это все маневры конфронтационных игр, с их восхижительными переливами любви и ненависти.

Заметим, что эти игры также ведутся вовсе не в поле взаимоотношений власти, на котором ничто живое вообще не может произрастать. К тому же преодоление психологической власти через конфликт — это предыдущий случай. Любовь вырывается из узкого пространства условий, сдерживающих развитие личности, расцветает и затем куда-то исчезает. Для ее «подогрева» необходимы вечные конфликты и ссоры, которые обычно «списываются» за счет несовершенства семейных отношений (якобы их несоответствия творческой высоте личности). На самом деле один из «партнеров» подавляется другим и именно потому становится бесцветным и серым, а тот, кто его подавляет, в свою очередь, «разочаровывается» в нем и начинает искать потерянное в других (Минделл А., 1993. Ч. 2).

О том, что культура начинается с запрета, говорили и З. Фрейд (1989) и Ю. М. Лотман (1992). Только смысл сказанного был совершенно противоположный. Для З. Фрейда это враждебная среда, поглощающая либидо через процесс сублимации. Для Ю. М. Лотмана — ступени восхождения к смыслам человеческой жизни, к вершинам духовности. Массу запретов совершенно невозможно — скучно и тоскливо для романтической души, нетерпеливой и чувственной, — запоминать и произвольно не нарушать, если видеть за ними не главные человеческие ценности, а только запреты без одушевляющих их смыслов.

Мы не можем здесь обсуждать проблемы сущности культуры. Нас интересуют только некоторые ключевые позиции и выводы, в отношении которых, увы, даже в фундаментальных трудах остаются некоторые пробелы и недосказанность. В чем, например, смысл рыцарского коленопреклонения перед женщиной? Как норма и ближайшая цель это понятно каждому. Но зададим наивный вопрос, который всегда, к сожалению, заряжен готовым «блестящим» ответом¹: почему так не делают массы современных юношей, почему сами нормы изменились в сторону упрощения отношений²? Нам представляется, что для ответа на него, как бы странно это ни звучало, требуется специальное исследование. Здесь мы попробуем высказать только некоторые необходимые для дальнейшего анализа идеи, которые, как мы надеемся,

¹ Часто бьющим в любопытный глаз, мимо содержательной, но кажущейся простой и потому неинтересной цели.

² Если тут есть влияние сексуальной революции, то почему творческая интеллигенция, которая на самых трудных исторических перепутьях всегда выступала хранительницей человеческих ценностей, спокойно удовлетворяется некоторыми, прямо скажем, не самыми блестящими итогами эротического просвещения масс, «зомбированных» методами шоковой терапии на разрушение духовного богатства России и самого русского языка. Или таковой, охранительной, функции у людей образованных уже нет? А может, и нет уже самой интеллигенции, психологической сущностью которой всегда была ответственность за судьбу культурного наследия. Остались только люди с высшим образованием да бывшие «деятели культуры», переквалифицировавшиеся в управленцев, политологов и агитаторов, которые теперь самодовольно успокаивают «протестный электорат».

станут для нас вполне достаточным временным мостиком над открывшейся пропастью культурно-исторических и общественных проблем.

Совершенно очевидно, что процесс феминизации в определенной степени сгладил поляризованное неравенство позиций мужчины и женщины, которая стала объективно выше и ближе к переходу на то социальное плато, на котором ранее единовластно господствовал мужчина. Небольшую ступеньку на дороге к социальной самореализации она сейчас легко преодолевает самостоятельно и нередко смотрит на зазевавшихся мужчин уже сверху вниз.

К чему это привело во взаимоотношениях любви? Вместе с положительными прогрессивными итогами в решении важной проблемы создания условий для всестороннего развития личности, которых, конечно же, подавляющее большинство, открылись и некоторые новые проблемы, которые, в свою очередь, требуют и наверняка найдут в будущем свое адекватное общественное решение. Одна из новых проблем — поиск нового пути преодоления отношений власти. Это кажется парадоксальным: выравнивание ранее поляризованных позиций привело не к равенству и партнерскому сотрудничеству, а к обострению проблемы власти или, во всяком случае, усложнению ее когнитивного аспекта.

Рыцарское коленопреклонение — это не статическая поза, а важный психологический переход от навязанной доминирующей позиции к уязвимой покорности. Если бы вся сцена ограничивалась только этим актом, часто рассматриваемым именно так, в отрыве от дальнейших «транзакций», то она могла бы представлять интерес лишь для исследователей истории этикета. Но все дело в том, что этот акт только начало, *пусковой механизм* целой цепи транзакций, смысл которых — обретение ценности любви через последовательный монтаж взаимоотношений власти. Серия взаимных «*подстроек снизу*» переводит взаимоотношения в совершенно другое измерение, в недоступную иным способам сферу, где живы, вполне реальны и осязаемы очаровательные сокровища истинных человеческих ценностей.

Взаимоотношения власти формируются на прямо противоположном пути, через серию взаимных подстроек сверху, заканчивающихся доминированием одного из партнеров над другим. Один, чувствует себя при этом в позиции строгого, но справедливого «родителя», другой — в позиции послушного «ребенка». Как уже отмечалось выше, всю эту феноменологию блестяще, с большим чувством юмора описал Э. Берн (1988). Но переживания участников трансакций — это не просто ситуативное воспроизведение привычных «эмоциональных состояний». Их психологическое содержание штампуется довольно жесткой *формой* взаимоотношений, которую партнеры могут безопасно изменить или произвольно сменить только через осознание этой формы как надындивидуальной реальности. А демонтаж взаимоотношений власти уже целая психологическая технология, выработанная человечеством, начиная с периода Средних веков.

В игровой форме партнеры могут лишь слегка отодвинуть эту — давящую развитие человеческих чувств — среду, созданную их собственной деятельностью. Но спонтанные интуитивные действия не освобождают, а, напротив, как у человека, тонущего в болоте, способствуют еще более быстрому наступлению трагического финала. Игровая форма — источник романтических приключений, подростковых проб и экспериментов. Но она же и источник большей части подростковых травм, в подавляющем большинстве сексуальных. Причина одна: сквозь доверительные отношения любви прорываются силы, формирующие взаимоотношения власти. Как это конкретно может происходить, мы рассмотрим в следующей главе.

Есть определенная субкультура, представители которой во всех человеческих отношениях видят только проблемы власти, точно так же как психоаналитики в каждом движении человеческой души видят только проявления полового инстинкта. И те и другие действительно более трезво смотрят на явления, которые легко обманывают обыденное сознание, скованное морализаторством. Они легче нащупывают за романтической маскировкой все реальные возможно-

сти сопротивления партнера навязываемому итогу. Поэтому в условиях деструктивных уровней общения¹, удобных для манипуляторов, потенциальные действия «жертвы» оказываются совершенно прозрачными для «преследователей».

Представители криминала гораздо легче обычного среднего гражданина схватывают динамику взаимоотношений власти и без колебаний устремляются на захват деструктивных ценностей. Но тем самым они оставляют себе для активной деятельности только самую узкую сферу общения. И потому самые примитивные отношения неизбежно остаются для них единственной действительной реальностью, в которой они и процветают.

Самой большой ошибкой с нашей стороны, в том числе и в практической сфере, была бы попытка упрощения проблемы объективации тревожности. В то же время в результате теоретического анализа мы должны добиваться если не решения проблемы, то выдвижения вполне определенных научно-практических ориентиров, отталкиваясь от которых можно было бы двигаться дальше. На том уровне, на котором находится в данный момент разработка поставленной проблемы, мы можем представить на суд читателя лишь некоторые гипотетические положения, которые мы попытались схематически проиллюстрировать².

Тревожность никак не может рассматриваться в качестве исходного пункта развития психики и личности индивидуума, поскольку она блокирует все его основные, в том числе и витальные, потребности. Нормой и необходимым условием развития является любовь (общественное чувство, по А. Ад-

¹ Хотя и трудностей-то тут особых нет: у человека, ориентированного на доверие и ценности любви — понимание, эмпатию и т. п., хорошо развита способность мимического выражения своих чувств и состояний, у него «все написано на лице», в том числе, к сожалению, и страхи, которые эксплуатирует криминал. «Профессиональные требования» к актерским способностям криминала, к примеру, для стандартных «мошенников нашей современности» гораздо проще: каменное лицо и твердый сержантский голос, с оттенком насмешки.

² Понятно, что если речь заходит о наглядной схеме, то мы все еще находимся на этапе уточнения значения рабочих терминов и лишь приближаемся к созданию некоего целостного «понятийного ансамбля».

леру). Тревога понимается нами в качестве определенной активности субъекта (ориентировки), вызванной неожиданным распадом любви, сохранность и целостность которой является главным условием психического здоровья индивида. Причем успешная ориентировка субъекта в данном случае имеет все признаки аутоцентрической. Жан Пиаже считал этот вид ориентировки онтогенетически более ранним, чем аллоцентрическую ориентировку, направленную на объект (Флейвелл Д. Х., 1967. С. 156).

Как видно из схемы (прил. 1, рис. 1), основная наша гипотеза состоит в том, что стремление к власти и депрессивность являются результатом распада любви. Кажется, что это нелепо. Как может любовь «состоять» из власти и депрессии? Но методологически гипотеза совершенно безупречна: целое распадается на части, которые сами являются целым. В них не надо ожидать такую форму «элементов», которая однозначно предполагает исходное целое. Очень трудно наглядно представить, даже обладая объективными знаниями, что легкие газы — водород и кислород вместе могут составить воду. Такова парадоксальная взаимосвязь целого и части даже в неживой природе. Принципиальная парадоксальность и противоречивость живого единства уже психических явлений прекрасно отражена в ключевом понятии того теоретического направления в психологии, которое неизменно предпочитает путь познания «от целого к части»¹.

Лишь атомизм системно-кибернетического синтеза не содержит удивления («инсайта»): рассмотрение «элементов» и «блоков» изучаемой ими системы легко переходит в формально-логическую скуку конструирования ее структуры. Изобретательский произвол, перемежаемый математическими натяжками и условностями, заменяет исследование и образует сциентистский ритуал поиска истины. На самом деле, по неизменной направленности этого процесса — от субъекта к объекту — мы легко узнаем в нем очередной вариант научной объективации.

---

¹ Гештальт.

Да, действительно, распад любви означает потерю тех переживаний, которые являются единицей социальной ситуации развития «здоровой личности». То, что стремление к власти является продуктом распада личности, главным **признаком духовного нездоровья**, блестяще доказано работами А. Адлера (1993, 1997) и Э. Фромма (1992, 1994, 1995). Очень верно подмечено, что стремление к власти формируется прижизненно и отталкивается от переживания неполноценности (А. Адлер), шире — депрессивного состояния. Как уже отмечалось выше, нестерпимое переживание чувства неполноценности возможно только в условиях взаимоотношений власти. Любовь абсолютно исключает любую возможность *подобных переживаний*¹. Но сам момент формирования «фиктивной цели», так же как и момент осознания своей неполноценности субъектом, вовсе нет никаких оснований считать моментом зарождения чувства власти или формирования депрессивного состояния. Стремление управлять и манипулировать своими родителями наблюдается у детей значительно раньше, так же как и чувство искреннего отчаяния, сменяемого явно выраженной депрессией, особенно при госпитализме (Боулби Д., 2003).

Не только лишение ребенка любви, но и одна только угроза или ее мнимая возможность способны породить невротический страх, который объективируется в неразвитом еще сознании ребенка самым причудливым образом.

А. Адлер говорил о врожденном чувстве общности. Это, собственно, и есть любовь, как обратная сторона понимающего отношения взрослого к полностью беспомощному в своей изначальной социальности (Выготский Л. С., 1984) ребенку. Кажется, что стремление к власти «может претендовать» вместо «подчиненного положения» продукта распада на место ненависти как противоположности любви. Эта гипотеза требует внимательного рассмотрения. Если любовь является противоположностью одного из указанных пере-

¹ Точно так же через взаимоотношения власти совершенно невозможно понимание и усвоение ценности Свободы или же Справедливости.

живаний, то предположение о ее целостности и последующем распаде должно быть необходимо отвергнуто.

В самом деле, ненависть может играть определенную автономную роль в процессе обретения, а не распада любви и выступать в этом отношении как сознательная цель. В то же время она является последним шансом сохранения любви, за которым только и следует полный распад: ласковое равнодушие источника власти, с одной стороны, и отчаяние, тревога, депрессия — с другой. Ненависть, в отличие от власти, связана с любовью, и ее наличие означает некий «полураспад», оставляющий надежду на сохранение или обретение любви. Конечно, ненависть есть лишь средство, но не гарантия любви. Она может и уничтожить свой объект.

«Мир ненависти» интересен для исследования. Он достаточно устойчив и движется по своим законам. Здесь мы можем, например, найти удивительную и крайне оригинальную дружбу, которая продолжается и после ранения одного из партнеров ножом в порыве гнева или оскорбленного самолюбия. Ненависть позволяет индивиду чувствовать себя связанным с группой (правда, примитивной) и обществом.

Противоположность любви и власти — явление другого рода. Это два разнонаправленных процесса. Причем любовь снимает взаимоотношения власти, *кардинально усиливая при этом момент взаимовлияния*. По уже упоминавшемуся гениальному определению Г. В. Ф. Гегеля, любящие как бы полностью отрицают себя и тем самым *«впервые обретают самих себя»*. Таким образом, истинная идентичность обретается именно во взаимоотношениях любви. Стремление к власти, будучи явлением более примитивного культурно-исторического уровня развития, совершенно не содержит в себе никакого, даже «исчезающего», момента любви. Действительно, там, где начинается борьба за власть, заканчивается любовь.

Любящий должен убедить — и не только человека, к которому обращено его чувство, но и самого себя, — что в его от-

ношениях нет ни малейшей тени стремления к власти¹. «Так любить — значит не иметь более надобности прощать. Так любить — значит не уметь ничего скрывать, ибо вечно присутствующая душа все превратит в красоту. Так любить — значит видеть зло лишь с целью утончать свою снисходительность, научаясь не смешивать грешника с его грехом» (*Метерлинк М.*, 2000. С. 110). Даже малейшая попытка управлять другим иногда переживается как неизбежная угроза ценности любви к нему. Например, ложь любимому человеку означает создание искаженного образа, который предрешает будущие действия партнера общения. Это, в свою очередь, не может расцениваться иначе, чем манипуляция, частичная или полная, временная власть над человеком, ограничение свободы его целеполагания. Поэтому любящие родители чувствуют себя такими обиженными, а властные с неумным гневом преследуют детскую ложь, которую сами же провоцируют.

Если человек не смог справиться со своими эмоциями и начинает вымалывать любовь, то отношения любви перестают развиваться. Такой человек становится партнеру, как правило, не интересен не потому, что он просто «оказался не тем», а именно потому, что разрушил процесс становления еще не сформированных взаимоотношений любви. Слабость и покорность в данном случае есть не что иное, как провокация и даже навязывание партнеру взаимоотношений власти, которые неизбежно разрушают процесс нарождающейся любви². Ощущение катастрофичности осознаваемой возможности потери значимой ценности не дает такому человеку заметить, что он своим эгоцентрическим стремлением

¹ Имеется в виду любовь в качестве общественно-культурной ценности, а не элемента «попсы» или «техники овладения сексуальным объектом».

² В этом отношении трудно поверить тем расхожим уверениям, что человек вовсе не хотел, чтобы у него сложились взаимоотношения любви. Как правило, он видит, в каком направлении его отношения развиваются, и прекрасно осознает моменты их уязвимости, но снимает с себя личную ответственность, использует недостаточную психологическую просвещенность общественного мнения.

«спасти свою любовь» от окончательного распада лишь возлагает на партнера бремя власти.

Учитывая, что у человека все инстинктивные формы поведения разрушены, мы ожидаем, что сексуальные отношения супругов и детско-родительские взаимоотношения имеют самые разнообразные социальные формы, которые одновременно могут быть дифференцированы по принципиально различным уровням социализированности. Так, взаимоотношения супругов могут быть по форме детско-родительскими: муж — старший сын в семье, а детско-родительские отношения матери с сыном воспроизводят взаимоотношения образцовых супругов. Но, как правило, здесь царствуют не подобные, ярко выраженные формы, а их эклектические вариации, сопровождаемые стихийно усвоенным конгломератом норм, ценностей, правил и традиций. Мать может даже сама не понимать, почему ее, к примеру, так уязвляет безобидная защитная ложь сына, почему приступы ярости и стремление к власти порой сменяются приливами нежности и любви.

При этом отцам, как правило, редко приходит в голову поступать в ответ на агрессию дочери или сына нежно и с пониманием, как это они всегда легко делают в отношении разъяренной супруги: «Если ты только почувствовал, что она абсолютно не права, — немедленно извинись!» Мужская роль усвоена хорошо, а вот социализация детско-родительских отношений остается на уровне ценностей власти. Конечно, способы разрешения супружеских конфликтов не могут быть автоматически перенесены на отношения детско-родительские и механически использованы в них. Дело в том, что для самих же детей действительно опасно давать возможность управлять родителями и тем более наносить агрессивный ущерб их достоинству. Но отражать детскую агрессию на пути взаимоотношений власти — это значит абсолютно порвать контакт с ребенком и закрыть возможность для взаимопонимания с ним.

Тот факт, что власть всегда ставит любовь под угрозу, не означает, что они противоположны и способны составить единое целое. Власть — это не *связующая противоположность* любви, а *объективированная*. Она сама есть не что иное, как продукт распада, переход к которому через акт лжи или любовью другой акт управления оказывается подчас необратим. Катастрофу может предотвратить только решительное отвлечение манипулятором своих деструктивных действий, ориентировка другого в своем грубом вмешательстве в его субъективный мир и при необходимости очевидное и неподдельное выражение бывшим манипулятором своего искреннего раскаяния.

Это стремление вернуться к исходной целостности и ценности любви переживается как **чувство вины**, что мы и попытались схематически обозначить на рис. 1 (прил. 1). Ребенок не может понять ситуативный характер ненависти взрослого, который физически его наказывает. Больше всего он боится потерять любовь, и если мама «отходчивая» и всегда ласкает ребенка после наказания, то формируется стратегия «возвращения любви», а не активное утверждение в ее распаде (агрессия). Но, чтобы обрести состояние «отходчивости», мама «вынуждена» в своей личностной ограниченности жестоко («от души») разрядиться на ребенке. Чувство *вины* и *жалость* «отходчивой» матери могут объединиться и восстановить эти патологические взаимоотношения любви.

Только доведя ребенка до крайней степени страдания, эгоцентрический в своей социальной униженности и бесправии взрослый оказывается в состоянии эмпатически понять ребенка. А ребенок, для того чтобы получить понимание и любовь, необходимо должен принимать и терпеливо переносить страдания со стороны любимого взрослого, что также предопределяет формирование рабски угодливого («холуйского») типа личности. Понятно, что речь идет не только о чувствах, но и о действиях, а также об изменении внутренних позиций сторон.

В этой связи традиционная классификация родительских позиций по О. Коннеру (Столин В., 1983) нуждается, на наш взгляд, в некотором уточнении. Требуется ввести в ее состав как необходимое условие достижения ребенком безусловно необходимых ему ценностей родительскую «позицию жалости» (сочетание жестокости с искренней любовью и пониманием), обеспечивающую циклическое разрушение и возрождение ценности любви для невротизируемого ребенка. В этой циклической активности ребенок движим тревогой, которая не просто отражает потерю любви, но направляет его через чувство вины на обретение потерянного.

Чувство вины, по сути, и есть не что иное, как переживание стремления индивида вновь обрести потерянную любовь (или избавиться от угрозы ее лишения). Если у ребенка нет такой возможности, если он убедился, что никакими усилиями ему никогда не получить родительской любви, то и никакого чувства вины у него уже никогда не возникает. Он начинает заботиться только о минимально возможном в этих условиях контакте, вынужденно извращенном, сознательно провоцируя родительский гнев и ненависть. Он намеренно нарушает нормы и правила — и субъективные родительские, и социально-ценностные, значимые для развития его личности, — чтобы получить хотя бы надежду на любовь. Если родительская ненависть не превращается в любовь, если ребенок имеет дело только с ее искаженным отражением во взаимоотношениях власти¹, то надежда ребенка также неизбежно покидает его и начинает формироваться защитный эгоцентризм, характерный для социально-невротического развития личности.

Этот инфантильный психологический механизм возвращения любви через чувство вины цинично используется тоталитарной бюрократией. Сначала человека уличают в неискренности, лжи, предательстве любви, причем более на-

¹ Когда ненависть превращается из непосредственной эмоциональной реакции отчаявшегося в своем плебейском существовании раба и становится воспитательной позицией отвержения или сверхтребовательности («порка по пятницам» и т. п.).

стойчиво, чем даже преследуют при явном нарушении норм уголовного права, затем угрожают отвержением — потерей ценности народной любви к своему гражданину и, особенно, признанному герою, затем дают возможность «искупить вину». Несчастный совершает фантастические подвиги, преодолевает немислимые препятствия, чтобы вернуть себе народную любовь, «распределяемую» между страждущими специальными государственными органами.

Любая часть в то же время есть целое. И поэтому требуется объяснить: что же такое «власть» и «депрессия» (бесперспективная и дезориентированная тревожность) вне своего единства — ценности любви, т. е. в качестве переживаний, существующих и взаимодействующих уже как автономные продукты распада, независимо от их генезиса. Важно определить и как соотносятся понятия «депрессия» и «тревожность», «агрессия» и «стремление к власти».

Для нас важно иметь в виду, что в семье, где родители не склонны к *позиции жалости*, ребенок не имеет возможности вернуть ценность взаимоотношений любви. В его чувстве тревоги основное содержание занимает ощущение подчинения и зависимости, свойственные взаимоотношениям власти. Поэтому для него остается только один путь — агрессия (прил. 1, рис. 1). Он не имеет возможности обрести или вернуть любовь, но зато имеет шанс подчинить партнера вместо того, чтобы чувствовать себя его рабом.

Он вовсе не равнодушен к ценности любви, но она доступна для него только в обращенной форме — ненависти. Его агрессивность не может вызвать сочувствия и жалости к нему родителей. Самое страшное и предельно катастрофическое положение ребенка в семье — это равнодушие к нему родителей в сочетании с осознанием своей зависимости от них. Поэтому ребенок, как было уже отмечено выше, и нарушает все установленные запреты именно с тем, чтобы видеть перед собой хоть какое-то подобие человеческого лица, пусть полное гнева, но живое, а не маску «манекена». Очевидно, необходимы особые условия просвещения родителей, чтобы

они могли в ответ на детскую агрессию проявить сочувствие и любовь к ребенку.

Со временем ребенок понимает, что такое поведение делает его более сильным по сравнению с родителями, связанными социальными нормами и запретами. Он нащупывает условия и средства, позволяющие преодолеть чувство зависимости, превратив его в ощущение власти. С обретением власти исчезает тревога, поскольку в содержании ее переживания наиболее болезненным является ощущение подавленности и связанности личности волей другого человека: «Индивид не может “находиться вне действия” угрозы, не может ее объективировать и поэтому бессилён ей противостоять. Говоря обыденным языком, человек чувствует себя захваченным, или, если тревога является выраженной, им овладели...» (Мей Р., 2001а. С. 224).

В отношении процесса консультирования существенно то, что взаимоотношения пострадавшего и персонификатора являются аналогом рассмотренных выше взаимоотношений власти. Поэтому нарастающая тревога пострадавшего тесно связана с возможностью преодоления им власти персонификатора, что, собственно, и составляет главную задачу и содержание консультативной помощи. Отношения власти могут возникнуть по любому поводу, поэтому важно направить основное внимание не на содержание последних, их классификацию и выяснение причин значимости для субъекта «изменений цен на бирже», хотя и это важно, а, прежде всего, на сами эти деструктивные взаимоотношения и возможные пути их преодоления.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что помимо двух рассмотренных, патологических, путей возрождения ценности любви существует и третий (прил. 1, рис. 1) — через актуализацию творческих возможностей индивида. На этом же пути развивается и сама человеческая агрессия. Как естественная человеческая потребность (Перлз Ф., 1995) она социализируется и приобретает позитивные культурно-исторические формы.

Мы отдаем себе отчет в том, что предложенная в качестве иллюстрации схема является гипотетической и незавершенной. Более того, она страдает одним существенным недостатком — отражает по преимуществу лишь межличностный уровень исследования взаимоотношений, хотя предполагается, что восстановление любви понимается как восхождение индивида к социально значимой, культурно-исторической ценности. Но на самом деле в больной авторитаризмом семье любовь как общественная ценность в полном объеме не восстанавливается. И эти уродливые жалостливые отношения родителей, и ущербное чувство вины самого ребенка синтезируются в некую непосредственную чувственную ткань, из которой в отдаленной перспективе вместе с развитием своей личности — при условии отсутствия травматической отягченности взаимоотношений любви — субъект сможет присвоить все богатство культурно-исторического смысла подлинной любви. Именно на этом пути оказываются незаменимыми творческие возможности ребенка и их сохранность в условиях глубоких психологических травм.

Рассматривая процесс распада и восстановления взаимоотношений любви, важно отделить понятие творчества от «сублимации». Сублимация поглощает половую энергию. Но любовь как высшая ценность сама нуждается в творчестве. Это ее необходимый этап. В интенсивности творчества, преображающего личность, во многом и состоит секрет человеческой любви и ее фантастической духовной привлекательности. Это совсем не похоже на психоаналитические описания. Наличие предмета любви вовсе не «осушает» «канал сублимации», который, напротив, расцветает вместе с личностью влюбленного¹. Этот момент мы также попытались отразить на схеме. Думается, что именно ее временное несовершенство и незавершенность может помочь практическим психологам преодолеть внушающее влияние еще более схематических — психоаналитических представлений о взаимосвязи «ид», «эго» и «суперэго».

¹ Вспомним слова из «Евгения Онегина»: «...иль чуть не сделался поэтом».

Следующей важной проблемой является *объективация спонтанных, возрастных и других «нейтральных» — в отношении травмы — физиологических состояний* (усталость, недосыпание, соматическая ослабленность в результате перенесенной болезни, изможденность непосильным трудом, сумеречное сознание при пробуждении, юношеская тоска, подростковая депрессивность и т. п.). Подросток, переживший травму, уже не в состоянии считать, в отличие от его более удачливого сверстника, что у него просто плохое настроение, что сегодня просто пасмурная погода или «магнитная буря». Все негативные физиологические изменения, связанные с началом инфекционных заболеваний, физическими, химическими воздействиями, плохой водой, некачественным питанием, возрастными и сезонными перестройками организма, он объективирует в качестве составной части травматических переживаний.

Все негативные итериорецептивные ощущения воспринимаются им в качестве очередных признаков пробуждения старой душевной раны. И это заставляет его в очередной раз прокручивать мучительные воспоминания в надежде найти спасительный выход. Объективация временных соматических дисфункций приводит к компульсивному поиску со стороны пострадавшего предполагаемого когнитивного травматического содержания этих соматических дисфункций.

Очередной важной проблемой, вытекающей из предыдущего анализа, является определение надежных ориентиров на пути *обретения независимости* пострадавшего от власти персонификатора. Психологическая независимость тесно связана с выбором самим пострадавшим определенного типа отношений к персонификатору. Кажется, что этот тип автоматически определяется объективной характеристикой травматической ситуации и ее трагическими результатами. Но это не совсем так. Здесь нет абсолютной предрешенности, хотя в то же время и нет произвольности выбора всех возможных вариантов, которые почти каждый пострадав-

ший с отчаянием перебирает в надежде найти опору для душевных поисков и преодоления угнетающих последствий травмы. Самым уязвимым отношением является *обида*¹.

Дело в том, что обида, ненависть, любое другое эмоциональное отношение тесно связывают пострадавшего с персонификатором, сокращая представляемую психологическую дистанцию и создавая тем самым условия для формирования взаимоотношений власти. В конечном счете наиболее безопасной для пострадавшего является позиция равнодушного спокойствия. Но выработать ее в условиях, когда спокойствие ощущается пострадавшим как безропотное подчинение злу, как бессилие и неспособность дать необходимый отпор, практически невозможно. Консультант должен позаботиться о необходимых защитных копингах, которыми должен овладеть пострадавший. Возможно, для этого потребуется предварительный тренинговый этап и период развивающего обучения. Необходимо помочь пострадавшему обеспечить моральное, нравственное, социальное, психическое и в случае необходимости даже физическое превосходство над персонификатором. Но цель всего этого не подвиги Монте-Кристо, а достижение равнодушного отношения, т. е. полного разрыва психологической связи с персонификатором и обретение окончательной независимости, возможности «сбросить груз прошлого».

Не менее важной проблемой является определение условий решения важной практической задачи, выработка у пострадавшего непреклонного *стремления к установлению истины*. Он должен убедиться в том, что не в его интересах исказить картину травматической ситуации и оправдываться. Мешает этому панический страх, провоцирующий пострадавшего включиться в деструктивный диалог с агрессивным персонификатором. Ложь формирует пусковой механизм (зацепку) для разворачивания процесса, в ходе которого пострадавший неизбежно будет вынужден оправдываться и защищаться в нарастающей степени перед воображаемым судьей — авто-

¹ Как говорят: «На обиженных воду возят».

ритарным социальным персонификатором, способным к любви. При этом сила эмоциональных воспоминаний в отношении актуализирующихся условий травматической ситуации, страхи и степень распада мышления пострадавшего также неизбежно начинают нарастать, подавляя способность личности к сопротивлению и доводя ее до состояния отчаяния и безысходности. Только *стратегия невключенности* может застраховать жертву травматической ситуации от нежелательного втягивания в невротическую воронку самооправдания и обеспечить самостоятельность выбора жизненного пути. Существует несколько вариантов «наивных хитростей» пострадавшего, которые препятствуют успешному преодолению травмы и создают барьеры на пути развития его личности.

Например, преувеличение своей вины в понесенном ущербе до степени неправдоподобности неизменно приводит пострадавшего к полной интуитивной уверенности в фальшивости самообвинений и позволяет с полученным таким образом основанием радостно и решительно отбросить их все, впадая в напускное эйфорическое настроение с остатками ужаса на периферии сознания. Иногда сознание пострадавшего пробивают инсайты защиты в форме романтических ролей, образов и пафосных высказываний. Пострадавшему необходимо вовремя отбросить их, вообще принципиально отказаться двигаться по этому пути. Тогда рассыпаются и нападки персонификатора, который оказывается «вынужден» оставить в покое свою жертву, получающую, наконец, реальную возможность продолжать свою самостоятельную деятельность и возможность дальнейшего развития.

Невключенность — это позитивный психологический прием, позволяющий без вреда для личности обеспечить некий психологический «модус вивенди» в разрешении внутреннего конфликта, владению которым консультант должен обучить пострадавшего. Это дает возможность «подтянуть» психическое и личностное развитие пострадавшего до уровня воз-

возможности окончательного преодоления травмы и сбрасывания груза прошлого.

Следующей важной проблемой является *потенциальная фасилитация развития*, и в частности актуальное приближение времени возрастного кризиса. Это не значит, что травма «способствует развитию», а пострадавший в какой-то мере обязан благодарить за результаты своего развития ненавистного ему персонификатора. Мы должны отдавать себе отчет в том, что эта надуманная морально-этическая проблема сформулирована вовсе не с позиции пострадавшего. Она является, по сути, одним из вариантов бесконечной череды посягательств персонификатора на присвоение себе всех способностей и результатов деятельности пострадавшего, что типично и для воображаемого пострадавшим, и для реального социального невротика.

Если персонификатор не хочет сотрудничать с пострадавшим с целью разрешения травматического конфликта, то пострадавшему ничего не остается, кроме пути использования этого конфликта для своего личностного роста. На этом пути пострадавшему важно, так же как и в других конфликтных ситуациях, не потерять свою самостоятельность, свой уникальный путь социализации и развития в обществе, чтобы, изменяясь, всегда оставаться самим собой, обрести и отстаивать свою идентичность. Поиски чего-то другого, что могло бы обеспечить реальную независимость от персонификатора, — верный путь к гибели. «Смотрите на конфликт, как на свою судьбу. Вы не можете избежать его, поэтому постарайтесь извлечь из него максимум пользы, обучаясь и используя его для своего роста» (Минделл А., 1993. С. 61).

Соотношение процессов развития и преодоления последствий психологической травмы обсуждалось нами достаточно подробно и позволило выработать определенную теоретическую и практическую позицию по этому вопросу. «Травма и развитие отнюдь не находятся в жестком отношении цели и средства. Травма может катализировать развитие, но только в том случае, когда личность достаточно развита, чтобы пред-

почесть путь развития естественному стремлению облегчить свои страдания» (Красило А. И., 2004. С. 12).

Здесь нам хотелось бы зафиксировать более частную проблему. Преодоление травмы нельзя полностью уподобить процессу разрешения межличностного конфликта. Хотя некоторое сходство и общие принципы прослеживаются. Это вполне закономерно в том отношении, что большинство травм именно так и начинается, как острый межличностный конфликт. Но на вопросах сходства мы остановимся несколько ниже. Сейчас важно отметить различие, особенно если травма получена ребенком или подростком. Травма как бы вырывает огромную часть стабильного периода развития ребенка и ставит его вплотную перед решением проблем, характерных для более поздних возрастных кризисов. Причем это может быть даже «прорыв» через несколько стабильных периодов. И овладеть средствами для решения многочисленных наслоений кризисных проблем ребенок оказывается просто не в состоянии.

Следующая проблема связана с необходимостью дифференциации средств психологического анализа травмы и названа нами проблемой *селекции познавательных средств*. Каков должен быть инструмент анализа травматического переживания? К примеру, интуиция как средство анализа травматических переживаний самим пострадавшим должна быть оставлена даже личностью интуитивного типа. Слишком тонкий и изящный инструмент, который просто сломается под тяжестью ужаса травматических переживаний или сделает пострадавшего клиническим невротиком, помочь которому впоследствии сможет только психотерапевт. Наличие этого обстоятельства создает две взаимосвязанные проблемы: 1) «Как развить понятийный аппарат пострадавшего?» и 2) «Как сохранить продуктивность его интуитивного творчества?» В процессе консультирования более безопасно для пострадавшего направлять его на использование простейшей (формальной) логики¹. Более того, этот путь является

¹ Хотя непременно условием подлинной победы над травмой является как раз выход за ее пределы, в область диалектического мышления.

как раз более перспективным и в «стратегическом» отношении: травма не может считаться освоенной до тех пор, пока пострадавший не выразил свои переживания и отношения в понятиях.

Но, как уже было отмечено выше, именно логическое мышление и распадается в первую очередь под воздействием травмы. Поэтому в процессе психотерапии и наблюдается разорванность и ассоциативность мышления пострадавшего, активно используемая психоаналитиками.

Основная проблема и технологическая трудность состоит в том, что консультативные ограничения противоречат условиям работы творческой интуиции, которая не может быть просто «законсервирована». Она, как правило, и в норме запускается неосознаваемыми сигналами и ведет за собой человека против его воли, ввергая в творческие мучения (Юнг К., 1994). Различить эти сигналы непросто. А игнорировать — значит пойти на риск слома или угнетения механизма интуиции, который пока не исследован вполне (это тоже фактор работы с травмой, на котором психоанализ и расцвел). К тому же не всегда «творческие страдания» ведут к успеху¹.

При классических сексуальных травмах проблема оказывается еще более острой, поскольку наблюдается спонтанное возвращение переживаний травматических событий в соответствии с динамикой половой потребности. При этом они оказываются «аффективно окрашены» мучительными эмоциями страха и ужаса, горечью унижения и т. д. Воспоминания не препятствуют, а, напротив, прокладывают путь сексуальной потребности, рефлексировать которую пострадавшему, в условиях ее сращенности с тревогой и страхом, практически невозможно. В такой ситуации, когнитивно сложной и аффективно деструктурирующей, различить сигналы творческой интуиции, с одной стороны, и импуль-

¹ Но, с другой стороны, мы должны отдавать себе отчет в том, что ущерб для интуиции — даже при ее временном подавлении — не менее реален и весом, чем, к примеру, для программиста риск уничтожения ценных данных при неправильном закрытии программы.

сивные аффективные провокации — с другой, пострадавший просто не в состоянии.

Поэтому наиболее эффективный и универсальный путь организации консультирования, несмотря на наличие указанных выше актуальных проблем, все-таки остается в плоскости категоризации. Только овладев травматической ситуацией в понятиях, пострадавший одновременно получает превосходство над персонификатором (и даже инферналом), т. е. возможность его простить. Достижение такого результата, несомненно, является основной стратегической целью консультанта.

Очередная проблема связана с зависимостью самооценки пострадавшего от целостного переживания травматического прошлого, настоящего и вероятного будущего.

В переживаниях прошлого важно наличие компенсаторных психологических активов в настоящем и достижимом будущем. Реальные социальные успехи пострадавшего в настоящем способны радикально снизить остроту негативных переживаний прошлого и повысить самооценку. Неудачи, напротив, заводят пострадавшего в тупик усиливающихся болезненных переживаний прошлого.

В переживаниях настоящего состояния, прежде всего, выделяются следующие аспекты: межличностные взаимоотношения и *навязанная роль*.

Многие пострадавшие тяготеют ролью беззащитной «овцы» и потому навязчиво стремятся к переживанию противоположной роли («волка»). Это не просто «преследователь» (*Э. Берн*), а человек, социально деградирующий и творящий сознательное зло. Компульсивность деструктивных действий социального невротика реализуется в конкретных межличностных отношениях. Но это не просто «смена ролей». Пострадавший вынужден переступить социальные нормы и отказаться от преследования тех социальных ценностей, которые ранее считал неотделимыми от своей личности.

Стать снова жертвой он, конечно, может, но вернуться в потерянное личностное состояние из длительного периода

регрессии не так-то просто. Для этого, по крайней мере, надо воскресить прежние мотивы и смыслы, которые похоронены в прошлом. Но для того, чтобы это сделать, тоже нужен мотив. Пострадавшему надо каким-то образом *захотеть* вернуть себе прошлое состояние. Вероятность возникновения подобного устойчивого мотива без помощи консультанта примерно такая же, как вероятность инициативы десятикилометровой пробежки со стороны изрядно обленившегося школяра, вполне довольного привычным комфортом. У социального невротика формируется совсем другая форма и динамика мотивационной сферы по сравнению с социализированной личностью, в которой под воздействием травматических переживаний начинают доминировать ранее отвергаемые мотивы.

На этом пути *социального регресса* травма не рубцуются, а становится *источником социально-патологического развития* — *социальным дефектом*. Но дефект автоматически не становится источником развития, как, например, осознаваемый личностью физиологический дефект (Выготский Л. С., 1983). Социальный регресс не означает возвращения к ранее пройденным этапам индивидуального развития. Это есть возвращение к ранее преодоленным человечеством историческим этапам развития общественной психологии, с их отжившими нормами и ценностями¹.

Вместо разрушенной индивидуальности начинает бурно развиваться типовой вариант социального невротика². Мирощущение социального невротика базируется на нормах насилия и эксплуатации. И свою базовую травму он начинает воспринимать уже как *норму общественной жизни*. Это снижает уровень тревожности и приносит ему определенное спокойствие и возможность выхода из области депрессивных переживаний.

¹ Например, возвращение к «дикому рынку» с главенствующей идеей «первоначального накопления капитала», который надо просто копить для себя и вывозить в надежное место.

² Подобно тому, как на гниющем пне спиленного дерева начинают буйно произрастать поганки.

Еще одна проблема — прерывистость или необратимость времени травмы. Невозможность, маловероятность или просто неготовность пострадавшего к реальной встрече с теми же персонификаторами для продолжения реального консультативного взаимодействия (т. е. участия в поддерживающей «игре», но уже не в роли «жертвы» или социально деградированного «преследователя»).

Следующей трудностью являются дополнительные факторы, усложняющие поиск решения основных экзистенциальных и психологических проблем. Среди них можно выделить, к примеру, следующие: уже упоминавшуюся проблему недостаточной разработанности теории интуиции (Юнг К., 1994); наличие неизменной для большинства пострадавших иллюзии «Такого ни с кем не случилось!» и т. п.

Глава 4. Процесс психологического консультирования

При организации консультирования мы исходим из учета тех его особенностей, которые были рассмотрены выше, и направляем его процесс на решение наиболее актуальных для данного пострадавшего проблем. Организация консультирования не исчерпывается проведенным нами выше анализом наиболее типичных проблем. Необходимо сформулировать и соответствующие теоретические позиции консультанта, а также наметить первоочередные задачи и определить наиболее вероятную последовательность их решения. На формулировании принципов консультирования в данном случае целесообразно остановиться в конце главы. Все это важные стороны и условия теоретического и организационного обеспечения самого процесса консультирования.

Нам представляется, что, вступая во взаимодействие с пострадавшим, консультанту необходимо сохранить осознанное и устойчивое теоретическое отношение ко всем сторонам динамически изменяющейся травматической проблематики, которое, собственно, только и может обеспечить необходимые практические условия организации процесса консультирования. Любые колебания во внутренних установках могут привести к мифологизации травматической ситуации. Именно поэтому результаты проделанного нами теоретического анализа должны быть предварительно сформулированы в адекватной для практического использования форме.

Мы выделяем следующие позиции, которые позволяют отнести процесс консультирования к *социально-гуманистическому направлению*, содержание и организация которого является характерной именно для отечественной психологии. Это направление в консультировании мы отличаем от

генетического гуманизма, или «экзистенциально-гуманистического», как его часто называют на Западе и у нас в стране.

1. Психологическая травма — это *субъективно-объективный* событийный фактор, сдерживающий или отклоняющий развитие личности.

2. Никакой *психологической* травмы нет, если нет проблемы *существенных взаимоотношений* и отношений пострадавшего. Если консультант даже не задает вопрос о том, какие стороны травматической ситуации вызывают стресс, не выделяет в них межличностные и социальные, то он неизбежно смотрит на проблемы пострадавшего глазами психофизиолога. Фиксация и отслеживание недифференцированных психофизиологических явлений (Селье Г., 1979) приводят к потере предмета психологического консультирования, упрощению его задач и ограниченности выбора средств психологической помощи.

Предметная деятельность человека и общение являются двумя неразрывными сторонами деятельности (Леонтьев А. Н., 1975). Поэтому любые препятствия и барьеры адаптации пострадавшего в предметном мире оборачиваются разноплановыми проблемами в общении, взаимоотношениях с окружающими, отношениях к обществу и его ценностям. Эти проблемы расположены на разных уровнях взаимодействия пострадавшего с многочисленными сторонами травматической ситуации, а также на различных ступенях рефлексии травматических переживаний.

3. *Существенные взаимоотношения* распадаются потому, что они перестают обеспечивать личности *открытость и достижимость* тех социально-культурных ценностей, без которых невозможно существование человека как личности. В результате человек теряет смысл своего существования. Фасилитация ценностного смыслообразования не является вспомогательным компенсирующим процессом, который совершается консультантом обобщенно и произвольно, исключительно на основе его творческой интуиции и тем более по типу «смыслового протезирования». Новые смыслы обрета-

ются пострадавшим не где-то в стороне от выбранного им жизненного пути и не просто замещают утерянные.

Во-первых, для пострадавшего вообще может быть неприемлемой замена смыслов, поскольку это может означать для него путь духовной деградации и распада личности. Во-вторых, в случаях, когда действительно возможна подобная замена, как это блестяще доказано в практике логотерапии (Франкл В., 2000), новый смысл всегда обретается *в тех же самых существенных взаимоотношениях*¹, которые подверглись угрозе распада.

4. Многие проблемы пострадавшего оказываются не понятными со стороны консультантов только потому, что рассматриваются как проблемы *изолированной* личности, тяготящейся своим одиночеством только в крайних случаях, когда набегают скука и периодически возникает потребность просто пообщаться с кем-нибудь. *Разрыв социальных связей*, ранее обеспечивавших достижение значимых ценностей, — это в то же время есть и прерывание процесса личностного роста, деформация и торможение процесса психического развития. На самом деле не только социальные, но и межличностные отношения не управляются «прямо» волей и непосредственным желанием взаимодействующих сторон. Поэтому пострадавший, пытаясь преодолеть последствия травмы, иногда оказывается не в состоянии опереться на свою референтную группу, даже на ближайших людей, которые его искренне любят.

Члены референтной группы все-таки вынуждены опосредовать социальными ценностями и нормами свои действия, направленные на помощь и поддержку пострадавшего. Это не значит, что они «скованы» или «ограничены». Здесь другое: помочь пострадавшему вернуть временно утраченные социальные ценности, к которым он остается пристрастен, невозможно на пути разрушения этих ценностей и той социальной среды, в которой они только и могут существовать. Для того чтобы реально вернуть себе потерянные цен-

¹ Это не значит, что непременно «с теми же самыми людьми». Так Раскольникову стала вдруг необходимой именно Соня Мармеладова.

ности, пострадавшему порой требуется даже построить новые взаимоотношения с новыми людьми. И только найдя новый путь к вечным духовным ценностям и смыслам, он способен снова вернуть себе прежние отношения «традиционных» членов своей референтной группы.

Своим основным негативным следствием травма имеет формирование *травматических взаимоотношений* с персонификатором. С одной стороны, травма является своеобразной черной дырой, поглощающей ценности существенных взаимоотношений пострадавшего с обществом. Через эти взаимоотношения в период, предшествующий травматической ситуации, осуществлялся процесс индивидуального развития его личности. С другой стороны, травма продавливает и закрепляет навязанные *взаимоотношения власти* с персонификатором, которые являются фактором зависимости пострадавшего и уклоняют процесс его личностного развития в сторону, определяемую характером травмы. Поэтому в содержании консультирования мы, прежде всего, выделяем проблему взаимоотношений пострадавшего и персонификатора.

К сожалению, даже современная гештальтпсихология (Перлз Ф., 1995) способствует искусственному формированию подобного типа социального невротика, ориентированного только на личное спокойствие.

Если персонификатор является не социальным невротиком, а достаточно развитой личностью и может *сотрудничать с консультантом и пострадавшим*, если вообще возможно, чтобы он мог встать на сторону пострадавшего, то разрушенные социальные связи быстро восстанавливаются и «черная дыра» драматических переживаний благополучно исчезает.

5. Если образ персонификатора имеет явную тенденцию к инфернальности, то стратегия консультирования коренным образом меняется. «Всевидящий» персонификатор приобретает свойства *теневого судьи*, который периодически доводит потерпевшего до отчаяния — от осознания безвыходности своей экзистенциальной ситуации — или временно загоняет его в депрессивное состояние.

6. Главная задача консультирования — *моральная победа* пострадавшего над *инферналом*. Ее условием является способность пострадавшего сохранить свой жизненный выбор, направление своего развития и способность продуктивно ориентироваться и мыслить во взаимодействии с *инферналом*. Поэтому работа над травмой — это не только погружение в прошлое и стремление его сознательно изменить, переосмыслить.

Основу такого переструктурирования травмы, прежде всего, создают реальные новообразования в настоящем, новые умения и достижения, которые даже без специального обращения к повторному анализу травмы обеспечивают пострадавшему уверенность в победе над *инферналом*¹.

7. Процесс преодоления травматических взаимоотношений имеет несколько *уровней*:

- *месть* — потребность изменить свою позицию на противоположную в рамках тех же травматических взаимоотношений власти (как уже отмечалось, «страдающий персонификатор» облегчает потерпевшему путь к преодолению чувства мести к нему);
- *моральную победу и возможность простить персонификатора* — способность изменить сами взаимоотношения и выйти на более высокие уровни общения (Добрович А. Б., 1987);
- *уровень освобождения от груза прошлого* (Леонтьев А. Н., 2001), предполагающий глубокое понимание философии добра и зла и деятельное противостояние пострадавшего социальному злу.

8. *Травматический конфликт не является развивающим*. Напротив, он является мощным барьером развития пострадавшего. Но, как и любой другой конфликт, его можно использовать в целях развития личности. Более того, в боль-

¹ Уже дети, которые в результате причиненных им обид начинают развивать свои физические способности, силу, ловкость, изучать приемы рукопашного боя, прекрасно рефлексируют этот аспект. Они делают это не обязательно для того, чтобы отомстить, чаще их действия интуитивно направляются на выработку необходимого копинга.

шинстве случаев это необходимый и обоснованный шаг в процессе преодоления травмы. Консультант должен быть готов преодолеть нежелание пострадавшего развиваться только на том основании, что это развитие якобы спровоцировано персонификатором, которому он и «будет обязан» его результатами (эффект «подталкивания в спину»). На самом деле у пострадавшего нет выбора: развиваться или не развиваться. У него есть другой выбор: выиграть вместе с «примитивным партнером» (Добрович А. Б., 1987), а если тот не желает, то «выиграть у него» возможность и право на дальнейшее развитие и тем самым вырваться из рабского состояния или, напротив, предоставить персонификатору право сломать свою личность. Других вариантов (и выборов) реально просто не существует.

При работе с травматическим конфликтом, на наш взгляд, иногда бывает вполне обоснованным использование стратегии и методов Гарвардской школы (Фишер Р., 1992; Корнелиус Х., 1992). Психологи должны помочь пострадавшему сформировать адекватную ООД (Гальперин П. Я., 2002; Талызина Н. Ф., 1975) в травматическом конфликте по типу «выиграть-выиграть». Если персонификатор не способен к сотрудничеству, то, как уже отмечалось выше, конфликт используется в целях развития личности (Минделл А., 1993).

9. Необходимо различать *актуальную травму*, сопровождаемую внутренними конфликтами и аффективными переживаниями, и *потенциальную*, которая неизбежно приведет к этим переживаниям по мере личностного роста человека. Предчувствие этого момента мобилизует интуитивную защиту, сопровождающуюся замедлением и блокированием процесса развития личности. Личность может «перерасти» травму, а также, к сожалению, «не успеть дорасти» до возможности ее преодоления, иногда до конца жизни пострадавшего.

Потенциальная травма — это инверсия травматических переживаний пострадавшего в *альтруистическую защитную позицию*. Как правило, эта позиция является вынужденной, в ее прокрустово ложе принудительно загоняется пострадав-

шая личность. Жертва становится социальным невротиком, но другого типа, не эгоцентрическим. Он разрушает гуманистические нормы и ценности современного общества, дополняя, но уже с противоположной стороны, разрушительную активность эгоцентрического индивида.

Он безнадежно смиряется с необходимостью *подчинения* чуждой и враждебной воле, начинает считать произвол взаимоотношений власти определенным социальным порядком, в соответствии с которым у него появляется «новый круг обязанностей», которые ему «положено» выполнять¹. То, что раньше воспринималось как острая травма, перерастает в чувство безнадежности и затем — в некую повседневную «норму»².

В условиях рабовладельческого общества такая рабская подчиняемость не была социально-невротическим явлением, поскольку не разрушала существующих социальных норм и ценностей; в отличие от современного общества, в котором работорговля — признак полной деградации и самого общества, которое пассивно ее одобряет, и индивидов, регрессировавших в своем личностном развитии ко времени колонизации Америки.

10. *Категоризация* обстоятельств и условий переживаемой травмы является необходимым и решающим условием «сбрасывания» пострадавшим тягостного «груза прошлого».

Парадоксально, но даже те, кто пытался свести роль сознания к рационализации (Фрейд З., 1989), основной путь помощи пострадавшему прокладывают в русле сознания. Спонтанные образы подсознания или сумеречного сознания получают мифологическую трактовку со стороны аналитика. Осознание реальной травмы, даже если *категоризация осуществлялась* в достаточно проблемных мифологических

¹ Эгоцентрический социальный невротик, формулируя причину, по которой другой индивид должен выполнять его унижительные приказы, так и говорит: «А тебе положено!»

² Этот тип социального невротика легко переходит в типичный, как только появляется реальная возможность эксплуатации кого-то другого; например, проститутка становится «клофелинщицей» или же «мамкой» на рынке продажи невольниц.

терминах, все же позволяет клиенту жить с этой травмой, адаптируясь к ее реальному или «виртуальному» существованию.

В чем совершенно прав З. Фрейд, так это в том, что пострадавшего действительно надо вооружить категориальным аппаратом, который позволял бы глубоко страдающему субъекту препарировать собственную травму, подобно оператору атомной станции, манипулирующему с ядерными сердечниками за прозрачной, но надежной защитной броней, которая спасает его от смертельного излучения. Категоризация тоже защита, но защита, не тормозящая, а фасилитирующая развитие личности.

Но проблема консультанта, в отличие от психотерапевта, в том, что его задача неизбежно сложнее той, которую с таким гениальным остроумием и даже изяществом решил З. Фрейд. Он, фактически, стоит перед *проблемой обучения* потерпевшего достаточно высокой культуре понятийного мышления. Этот слой работы с клиентом уже отчетливо намечается в работах другого представителя глубинной психологии (Юнг К., 1994). В своей типологии личности он обратил внимание на интереснейшее явление «принужденного мышления» как следствия невротизирующего воздействия, которое в этом случае носит навязчивый характер у личности чувствующего типа.

Это не фрейдовский истерик, который с тем большей готовностью принимает любые мифологические нелепости, чем более они фантастичны и неправдоподобны.

«...Человека, вкусившего плоды с дерева познания, не останавливает ни риск жизненных неудач и потерь, ни ад переживаний, когда неумолимый ход логических рассуждений падает уродливой тенью на самые светлые воспоминания и чувства, а спасительные волны внутреннего протеста разбиваются о навязчивые фразы и сомнения, слабеют, становятся призрачными и уступают место страху и отчаянию — чувствам, в соприкосновении с которыми ничего живого не растет. Их переливы опасны, как потоки ртути. Здесь нельзя обманывать себя, допускать «выгодные» для самооправдания логические ошибки. Они мгновенно будут размыты и разрушены. Вот где развивается мышление! Вот когда можно по-настоящему научиться ценить истину, отличать ее от правдоподобных рассуждений и нау-

кообразных теорий, не имеющих никакого отношения к практике!» (Энциклопедия... 1994. С. 17—18).

11. Положение пострадавшего неизменно отягощает процесс *объективации временных соматических дисфункций*, который проявляется в компульсивном поиске социально-когнитивного содержания временных соматических дисфункций (угнетенность, тоска, усталость, соматическая ослабленность). Потерпевший оказывается просто не в состоянии поверить, что его опять мучает не «старая рана», а какой-то пустяковый фактор, не имеющий «к существу дела» никакого отношения: изменение атмосферного давления, низкая облачность, слякоть под ногами и т. п.

12. «Сбрасывать груз прошлого» может только человек, *создавший себя сам*. Консультант не может сделать это за него. Поэтому важная задача для пострадавшего — создать свою личность. А задача консультанта — помочь пострадавшему сделать свой, порой трудный выбор и сопровождать его на этом пути. Кстати, именно в этом и есть единственный здравый смысл понятия «сопровождение», поскольку другой — безответственность.

13. Успешный и продуктивный анализ травмы *всегда направлен только на достижение истины* (какой бы тяжелой она ни была). Этот процесс со стороны пострадавшего *контролируется* ощущением его хорошей «спортивной формы»: ощущением готовности пойти на оправданный риск, чтобы непременно добиться победы.

Задача консультанта — помочь понять пострадавшему, что защитное переживание травматических событий, в отличие от их продуктивной категоризации, — реальный тормоз в его развитии. И именно поэтому не следует «погружаться» в них чисто эмоционально, а вовсе не потому, что пережитое «мерзость, ужас, грязь» и т. п. Конечно, на первых этапах работы с травмой необходимо вспоминать и неприятное, но при наличии: 1) *содержательной познавательной потребности*, исключающей ощущения страха; 2) *разумных оснований*, аргументов; 3) отсутствия мотива *самооправдания* или защиты.

При этом необходимо иметь в виду, что познавательная деятельность не начинается с того момента, с которого иногда планируется экспериментальное изучение закономерностей мышления, т. е. с формулировки задачи или проблемы. Творческая интуиция начинает свою работу гораздо раньше, а формулировка проблемы является ее важным результатом, который, как известно, многие специалисты считают уже половиной искомого решения проблемы. Поэтому ориентировать пострадавшего на, казалось бы, логичный алгоритм конструктивного анализа травмы, в котором содержался бы запрет анализа до вербальной формулировки проблемы, просто нереально и даже вредно. Речь идет лишь о некоем фильтре, который не позволял бы запускать деструктивные механизмы. Их работа неизменно завершается наращиванием защиты, закономерное разрушение которой, в свою очередь, неизбежно ввергает пострадавшего в очередной цикл отчаяния и депрессивного состояния.

Если подсознание работало не на проблему свободы, а на защиту и самооправдание, то спонтанные провокации этих потребностей в сознании можно и нужно контролировать (за счет своевременной рефлексии наличия страха и спонтанных проявлений «жалкого лепета оправданья»). То есть, фактически, консультант должен помочь построить ООД конструктивного анализа травмы, в которой должны быть учтены все необходимые условия успешной познавательно-реабилитационной деятельности пострадавшего.

14. Необходимым условием «сбрасывания груза прошлого» является *когнитивная исчерпанность травмы для развития*. Для этого, как уже отмечалось выше, вся травматическая ситуация должна быть освоена в адекватных понятиях. Умению работать с этими понятиями и должен учить психолог пострадавшего, а в идеальном случае — вообще всех детей и подростков (профилактика!).

Пострадавшие — предварительно — должны научиться реагировать на свою травму эмоциональными отношениями, которые сокращают психологическую дистанцию

и привязывают их к персонификатору: ненавистью, презрением, осуждением, гневом и даже высокомерным прощением. Осуществление этой непростой задачи предполагает реализацию консультантом специальной коррекционной программы. Ведь возобновление негативной связи и активизацию проигрышной стратегии взаимодействия с персонификатором легко могут провоцировать случайные события и впечатления, спонтанные страхи и т. п.

Позитивный смысл невозвращения пострадавшего к травматическим переживаниям, как и процесс окончательного разрыва пострадавшего с травмой, в определенной степени противоречив. С одной стороны, травма неисчерпаема. С другой стороны, мы говорим, что понимание пострадавшим ее *практической исчерпанности* в сочетании с *отсутствием веских причин* для того, чтобы в своем свободном выборе рискнуть «здесь и теперь» (Перлз Ф., 1995) опуститься на примитивный уровень общения со значимыми людьми, и есть тот рубеж, за которым начинается абсолютная свобода пострадавшего. Риск затяжного несвободного сползания на «примитивный уровень» (Добрович А. Б., 1987) состоит, прежде всего, в том, что пострадавший неизбежно оставляет на какой-то период «без присмотра» груз своей социальной ответственности за лично значимые ценности.

Практическая исчерпанность означает здесь определенный уровень развития личности пострадавшего и освоения содержания травматической ситуации, достижение которого имеет ряд качественных результатов. Во-первых, пострадавший научился практически легко преодолевать отношения власти с персонификатором. Во-вторых, анализ травмы дает для его саморазвития все менее значимые результаты, которые требуют несоразмерно больших эмоциональных и временных затрат по сравнению с *другими доступными источниками самопознания*. Конечно, теоретически травма продолжает оставаться неисчерпаемой. Но кому придет в голову выскребать старое «помойное ведро», если есть изобилие других способов удовлетворения потребности в духов-

ной пище. К тому же пострадавший в полной мере отвечает «здесь и теперь» за свои реальные отношения с людьми, доверие которых он не имеет права обмануть: не имеет права отрицательно «подпитываться» слабостью и растерянностью¹ своих переживаний в виртуальном травматическом мире, эмоциональный фон которых всегда неизбежно переносится пострадавшим и на реальные референтные взаимоотношения.

Иными словами, практическая исчерпанность травмы означает достижение некоего необходимого уровня в *самопознании*, процесс которого во многом мотивировался наличием травматической проблематики. Фактически, речь идет о *когнитивной стороне* преодоления травмы. Пострадавший должен быть в этом отношении сориентирован консультантом. Он должен ясно понимать, что в определенный момент своего развития должен оставить травматический материал самопознания, исчерпавший себя к тому времени, и переключиться на другие, более мощные и продуктивные источники. Таким образом, оказывается завершенным и процесс сознательной и планомерной утилизации травмы в целях саморазвития пострадавшего².

Прошлое, конечно же, всегда остается на дне души. Активные попытки «стереть» и «уничтожить» даже малейший когнитивный и хорошо обобщенный (категоризированный) след травматических событий как раз и имеют своим результатом формирование того самого болота отчаяния, в которое втягивается вся мотивационная сфера пострадавшего. По нашему мнению, это и есть тот самый психологический

¹ Только укрепляя «свои крылья», пострадавший начинает чувствовать опору. И дело не в том или не только в том, что у него оказались, к примеру, сломаны ноги. Просто сильные крылья — это его реальная возможность движения в направлении смысловых вершин. И если ими не владеть, то эти крылья только «мешают ходить», а окружающие, сами того не желая, могут на них наступить и вообще затоптать несчастного.

² Если для понимания этого условия своего освобождения пострадавшему необходим поддерживающий образ, то таких возможностей можно найти неисчерпаемое множество. Самый простой — сравнение с разработкой нефтяной скважины, угольной шахты или какого-нибудь рудника, которые закрываются не потому, что там уже ничего нет, а только лишь потому, что «затраты перестают себя окупать».

механизм, который запускает «воронку вытеснения» (*Красило А. И.*, 2004). Прошлое всегда будет тянуть вниз и препятствовать личностной самореализации, если пострадавший будет все время со страхом оглядываться и искать опору для своего духа на дне травматических переживаний. После их категоризации травматическое прошлое пострадавшего уже не представляет для него никакой, даже утилитарной, ценности. Зачем же держаться за старое ржавое ведро! Он бросает его на обочине жизни в специально отведенном для этого месте совершенно равнодушно, по-хозяйски, а не так драматически, со слезами и истерикой, как это принято при прощении пострадавшего со своим упакованным в рамочку травматическим событием в сеансах НЛП (*Гриндер Г.*, 1998).

15. Необходимо четко определить тип травмы и провести *диагностику* системы травматических взаимоотношений (прил. 3). Эта диагностика, как и любая другая, не должна быть только отрицательной (*Выготский Л. С.*, 1983). Она должна выявлять потенциал самой личности и перспективу построения новых взаимоотношений, которые помогут личности подняться на новую ступень своего развития («ближайшую зону») в трудном пути преодоления последствий травмы.

16. Содержание травмы, ее ключевые проблемы зависят от качеств не только персонификатора, но и *самого потерпевшего*, его возраста, развития личности, индивидуальных особенностей. Например, в случае, когда ребенок уже обладает развитыми способностями в какой-то социально значимой сфере, травма угрожает не только его психологическому здоровью и становлению личности, но и дальнейшему развитию этих творческих способностей.

Говоря об индивидуальных особенностях, мы принципиально дистанцируемся от идеи «предрасположенности» индивида к травме в связи с присутствием в их диагностируемом «составе» ряда клинических источников (факторов риска): уязвимости к посттравматическому стрессу (ПТСР), особенностей преморбиды: незрелости, астенических черт, гиперсенситивности, зависимости, склонности

к чрезмерному контролю и т. п. (см.: *Малкина-Пых И. Г.*, 2005. С. 164).

«Склонность к виктимизации» вообще не вписывается в этот ряд. Ее внутренне противоречивое содержание в контексте социализации индивида рассматривалось нами выше. Его нельзя, впрочем, как и многие другие, без предварительного психологического анализа относить только к отрицательным, «невротическим» качествам пострадавшего. Вообще такое понятие, как «тенденция занимать роль жертвы», содержит представление о том, что какое-то высшее существо придумало игры, «в которые играют люди». А психолог должен заниматься только механизмами их передачи от родителей к детям, совершенно не интересуясь генезисом ролей и игр, которые на самом деле растут только на «хорошо унавоженной» почве взаимоотношений власти.

Человек, предпочитающий взаимоотношения любви взаимоотношениям власти, в патологических социальных условиях неизбежно становится жертвой. Но это не значит, что его надо непременно «лечить», вытравляя из травмированной личности остатки человечности. Учить и развивать его, разумеется, надо. В этом и заключается одна из важнейших задач консультирования. Но ее содержание в отношении «склонных к виктимизации» пострадавших совсем другое: помочь дифференцировать позитивное, но слишком обобщенное отношение и оценку всех людей как партнеров, с которыми можно устанавливать продуктивные взаимоотношения. Надо просто научить человека не в каждом встречном видеть «образ Божий»¹.

Пострадавший наивен, неопытен, не умеет разбираться в людях. Но его «склонность к виктимизации» не какой-нибудь хронический тонзиллит, не насморк, который надо непременно вылечить, т. е. уничтожить, свести на нет, а социальная ценность, редкое качество, которое выглядит примитивным и уродливым только потому, что оно еще

¹ Во всяком случае, этот образ не должен оправдывать импульсивные, неконтролируемые и целиком зависимые от ожиданий окружающих практические действия.

недостаточно развито и, конечно же, потому, что пока крайне патологичны социальные условия¹. В социальной защите нуждаются не только редкие и исчезающие виды растений и животных. В наше смутное время может исчезнуть и, говоря словами А. Н. Леонтьева, «человечный человек». И вряд ли нас порадует картина, если вместо личностного «разноцветья» вдоль дороги к рынку останется лишь агрессивный «борщевик».

Точно так же «гиперсенситивность» для нас вовсе не абсолютно отрицательное качество. Если бы какому-то злому волшебнику, больному шизофренией, взбрело в голову вменить желудочкам мозга переваривать квашеную капусту, то мы бы наверняка непроизвольно рассмеялись. А вот когда человек, эмпатически развитый, чутко понимающий нюансы чужой боли, проявил внимание и гуманность к криминальным элементам, а те социально-невротически воспользовались этими его позитивными качествами, то «просвещенная общественность» с серьезным видом твердит, что он просто «лох», и больше ничего. Этот криминальный термин — в переводе на психофизиологический язык — практически как раз и соответствует понятию «гиперсенситивности». То есть, если идти дальше за общественным мнением, давайте будем прививать вместо культурных качеств законченный эгоцентризм, одновременно разрушая социальную среду и уничтожая последние остатки гуманистических норм. На такой почве легко укрепляются и буйно разрастаются криминальные правила, традиции и «понятия». Давайте дружно проводить профилактику появлений отзывчивости к чужой беде и доверия к людям, чтобы вообще никакой «человеческий жень-шень» никогда не смог прорасти.

Что касается «травматофилии» (*Малкина-Пых И. Г., 2005*), то это, фактически, вполне позитивная стратегия использования травмы в процессе личностного роста, которая свидетельствует только о том, что личность, несмотря на перенесенную травму, находит в себе силы для развития. Этот про-

¹ «Луч света» в царстве рыночных отношений.

цесс постоянно обогащает первичное восприятие травмы, содержание которой презентуется самой личности в свете новых отношений, оценок и проблем. Мы назвали это свойством, или феноменом, «*неисчерпаемости травмы*». Соотношение между *актуально воспринимаемым* и *потенциальным содержанием* травмы зависит от уровня развития личности пострадавшего и степени его социализированности.

Другое дело — отсутствие квалифицированной консультативной помощи в использовании внутреннего конфликта в целях развития, которое и превращает в целом позитивную стратегию в болезненное состояние. Новые завоевания личности оборачиваются неожиданными страхами, которые порождают импульсивные приступы защиты, когнитивные тупики и отчаяние. Но это не проявление «акцентуаций характера», а скорее следствие организационных недостатков по своевременному обеспечению пострадавших психолого-педагогической помощью. Просто когда личность периодически перерастает свою старую и неизбежно временную защиту, необходимо наступает момент очередного взрыва на пути к аутентичности (Перлз Ф., 1995), в направлении которой упрямо движется пострадавший, проявляя свою достаточную социализированность, а вовсе не «социопатические расстройства». О последних можно действительно и с полным основанием говорить только в том случае, если нам удалось установить, что пострадавший сам является социальным невротиком.

Как уже отмечалось выше, есть и такие, особенно важные для системы образования, стороны внутреннего мира пострадавшей личности, которые почему-то вообще не привлекают внимания исследователей. Кроме особенностей интуитивного способа анализа травматических условий существует еще и актуальная проблема творческой интуиции (Пономарев Я. А., 1967). Говоря о ней, уместно, наконец-то, высветить и ту сторону интуитивного познания, которую мы ранее намеренно оставляли в тени.

В комплексе проблем, связанных с изучением психологической сущности этого явления, мы хотим выделить только одну, имеющую непосредственное отношение к нашей теме, — способность ребенка длительно «удерживать мотив», пока задача не решена. Такой ребенок или подросток способен сосредоточиваться и концентрировать все внимание — целый день, а если надо, то второй и третий — на задаче, не поддающейся решению. Он способен остро видеть даже малозаметную для других проблему и вцепляться в нее, «как бульдог». В течение своего еще довольно короткого жизненного пути он выработал умение наращивать активность и энергетическую напряженность, позволяющую, особенно в соревновании с одноклассниками, схватить все условия задачи целиком и непрерывно ясно их видеть, расширяя поиск, творчески выходя за первоначальные границы заданных условий до тех пор, пока задача не будет решена. Ему свойственно упрямство творческой личности, проявляющееся в непреодолимом отвращении к стандартным и безличным — в большинстве своем некрасивым и неоригинальным — способам решения типовых задач.

И вдруг такие дети попадают в ситуацию травмы! Они накрепко застревают в ее сложнейшей проблематике, которая, по мнению А. Эйнштейна, высказанному им в беседе с Ж. Пиаже, «намного сложнее физики». Эти дети и подростки застревают более глубоко, прочно и надолго, чем те, кто не может заниматься математикой больше 15 минут в день и разрешает себе чувствовать усталость, прочитав лишь одну страницу учебника. Вторые легче отвлекаются и от травматических переживаний, интуитивно устремляясь к обстановке, которая дает больший психологический комфорт.

Но разве мы можем полагать, что развитие первых до травмы, — которое, несомненно, усиливает интенсивность и частоту периодически повторяющихся приступов отчаяния и депрессивных состояний, — на их пути поиска истинного и достойного выхода из травматической проблематики является каким-то «невротическим». Напротив, у детей вырабо-

таны социально ценные качества, которые оказываются, как и все в культурном наследии, тем уязвимей, чем более они сложны и зависимы от наличия определенных социальных условий, в которых только и обретают смысл своего существования; в отличие от более примитивных новообразований, не отмирающих и в совершенно диких социальных условиях.

17. Существует *моральный аспект* работы с травмой.

Это, прежде всего, касается отношения самого консультанта к социуму и его ценностям. Кто он: вандал, разрушающий остатки гуманистических норм и культуры чувств, необходимых для развития личности пострадавшего индивида, или созидатель, который заботится о том, чтобы его деятельность не размывала духовные ценности самих пострадавших и общества в целом.

По нашему убеждению, консультант не только имеет право проявлять свою социальную позицию и пристрастность к определенным духовным ценностям. Он в то же время просто обязан помочь пострадавшему обрести необходимые ориентиры на пути личностного развития¹. Без обеспечения этого условия невозможно и определение надежных ориентиров на пути *обретения независимости* пострадавшего от власти персонификатора. Существует некий миф, который предписывает психологу скрывать от клиента свою социальную позицию. Простите, а куда ее деть? Говорят: «Научитесь психологически мыслить или идите в педагоги!» А если, кстати, психолог специализировался не по клинической, а по возрастной и педагогической психологии?!

Получается, что «когда надо», психолог — рядом с потерпевшим — должен просто «вести себя в манере уверенного в себе человека», не будучи, при этом сам уверен хоть в чем-то; вносить гуманистические принципы в развитие личности пострадавшего, не имея никаких собственных. Что же это за гуманизм такой, который поддерживает в личности актуализацию полного безразличия к общественным проблемам: «Хоть умрите все тут! Хоть трава не расти!» Такой гума-

¹ Тем более если он работает в системе образования на должности педагога-психолога.

низм, умильно взирающий на тщеславный декаданс или подростковые капризы и дурашливые шалости биеннале, носит все проявления самоубийственного индивидуализма и по праву должен называться *эгоцентрическим гуманизмом*.

Якобы не вмешиваясь в «процесс свободного выбора личностью направления своего развития», такой психолог точно так же формирует личность социального невротика. Он похож на человека, который своим спокойным и решительным движением к краю пропасти провоцирует и поощряет неосторожные действия субъектов, идущих за ним следом. «Настоящий психолог», считая себя истинным профессионалом, заученно гордится тем, что, видите ли, вовсе не отвечает за то, что пострадавшие восприняли его в качестве «гида» на пороге выбора очередного отрезка своего уникального экзистенциального пути.

Если консультант работает в условиях пенитенциарной системы, то ему трудно будет «конгруэнтно» контактировать с социальным невротиком. Цели и задачи социально ориентированного консультирования всегда прозрачны для социального невротика. Поэтому «скрывать» их вообще не имеет никакого смысла.

Может ли психолог всерьез рассчитывать на то, что искушенная в манипуляциях криминальная личность поверит его «искреннему принятию» или полному безразличию к убийству, насилию, педофилии. Он будет демонстративно навязывать психологу свое удовольствие всем тем своим преступным прошлым, которое тот стремится противопоставить «позитивному отношению» к его персоне, отштампованной деструктивной группой. Контакт с флегантом возможен только при условии, если тот сам захочет вычеркнуть из своей жизни все темное и гнетущее, как Рогожин после убийства Настасьи Филипповны. И вот этот-то момент свободного, но трудного выбора преступником пути личностного роста как условия «конгруэнтности» и психологической помощи вообще психолог непременно должен выразить, довести до сознания человека, которого — именно с этого мо-

мента — есть все основания называть актуально пострадавшим от собственных действий. Кстати, если социальный невротик испытает в работе с психологом чувство вины, то это не всегда результат непрофессионализма. При определенных условиях это может быть большой успех и важный предварительный шаг в реабилитации преступной личности. Сказанное не означает, что единственный метод для достижения данной цели — стыдить несчастного. Это было бы попыткой возродить деструктивную и тупиковую идею. Такой педагогический прием мог бы привести к относительно позитивному воспитательному результату лишь в раннем детстве проблемного субъекта при условии его взаимной и искренней любви с родителями. Ведь одной из главных особенностей социального невротика является абсолютное недоразвитие чувства вины и совести.

В условиях психологического консультирования чувство вины, конечно же, может быть наиболее эффективно спровоцировано именно безоценочным отношением консультанта и одновременно принятием личности клиента, но в ее *социализированной* индивидуальности, которая, вполне возможно, еще недостаточно развита и инфантильна, слезлива, как вся отечественная «блатная» лирика. С этим никто не спорит. Но это лишь средство, с помощью которого одни психологи могут творить чудеса, а другие — становиться марионетками, зависимыми от воли клиентов.

Консультант должен быть также уверен, что своими действиями не нанесет вреда или морального ущерба клиенту, даже если их позиции, оценки, да и все мировосприятие, прямо противоположны. Напротив, неправильное понимание целей консультирования со стороны клиента может обернуться его вполне справедливым возмущением, аффектом, поскольку каждый человек в процессе общения произвольно строит определенные ожидания.

Если психолог работает с пострадавшим, который не является социальным невротиком, то тем более его социальная позиция никак не может препятствовать процессу успешного

консультирования. Конечно, иметь социально ориентированную позицию и уметь свободно проявлять ее вовсе не значит навязывать.

Если моральный аспект психологических проблем не рефлексирован при консультировании, то он, конечно же, вовсе не «исчезает» из жизни пострадавшего. Как только снимается тот «колпак», который ранее обеспечивал «стерильность» чисто психологического взаимодействия с консультантом, пострадавший начинает подвергаться воздействию «вирусов» самоговора и самооправдания. Неумелое использование моральных норм в целях психологической защиты загоняет когнитивное решение травматической проблематики в эмоциональный аттракцион перехода преувеличенной вины в преуменьшенную значимость травмы. Эмоциональные колебания пострадавшего — от панического ужаса и отчаяния до дурашливой эйфории — невозможно остановить без категориального анализа, учитывающего моральный аспект травмы.

Как уже отмечалось выше, психолог не должен заниматься морализаторством, которое давно преодолено даже в истории развития этики. Сейчас подобная практика была бы свидетельством полного невежества и непонимания сути социальных отношений. Мы не являемся сторонниками психологизации социальных отношений, но в то же время не можем согласиться, что они будто бы существуют в своей изолированной, оторванной от экономических, правовых, моральных и эстетических отношений сфере. Эти отношения вовсе не «надеваются» механически на личность, которая может проявить себя лишь в том, что «носит социальную униформу» на свой индивидуальный манер. Так может представлять свою связь с обществом только «юный социальный невротик».

Обоснованный и настойчивый методологический анализ любых социальных отношений, даже экономических, всегда дает возможность выделить содержательный психологический аспект. А консультант просто обязан в интересах пострадавших видеть в их социальном поведении и отношении-

ях не «манерничанье в рамках», не курьезы, а смыслы психологической деятельности и одновременно живую ткань социальной реальности.

§ 1. Содержание процесса консультирования

Общеизвестно, что посттравматических этапов на самом деле два. И основная работа психологов начинается как раз на втором из них, вслед за снятием посттравматического стресса (дистресса). На первом (кризисном) этапе, на протяжении которого они также активно участвуют в процессе сопровождения пострадавших, сотрудничая с врачами, юристами, социальными работниками, психиатрами, особую значимость приобретают методы релаксации, использование позиции поддерживающей уверенности консультанта¹, создание групп психологической поддержки (*Фонтана Д.*, 1995; *Линдеманн Э.*, 1998) и т. д.

Возрастной психолог призван заниматься преодолением внутренних конфликтов, сформировавшихся в результате пережитого пострадавшими дистресса. Он на равных правах вступает в сотрудничество смежных специалистов, но ведущую роль начинает играть только после завершения первой фазы посттравматического сопровождения. Отсутствие запроса со стороны властных структур на психологическую помощь немедицинских психологов было связано с тем, что эти психологи в своей массе интуитивно сопротивлялись постановке им ограниченной цели: снять дистресс и минимально адаптировать пострадавших, чтобы они могли приступить к усвоению учебной программы или чтобы их можно было безопасно «вернуть к станку».

¹ В противоположность тревожно-мнительному сопереживанию и «отзеркаливанию» подавленности, страха и растерянности как неадекватным нормам обыденной психологии. И конечно же, эта техника в состоянии вытеснить эзотерические формы помощи вместе с «ритуальной релаксационной деятельностью» профессиональных плакальщиц.

Основная нагрузка в решении задач собственно психологического консультирования ложится на психологов, причем именно на практических психологов, имеющих базовую возрастную и педагогическую специализацию как раз по завершении естественного цикла посттравматического стресса. В начале кризисной фазы, как уже отмечалось, наиболее затребованы врачи, следователи, адвокаты и даже страховые агенты. На ее пике уже необходима помощь психотерапевтов и психологов. Именно в это время наиболее действенными оказываются методы, разработанные в медицинской и клинической психологии, психофизиологии.

Второй этап — стабильный, или адаптивный. Название «адаптивный», на наш взгляд, более удобно по двум причинам: 1) необходима некоторая дифференциация постстрессовых задач практического консультирования, с одной стороны, и проблем возрастной психологии — с другой, даже с учетом их естественной связи; 2) по мере ослабления кризисных явлений у пострадавших наблюдается активизация потребности в социальной адаптации, часто фасилитируемой чувством вины; пробуждается непреодолимое желание почувствовать себя «нормой».

Хотя в случае особенно острых, жестоких, садистски уродливых последствий террористических актов, когда взрослые не смогли защитить детей и подростков, напротив, наблюдается массовая вспышка антисоциальной агрессивности, направленной против педагогов, родителей и ранее безусловно уважаемых авторитетных личностей. Но это, скорее, вторая волна последствий, причем со стороны подростков, которые непосредственно не контактировали с террористами.

Формирование выраженного стремления пострадавших к социальной адаптации делает их драматические переживания как бы скрытыми от внешнего наблюдения, и потому они часто ошибочно оцениваются как сниженные до постстрессовой нормы, а значит, уже неактуальные в социальном отношении. Но именно в этот период и начинается в полном объеме все содержание собственно

психологической проблематики. Часть недостаточно профессионально подготовленных социальных и возрастных психологов поддаются внушающему влиянию общественного мнения и стремятся активно участвовать в комплексной работе специалистов исключительно на первом этапе сопровождения посттравматического стресса. Однако, как уже отмечалось нами выше, здесь наиболее затребована помощь именно медицинских и клинических психологов.

В центре внимания педагога-психолога, работающего в качестве консультанта, естественно, находятся проблемы, специфические именно для системы образования: развитие личности, реабилитация ее творческих возможностей. Конечно, помощь, которая открывает пострадавшему перспективу «сбросить груз прошлого», уйти от безрадостного существования, вернуть надежду на самореализацию, со стороны воспринимается делом гораздо менее весомым и менее социально значимым, чем первая помощь пострадавшему в избавлении от невыносимых по силе страданий. Да, наверное, работа хирурга всегда будет представляться публике как деятельность более престижная, чем работа терапевта или окулиста; а звание специалиста МЧС, наверное, всегда будет выглядеть гораздо романтичней, чем должность учителя начальной школы. Но если мы выбрали работу консультанта в системе образования, то должны профессионально совершенствоваться именно в той деятельности, за результаты которой несем прямую ответственность, а не растерянно или завистливо посматривать вокруг.

Иногда могут возникнуть сомнения. И на минуту может показаться неуместным и бессмысленным делом — «в наше тяжелое время» — сосредоточивать свои усилия на возвращении надежды и радости лишь десяткам или даже сотням учеников, поведение которых вовсе не беспокоит учителей и родителей, в то время как у нас уже около пяти миллионов беспризорных и безнадзорных детей. И это только потому, что их родителям в свое время не платили достойную зарплату. Но мы должны понимать, что если не останется психоло-

гически здоровых детей, способных к радости творчества, то вся наша уникальная общность, просуществовавшая на этой земле более тысячи лет, будет обречена на неминуемую гибель.

Да, часто кажется, что эти проблемы психологического здоровья меркнут перед лицом задач, стоящих перед психотерапевтами и медицинскими психологами. Кажется, что в условиях угрозы шокового экономического принуждения и массовой криминальной травматизации нужна какая-то более значимая психологическая помощь. Но, на самом деле, для немедицинских психологов реальной альтернативой выделения своего профессионально обоснованного места в решении комплекса посттравматических задач является лишь перспектива переквалификации. Иначе их будет постоянно преследовать участь тех неудачливых волонтеров, которые когда-то пытались суетливо бегать в рядах специалистов МЧС в роли добровольных санитаров с носилками, путаясь у них под ногами и сбивая с налаженного ритма бестолковыми вопросами и предложениями.

Консультанты, имеющие возрастную и психолого-педагогическую специализацию, непременно должны найти и выделить свой предмет, о котором как раз и идет речь в этой книге. Они должны помочь человеку разрешить внутренний конфликт и адаптироваться к социуму или ценностно соотноситься с его наличным состоянием уже на новом уровне своего развития. Для потерпевшего ребенка или подростка это означает перспективу снятия барьеров на пути развития его личности, а для общества — возвращение его граждан к свободной созидательной активности.

В первую очередь, перед консультантом встают *технологические* задачи, которые тесно связаны с содержательными. Первые требуют применения специальных приемов, способов решения конкретных задач, иногда выработки достаточно сложных психологических технологий. К ним относятся задача создания таких условий консультирования, при которых пострадавший может выдержать свои травматические

переживания без распада его психической деятельности и заикливания на неудачных панических попытках деструктивной защиты. К этой же группе задач можно отнести и диагностические.

Вторые же — *содержательные* — консультант постоянно имеет в виду, гибко сменяя формы и способы взаимодействия с пострадавшим. Он решает их и отслеживает результаты иногда на протяжении всего процесса консультирования. Но, как уже отмечалось, в процессе практического консультирования необходимо более четко разделить эти два типа процессуальных задач.

Часть этой работы уже проделана психоаналитиками. Достаточно вспомнить, какие проблемы не давали З. Фрейду возможности приступить к реализации уже почти созревших психотерапевтических идей. Ведь достаточно длительный период он не мог создать необходимые условия для начала практического психоанализа. Перед нами стоит аналогичная задача: добиться того, чтобы пострадавший *мог выдержать травматический конфликт* и, что для консультирования не менее существенно, обрести смысл дальнейшей жизни и усилий по развитию собственной личности. Эта задача определяет практическую стратегию¹, направленную, в отличие от психотерапии, на развитие личности, в частности на достижение пострадавшим уверенности в правильности постановки задачи превращения его конфликта с персонификатором в источник саморазвития.

Не менее важна и другая задача — попытаться снизить интенсивность страданий без навязывания пострадавшему

¹ Эта стратегия особенно актуальна в условиях, когда человек отчужден от собственной деятельности, когда ее результаты принадлежат другому — частному лицу или безличному государству. Тогда он стремится уничтожить свое здоровье, которое как бы уже вовсе и не принадлежит ему лично, а используется другими, не доставляя на всем протяжении рабочего дня никакого осязаемого морального удовлетворения, радости созидания и т. д. Он относится к своему здоровью, как рабочий к машинам, которые порой открыто или тайно ломает, чтобы испытать несканзанное облегчение от нестерпимости переживания своего плебейского состояния.

состояния дурашливой эйфории. Снимая вину с пострадавшего и его родственников, З. Фрейд абсолютно прекращал страдания жертвы. Конфликт разрешался извне, без всяких личностных новообразований, без отрицания старого. Более того, без всяких усилий пострадавшего. При этом дальнейшее развитие его личности и психики в целом лишалось возможного потенциального источника¹. Пострадавший, конечно же, нуждается в повышении порога отрицательных деструктивных переживаний. Но задача консультанта на самом деле оказывается еще более сложной — необходимо всемерно помочь ему выдержать страдания на пути конструктивной утилизации травматического конфликта в целях личностного развития и самореализации пострадавшего.

Этот конфликт сам по себе не является развивающим (Красило А. И., 2004). Но его можно сознательно преобразовать, придать ему форму, удобную для утилизации² травмы. Для этого требуется создать специальные условия, главным из которых является выстраивание отношений независимости пострадавшего с персонификатором.

Понятно, что создание условий для рефлексии переживаний в процессе консультирования не одно и то же, что создание подобных условий в реальной жизни пострадавшего. Но эти условия, создаваемые при помощи консультанта, в определенной степени являются *ближайшей зоной его личностного развития*. Здесь есть определенное противоречие самого процесса консультирования. С одной стороны, решение задачи сбрасывания груза травматического прошлого *объективно требует* качественного скачка в развитии личности пострадавшего. С другой стороны, сам пострадавший

¹ Здесь мы сталкиваемся с экзистенциальной проблемой, которую рано или поздно приходится решать каждому пострадавшему и помогающему ему консультанту. Поэтому ее содержание мы считаем не абстрактно-теоретическим, а значимым практическим вопросом, составной частью непрерывного ряда задач, развертывающихся в процессе консультирования.

² Удачный термин НЛП; хотя отрицание этим направлением факта неисчерпаемости травмы, а также органической связи процесса преодоления травмы и процесса развития личности пострадавшего для нас совершенно неприемлемы.

субъективно ограничен — в стремлении преодолеть негативные последствия травмы — ближайшей зоной своего развития. Он не может сразу обрести взрослое состояние ответственности за свое развитие, которое является необходимым условием сбрасывания «груза прошлого», тяготящего индивида, «перескочив» для этого через несколько стабильных и кризисных этапов своего развития. Нельзя, к примеру, от подростка, находящегося в депрессивном состоянии, ожидать, что он вскоре философски посмотрит на случившееся.

Но здесь нельзя мыслить и преформистски: само количество этих ступеней, их содержание и «психологический уровень»¹ зоны ближайшего развития варьирует не только в зависимости от индивидуальных особенностей личности пострадавшего, но и от степени квалифицированности консультанта и эффективности используемых им психологических «технологий». Сама «помощь» консультанта не является некой константой. Многое зависит от качества его профессиональной подготовленности, личного опыта и понимания сущности психологической травмы.

Как уже ранее нами отмечалось, психоаналитик вообще не ставит никаких развивающих задач. Он снимает чувство вины и деструктирует высшие духовные ценности, к которым в норме, собственно, и «прорастает» через процесс своей социализации личность. Именно в связи с блокированностью этих ценностей она и испытывает те негативные травматические переживания, которые препятствуют ее развитию. «Энелпист» пытается психологически «отгородить» развитие пострадавшего от травмы, закрывая пути ее утилизации, практические технологии которой длительное время развивались именно внутри данного направления. Генетический гуманист заботится только о том, чтобы не помешать процессу самоактуализации личности, никак не связанному с процессом социализации.

¹ Почему-то «зона ближайшего развития» пространственно представляется студентам как движение «вширь», исключительно в горизонтальной плоскости, а не в качестве восхождения «вверх», по качественным «ступеням» развития. Видимо, понятие «зона» ассоциируется у них только с ГУЛАГом.

Мы исходим из того, что ребенок изначально социален (*Выготский Л. С.*, 1984), но личностью становится тогда, когда он не просто потребляет духовные ценности, а когда их защита становится смыслом его жизни. Чтобы стать социализированной личностью, недостаточно просто родиться беспомощным индивидом, абсолютно зависимым от общества. Первым и, наверное, наиболее важным этапом является формирование неизбывного чувства любви к окружающим людям и обществу, *формирование «чувства общности»* (*Адлер А.*, 1993). Конечно, решение этой важной задачи как в процессе социализации, так и в процессе развития личности вообще зависит от соответствующих социально-психологических условий и, в первую очередь, от типа родительской позиции.

Защита духовных ценностей и всего, что человек по-настоящему полюбил на этой Земле, как бы воскрешает в его деятельности смыслы жизни предыдущих поколений (*Федоров Н. Ф.*, 1995). Это и есть, на наш взгляд, содержание процесса социализации, в отличие от процесса социальной невротизации. Но духовные ценности социализированная личность не воспринимает в качестве отчужденных вещей, которые якобы *принадлежат* ей (*Фромм Э.*, 1990), т. е. индивидуалистически присвоены ей через взаимоотношения власти. Поэтому он сам есть социальная ценность. Именно этим фактом и определяется сущность его травмы. Таким его и должен воспринимать консультант.

Социальный невротик тоже изначально социален, но его развитие идет вовсе не по пути социализации, а по пути эгоцентрической либо альтруистической индивидуализации. Поскольку индивидуальность — это, прежде всего, личность (*Ильенков Э. В.*, 1991), а не индивид, ощущающий себя насильно погруженным в биеннальный мир и способный только к инфантильным инсталляциям и некрофильскому (*Фромм Э.*, 1992) эпатажу, постольку *эгоцентрическая индивидуализация* есть не что иное, как самоубийственный путь полного разрыва всех сущностных связей индивида с обществом.

Этот путь прямо противоположен процессу социализации и личностной индивидуализации (Фельдштейн Д. И., 1995). Социальный невротик не может получить удовольствия от любой социально значимой ценности, если она не принадлежит ему. Он ориентирован на «иметь», а не на «быть» (Фром Э., 1990)¹.

Альтруистическая индивидуализация есть полное отрицание своей личности в интересах отдельных эгоцентрических индивидов. Как уже отмечалось выше, это определенная защитная позиция: если личности нет², то и невозможно ощутить ущерба, наносимого личности со стороны очередного потенциально травматического воздействия. Процесс альтруистической индивидуализации может начаться с формирования ретрофлексивных (Перлз Ф., 1995) защитных механизмов. Но впоследствии перед каждым человеком встают проблемы осмысления и обобщения своего жизненного опыта, задачи сознательного освоения личностных смыслов. К тому же травматический конфликт, который постоянно находится в центре внимания консультанта, не предполагает обязательного стремления пострадавшего наладить бесконфликтное взаимодействие с персонификатором. Гораздо чаще поначалу проявляются мотивы мести.

Без навязанных взаимоотношений власти альтруистическая позиция просто не может устойчиво формироваться. Другое дело, что ее осознание (преодоление) может быть заблокировано барьером патологической социализации — усвоением искаженного смысла гуманистических норм, романтизирующих самоотверженность человеческой любви. Истинную любовь, а не защитную нельзя отождествить с зависи-

¹ Он не может получить удовольствие, например, от аромата цветка, не сорвав его, хотя знает, что вскоре непременно выбросит. Для него не существует ценности национальных парков, угрозы загрязнения океана, вымирания редких животных, да и самого человечества; не имеет ценности вообще ничего, что роднило бы его с другими людьми, т. е. ничего общественного. Он может радоваться только личному парку, бассейну, личным ювелирным украшениям и т. п.

² То есть если она никак не ощущается индивидом (известная характеристика «раба-холуя»).

мым альтруистическим самопожертвованием ради эгоцентрических интересов доминирующего социального невротика.

Субъективно-объективная сущность травматических переживаний пострадавших не означает, что *потенциальное негативное воздействие* проходит для них бесследно. Всегда присутствует феномен накопления потенциальных травматических переживаний и их переход в актуальные. Разумеется, это неизбежно и на пути личностного роста индивидов, оказавшихся в навязанной, но абсолютно неприемлемой для них роли жертвы.

Альтруистические невротики являются своеобразной питательной средой, необходимой для формирования социальных невротиков паразитирующего типа (эгоцентрического). В этом и состоит, на наш взгляд, основная социальная опасность проституции. А вовсе не в «распушенности нравов» или «аморальности» жертв. Главную социальную опасность представляют укрепление позиции и эскалация деструктивной активности эгоцентрических потребителей «эротических услуг».

«Бордели» и «стриптиз-бары» не стоит рассматривать лишь в качестве мест резервации для морально опустошенных индивидов, где принудительная сексуальная «распушенность» женщин якобы составляет «сладкую парочку» с сексуальным аппетитом состоятельных эротоманов. На самом деле это нечто более серьезное. Здесь, как в фантастических сюжетах клонирования монстров в пробирках, поставлено на конвейер формирование счастливых социальных невротиков (флегантов). Без индустрии сексуальной эксплуатации было бы трудно морально оправдать и установить общественные нормы толерантности к другим видам эксплуатации, характерной для «синдрома распада» личности (Фромм Э., 1992).

Говоря о естественной функции защиты ценностей, которые не выступают для социализированного индивида как нечто внешнее, необходимо отметить следующее. Во-первых, для него это в то же время защита своего «Я». Но это не невротическая защита, не элементы невроза «слияния» (Перлз Ф., 1995), любых подозрительных признаков которо-

го надо сторониться, как чумы. Напротив, к примеру, в феномене слияния человека с окружающей природой как раз и проявляется человеческий контакт с ней. Любовь к другому человеку, а также известное ощущение растворения читателя или зрителя в мире творческих произведений гениальных авторов тоже не содержит в себе ничего невротического. И даже в том, что человек идентифицирует себя с определенной нацией, а не бахвалится национальной отороженностью¹, тоже нет ничего невротического, если, конечно, «вопрос о родине решается в порядке *самопознания и добровольного избрания*» (Ильин И. А., 1994. С. 204).

Во-вторых, сами ценности развиваются. Все живое можно сохранить только в его развитии, т. е. через отрицание (Гегель Г. В. Ф., 1973; Ильенков Э. В., 1991). Но это отрицание не внешнее, а внутреннее. Разрушение существующих ценностей только потому, что захотелось «позагнивать», в отличие от мотива спасения их позитивного смысла от стагнации, — разные вещи. Тем более это справедливо в отношении социальных норм, существование которых в новых социальных условиях начинает противоречить содержанию соответствующих ценностей. Да, развитие означает отрицание и даже разрушение устаревшего, но только под напором прогрессивных новообразований, а не в качестве свободы от любых социальных норм, импульсивных проявлений субъективной прихоти, подражания и т. п.²

В этом отношении и надо рассматривать различие между актуальной и потенциальной травмой. Для индивида, кото-

¹ «Кто не ищет божественного в земном, тот может и не найти своей родины: ибо у него может не оказаться органа для нее... То, что любит настоящий патриот, есть не просто самый “народ” его, но именно народ, ведущий духовную жизнь; ибо народ, духовно разложившийся, павший и наслаждающийся нечистью, — не есть сама родина, но лишь ее живая возможность (потенция). И родина моя действительно (“актуально”) осуществляется только тогда, когда мой народ духовно цветет...» (Ильин И. А., 1994. С. 209—210).

² Надеемся, когда-нибудь мы научимся отличать выведение новых жизнеспособных сортов растений опытными селекционерами от «свободы» вульгарного вытаптывания газонов подгулявшей публикой.

рый двигался по пути социализации, травма презентруется в той полноте и драматичности личностных переживаний, которая соответствует данному уровню развития личности и степени освоения духовных ценностей. Без необходимой консультативной помощи, по мере дальнейшего развития личности, эти переживания могут еще более углубляться и усиливаться.

Для индивида, который двигался по пути эгоцентрической индивидуализации или в результате уже испытанных ранее травм усваивал средства субкультурной защиты, травма презентруется в качестве потенциальной, т. е. в качестве события, которое воспринимается в большей степени когнитивно, чем эмоционально. Главной особенностью переживания такого события является то, что оно непосредственно не может привести, допустим, индивида, совершившего преступление, к немедленному, свободному и искреннему раскаянию, как, например, Родиона Раскольникова.

Если травма является потенциальной, а не актуальной, то необходим специальный предварительный этап социально-педагогического консультирования пострадавших. Он имеет свои особенности и принципы и, как правило, достаточно трудоемок и растянут по времени. Работа с потенциальной травмой может, на наш взгляд, успешно проводиться только специально подготовленными социальными педагогами и психологами.

Конечно, консультант ни в коем случае не должен ставить задачи непосредственного перевода потенциальной травмы в актуальную путем прямого разрушения психологических защит пострадавшего.

Приведем такой пример. Л. Т. в детстве «привыкла» к побоям и «дисциплинированию» путем физического принуждения. Регулярно наблюдала побои матери и сестер со стороны родного отца. После грубого сексуального принуждения в подростковом возрасте со стороны незнакомого субъекта, угроз которого она по привычке испугалась и повелительному тону голоса которого, в соответствии с воспитанными установками послушания, подчинилась, Л. Т. испытала шок. Через несколько лет, в момент

встречи с консультантом, она находилась в состоянии временной эйфории оттого, что открылась перспектива «работы» по вызову, а не как раньше — на улице.

Работа с семьей пострадавшей оказалась невозможной, хотя это был бы наиболее правильный путь организации необходимых условий для успешного консультирования. Если есть реальная возможность воздействия на взаимоотношения в семье пострадавшего и перспектива позитивного изменения его статуса, то ее надо непременно использовать. В данном случае социально-педагогическая сторона консультирования должна была осуществляться психологом.

Работа социального педагога или психолога с потенциальной травмой предполагает создание специфических условий, способствующих продуктивной и безопасной рефлексии пострадавшим своей социально-психологической позиции, в том числе с использованием методов игрового моделирования взаимоотношений в родительской семье с целью изменения отношений, ценностей и самой позиции пострадавшего. При этом семья не моделируется как изолированная малая группа. Среди дополнительных ролей, как правило, не предполагается (хотя и не исключается) присутствия «живых занавесок», кресел, которые цепляют или обхватывают протагониста, мешая ему действовать по своей воле, и т. д. Зато есть «социальный персонификатор» (социум). К примеру, кроме роли отца есть дополнительные к ней роли: его начальника, милиционера, судьи, учителя, жертвы и т. д., которые в соответствии с представлениями пострадавшего действуют либо на его стороне, либо заодно с персонификатором.

Очень важно проигрывание «онтологических сюжетов» (прил. 4). Это позволяет создать условия, которые, может быть, впервые в жизни пострадавшего дают ему возможность полноценно сориентироваться в отношении социально значимых ценностей. Каждый человек имеет опыт общения на всех семи уровнях, в том числе и духовном (*Добрович А. Б., 1987*). Но, к сожалению, ориентировка в социально значимых ценностях может быть неполной (*Гальперин П. Я., 2002*) и инфантильной. В частности, фиктивная цель (*Адлер А., 1997*)

смещает внимание субъекта с социальных ценностей человеческой любви и творческой самореализации на межличностные ценности взаимоотношений власти.

Сам этот *регрессивный переход смыслообразующей ориентировки с социального уровня на межличностный* является одним из этапов формирования барьеров на пути социализации личности. Социальный смысл деятельности личности и ее потребность в самореализации редуцируются до деструктивных ценностей взаимоотношений власти (включая борьбу за лидерство в малой группе), а мотив самореализации регрессирует до смехотворного тусовочного манерничанья. Таким образом, усвоение *личностных смыслов* может быть заблокировано межличностными барьерами, которые социальный педагог или психолог призваны помочь устранить с пути личностного развития пострадавшего.

Подростковый и ранний юношеский возрасты характеризуются потребностью в усвоении смыслов социальных норм. Если, конечно, в распадающемся обществе они еще поддерживаются и сохраняются. Все нормы, в отношении которых смыслы не усвоены, просто отбрасываются подростками и противопоставляются групповым. В подростковых группах создается система ценностей, через которую как бы «просеиваются» все социальные нормы и одновременно система норм и понятий, через которую «просеиваются» все социальные ценности.

Мы уже отмечали выше парадоксальность недостаточной социально-нормативной поддержки сексуальных отношений. В условиях современной сексуальной революции забота о нормативной поддержке подростков в области сексуального развития — это, конечно же, не призыв к возвращению средневековых религиозных запретов. Но это не значит, что подростка надо оставить на обочине социальной жизни. Ведь речь идет именно о том этапе в развитии личности, когда ведущей деятельностью становится социальное самоутверждение (*Фельдштейн Д. И., 1995*).

Опираясь на достаточную доказанность этого положения, можно попытаться сформулировать очередной вопрос: «Почему же тогда у подростка столько сексуальных проблем, на которых он *фиксируется?*» (Кон И. С., 1989). Любая фиксация, как известно, говорит о невротизированности личности. Значит, на пути социализации — даже в условиях сексуальной революции — подросток дезориентирован, не справляется с проблемами сексуальной идентификации. Его личность деформируется и «тормозится» в своем развитии. А барьеры на пути социализации сдерживают, в свою очередь, и процесс индивидуализации.

Как объяснить этот парадокс? Начнем с очевидных явлений. Чтобы почувствовать себя свободной личностью и стать полноправным членом общества, подросток вовсе не нуждается в тотальном размывании социальных норм в сексуальной сфере. Более того, здесь «кроется опасность своего рода деструктивирования всей системы наследования культурно-исторического опыта» (Фельдштейн Д. И., 1994. С. 229).

Реальный выход подростка на серьезные общественные дела, но, к сожалению, односторонний, на самом деле, вполне реально возможен и всегда начинается в идеологической сфере. Поскольку общественно-производственная сфера пока закрыта¹, по крайней мере, для большинства, то их участие в

¹ Правда, рыночные отношения извращают решение этого внутреннего подросткового конфликта: практика мойки машин детьми, попрошайничество, детская порнография и проституция. Мама приводит десятилетнюю девочку к иностранному фотопедофилу, «свободу творчества» которого уголовно преследуют на его родине, и непререкаемым тоном требует раздеваться. Зарубежный фотограф — при широкой поддержке либеральных СМИ — действует открыто. Достаточно просто пообещать сделать из нее в будущем «модель». А пока — лет пять-семь — фотографии, фотографии и фотографии... непременно обнаженной натуры: макияж, фон, освещение, ретушь... В конце XX в. повысилась культура потребления. И педофилы сейчас пошли эстетически утонченные и, самое главное, достаточно состоятельные: требуют, чтобы устрицы были свежие, сервировка стола изысканная, а не какие-то там кильки в томатном соусе. И самим устрицам все кажется очень милым. Их учат вертеться на вилке, правильно украшаться и занимать на тарелке аппетитную для «ценителей» позу.

социальной жизни начинается с освоения взрослых норм и ценностей. Это и есть доступный для них процесс *социальной адаптации*. Подросток реально и деятельно выступает в качестве «идеологического существа».

Наблюдается не только активизация соответствующей потребности подростков, но и спонтанная инициатива взрослых в том же направлении, которые уже не прощают «акселерату» то, что казалось им терпимым со стороны малыша. Тем самым и провоцируется процесс усвоения «взрослых норм» (Эльконин Д. Б., 1989). Потребности самих подростков остаются какое-то время еще детскими, а нормы уже взрослые. Это одно из основных противоречий подросткового возраста (Там же). Именно оно порождает их запредельную тревожность, поскольку опасный возрастной «переход» совершается «как по натянутому канату». Ходить по нему подросток еще не умеет, тяга к социальному самоутверждению необычайная, но *ни в коем случае нельзя отступить*.

Все дело в том, что *практическая социализация* наиболее доступно открывается современному подростку, оторванному от общественного процесса материальной самореализации, т. е. полуробенку, который, по замыслу взрослых, «еще не живет, а только готовится к будущей жизни», в уродливой форме нарушения общественных норм. Для того чтобы вступить в новые, «серьезные» взаимоотношения с государством, подростку легче украсть, чем добиться права создать что-то ценное для общества, которое отличало бы его сознательные и ответственные действия от конформного детского участия в общественной жизни: собрать металлолом, посадить дерево, перевести старушку через дорогу. Всем этим, как он убедился на опыте, решительно пренебрегают взрослые. Может быть, для того, чтобы «пионерские дела» не казались подросткам такими инфантильными, требуется «воспитательная работа со взрослыми», а не с ними, чтобы взрослые не мусорили на улицах, подбирали и тщательно упаковывали металлолом и макулатуру, не ломали деревья вблизи дворовых автостоянок и т. п. Тогда и подросткам все

это покажется доступным им взрослым делом, а не «детскими играми».

Нарушив социальную норму, подросток теперь уже не может, как это было раньше, рассчитывать на полное прощение. Любая ошибка становится страницей его биографии и отражается на общей оценке социальной значимости его личности и самооценке. Так же как с поступлением в школу ребенок узнал, что нельзя просто так исправить вчерашнюю двойку, которая, несмотря на отлично выученный «задним числом» материал, остается в классном журнале, так и подросток начинает понимать, что любой его поступок в отношении окружающих теперь заносится в «книгу жизни». На каждой ее странице стоят оценки социальной зрелости и ценности его личности.

Наше смутное время высветило дополнительные грани «конфликта поколений». Если в период коллективизма подростки могли утвердить себя, противопоставляя свои групповые правила нормам взрослого мира, то теперь и норм-то никаких нет: «все дозволено». Трудно строить что-то на песке. В стабильные периоды жизни общества противоречия социальной жизни отражаются в идеологической сфере. Но даже в условиях относительно спокойного процесса общественного развития социальные нормы, в том числе и правовые, противоречат друг другу. Но взрослые этого не замечают потому, что для большинства из них сфера общественного сознания не оторвана от области материального производства. Поэтому многие социальные уродства и несоответствия одних норм другим кажутся необходимыми и вполне гармоничными. Каждая норма «на своем конкретном месте» — в той или иной сфере общественного бытия — приходится «вполне кстати» и хорошо работает.

Мышление подростков, уже развитое до уровня формально-логических операций, не может найти оправдания противоречиям между различными сферами общественного сознания. Но разрешить или «примирить» эти невыносимые

для них противоречия, погружаясь в область производственных отношений, они пока не могут.

Правда, в периоды социальных смут и массы взрослых регрессируют к подростковому возрасту. Пробуждается подростковое сознание, требующее немедленных и радикальных перемен. Поэтому если, к примеру, какие-то гуманистические идеалы не находят своего воплощения в наблюдаемой реальности, то «когнитивный диссонанс» (Фестингер Л., 1999) устраняется за счет разрушения наличной идеологической сферы¹, которая их единственно и защищала от дикой эксплуатации и произвола. Именно в такие периоды группы подростков оказываются особо восприимчивыми к новым идеологическим системам.

Эта «идеологизированность» сознания подростков была хорошо заметна и различима даже на социальном уровне и активно использовалась в политических целях (Л. Троицкий). Сегодня мы уже наблюдаем некоторую пародию на идеологизированность, поскольку когнитивный элемент представлений подростков о ближайших и перспективных целях явно редуцирован, а эмоциональный доведен до гротеска. Для того чтобы сделать эти выводы, достаточно внимательно присмотреться к типичному выражению бессмысленно воодушевленных юных лиц в толпах участников каштановых и оранжевых шоу для стран Восточной Европы.

Но самое интересное, что эта подростковая идеологизированность может быть вовсе не системной. Она также связана с личным опытом и достаточно абстрактной учебной деятельностью подростка, не требующей в качестве своего постоянного условия сотрудничества и кооперации. Современный подросток с готовностью ломает старую идеологию. И если бы непосредственно ему была доступна другая, то он, наверное, принял бы ее с удовольствием. Но никакой новой идеи в нашей стране, кроме смехотворного либерального проекта

¹ Например, инициаторы перестройки решили, что если уж нет в наличии условий для реализации главной цели социализма — «всестороннего развития личности каждого», то лучше всего вообще отбросить этот лозунг и разрешить свободную охоту криминала в «закромах Родины».

подготовки элиты менеджеров, просто нет. А пока сторонники «личного успеха» заинтересованы только в том, чтобы их слова не противоречили их же эгоцентрическим поступкам.

Стремление когнитивно устранить все противоречия приводит подростка к главному противоречию, очевидно-му для всех взрослых и не осознаваемому только им самим. Он хочет стать взрослым, причем не рядом со старшим поколением, а *вместо* него, и в то же время непреодолимо жаждет заботы и помощи со стороны взрослых. Он хочет чувствовать свою значимость, надев оранжевый шарф, но хочет, чтобы кто-то поставил для него оранжевую палатку, раздавал питание и теплые вещи.

Хотя с точки зрения взаимоотношений власти тут нет никакого противоречия. Обслуживают же «великих деятелей» их преданные и верные слуги, заботятся же платные няни и терпеливые гувернантки о своих воспитанниках. Взрослые не могут этого понять только потому, что они не допускают равенства позиции ребенка и позиции взрослого, а подросток уже видит свою потенциальную социальную позицию намного выше родительской. Чтобы понять подростка, не надо смотреть вниз. Так мы увидим лишь их снисходительно-иронический взгляд. Надо смотреть вверх. Они уже затевают там «серьезные юношеские игры» (*Штерн Э.*, 1997). Правда, юноши как раз и отличаются от подростков тем, что уже удосуживаются спуститься немного вниз, особенно после службы в Армии, и даже встать рядом со взрослым.

В руках у 13—14-летних вполне реальные социальные ценности, без которых невозможно сохранение человеческой культуры. Они могут стать «хранителями», могут, как и многие взрослые, с дурашливым, спинальным смехом выбросить или растоптать высшие достижения человеческой культуры, могут найти на обочине цивилизации какие-то «новые» ценности. И все это уже есть реальный выход подростка на «серьезные дела общества».

Особенностью идеологии распада, давно оформившейся на Западе, является то интересное обстоятельство, что сами взрослые с удовольствием устремляются рушить социальные нормы вслед за подростками, которых это поведение родителей удивляет, раздражает и озадачивает. Не успели молодые придумать какие-нибудь очередные «фенечки», «ксивы», рваные джинсы и т. п., как их родители уже с удовольствием щеголяют в них. Можно вспомнить и всеобщий подростковый энтузиазм конца восьмидесятых в нашей стране. Родители тогда тоже «выбрали пепси» вместо кваса. Современная социальная ситуация уникальна тем, что вечные социальные и культурные ценности начали разрушать со всех сторон одновременно и взрослые и дети¹.

Общество всегда устанавливало запрещающие нормы там, где есть очевидная для современников угроза его существованию. При этом была, конечно, возможна и «охота на ведьм». Сейчас социальная ситуация прямо противоположна. Опасность того, что будут утеряны высшие культурные ценности, мало беспокоит даже значительную часть бывшей прогрессивной интеллигенции, которая пока по преимуществу занята либо мщением своему народу за осуждение авторов книг, которые «народные массы» даже не читали, либо переживанием собственной неповторимой и соблазнительно героической роли в аппаратной провокации «номенклатурной революции». Появились нормы, защищающие гомосексуализм и вуайеризм; для коммерческого эксгибиционизма отведены специальные «АО с ограниченной ответственностью». Вроде бы надо набраться терпения и ждать дальнейшего «духовного прогресса». Но подлинная человеческая любовь не развивается дидактически — «от простого и примитивного к сложному и возвышенному», понимаемому в

¹ Старшеклассница или молодая студентка идет в кругу парней, потягивающих пиво из горлышка, и громко, отчетливо матерится на всю улицу, подтверждая практически ту идеологическую позицию, которую отстаивал в очередной телепередаче министр культуры: «Без мата нет русского языка!» Дети и взрослые, государство и граждане — все бьют в одну точку: надо окончательно сломать достоинство и уважение человека к человеку.

качестве «призрачного образа», который, как это ему свойственно, недолго задерживается в этом мире, спеша уйти в небытие.

Каждый уровень общения имеет свои нормы и ценности. Специфика современной социальной ситуации состоит в том, что ценности духовного уровня общения (*Добрович А. Б.*, 1987) разрушены до основания, а примитивного — разрешаются и поощряются. Поскольку сексуальная и социальная патология — это дурная бесконечность, глубочайшая яма, бездонное дно которой вырыто многовековым опытом преступлений, то создается иллюзия свободы поступательного движения, а «вниз» или «вверх» для подростков не всегда имеет значение, лишь бы «не за руку» с взрослыми. На этом пути подростки легко достигают отрицания мира взрослых, неожиданно находят суррогат абсолютно отморозенного патриотизма — «догнать и перегнать Америку по сексуальным перверсиям».

Общество все более начинает походить на типичную деструктивную группу (*Психологические особенности самостоятельных... 1990*), в которой ни одна созидательная социальная ценность не находит своего нормативного воплощения, а социальные нормы, понятия и символы либо отсеиваются, либо приобретают узкогрупповой смысл. Даже словарь дикторов телевидения все больше редуцируется, изолируется и удаляется от социально-культурной вершины русской словесности.

Социальные ценности и нормы теряют свою личностную значимость и становятся признаком недостаточного умственного развития индивидов, не входящих в данную группу. Но если личностные смыслы разложились до основания, то самореализация даже талантливых индивидов оказывается совершенно невозможной¹. В условиях эпидемии *групповых инсталляций* социальная жизнь всего общества приобретает явные признаки дурашливого инфантилизма.

¹ «На планете вместо светочей ума встанут Эвересты нашего дерьма! Брызнут фейерверком желтые дымы... Разжиревшим веком будем править мы!» (*Рождественский Р.*, 1973. С. 400). И «процесс уже пошел».

Потребность потерпевшей личности «обрести нормальность» патологически опредмечивается в условиях деструктивной группы. Создается иллюзия нормальности, характерная, например, для практики сексуального принуждения. Так, аффективную реакцию пострадавших стриптизерш, за взятку «сдаваемых «в аренду» их же охранниками, вызвал не сам факт насилия, а то, что оно происходит «слишком часто». Подобное защитное повышение порога травматических переживаний мы также называем *потенциальной* травмой, в отличие от *актуальной*.

Стратегическая цель консультанта в отношении потенциально пострадавших в определенной степени противоположна задаче, которая непосредственно ставится в отношении актуально пострадавших. В интересах развития личности пострадавшего объективно необходимо реабилитировать его чувствительность и к потенциальной травме, а для этого требуется понижение порога травматических переживаний, но так, чтобы он мог их выдержать. Это вовсе не означает, что непосредственной задачей консультанта является переводение актуальной травмы в потенциальное состояние. Более того, такое непосредственное вмешательство может нанести вред пострадавшему и привести к обратному эффекту — эскалации регрессии.

Дело в том, что потенциальная травма вообще недоступна консультированию. У пострадавшей личности нет потребности в помощи консультанта. И она вообще как бы не понимает, о чем на самом деле идет речь, снисходительно взирая на психолога с высоты своего иллюзорного познания якобы истинного понимания вещей. Девочка-подросток уверена, что ее неудачный опыт дал ей исчерпывающие знания о тайной природе любви, и с превосходством взрослого человека смотрит на психолога как на наивного и неопытного ребенка; или же с выражением презрительно-насмешливой проницательности слушает бессмысленные для нее фразы, как ей отчетливо представляется, насквозь фальшивого функционера.

Травма должна быть сознательно освоена пострадавшим, категоризирована и отринута им в прошлое в качестве совершенно бесполезной вещи. Но это не значит, что в процессе консультирования всегда и непрерывно должна максимально расширяться роль сознания. Некоторые приемы консультирования допускают временное сужение сознательной сферы, например, если она пока — через страхи пострадавшего — подчинена воле реального персонификатора.

§ 2. Практическая типология травматических переживаний

Мы выделяем несколько типов психологической травмы, каждая из которых имеет свои особенности: *экологическую, антропоморфную, социогенную, сексуальную*. Эта классификация, как и все другие, достаточно условна. Но она позволяет ярче обозначить особенности собственно психологической травмы, рассматриваемые с социально-гуманистической позиции. Достаточно устойчивое соотношение ряда характеристик позволяет различить травмы четырех типов. Хотя общая связь между ними, конечно же, непременно существует и определяется двумя моментами. Во-первых, вполне очевидно, что все многообразие комплекса факторов, влияющих на особенности качественно различных типов психологической травмы, пронизано единым процессом жизнедеятельности человека. Во-вторых, под психологической травмой мы понимаем только производную межличностных и социальных отношений личности. Наиболее проблемными для возрастностно-педагогического консультирования мы считаем взаимоотношения власти, формирующиеся в особых социальных и межличностных условиях. Физиологические и психофизиологические процессы мы принципиально не включаем в область нашего рассмотрения. В том числе и ту непосредственную сторону стресса, которая еще не прошла социально-психологического *обращения*. Хотя, по нашему глубокому

убеждению, собственно психологическая сторона переживаний пострадавшего присутствует даже в начальные периоды стрессовой защиты, но эти переживания, конечно, просто запредельны и недостаточно дифференцированы, чтобы стать предметом непосредственного социально-гуманистического консультирования.

Под *экологической* мы понимаем травму, произошедшую в результате природных катастроф: землетрясений, цунами, селей, наводнений и т. п. Ее порождают *онтологические* и антропоморфные факторы. К первым относятся как события, которые лишь в очень далекой перспективе обнаруживают некую возможность угрозы существованию самой жизни на Земле, так и непосредственно влияющие на формирование панических установок, некрофильских смыслов и защитной активности представителей ныне живущих поколений. Научное заблуждение или скудость знаний и фантазии могут создавать определенный депрессивный мировоззренческий фон, заметно облегчающий, к примеру, распространение панк-культуры.

Если — строго в соответствии со вторым законом термодинамики, неизменно панически трактуемым, — человек верит в безусловную предрешенность заката человечества, то это его собственное мировосприятие становится для него психологической реальностью, которая неизбежно подавляет его же волю и разрушает созидательную позицию личности. Оно может определять и отношение к другим, более реальным, травматическим факторам. Наши предки воспринимали солнечные затмения и уменьшение длины солнечного дня с той же силой беспокойства и пессимизма, с какой дети современной цивилизации воспринимают сообщения о перспективах катастрофического снижения или повышения солнечной активности, возможности столкновения Земли с кометой, ощущают предчувствие глобального потепления или угрозу ядерной войны. Последняя, несомненно, является фактором, пограничным с группой социоконфликтных, но закономерно перешедшим в силу своей деструктивной

глобальности в состав экологических катастроф. Сама деятельность человека стала экологически опасным фактором.

К *антропоморфным факторам* относятся, на наш взгляд, следующие: угроза жизни самого пострадавшего, потеря друзей, близких, знакомых. Конечно, к примеру, сам по себе горный обвал не может породить психологической травмы. И даже реальная угроза собственной жизни человека, стрессогенная для любителей тихой мирной жизни, может оказаться не более чем порцией адреналина, приятной для экстремалов. Испытанный человеком стресс не является необходимым признаком психологической травмы. Сотни зевак наблюдали взятие Белого дома под свист пуль, каждая из которых могла оказаться роковой для них.

Но та же угроза в период военных действий или вынужденная ситуация возможного смертельного приговора обрачивается уже социоконфликтной психологической травмой. И дело здесь не только в более высокой вероятности смерти и более высоком уровне стресса. Сам этот уровень и, самое главное, качество его переживания зависят от тех взаимоотношений, которые разрываются, или, напротив, навязываются индивиду. Одно дело — безличная угроза смерти, другое — расстрел, казнь. Само слово «казнь»: «Они зверски казнили его...» — обозначает не только наказание (лишение жизни), но и вынужденные или налагаемые на себя самой личностью нравственные страдания (см.: *Ожегов С. И.*, 1985. С. 225). Эти навязываемые страдания возможны только в рамках взаимоотношений власти.

Террористы испытывают удовольствие, перерезая горло своим жертвам. Это их удовольствие, граничащее с оргазмом, базируется именно на осознании своей предельно возможной власти над беззащитной и беспомощной жертвой. И для родственников погибшего это не только экзистенциальные последствия, неизбежные в случае потери близкого человека, как, например, переживание горя и скорби трагического расставания с бесстрашным альпинистом, решившим покорить неприступную вершину.

Переживания пострадавших неизмеримо отягчаются если не по силе, то по вредоносности травмы для дальнейшего личностного роста приниженностью навязанных властных взаимоотношений, циническим презрением и насмешкой над чувствами пострадавших, над болью их невосполнимой утраты.

Именно поэтому нам трудно поверить, что Ф. М. Достоевский просто «испытал сильный стресс», связанный с предчувствием неотвратимой и близкой смерти. Ощущение взаимоотношений власти как со стороны государственных органов, так и со стороны влиятельного тогда подполья, несомненно, помогло ему острее почувствовать те *социально-психологические координаты, в которых бьются неизбывные человеческие страдания.*

Там, где психолог не анализирует человеческие отношения, а только измеряет «уровень стресса», он просто перестает быть профессионалом, впадает в физиологический редукционизм, оправдывая себя тем, что психофизиолог тоже считается психологом¹.

Притязания господствующих элит на влияние в мире, территорию и сырьевые запасы объективно порождают войны и терроризм. Но механизм психологической травмы, если он не связан напрямую с антропоморфными факторами, базируется, прежде всего, на феномене психологической власти специфических «персонификаторов» в отношении пострадавших и их родственников. Вспомним, как бандиты составляли родственников заложников Норд-Оста проводить заказанную ими тематическую демонстрацию на Васильевском спуске Кремля.

Социоконфликтная травма как раз и имеет своим объективным источником конфликты больших социальных групп, которые порождают соответствующие формы травматического межличностного взаимодействия. И в первую очередь, здесь рассматриваются психологические травмы, связанные с военными конфликтами и терроризмом.

¹ В рамках традиционного понимания содержания предмета общей психологии.

Но травматические переживания пострадавших, в отличие от экологической травмы, усиливаются, если они узнают, что катастрофа в метро имеет не техногенную причину, а сознательный умысел преступных элементов в отношении наименее защищенной и бесправной группы граждан. Потерпевшим и родственникам погибших вовсе не безразлично содержание и «знак» эмоциональной реакции — положительный или отрицательный — на произошедшие трагические события со стороны представителей той большой социальной группы, с которой идентифицируют себя террористы.

Остроту и трагичность переживаний пострадавших в Буденновске и Первомайске неизмеримо усилило передаваемое по телевидению зрелище торжества победы бандитов и, особенно (!), искреннее ликование встречающих их женщин, совершенно «не замутненное» сожалением или осуждением расстрела на глазах родных детей и жен представителей закона, честно выполнивших свой долг, защищавших город от нападения бандитов.

После недавних терактов в Англии выяснилось, что пострадавшие, к которым, так же как и во время трагических событий в Буденновске, можно отнести подавляющее большинство населения¹, особое значение придают реакции мусульманской части страны на теракты. Для них важно: огорчаются они, скорбят или ликуют. В отношении психологической травмы этот момент оказывается одним из самых решающих при последующей реабилитации. Поэтому в процессе консультирования пострадавших мы неизменно ставим в центр нашего внимания их взаимоотношения с «персонификаторами» разных уровней.

Антропоморфная травма связана с трагическими моментами, неизбежными в жизни каждого человека: потерей близких, перспективой приближения собственной смерти и т. д. Она достаточно хорошо описана в литературе (Алиев Х., 2003; Линдемани Э., 1998; Малкина-Пых И. Г., 2005; Фонтана Д.,

¹ Почти все те, кто не имеет личного транспорта и охраны.

1995 и многие другие), которая не нуждается в пересказе или популяризации.

Необходимо отметить, что и здесь взаимоотношения любви и власти находятся в центре внимания психолога. Даже ощущение собственной смерти человек переживает в контексте незавершенных споров со значимыми другими; победы или собственного поражения; вины, зависти, прощения, надежды на кого-то, тревоги о его судьбе; спокойного удовлетворения миром с окружающими и т. д.

Социогенная травма — это результат столкновения социализированной личности с социальным невротиком, которое привело к блокированию личностных смыслов потерпевшего. Ее содержанием является ущерб, нанесенный личности через ее психологическое подавление и подчинение в рамках взаимоотношений власти. Это самый «обыденный» и самый массовый тип психологической травмы, поскольку социальный невротик не может жить, не причиняя вреда социализированной личности, без эксплуатации которой он просто не способен справиться со своими личностными проблемами. Он может быть счастливым и чувствовать себя вполне адаптированным, только паразитируя на социализированных личностях, способных, в отличие от него, к реальному продуктивному творчеству и потому занятых социально значимой, созидательной деятельностью. Именно этот тип травмы является для нас оптимальной моделью, на которой в рамках социально-гуманистического подхода нами разрабатывается подробно описанная в этой книге концепция психологического консультирования.

Наиболее типичными примерами социогенной травмы являются случаи нанесения ущерба личности со стороны криминальных элементов, за исключением тех ситуаций, которые имеют социоконфликтные источники или антропоморфные последствия. И наиболее интересными из них с точки зрения анализируемых проблем являются случаи, в которых в качестве персонификатора выступают *флеганты*.

¶ Это понятие используется в рамках социально-гуманистического консультирования для обозначения особого типа персонификаторов, которые не проявляют, в отличие от преступной личности, никакой целенаправленной активности в поиске жертвы. Но в то же время они интуитивно «ищут удобного случая», чтобы снять с себя «груз травмы», если таковой когда-то сформировался в результате взаимодействия флеганта со случайным эгоцентрическим партнером или преступником. Травма, которую флегант наносит другим людям, иногда является достаточно «отвязанной» по содержанию от той травмы, которую он, возможно, испытал сам. Но он ничего не изобретает, а берет уже готовые образцы социально-невротического поведения и просто репродуцирует их.

Необходимо отметить, что психологическая травма для флеганта скорее исключение, чем правило. Дело не только в том, что он последовательно заботится о своем психологическом здоровье. Социально-невротическая стратегия построения взаимоотношений с окружающими является, как правило, следствием родительского воспитания, а не защитой от ранее пережитой самим флегантом травмы. Поэтому мы называем флеганта «счастливым социальным невротиком».

Флегант не столько разрушает социальные нормы в целях своей психологической защиты, сколько способен *легко адаптироваться* к этому разрушению¹. Это дает ему заметное преимущество перед социализированной личностью, которая становится объектом его травмогенного эгоцентризма. Ведь социализированная личность не может адаптироваться к результатам постоянного и катастрофического распада общества только потому, что ориентирована на созидательные цели и упрямо² не принимает реальности общественного распада. Она, напротив, стремится через объективно необходимый процесс обновления возродить содержание тех духов-

¹ Это похоже на то, как на растении, пораженном щитовками, затем поселяется сажистый гриб.

² Психотерапевты скажут: «Невротически не принимает мир, в котором живет».

ных ценностей, культурно-исторических по своей природе, которые составляют смысл ее жизни.

Флеганты мгновенно используют любую оплошность окружающих для того, чтобы иметь возможность максимально интенсивно и безнаказанно эксплуатировать случайно подвернувшуюся жертву. При этом они стараются формально не нарушать не только правовые, но и наличные моральные нормы, тем более что картина распада и тех и других представляет достаточно большой выбор для легализации любой формы деструктивного поведения. Богатство этого практического выбора флеганта в точности соответствует по объему и содержанию области общественной дезориентации социализированной личности. В обществе с четкими ценностями и определенными социальными ориентирами активность флегантов слабеет и почти сходит на нет. Тогда они оказываются вынужденными эгоцентрически опустошать и извращать социальные ценности, определяющие смысл традиционных общественных норм, которые как бы разъедаются ими изнутри, почти не изменяясь по внешней форме. При прочих равных условиях, травма, нанесенная флегантом, иногда воспринимается пострадавшим даже острее, чем ущерб, нанесенный закоренелым преступником. Это связано с тем, что общество еще не выработало моральных санкций и *общественной оценки* подобной социально-невротической тактики со стороны флеганта. Сама выработка подобной оценки, несомненно, облегчила бы драматичность травматических переживаний и могла бы способствовать кардинальному снижению психологического ущерба для личности пострадавших.

По своему результату стратегия флеганта ничем принципиально не отличается от известного феномена дедовщины. Но флегант говорит: «Я — господин, а ты — раб» — вовсе не потому, что пришло его время «гнуть» других. Флегант «просто» ни в коем случае не желает быть «обиженным и обманутым». Если для социализированной личности важным мотивом всегда остается решимость не обидеть невинного, не стать его эксплуататором, т. е. причиной оскудения со-

кровенного и невосполнимого, ограниченного для каждого отдельного человека запаса тайны человеческой жизни, то для флеганта ведущим мотивом является решимость подстраховаться от малейшей возможности уменьшить величину «личного успеха». Он эксплуатирует «жертвы» потому, что они якобы «тоже хотели бы им помыкать», но «личный успех» теперь на его стороне¹. Он не чувствует чужой боли и своей вины, поскольку заранее считает, что любой другой также движим только своими эгоцентрическими интересами, и потому флегант никогда не замедлит воспользоваться любой слабостью окружающих. Для него не существует понятия справедливости. Смысла этой ценности он абсолютно не понимает, как и других высших духовных ценностей, за которые вовсе не считает себя в ответе, даже если они безвозвратно сгинут, исчезнут во тьме веков. Но зато флегант панически боится *проиграть*. Это то единственное, что он чувствует на «празднике жизни»: одни непременно выигрывают, другие проигрывают, причем с разным счетом; а третьего не дано.

Он все время «защищается», чтобы другие не могли поставить его на место раба, чего все якобы тайно желают. А себя, конечно же, он неизменно чувствует законным господином. Это право на «личный успех» он считает присущим ему с самого рождения в силу того, что он «умеет» подчинять себе других, а они просто «не способны» эксплуатировать других. Тот факт, что другие могут просто не принадлежать к эксплуататорскому типу личности (Фромм Э., 1992, 1994, 1995), вызывает у них наиболее острую, аффективную и «непримиримую» позицию агрессивной защиты.

«Флеганты» действуют в рамках существующего плюрализма правил, не обращая внимания на то, осуждаются эти правила самим обществом или нет. Они составляют подавляющее большинство социальных невротиков и живут, не пытаясь изобретать новые формы распада или нормы, которые узаконивают очередные социальные противоречия и

¹ На бомбах, которые американцы сбрасывали на мирных жителей Белграда, красовалась надпись: «Бывают и неудачные дни!»

травматические конфликты. Все, что им надо, они находят в готовом виде на свалках жизнедеятельности деструктивных групп. Новые правила, способствующие распаду и гибели общества, они воспринимают не обязательно в рационализированной форме их «прогрессивности», хотя и таких мотивов они не чужды, а по преимуществу в практическом плане как новый вид банкнот в период очередной денежной реформы.

Они могут, к примеру, вместе со всеми возмущаться дедовщиной, но видят в ней не деструктивное социальное явление, а пока действующую норму, по которой ориентируются в настоящем и «с совершенно чистой совестью» максимально используют свои «привилегии» старослужащих. Они не только возмущаются деструктивным принципом «отобрать и поделить», но, прежде всего, практически, с некоторой долей мстительного торжества используют его при новом переделе собственности; на этот раз не в составе большинства, а в качестве защитника прав и интересов меньшинства. В общественном негодовании по поводу коррупции они видят лишь реальность традиции и правил активного вымогательства взяток и т. п. Как и у всякого социального невротика, у них нет внутреннего конфликта с собственной совестью, поэтому они никогда не нарушают закон «по мелочам»: слишком велик и не оправдан риск. В отличие от регрессирующей социализированной личности, которая в силу «решительных», но безуспешных действий против своей совести, как всегда слишком импульсивных, первой попадает впросак. Понятно, кто в первую очередь оказывается пострадавшим от эгоцентрических действий флеганта¹.

¹ Современная пенитенциарная система на 80 % забита именно социализированными личностями, которые стали действовать в новой социальной ситуации «по вдохновению», как романтики и первопроходцы, иными словами, «очертя голову», не дав себе даже труда изучить криминальный опыт, «пройти стажировку» у «старших флегантов». В момент, когда их действия пресекаются органами правопорядка, они, как правило, поглощены не столько получением «доходов», которые почти всегда оказываются мизерными, сколько театральными переживаниями момента «одевания черной маски» и драматического прощания с прежним миром света и добра.

Стратегия флегантов не имеет ничего общего с авантюризмом Остапа Бендера, способного на душевные порывы, выходящие за рамки криминальных ценностей. Нет никаких оснований считать флегантов некими «теоретиками» и разработчиками криминальных игр. Они скорее похожи на студентов, которые пишут курсовую по стандартной теме, давно заезженной многими поколениями школяров, и лишь пытаются хоть как-то психологически подготовить себя к рискованным действиям в реальных практических условиях.

Это вовсе не «авторитеты» криминальной среды, которые могут опираться на постоянно обновляющийся опыт «проб и ошибок» членов своей деструктивной группы. Флегант попытается понять вполне определенную игру по той единственной манипуляции, которую, может быть, проделали и с ним. Конечно, в случае личного ущерба познавательный интерес к аналогичным ситуациям у него обострен и он жадно выискивает информацию из любых других источников: слухов, рассказов очевидцев, материалов газет и журналов. Если социализированная личность развивается на пути присвоения культурно-исторических смыслов человеческой деятельности, то флегант активно *впитывает* элементы социального распада и *воспроизводит* их с характерной ему настойчивостью.

Его действия в отношении жертвы похожи на робкие и нерешительные усилия врача-практиканта, который первый раз в жизни вытаскивает подростку коренной зуб без анестезии. Он медлит, делает нерешительные пробы, тянет, тревожится, что запланированный результат не получается у него так же легко, как у других, более опытных. Он неизменно готов искать более компетентных наставников, помощников, к которым постоянно бегаёт консультироваться, и т. п., в общем, «растет и постоянно повышает» свою социально-невротическую «квалификацию».

Для флегантов вообще характерна медлительность и длительная ориентировка, в процессе которой они стараются зафиксировать будущую жертву в состоянии испуга или чувст-

ва вины. Но желаемый успех ждет их только в том случае, если они столкнутся с человеком совестливым, который всегда преувеличивает тот ущерб, который случайно наносит другим, а свои усилия и затраты, напротив, неизменно обесценивает. Кстати, на наш взгляд, Ф. Ницше всегда обращался именно к таким кротким и справедливым людям, страдающим от укусов ничтожных «мух»¹. Только в отношении этой категории читателей философа его слова имеют реальный и позитивный психологический смысл. Но, к сожалению, всеобщность художественной формы дала повод и основание посредственному индивиду, в том числе и флеганту, возомнить себя «сверхчеловеком».

Флеганты имеют жесткую установку: выйти из травмы на пути использования того же варианта преступной игры, которая была проделана с ними. Это желание облегчить себе участь не за счет своего персонификатора, а за счет другого человека, который лично ему ничего плохого не сделал, выдает его сущность как типичного социального невротика. Воспроизводя манипуляцию, от которой сам пострадал, он уже активно способствует ее распространению и превращению в норму общественной жизни, что тоже характерно для социального невротика. Но при этом он сам, используя известный ему из собственной травматической ситуации сценарий игры аферистов в момент, когда тот уже начал разворачиваться в его пользу опрометчивыми действиями потенциальной жертвы, имеет возможность совершенно безопасно «подыграть» в направлении криминального итога и с лихвой компенсировать прошлые потери. Он не «открывает», а использует один из известных всем юридических провалов, давно нащупанных криминалом. Существование подобного противоречия в достаточно широких масштабах возможно только при определенных социальных условиях: когда все об-

¹ «Так как ты кроток и справедлив, ты говоришь: “Не виновны они в своем маленьком существовании”. Но их узкая душа думает: “Виновно всякое великое существование...”»

Беги, мой друг, в свое уединение, туда, где веет суровый, свежий воздух! Не твое назначение быть махалкой для мух» (Ницше Ф., 2002. С. 97—98).

щество оказалось внушаемым со стороны активной, предприимчивой и социально доминирующей криминальной культуры.

Древние мифы криминального мира и рационализируемые ими ценности стали в последние десятилетия превалировать над культурно-историческими. Мифы преступного мира исправно служат обоснованию и оправданию правил примитивной группы. Разумеется, искренне и добросовестно верить в них заинтересованы только сами преступники и флеганты. Сказками о благородных и доблестных «Робин Гудах», в реальности специализирующихся по преимуществу на стариках, детях и «подранках»; а также мифами о сверхчеловеческом превосходстве и абсолютном бесстрашии бдительных «авторитетов», которых якобы никогда нельзя застать врасплох, и тому подобными нелепостями сейчас заполнены многие телевизионные инсталляции. На самом деле, если, к примеру, человек начнет все время бдительно ждать ножа в спину, то для него и «киллер» не нужен, он непременно вскоре сам умрет от инфаркта.

Взаимодействие с флегантом, скорее похожим на доброжелательного студента четвертого курса, чем на преступника, кардинально разрушает личность пострадавшего именно в силу невозможности морально осудить его за что-то, а также неспособности жертвы понять и идентифицировать персонификатора, который неизменно производит впечатление «милого и интеллигентного человека, стремящегося к справедливому разрешению конфликтной ситуации»¹. Причем это восприятие пострадавшего как бы консервируется. Оно длительное время остается неизменным и после первого этапа переживания травматической ситуации.

¹ Как рыбак, который внимательно смотрит на карася не потому, что сопереживает его боли, растерянности или смертельной тревоге. Он проверяет, хорошо ли «подсек», озабочен крепостью лески, прикидывает, нужен ли сачок; тут же старается на глаз измерить длину и вес добычи, ему очень хочется, чтобы это был рекордный экземпляр. Вот примерно таков смысл внимания флеганта к пострадавшему.

Флегант перекладывает боль от своих травматических переживаний на случайного встречного, а ответственность — на общество на том основании, что общество не предусмотрело и не уберегло его самого от травмы. Пусть общество, за исключением его самого, и думает, как устранить подобные риски для потенциальных пострадавших, пусть заботится о правах человека. А он уже решил для себя эту проблему, уже не только сам не попадет в лапы криминала, но и «дураков» жалеть не будет. Он не из тех, кто «занимается бесплатной общественной деятельностью».

Сексуальная травма является классическим типом психологической травмы и справедливо заслуживает особого внимания консультантов. Мы рассмотрим ее содержание под несколько новым углом зрения, попытаемся расширить ее область и соответственно само содержание консультирования. Дело в том, что в классических исследованиях существует значительный пробел в анализе источников сексуальной травмы. Видимо, это связано с тем, что психотерапевты по большей части имели дело со взрослыми клиентами. Во всяком случае, они не фиксировали свое внимание на случаях травматизации ребенка или подростка со стороны сверстников.

Действительно, травма, нанесенная беззащитному ребенку морально опустившимся и безответственным взрослым, представляется несравненно более ужасающей, требующей немедленного вмешательства, особой заботы и помощи пострадавшему, чем аналогичная травма, нанесенная подростком и тем более сверстником. Но, во-первых, педофилы не рождаются сразу взрослыми. Они, «наверное», бывают подростками и даже, «возможно», детьми. Словосочетание «ребенок-педофил» кажется бессмысленным вроде «круглого треугольника», но еще более бессмысленными, на наш взгляд, являются представления о том, что нравственно воспитанный ребенок или подросток, развиваясь по пути дальнейшей социализации, вдруг начинает проявлять непреодолимые патопсихологические мотивы.

Профессиональный психолог не должен опускаться на уровень сценариста триллера, которому достаточно туманных предположений о возможном существовании неких наследственных факторов, которые по особому генетическому сигналу вдруг начинают проявляться в поведении довольно милой и симпатичной для всех окружающих личности, заменяя ее привычную повседневную жизнь страшным навязчивым сном. Люди делают деньги, развлекая заскучавшую было публику. Им простительно. Но психолог, знающий о существовании не менее парадоксальных явлений, в частности нарциссизма, идентичности, будучи хорошо наслышанным о феномене задержки в развитии, несомненно, должен логически заключить, что возможна травматическая фиксация пострадавшим детского или подросткового момента в развитии собственной идентичности. Компульсивное возвращение к своей травме в детском возрасте — непрекращающийся, навязанный безвольному пострадавшему травматический диалог с персонификатором, который даже не достиг или еле достиг подросткового возраста, — является причиной задержки личностного развития индивида, который постоянно или периодически остро ощущает себя маленьким обиженным ребенком, причем обиженным не взрослыми, а детьми. Он социально-невротически чувствует, что должен «отомстить», «воздать должное» именно этим «жестоким» детям или подросткам. Вот вам и один из вероятных факторов риска, существенных при формировании патологической личности педофила. Тех читателей, которым наши предположения покажутся совершенно необоснованными, мы попросили бы внимательнее присмотреться к ссорам уже взрослых братьев или сестер по поводу детских «разборок», случаев несправедливого родительского «суда», который «всегда был в пользу младшего», к комплексу младшего или старшего брата (сестры), их неугасающей ревности к родительской любви и т. п.

Во-вторых, совершенно очевидно, что, как бы нам не были неприятны сексуальные преступники, мы должны доб-

росовестно изучить историю их социально-патологического развития, выявить те социально-психологические факторы, которые оказались решающими в процессе формирования их навязчивых патологических установок. Мы убеждены, что значительным источником поражения личности антисоциальными потребностями являются не только «серьезные» подростковые и юношеские (*Штерн Э.*, 1997), но даже детские сексуальные игры.

Э. Штерн вплотную подошел к анализу этой проблематики, но не мог не остановиться перед ужасающим видом той пропасти, которая ему открылась. Возможно, что он вовсе ничего такого не увидел и даже интуитивно не почувствовал. И скорее всего так и было, ведь областью его научных интересов в качестве возрастного психолога было развитие личности, а не регресс, барьеры и возможные направления дальнейшего патологического развития психики ребенка. Но нам, после героического научного подвига З. Фрейда, имевшего мужество решиться на анализ самого темного дна человеческой души, было бы непростительно и даже как-то неприлично не попытаться соединить исследования Э. Штерна и З. Фрейда. Необходимо провести психологический анализ сексуальных игр в детском и подростковом возрасте с точки зрения их возможности служить источником травматизации и патологического развития личности пострадавших в социально-невротическом направлении.

Преступник не может быть счастливым человеком. Именно поэтому такой индивидуум и несет зло другим людям, чтобы, как он представляет себе, «урвать» хотя бы кусочек с чужого стола да еще и перепачкать скатерть, чтобы все окружающие чувствовали себя также подло и гадко, как он. Но ведь и ему тоже нужна психологическая помощь, и вовремя: не только в условиях пенитенциарной системы, но и гораздо раньше. В этом заинтересованы и возможные будущие, может быть еще не родившиеся пострадавшие, и их семьи, и все гражданское общество.

Школьный психолог должен быть вооружен теорией и методами, позволяющими на ранних этапах распознать тенденцию к эксгибиционизму, педофилии, гомосексуальному вовлечению несовершеннолетних и т. д. На ранних этапах будущая преступная личность чаще всего испытывает духовные мучения, ищет средства их облегчения и открыта для психологической помощи. Индивид просто социально болен, терпит свою травму. Он пока еще сидит за школьным столом или партой, но, конечно же, думает уже не об учебе, а жаждет чудесного исцеления и спасения. И если он, к несчастью, найдет облегчение с помощью типовых защитных механизмов, выработанных, к примеру, в криминальной или гомосексуальной субкультурах¹, то лишь тогда произойдет его действительное становление в качестве социального невротика.

С этого момента работа консультанта осложняется тем, что никакого запроса со стороны наглухо закупоренного для межличностного общения индивида он теперь непосредственно не получит. Нет уже той острой потребности пострадавшего во внешней опоре. Он доволен тем, что вполне адаптировался в одной из древнейших ниш, сопровождающих развитие рыночного общества, и нашел относительное душевное равновесие в том, что по понятиям принявшей и поддерживающей его группы является самой что ни на есть настоящей нормой.

Кажется, что у педофилов нет такого реального сообщества, как, например, у других массовых криминальных ти-

¹ Не отрицая влияния гормональной функции гонад на формирование соматического пола (Частная сексопатология, 1983), мы исходим из того, что большая часть случаев гомосексуального развития имеет своим основным источником социально-психологические факторы. В этом отношении совершенно непонятно, как может существовать ревностно охраняемая правозащитниками гомосексуальная субкультура, не вовлекая в свои ряды молодое поколение. Что они, так и растут «генетическими парами»? А бисексуалы?

Кстати, непонятно, почему потребление наркотиков считается у правозащитников личным делом каждого: лишь бы не на продажу. Ведь это же социальный заказ для поставщиков. Такое «просто попробовал» есть участие в развитии рынка и финансовая поддержка наркомафии.

пов. Но на самом деле, поскольку существует целая индустрия детской порнографии, соответствующая деструктивная группа объединяет сотни и тысячи преступных элементов. Эта группа вырабатывает групповые защитные нормы и ценности, морально поощряет и поддерживает рассматриваемый вид преступлений. Отношение к этому криминальному сообществу — важный социальный аспект обеспечения психологического здоровья нации.

Ясно, что представленная выше типология травматических ситуаций достаточно условна. Травма, к примеру, может быть одновременно и антропоморфной, и социоконфликтной, и социогенной. Но, тем не менее, мы считаем ее достаточно удобной в качестве средства практического ориентирования консультанта. В соответствии с продолжающейся эскалацией и нарастанием проблем, которые постепенно становятся типическими для консультантов, мы далее специально выделим и остановимся более подробно на содержании двух последних из всех перечисленных видов психологических травм.

§ 3. Социогенная травма

Как уже отмечалось выше, последствия любого преступления, которые обострили проблемы интеграции личности, поставили ее на грань регресса или распада, подтолкнули к использованию социально-невротической защиты, создали внутренние барьеры на пути дальнейшего развития и социализации, можно считать социогенной травмой.

Процесс ее образования по внешним признакам похож на «игры преступного мира», описанные Э. Берном (1988). Но имеется ряд существенных различий. Во-первых, Э. Берн рассматривает только те игры, которые имеют «механизм семейного наследования», при этом жизненный сценарий «жертвы» также однозначно определяется как родительский. Во-вторых, Э. Берн рассматривает игры, где роль жертвы легко меняется на роль «преследователя» или «спасителя». В цен-

---

тре нашего внимания оказываются процессы, в которых персонификатор постоянно наращивает процесс преследования пострадавшего, лишая его в конечном счете всех средств существования, а порой и самой жизни. «Преследователи» завладевают документами, узнают адрес «жертвы» и методически ее добивают, а «жертва» при всем ее желании оказывается не в состоянии «исполнить роль преследователя». Она может лишь мечтать о мести.

В-третьих, в транзактном анализе вообще не раскрывается сущность собственно психологической травмы; в частности, не рассматривается возможность интериоризации «жертвой» образа «преследователя». Для нас является существенным, что «спаситель» не просто третья роль в игре, а «социальный персонификатор». Дело в том, что рассмотрение «игр преступного мира» только на межличностном уровне не позволяет в полной мере проанализировать психологическое содержание травмы, которое, собственно, и является центром наших интересов. Сведение всех результатов манипулятивных игр к «выигрышу» нас также совершенно не может удовлетворить. А как же «проигрыш» жертвы? Что происходит с его содержанием после завершения процесса «обмена транзакциями»?

Психологическую травму недостаточно просто назвать проигрышем или разработать соответствующую классификацию «проигрышей» по аналогии с типологией «выигрышей», полагая, что от этого вдруг все станет ясным и понятным. По нашему глубокому убеждению, чтобы действительно разобраться в особенностях психологической травмы, необходимо дополнительно провести целенаправленный анализ ее содержания.

Для этого нами разработана модель, позволяющая консультанту легче ориентироваться в содержании, основных факторах и динамике развития травматических переживаний. Напомним, что основную задачу консультанта по реабилитации психологического здоровья пострадавшего мы

видим в содействии освобождению его личности из-под власти персонификатора.

Прежде всего, мы должны определить те ограничения, за которыми переживания травмы усиливаются или ослабляются, вплоть до их парадоксального превращения в положительные переживания. Простейший вид социогенной психологической травмы — ущерб от воровства. Известно, что, например, А. М. Горький позитивно воспринимал и даже поощрял в отношении него самого незамысловатые воровские уловки мелких «челкашей». Следовательно, позитивное, явно сопереживающее отношение к персонификатору, связанное в данном случае с положительными эстетическими переживаниями «ловкости» и «творческой оригинальности»¹ в действиях социального невротика при незначительном ущербе, который никак не может повлиять на образ жизни и личные планы субъекта, способно вполне компенсировать материальный ущерб, нанесенный пострадавшему. А ущерб его личности в данном случае вообще никак не просвечивается.

Конечно, не только и даже не столько эти факторы, лежащие на поверхности, определили здоровое нетравматическое отношение великого писателя в ответ на попытки нанесения ему личностного ущерба. Главным стабилизатором и условием его спокойствия и равновесия духа был, на наш взгляд, фактор другого рода. Для творческой личности, для личности создателя, материальные средства всегда остаются важными, но все-таки лишь средствами. Главное, что ей создано нечто социально ценное, свидетельствующее о несомненном таланте автора. Результаты самореализации мо-

¹ На самом деле в криминальном поведении столько же творческого превосходства, сколько видового «превосходства» у крокодила, пойманного антилопу, находящуюся на самом деле на гораздо более высокой ступени психического развития.

«Успех» даже умственно отсталому преступнику обеспечивает именно поддержка криминальной среды и освоение игровых сценариев, которые формировались тысячелетиями.

Кстати, умственная отсталость может компенсироваться особым типом творчества (Выготский Л. С., 1983). Но конечно же, ни о какой «предрасположенности» детей с задержкой развития или умственно отсталых к делинквентному поведению не может идти и речи.

жет, конечно, уничтожить кто-то из геростратов. Но даже в этой драматической ситуации для создателя остается душевная опора. В частности, непререкаемая истинность того факта, что люди восприняли результаты его труда и у них уже появилось понимание возможной и реально достижимой человеком высоты действительно великого и прекрасного творения. Теперь они смогут при желании отличить результаты подлинного мастерства от каких-нибудь очередных биеннальных инсталляций. И тем более просто нелепо предполагать, что какой-то мелкий воришка может серьезно угрожать личностным смыслам гениального творца.

Конечно, утверждать, что мелочный обман совершенно не травмирует личность, мы тоже не можем. Вспомним Я. Смелякова, который писал, что «не жаль десятку прокутить, повеселиться от души», но «обидно черствый хлеб купить, хотя и стоит он — гроши»! Разумеется, действительно серьезные материальные проблемы и для великих личностей являются травматическими¹. Подобную степень материальной угрозы мы, очевидно, должны отнести к факторам риска. Но опять же все дело во взаимоотношениях. Если человек сам отдал последние сбережения ради спасения ребенка или ради победы своего народа в войне, то никакой травмы он не испытывает. Пожертвовав самым необходимым, человек, по логике А. Маслоу (1997), непременно должен опуститься в структуре известной пирамиды на самый нижний уровень. Но его личность оказывается, напротив, возвышенной, получает мощный импульс в своем развитии; а вовсе не сломленной и растоптанной, как ожидалось. И напротив, лично-

¹ За исключением разве что Сократа. Но в Древней Греции, как и при социализме, гражданин был обеспечен тем минимумом «хлеба и зрелищ», который позволял подлинной личности чувствовать себя совершенно независимо и неуязвимо. Кстати, в нашей стране, вплоть до конца 80-х, материальный успех предполагал соответствующий, пропорциональный ему созидательный вклад в общественную жизнь: науку, культуру и производство. Поэтому «шикарная жизнь», т. е. демонстративная трата средств сверх рыночной или ситуативной необходимости, которая отрицает сам принцип общественной созидательной активности, просто не могла стать нормой, давящей и принижающей остальную массу населения в ее стремлении к продуктивной личностной самореализации.

стная катастрофа часто происходит в условиях, когда дальнейшему удовлетворению непосредственных витальных потребностей пострадавшего, фактически, ничего не угрожает, как, например, в случае заурядной криминальной травмы.

В переживании социогенной травмы оказывается существенной пропорция между потребностью субъекта в смыслообразующих видах деятельности, с одной стороны, и теми усилиями, которые ему необходимо приложить для обеспечения чисто физического выживания — с другой. Эта пропорция зависит от наличных социальных условий, поскольку даже удовлетворение простейших витальных потребностей предполагает необходимость выполнения определенных функций, не связанных непосредственно с наличными творческими интересами индивидуума и задачами ближайшей зоны его развития¹. Если творческая деятельность одновременно является и источником необходимых материальных средств, то нанесенный материальный ущерб необходимо воспринимается как серьезная травма только в том случае, если пострадавший вынужден ее прерывать и целиком переключаться на решение витальных задач.

В том случае, когда подобное болезненное переключение еще ранее было спровоцировано социальной катастрофой², риск травмы неизмеримо увеличивается. В этих условиях, когда социализированная личность вынуждена заниматься творчеством «в свободное от работы время», отстаивая необходимые обществу созидательные ценности исключительно

¹ Если в двадцатые годы молодой человек чувствовал себя вполне комфортно, начистив спортивные тапочки зубным порошком, то сейчас его мысли далеки от полного удовлетворения прочной и дешевой обувью «а-ля-ширпотреб». В двадцатые годы учительница в старомодной кофте — это образец скромности, самоотверженности и герой для подражания. Сейчас такой «прикид» вызовет на фоне пропаганды «шикарной» жизни отношение к ней со стороны родителей и учеников как к «жалкой, ничтожной личности». В этом и состоит ее внутренний социогенный конфликт. Она вынуждена скрывать свое социально униженное состояние от учеников, как правило жертвуя для этого бюджетом семьи с его вполне реальными и действительно необходимыми затратами.

² Например, «революцией сверху» 80-х и «смутным временем» 90-х.

«за свой счет», материальный ущерб со стороны криминальных элементов может приводить пострадавшего к острейшему внутреннему *социогенному конфликту*. Пострадавший вынужден одновременно сделать два взаимосвязанных выбора: благополучие близких людей или личное творчество; личностный рост или социальная невротизация.

Подвергаться криминальной атаке и риску разрушения может, конечно, не только творческая деятельность, но и все позитивные новообразования процесса социализации: ориентация на создание семьи, родительская любовь и ответственность и т. д. Нормальный человек, чья психика не искоружена вследствие перенесенной психологической травмы до степени глубокой патологии и не доведена в последующем до состояния полной безысходности и отчаяния, не может жестоко относиться к своим детям. А у нас в стране по статистике около двух тысяч родителей являются убийцами своих детей.

Необходимо отметить и наличие прямо противоположных по социальной значимости результатов: травматическое взаимодействие может стать причиной разрушения не только позитивных, но и негативных новообразований и защит, деструкция которых не входит в содержание ближайшего возрастного кризиса: скупость, жадность, стремление «урвать чужое» и т. п. Если подобные негативные стороны подвергаются деструкции в ходе уже текущего нормативного кризиса, если не происходит «обвала стабильного периода» и вынесения пострадавшего на пик кризисной фазы, то никакой психологической травмы те же самые объективные условия уже не могут инициировать.

В то же время необходимо учесть, что для обычного законопослушного гражданина острота переживания даже незначительной материальной потери, допустим 2—3 месяцев отчужденной работы, катастрофически возрастает по мере убывания творческого содержания деятельности пострадавшего. Ведь в условиях отчужденного труда деньги —

это все, на что потрачено время и жизненные силы индивида.

Практически он неизбежно чувствует себя рабом, которого вот этот жалкий и никчемный субъект¹ эксплуатировал в течение тягостных недель и месяцев. Отсюда понятна ярость и жестокость криминальных элементов к персонафикаторам, которые их «кинули». Понятно, что представители банковского и коммерческого капитала в этом отношении более уязвимы, чем представители промышленного, которые хоть что-то создали, смогли как-то самоактуализироваться.

Интересно, что потерю своих сбережений от действий государственных органов часть населения переживает менее болезненно, чем криминальные уловки, направленные лично на них. Дважды потеряв средства, которых в общей сумме хватило бы на покупку не одного автомобиля, многие удовлетворяются компенсацией в размере месячной зарплаты. Видимо, в этой ситуации слабо выражены другие дополнительные факторы, направленные непосредственно на разрушение личности пострадавших. Так, например, переживания потерь два десятилетия назад значительно ослаблялись стойкими представлениями пострадавших об «общественном прогрессе», «демократизации» и т. п. В популярных пропагандистских формулах было замаскировано утверждение об отсутствии даже малейшей возможности причинения вреда обществу в целом от «непопулярных мер» в отношении массы бесправных и бессильных индивидов, методически уничтожаемых с помощью «экономических инсектицидов».

Точно так же, если бы «обманутые вкладчики» десять-пятнадцать лет назад осознали, как это им с очевидностью представляется сегодня, что никакой пользы для прогресса и раз-

¹ Один из тех трехсот неудачников, которые непременно были бы отсеяны в конкурсе на единственное оставшееся место в театральном вузе. Это актеры проходной реплики: «Кушать подано!», «А что вы здесь делаете?» и т. п. «Актерские данные» открываются у них только при желании кого-то обмануть и непременно во взаимодействии с достаточно развитой личностью, которая, по мысли Ф. М. Достоевского, боится обидеть человека подозрением, даже очевидного прохвоста.

вития страны их потери не принесут, то, несомненно, запредельная интенсивность их травматических переживаний неизбежно привела бы к социальному взрыву.

Ущерб от социальной агрессии, направленной не на индивида, а на «подопытное большинство», например от «шоковой терапии», сближает в непосредственном «предсознательном» восприятии пострадавших этот тип травматических ситуаций с вредоносными условиями стихийных бедствий и войн. Источник травматических переживаний известен всем, но его агрессия не направлена избирательно на данного пострадавшего (безличная адресованность). В этих условиях жертве, видимо, легче переживать страдания. *Важно, что она не одинока и ее боль является всеобщей.* Ведь не ее одну запугивали с целью зомбирования и выработки установки покорности и «притерпелости» к состоянию безнадежности и зависимости. В этой мстительной агрессии *социального персонификатора* (СП) пострадавшие длительное время не умели различать некрофильских мотивов социальных экспериментаторов.

Интересно, что двадцать лет назад представления большинства членов социума о необходимости любых преобразований были настолько велики, что люди поначалу почти не обратили внимания, в каком направлении они идут. Социальный смысл и готовность пойти на временные жертвы ради преодоления общественного застоя действительно были столь выражены и устойчивы, что люди просто не видели никакого ущемления достоинства и прав человека в совершенно бессмысленной (для развития страны) жестокости «шоковой терапии», которую следовало бы назвать «шоковой лоботомией»¹. А после многолетних непосильных тягот периода выживания, напротив, возвращение общества к состоянию застоя («стабилизации») было воспринято большинством с облегчением и даже показалось благом.

¹ Садизм и мстительную злобу к своему народу со стороны невежественных выпускников экономических вузов, которые ее проводили, можно сравнить разве что с медицинскими экспериментами фельдшеров фашистских концентрационных лагерей.

Парадоксально, что вот такое явное презрение СП к личности и правам массы созидателей, которое привело к катастрофическому результату их жизненного пути, морально подавило, погрузило в состояние беспомощности и депрессии¹, у значительной части пострадавших совершенно не разрушило *защитный* социальный смысл травматических переживаний. Потребовалась жизнь целого поколения, чтобы вместо «иного не дано» появилось «есть и другие варианты». Несмотря на сегодняшние усилия государства по укреплению обстановки относительной экономической стабильности², процесс медленных и длительных изменений в общественном сознании все-таки подвел общественную психологию вплотную к необходимости пересмотра смысла двадцатилетних страданий на прямо противоположный. Это сразу же отразилось в обострении травматических переживаний, перенесенных значительной массой пострадавших в течение данного периода.

Подобная агрессия, но уже субъективно зауженная до межличностного уровня, как бы вырванная в восприятии пострадавшего из «социального контекста» его жизнедеятельности, напротив, с самого начала переживается им гораздо острее и драматичнее. Пострадавшему не дают покоя вопросы: «Почему именно я?» и «Можно ли было избежать потерь?» Вместо негативных установок окружающих (СП) к персонификатору пострадавший часто бывает убежден в их *амбивалентном отношении* к случившемуся. Ему кажется, что представители СП не могут не испытывать радости по поводу того, что сами не попали в подобную ситуацию, хотя вполне могли, а теперь у них уже есть знания и чужой опыт, чтобы не стать очередной жертвой. Потерпевший это прекрасно интуитивно понимает, несмотря на знаки внешнего сочувствия, и ощущает себя человеком, лишенным необходимой *социальной поддержки*.

Кстати, мы считаем, что трудоемкая методика создания психотерапевтической группы поддержки пострадавших

¹ Что, видимо, экспериментаторы и планировали получить «на выходе».

² То есть опять явного застоя.

(Линдеманн Э., 1998) хотя и имеет практическое подтверждение своей эффективности, но не совсем подходит для социогенных травм. В рамках социально-гуманистического консультирования социальная поддержка пострадавшего обеспечивается не организационно-тренинговой работой психолога с реальными членами референтной группы пострадавшего, а на основе такой перестройки социально-психологической позиции самого пострадавшего, которая обеспечивает ему устойчивую ответную психологическую поддержку в травматической ситуации.

Вопрос: «Почему именно я?» — выдает *социопатические установки* пострадавшего, который принимает существование социального зла в окружающем мире как нечто абстрактное, которое совершенно не должно его касаться, т. е. без необходимости своего активного противостояния травматическим социальным факторам. Его сознание еще находится на уровне пассажира троллейбуса, который не может сдерживать эмоции и начинает скандал с тем, кто наступил ему на ногу: «Надо было держаться за поручни, как я!»

На самом деле социальный невротик не в состоянии подавить социализированную личность и навязать ей свою волю без помощи социального персонификатора. Именно СП вынуждает пострадавшего испытывать чувство вины в присутствии персонификатора (МП — «межличностного персонификатора»). Здесь есть некоторое *противоречие*. С одной стороны, преступник заинтересован оторвать пострадавшего от общества, чтобы замкнуть его в рамках взаимоотношений власти и навязать свою волю. С другой стороны, психологически подавить такую жертву без «помощи» социального персонификатора он не может.

Социализированная личность по определению отвергает («глубоко презирает») «понятия», «законы» и ценности криминальной группы. Поэтому психологически подавить ее на этом поле преступник способен лишь при условии, если социализированная личность каким-то образом окажется в рамках навязанного ей реального общения внутри изолиро-

ванной от общества криминальной группы. Это может быть судебная ошибка или сознательная «государственная тактика» уничтожения личности политических противников. Третий вариант — современный — разрушение самой социальной среды, общественной морали и ценностей до уровня «общения на нарах», превращение криминального «архипелага» в «континент». Развивающаяся личность хватается за какие-то пока сохранившиеся в мировом информационном «плавильном котле» обломки культуры и только мечтает обрести Радонеж социализации. Но даже на таком неустойчивом «своем поле» намеченная жертва иногда чувствует себя морально сильнее преступника, для которого проблема психологической власти остается еще не решенной.

Многовековой опыт позволяет криминалу снять указанное выше противоречие и оригинально решить свою главную психологическую задачу¹. *Преступник обращается за помощью к социуму, но лишь для того, чтобы социум отверг (изгнал) потенциальную жертву из сферы воспроизводства и развития культурно-исторических ценностей (сферы личностной самореализации), т. е. с целью отсечь социально-ценностные связи жертвы. Как только это случается, индивид оказывается на поле преступника, где уже действуют законы и понятия, отвергаемые социализированной личностью. Неприятие жертвой правил примитивной группы реально предопределяет ей самый низший групповой статус (Добрович А. Б., 1987) и тем самым отдает в полную власть преступника.*

Это перемещение пострадавшего из социума в криминальную среду может совершаться не только реально, но и

¹ Если бы существовали криминальные НИИ, то, наверное, это было бы одно из основных «теоретических открытий» фундаментальной криминальной науки. Вообще криминальную контркультуру опасно рассматривать в качестве простого механического отрицания социума наподобие бытового «хамства». Это определенные знания, требующие для своего понимания даже некоторой «диалектичности» мышления. Но зло, заключенное в этой контркультуре, не надо приписывать каждому ее представителю, так же как наблюдение «умных инстинктов» животных не ставит, к примеру, перелетную птицу по своему умственному развитию выше неудачливого эмигранта.

идеально. Преступники веками наблюдали за моральными страданиями невинно осужденных и забавлялись над ними, над удивительными для них превращениями сильной личности в безвольную развалину, даже не пытающуюся защищать себя от непрерывных унижений. Видимо, таким образом они интуитивно освоили психологические принципы разрушения социализированной личности, которые затем в практической форме воплотились в соответствующих правилах, криминальных играх и арго.

Итак, не только пострадавший не может реабилитироваться без социальной поддержки, но и преступник не способен осуществить свою власть над социализированной личностью без привлечения позитивных социальных реалий. Причем эти позитивные культурно-исторические реалии должны быть уже мертвыми, реально не функционирующими в социуме, но так, чтобы память о них была еще жива. Эти «мертвецы» временно оживляются преступными элементами только для того, чтобы «укусить» жертву.

Весь криминальный пафос травматической ситуации в том, что преступник является как бы *единственным человеком, который продолжает отстаивать утраченные социальные ценности*. То есть он берет на себя роль идеальной социализированной личности, более того, он отождествляется с совестью жертвы. Вот здесь-то и происходит *инсталляция персонификатора* в качестве патологической основы состояния депрессивности пострадавшего и его психологической зависимости от вполне конкретного преступника, а не смутного и обобщенного «голоса», как раньше. Преступник *принимается пострадавшим в качестве материализованной совести* или ее «представителя», «прокурора», «судебного исполнителя» и т. п.

Стремление пострадавшего оправдаться, т. е. вернуть любовь, обращено к социуму, но это обращение удивительным образом наталкивается на одного и того же «социального курьера», посредника, перед которым жертва вынуждена все время извиняться. Беда пострадавшего в том, что для него

неважно, кто «глаголет истину». Он не контролирует процесс *временной персонификации* своей совести. Пусть это будет серенький, неудавшийся актер. Для аффективно расщепленной личности пострадавшего важно другое — истинность самих слов¹. Социализированной личности достаточно намека на оживление социальных ценностей самых дешевых «белил и румян», чтобы она «очертя голову» снова устремилась на приступ вершины человеческих личностных смыслов, с сожалением оставленных ей на пути адаптации «к суровой реальности». В этой сохранности человеческих личностных смыслов, очевидно, и состоит ее уязвимость для преступных элементов.

Впоследствии пострадавший может ненавидеть, отвергать своего персонификатора, так же как раньше отвергал голос своей совести, пытаться бороться с ним, вести бесконечные диалоги, мысленно разыгрывать сцены мести, рисовать «победные картины» упущенных возможностей избавления от травмы, но при этом продолжать сохранять с ним внутреннюю связь и зависимость. Отождествление преступника с социумом и совестью пострадавшего, процесс последующей инсталляции персонификатора были бы, конечно, невозможны при нормальном состоянии эмоциональной сферы жертвы. Страх, испуг, ужас — любой сильный отрицательный аффект способен разрушить сознательный контроль и совместить в едином *образе* персонификатора (или инфернала) совершенно несовместимые и разнородные сущности.

Чтобы совершить перемещение жертвы (в идеальной форме) в рамки взаимоотношений власти, преступник заботится лишь об адекватном подборе СП. Сильный аффект жертвы достигается как бы автоматически («по умолчанию»): чувство

¹ В том, что социализированная личность способна отвлекаться от реального образа того человека, который говорит нечто ценное и истинное, есть ее некоторое социально-созидательное преимущество. Социальный невротик, напротив, предпочитает слушать лишь тех, с кем ему «приятнее общаться».

безнаказанного унижения, любая осязаемая, не говоря уже о катастрофической, материальная потеря и т. д.

Совершенно другой характер переживаний мы видим в условиях *социоконфликтной* травмы. Раненый солдат теряет физические силы, но психологически совершенно не сломлен и не подавлен до тех пор, пока не сталкивается с массой социальных невротиков, которые не только не считают службу в Вооруженных силах своим общественным долгом, но и занимают агрессивную защитную позицию в форме абстрактного эгоцентрического пацифизма. Это позволяет фальстафам преодолеть собственное чувство вины и назидательно относиться к пострадавшим, будто перед ними не люди, движимые чувством *долга*, а неудачники, которые не проявили «должной осторожности», или же маленькие дети, которым было «просто интересно побегать и пострелять». Именно перемещение социализированной личности в подобную социопатическую среду и является основным источником ее психологической травмы.

Криминальные травмы неоднородны. И даже при условии одинакового материального ущерба они различаются по степени разрушения, причиненного личности. Например, аферы наносят более серьезный ущерб и личности пострадавшего, и общественным отношениям. Выше мы уже упоминали о том, что в таких случаях наносится дополнительный ущерб самооценке пострадавшего, поскольку происходит *насильственное возложение* на него *чувства вины*. Пострадавшему навязываются ощущения жертвы, преследование которой со стороны персонификатора имеет определенные «основания»¹.

Преступники, к примеру, просто изобразили лиц, потерявших кошельки посередине дороги, но вот когда выворачивали «для проверки» карманы послушной и наивной жертвы, то «случайно прихватили не свои». Аферисты разного типа всегда настоятельно требуют учесть их психологические манипуляции в качестве «смягчающего фактора».

¹ Конечно, на самом деле просто выбираются те, кто оказался в новых условиях слабее и беззащитнее других. Как правило, это старики, беспомощные дети; чуть реже — работоспособные лица в кризисном состоянии.

На этом моменте необходимо специально остановиться, т. к. его оборотной стороной является дополнительный и порой наиболее разрушительный ущерб личности пострадавшего. Понятно, что учет этого дополнительного психологического ущерба в Уголовном кодексе и суде, при определении степени виновности преступников, способствовал бы более быстрой и успешной реабилитации таких пострадавших. Аналогично тому, как раньше даже трезвые водители, виновные в ДТП, старались оправдаться тем, что они были основательно пьяны, сейчас подозреваемые в аферах «с пеной у рта» доказывают, что они *вовсе не крали деньги, а пострадавшие сами разрешили их «взять»*.

Понятие «обман» совершенно не раскрывает психологического ущерба пострадавшего от действий аферистов. В определенной степени оно является синонимом понятия «ложь», и уводит в чисто логические рассуждения об истинности высказываний: «Мысль изреченная есть ложь» и т. п. В глазах же общественного мнения аферисты предстают ловкими и высокоразвитыми в умственном отношении персонажами, имеющими к тому же «гениальные»¹ актерские задатки.

Вся эта криминальная мифология является оборотной стороной процесса снижения самооценки пострадавшего и создает дополнительные трудности в процессе консультирования. Пострадавшему гораздо легче простить слабого, несчастного, недостаточно умного, бесталанного. Ведь и криминал занимается «самодеятельной психотерапией». Преступники всегда готовы оправдать себя в глазах толерантного к ним общественного мнения тем, что пострадавший просто глуп («Пока живут на свете дураки...»), жаден или «нечестен». Последнее особенно умиляет. В то время как на самом деле великодушие к своему преследователю (искреннее прощение его слабости как условие успешного завершения консультирования) может быть основано только на осознании пострадавшим своего явного превосходства над ним, на устойчивой возможности спокойного противостояния пер-

¹ Таких же «гениальных», как Вронский в живописи (Толстой Л. Н., 1953).

сонификатору и полной уверенности в своей победе, в данном случае морально-психологической.

Как уже отмечалось, при прочих равных условиях, особенно возрастных, преступник выбирает в качестве жертвы личность, испытывающую трудности в интеграции, с трудом преодолевающую разрушительное давление внутренних конфликтов и оказывающуюся недостаточно устойчивой в преследовании личностно-смысловых целей, проявляющую склонность к колебаниям и импульсивным поступкам социально-невротического содержания. В социально-патологических условиях 90-х гг. такие разобщенные индивиды, сбивающиеся в полупанические толпы, составляли подавляющее большинство населения. В отличие от политизированных масс XIX и XX вв. (Лебон Г., 1998; Сигелле С., 1998; Тард Г., 1998; Московичи С., 1998), индивиды «номенклатурной революции», склеенные в единую массу «горе-акционеров», совершенно не чувствовали своей силы. Общие возможности сотен тысяч были равны возможностям одинокого индивида. Их энергия перетекала тонкой струйкой в рамках установленных государством правил для «акционеров» государственных и частных экономических пирамид. Они-то и служили «питательной средой» для бурного роста криминала.

Иными словами, *в социальных условиях, когда социализированные личности разобщены и временно парализованы индивидуалистической идеологией, их личностные смыслы становятся лишь потенциальными, а затем начинают подвергаться регрессии и распаду.* Социальный невротик нападает на социализированную личность в тот момент, когда ее *общественные мотивы настолько подавлены*, что уже не обеспечивают действенной сознательной активности, направленной на упрочение культурно-исторических ценностей. Для консультанта и пострадавшего важно осуществить правильную *оценку* травматического взаимодействия. Конечно, эта оценка неизбежно будет деструктивной и действовать во вред пострадавшему, если она осуществится лишь на пути выделе-

ния уязвимых или даже «негативных» сторон личности пострадавшего. Л. С. Выготский постоянно подчеркивал, что диагностика с опорой на негативные стороны личности бесперспективна и вредна (*Выготский Л. С., 1983*).

Но в то же время совершенно непонятно, как можно исключить оценку из содержания процесса консультирования (*Эллис А., 2002а*). Это отрицание особенно неприемлемо при *социально-консультативном анализе* наличной *социальной действительности*. Такая оценка *необходима для личностно-смысловой ориентировки и последующей самореализации пострадавшего*. Она тем самым является важной составляющей психологического здоровья (*Дубровина И. В., 1991; Психокоррекционная... 2002*), укреплению которого мы, собственно, и надеемся способствовать. Без обеспечения этого условия невозможно удовлетворительно осуществить постстрессовую реабилитацию. Разве можно назвать психологически здоровым индивида, который совершенно чужд процессу развития общества, его культурно-историческим и духовным ценностям; и тем более если он захвачен агрессивно-мстительными мотивами в отношении социума.

В условиях планомерного и тотального истребления в обществе социально значимых мотивов продуктивное консультирование пострадавших становится невозможным без *выработки критической оценки в отношении патологической социальной ситуации*, что и становится необходимой основой формирования *«социальной ситуации развития» пострадавшего*. Сама социальная реальность, конечно же, не может восприниматься в духе психоанализа, т. е. в качестве абсолютно враждебной инстанции, но в настоящее время она, несомненно, является крайне патологической. Это совершенно ненормально, если социализированная личность ежедневно буквально в каждом городском троллейбусе или автобусе может столкнуться с десятком хорошо организованных и сплоченных криминальных элементов. Никакая

это не «оборотная сторона демократии», а все та же «разруха в головах», о которой писал М. Булгаков.

Требования социального персонификатора, предписывающие социализированной личности необходимость исполнения социально-невротических функций, ослабляют и раскалывают ее. В этих трещинах начинают укореняться социально-невротические побуждения и тенденции, за которые и цепляются криминальные элементы, пытающиеся своей деструктивной активностью окончательно расколоть, навсегда разъединить противоречивое единство личности создателя и тем самым окончательно уничтожить ее.

Надо отдавать себе отчет в том, что данное травматическое взаимодействие не является взаимодействием личностей одного и того же уровня социального развития. Более того, в мозаичном социальном организме они, как правило, занимают далекие друг от друга социальные ниши. Во взаимодействии социализированной и невротической личностей происходит эффект, который по своим односторонним разрушительным воздействиям можно было бы сравнить с ударом молотка по процессору. Правда, если компьютер разбит молотком, то никому не придет в голову искать «слабых мест» в работе его программ с целью выявления причины поломки. К сожалению, травматическое взаимодействие предстает в процессе консультирования далеко не таким же прозрачным и очевидным.

Что принципиально нового в нашей оценке травматического разрушения общества и личности может прибавить использование вандалом не примитивных средств разрушения, а игровых манипулятивных методов эксплуатации пострадавшего? В отличие от каменных строений, живой организм и личность человека, конечно же, разрушить легче. Особенно в тот момент, когда «объект» преступного нападения еще не развился настолько, чтобы полноценно занять устойчивую социальную позицию.

Одним из важных мотивов травматического взаимодействия со стороны социального невротика (Нс) является подтверждение им смысла своего существования. Э. Берн¹ (1988) назвал это «экзистенциальным выигрышем». Но если Нс получает экзистенциальный выигрыш, то пострадавший необходимо терпит такой же значительный *экзистенциальный «проигрыш», который и является, на наш взгляд, ядром его травматических переживаний.*

Этот «выигрыш» не просто «эмоционально подогревает» и радует криминального индивида, укрепляя его агрессивные установки к враждебному ему гражданскому обществу и пока относительно дружественному государству. Одновременно он является тем самым орудием, *психологическим средством*, в данном случае намеренно грубым, своеобразным «колуном», который расщепляет и раскалывает личность пострадавшего. Без этого эффекта никакого ощущения психологического, социального или экзистенциального «выигрыша» персонификатор не в состоянии испытать и «полноценно пережить», т. е. с удовольствием «переварить» уникальные личностные новообразования жертвы.

Именно поэтому ему принципиально важно, что он не просто украл у зазевавшегося гражданина кошелек, а свободно «потрошил» его, получив полную власть над личностью пострадавшего, которую предусмотрительно раздавил с помощью групповой модификации одной из многовековых криминальных игр.

Он не мог бы этого сделать без помощи *безличного социального персонификатора*, в качестве которого в настоящее время выступает социопатически организованное государство, которое, с одной стороны, все более устраняется от функции реальной защиты личности, а с другой — последовательно создает благоприятные условия для эскалации групповой деструктивной деятельности.

¹ Э. Берн, несомненно, внес в современную социальную психологию более заметный и глубокий вклад, чем «канонические» авторы эффектных экспериментов, совершенно лишенных социального смысла.

Преступник всегда возлагает всю ответственность и эмоциональную тяжесть испытанных им патологических условий семейного воспитания, групповых влияний, перед которыми оказался бессилён, а также перенесённых им психологических травм на пострадавшего. Поэтому преступник всегда чувствует себя правым в своих действиях. Основанием такого извращённого восприятия служат не только детские обиды и комплексы. Главный секрет — в травматической усвоенности максимально поляризованных взаимоотношений власти. «Подстройка сверху» доходит у социального невротика до ощущения абсолютной, ничем не ограниченной свободы своих действий. Лишь таким невротическим способом он способен почувствовать себя «свободным» (фактически, от всех социальных связей).

Поэтому он не просто нападает на жертву. Ему необходимо «взять ее в заложники» и закупорить в своем примитивном мире, где он только и чувствует себя свободным¹. Происхождение этой его «камерной вселенной», конечно же, не оторвано от исторического развития человечества и скорее всего является некой субкультурной консервацией рабовладельческих отношений, которые в определенных макро-социальных условиях могут реанимироваться и разрастаться. В качестве примера можно привести взрыв рабовладельческих отношений в период колонизации Америки, а также современные невиданные масштабы эскалации сексуального рабства во всем мире и, особенно, в период социального распада и промышленного застоя («стабилизации») на территории бывшего Советского Союза.

Преступник эгоцентрически заботится о своих интересах на правах господина по отношению к рабу, который «просто обязан» быть послушным и угодливым. Все «моральные права» на совершение агрессивных и эгоцентрических действий он находит не в содержании социализированных понятий *истины и справедливости*, а исключительно в самой форме

¹ Подобно тому, как сова уносит добычу в свое гнездо и лишь затем, в полной безопасности, не спеша, разделяется с ней.

взаимоотношений власти, которую он единственно только и готов считать «законной» («в законе»). Эта форма исключает понимание любого социального и культурного содержания, которое сформировалось после отмирания рабовладельческих отношений как доминирующих. На самом деле эти исторически отжившие отношения никогда полностью не отмирали, сохраняя свою жизнеспособность в различных социальных сферах и нишах, в частности в массе крайне патриархальных семей, криминальных сообществах, сектах и других деструктивных группах. В условиях реальной общественной жизни примитивные взаимоотношения соседствуют с исторически более развитыми; подобно тому, как моллюски, каракатицы и прочие кишечно-полостные сосуществуют с представителями более высоких уровней «деревя жизни» и даже, более того, конкурируют и поглощают (питаются ими).

Агрессивный некрофил адаптировался к крайне поляризованным отношениям власти: раб и господин. Созидатель не может принять условий органиченного и обедненного существования в этих простых, но узких и крайне примитивных рамках. Он не может бросить любимый творческий труд ради абстрактного развития рыночных отношений или криминальных мотивов личного обогащения. Поэтому его личность испытывает постоянное и разрушительное напряжение. Доминирующий в настоящее время «социальный фон» ослабляет процессы интеграции личности созидателя перед лицом агрессивного некрофила. В этих социальных условиях, при столкновении социализированной личности с социальным невротиком, победу неизменно одерживает индивид с более примитивной, завершенной и потому достаточно интегрированной — внутренне и внешне — психикой.

Он беспрепятственно и бесконфликтно навязывает окружающим гармоничные для него примитивные взаимоотношения, которые поддерживаются социумом организационно и морально, через господствующую идеологию и ориентированную в том же направлении деятельность СМИ. Поэтому

он неизменно остается «преследователем», а социализированная личность — «жертвой». Дело здесь уже не столько в родительском сценарии (Берн Э., 1988), сколько в наличном состоянии социума и направлении его развития (в сторону общественного прогресса или регресса).

Ущерб самооценке пострадавшего при столкновении с социальным невротиком — это не просто некоторые количественные изменения на внутренней психологической шкале. Уже у обычного вора есть такое гадкое мимическое выражение, которое свидетельствует о полном неприятии другого человека как личности. Социализированный индивид совершенно к этому не готов. Многие аферы удаются преступникам именно потому, что *пострадавшие никак не могут поверить, что кто-то вообще может так относиться к другому человеку*. Это для них, привыкших в каждом человеке видеть «образ Божий», независимо от того, являются ли они верующими или самодостаточными атеистами, абсолютно непостижимо.

«Греховность», свою и других, они могут видеть и понимать, но вот такое ошеломляющее презентирование себя другим в качестве «господина», по праву властвующего над приниженными рабами, они понять (принять) не могут. Нет у них такой внутренней шкалы, как нет уже у человека хвоста, которым он мог бы «рулить» и, цепляясь за деревья, легко догонять напавших на него мартышек. Речь не идет об отсутствии уважения или элементарной вежливости, обычной агрессии или вычурной, демонстративной наглости. Все гораздо серьезнее. Пусть даже потерпевший еще не имеет какого-то очень высокого социального положения, а является просто школьником, у которого все в будущем. Но своими мечтами он уже выстроил целый Монблан социальной самореализации. И вдруг его личность спокойно и реально, в социуме, который он считает своим домом, активно стараясь найти свою позицию, необходимую другим, пропускают через мясорубку взаимоотношений власти!

Какой-то ничтожный человек по-хозяйски властно осматривает и, что самое болезненное для пострадавшего, совсем не воспринимает его как личность, которую на самом деле он просто не способен видеть. Социального невротика интересует лишь то, что можно отнять, чтобы чем-то на время заполнить свое пустое существование. Он украл или избил не потому, что голоден или защищал свое человеческое достоинство. Типичный вор просто изнывает от скуки. Чужие деньги ему нужны, чтобы проиграть или пропить, шикарно бросить на ветер. Это и есть те реально и упрямо существующие *контркультурные смыслы*, с которыми социализированная личность уже *вынуждена* соотноситься. Это важнейшая сторона травматических переживаний.

В качестве *травматически реально* утверждаемых результатов-правил криминальные смыслы обретают свою материализацию, становятся действительными, бытийными, а не идеологическими нормами социальной жизни и *реальными общественными условиями дальнейшего развития личности пострадавшего*. Они являются для социализированной личности такими же ненавистными ограничениями и препятствиями к специфически понимаемой свободе, как решетки на окне тюремной камеры для осужденного. Таковы по внутреннему содержанию все нормы криминального мира, запрещающие вкладывать ворованное в производство, что-то создавать и даже воспитывать своих детей. Все, что отнято у других, должно быть уничтожено, должно «пойти прахом», исчезнуть. Это и есть подлинное торжество геростратов и некрофилов над созидателями.

В травматической ситуации происходит *столкновение двух рядов ценностей*. И те из них, которые более примитивны, оказываются, как и все упрощенное, временно крепче и прочнее. Социальные невротики компульсивно стремятся как можно чаще перерезать дорогу «титаникам», которые как бы невзначай катастрофически сталкиваются с этими отморозками криминального контингента.

Пострадавший вынужден снова восстанавливать и собирать свои личностно значимые ценности воедино. В условиях общества, очарованного распадом созидательных смыслов¹, у него нет для этого внешней опоры. А если единство личности им ранее и вовсе не было достигнуто, если травма застала пострадавшего в период кризиса? Поскольку таких субъектов легче «застать врасплох», а последствия травматического разрушения личности делают из пострадавшего раба, не способного даже сопротивляться и возмущаться навязанной власти, то именно на них социальный невротик и сосредоточивает, неизменно и целенаправленно, свою деструктивную активность.

Пострадавший оказывается как бы насильственно выдернутым из привычного мира. Практически он чувствует себя в совершенно другом, реальном, но совершенно чуждом пространстве, не в человеческом обществе, а где-то «на нарах». Вокруг смеющиеся «паучьи морды», которые с таким талантом описаны А. Солженицыным. И какое-то время пострадавший не может психологически вырваться от них в свой — человеческий — мир. Хотя ему, может быть, даже стыдно за то, что он вынужден терпеть подобное примитивное общение.

Фантастическая картина переживаний пострадавшего иногда превосходит по своей красочности и образности психоаналитическую мифологию. Например, пострадавший Б. Х. не только в момент развязки травматического сценария, но и в течение довольно длительного периода своего депрессивного состояния навязчиво чувствовал себя мощным зверем, этаким буйволом (он родился под знаком Тельца), который, будучи ранен мартышками, в предсмертном ударе рогами о землю издает истошный рев, веселящий рискованных и удачливых охотников. Это и есть переживание социально-травматических взаимоотношений власти. Именно они составляют основную тяжесть травм рассматриваемого типа.

¹ Шоу распада.

Правда, восприятие персонификаторов в качестве мартышек — это уже момент начала выхода пострадавшего из депрессивного состояния с помощью консультанта, который воспринял мифологическое содержание субъективного образа травматической ситуации и постарался деформировать его таким образом, чтобы смеющиеся физиономии инферналов сменились мордами мартышек. Если уж пострадавший вынужден добровольно принять облик буйвола, то почему персонификаторы имеют право оставаться в человеческом облики. Консультативная цель здесь очевидна: кривляния мартышек не так болезненны для пострадавшего, как его представления о неумной радости преступников, которые, легко и быстро потратив похищенные деньги, впоследствии будут «с удовольствием вспоминать, как «ловко» они «обули лоха» и тем самым периодически черпать из депрессивного состояния пострадавшего уверенность в себе, радость и энергию.

В отличие от техники НЛП, здесь воздействию подвергались лишь отдельные элементы травматического образа. Другим важным шагом в реабилитации пострадавшего было осознание того момента, что источником «энергетической подпитки» преступников является именно его депрессивное состояние. Нет этого состояния — и преступникам нечем «подпитываться»: источник «иссяк». Но на этом моменте консультирования у пострадавших, как правило, внезапно возникает другой болезненный образ, который сменяет исходный. Так, в представлении Б. Х. он всю свою жизнь играет роль скота, которого откармливают и периодически забивают «на колбасы». Делают это спокойно, деловито, без обезьяньего смеха и ужимок, но со свойственным мясникам профессиональным юмором.

Образ персонификаторов и негативный «образ Я» в процессе консультирования имеют постоянную тенденцию смешаться и видоизменяться. Общим остается только закономерное принятие пострадавшим совершенно невыгодной ему роли «жертвы». Эта роль зафиксирована взаимоотноше-

ниями власти, сложившимися у пострадавшего с персонификаторами в результате травматического взаимодействия. Без выхода за рамки этих взаимоотношений пострадавший не способен освободиться от психологической власти персонификаторов и соответственно оборвать цепь мобильных депрессивных образов.

Пострадавшему длительный период не удастся избавиться от ощущения издевательского смеха персонификатора потому, что в качестве социализированной личности он еще не выработал устойчивой позиции в диалоге с персонификаторами. На самом деле он не должен идти на поводу у преступников, возлагающих на него вину за нарушение общественных правил. И то, что он разрешает им играть роль общественных судей, является первым и решающим шагом к рабству, к актуализации того самого «гипноза», который долго будет для него удивительной и непостижимой загадкой.

Мы учитываем, что в наиболее тяжелых психологических травмах криминального содержания пострадавший, как правило, предварительно провоцируется к демонстрации своих антиобщественных *намерений* или к проявлению *наведенного эгоцентризма* в мелодраматически ограниченной искусственной ситуации, с намеренно перегруженным для пострадавшего выбором, который в наглядной форме, но лишь символически затрагивает интересы частных лиц. Поэтому позиция выхода пострадавшего из круга взаимоотношений власти предполагает, на наш взгляд, активное преследование им и утверждение в реальных взаимоотношениях следующих необходимых моментов.

1. Любой ущерб другому есть ущерб обществу. И *без участия социума проблема индивидуальной компенсации другому решаться не может*¹. Иными словами, ни реально, ни в мыс-

¹ А если социум сможет обеспечить доверие пострадавших к представителям закона, то количество преступлений и криминальных психологических травм может реально снизиться до «отметки» доперестроечного уровня. Конечно же, «оборотни» не могут восприниматься потерпевшими в качестве полноценных представителей общественных интересов.

лях пострадавший не должен решать проблему своего возможного ущерба пострадавшему «с глаза на глаз».

2. Нельзя позволять случайным персонажам брать на себя функции «справедливых» санкций в отношении возможного ущерба, который пострадавший мог действительно нанести социуму, поскольку общество *вовсе не делегировало им таких прав*. Этот момент является принципиальным и полноценно содержательным, хотя и представляется большинству пострадавших лишь в качестве «процедурного».

3. Ущерб обществу состоит не только в деструкции норм и ценностей, но и в *психологической* — эмоциональной, а также психоэнергетической — *поддержке социальных невротиков*. Тем более если персонификаторы оказываются подростками, колеблющимися между социализацией и соционевротическим путем своего дальнейшего развития. Пострадавший даже своими спровоцированными импульсивными действиями, несомненно, укрепляет преступника в его позиции социального регресса. И поэтому он объективно должен *нести вину* за эти последствия не только перед обществом, но и перед своим персонификатором.

Представим, какое возмущение и обвинение в некомпетентности со стороны бывалых психотерапевтов может вызвать предложение возложить дополнительный «груз вины» на пострадавших. Тем не менее именно этот прием позволяет прочно расширить ориентировку пострадавшего, разорвать цепь подневольных взаимоотношений власти с персонификатором и вывести их на социальный уровень. Укрепление любых, в том числе и *обращенных* отрицательных, связей потерпевшего с социумом отдаляет его от персонификатора, обеспечивает такую социальную дистанцию, которая не вмещается в узкие рамки взаимоотношений власти.

Осознание пострадавшим социального ущерба для личности персонификатора порождает *совершенно* новое восприятие травматической ситуации, которое никак не совпадает, например, с описанной выше мифологической картиной

идентификации Б. Х. с раненым буйволом. Он не просто дал себя обмануть и потерпел серьезный материальный ущерб, а фактически не рассмотрел страха и колебания социальных невротиков, которые по его вине задержались на пути регресса ровно настолько, насколько им хватило его денег. Предполагать, что завтра они могут не остановиться и перед убийством, нет достаточных оснований, хотя и такой вариант не исключается. Но главное в том, что он обеспечил им возможность жить, не оставляя созидательного следа на земле, порождая потребительское и по сути некрофильское разрушение своей личности, коррозию общества и личностей окружающих. Он оказался «спонсором зла», поощрил процесс обесмысливания и бездумного прожигания жизни. И то, что «исполнители» имеют основание смеяться над своей жертвой, теперь вызывает у Б. Х. сочувствие к ним: он понимает, что бездумное веселье — это путь противоположный поиску радости и счастья. Искренняя человеческая радость как одна из высших культурно-исторических ценностей возможна только на пути созидания, сотрудничества, помощи и взаимопонимания с другими созидателями. А неуемное и нескончаемое стремление к веселью выдает или раба, тяготящегося принудительным трудом, или подростка на стадии моратория.

Психологическая уязвимость Б. Х. состояла в том, что он сам в последние годы практически отошел от творческой работы и лишь пытался «удержаться на плаву». Он сам мечтал об отдыхе как о возможности «все бросить и ни о чем не думать», хотя для него это было лишь временное состояние «отупения и деградации от вынужденно нетворческой работы, от задачи «простого зарабатывания денег». Незаметно для себя он перешел ту грань, которая отделяет «иметь» от «быть» (Фромм Э., 1990). Осознание того, что он лишил себя и семью желанного отдыха, что вместо него на Канарах две недели загорал преступник, конечно, не могло его не травмировать.

К сожалению, персонификатор был не в состоянии, в отличие от Б. Х., набравшись сил, переключиться на социально значимые дела. Б. Х. осознал, что все силы его персонификаторов пойдут на новые действия, разрушительные для социума. В этом-то и состоит конкретный травматический ущерб обществу, о котором действительно стоило пожалеть.

К числу разновидностей социального ущерба можно также, к примеру, отнести все случаи потенциальной травматизации, например толкающие жертву насилия на путь проституции. Этот вид психологической травмы имеет не только сексуальное, но и несомненное социогенное содержание. Рабский выбор пострадавшего формирует личность «господина», стремящегося властвовать, т. е. удовлетворять свои капризные и деструктивные потребности за счет эксплуатации послушных и угодливых рабов¹.

4. *Ущерб своей личности пострадавший никогда не должен понимать в качестве только индивидуального несчастья.* Это отрывает его от сообщества созидателей и ослабляет в процессе психологического противостояния персонификаторам. Конечно, в условиях современной разобщенности даже социализированные индивиды ожидают, что большинство законопослушных граждан будет радоваться тому, что они не те овцы, которых на этот раз выбрал волк. Но есть же и нормальные люди, не деградировавшие под напором массивного идеологического осуждения в отношении даже

¹ Кажется, что речь идет только об удовлетворении одной из человеческих потребностей. Но на самом деле сексуальное удовлетворение господина, «снявшего» проститутку, не может быть «нейтральным» для социума. К примеру, голодный человек в процессе удовлетворения своей витальной потребности оценит человеческое добро, талант пекаря и непременно станет добрее к окружающим. В то время как «использование проститутки» закономерно укрепит стремление невротика чувствовать себя господином и ощущение своего «права» повелевать ничтожными рабами. Повторим, что социальное зло проституции мы видим не в чрезмерной «свободе нравов» или «распушенности», а вот именно в этом процессе выращивания либерально развязных некрофилов и эгоцентриков на хорошо унавоженной почве презрения к личности, встречающей со стороны общества «идейное одобрение» и толерантность, а со стороны обезличенных жертв лишь рабское согласие со своей социальной приниженностью и незащищенностью.

малейшего намека на сотрудничество и сплоченность. Ведь не только процесс личностной индивидуализации, но и процесс групповой интеграции имеет свои положительные стороны для развития личности участников групповой деятельности (Донцов А. И., 1975; Петровский А. В., 1979).

Например, переживание неудачной косметической реакции в качестве исключительно индивидуального горя могло бы лишь вызвать у известной всем пострадавшей затяжное депрессивное состояние. Но совершенно правильная и психологически обоснованная социально активная позиция позволила ей предохранить свою личность от регрессии и распада: не «он» и «я» («не повезло бедняжке»), а «они» и «мы» («нарушаются наши права»).

Общим фоном и важным условием большинства подобных случаев является внутренне противоречивая и неустойчивая социально-психологическая позиция социализированного пострадавшего. С одной стороны, он не может принять сниженных ценностей и изменить ведущие смыслы своей жизни. Видеть в каждом человеке враждебно настроенную примитивную личность — это значит не только отвергнуть ценности понимания, дружбы и любви. Терпят ущерб и другие ценности: сострадания, элементарного уважения человека к человеку. Но с другой стороны, пострадавшему противостоит именно такой субъект, который никому не верит и отовсюду ждет нападения. Ему не надо учиться ответственно и практически различать добро и зло, его задача гораздо проще. В этой примитивной завершенности и *готовности к агрессивному нападению еще до ориентировки* в намерениях партнера и состоит его сила.

Недоразвитие отдельных сторон индивидуальной психики социального невротика оборачивается в рамках взаимоотношений власти определенным преимуществом. Как уже отмечалось, полная артистическая бездарность легко оборачивается вполне адекватным для преступных целей *средством*, которое позволяет социальному невротiku именно так *НЕубедительно* сыграть роль человека, который, к примеру, якобы «убит горем» от потери толстого кошелька, что у по-

тенциальной жертвы, наблюдающей его игру, если, конечно, это не крайний шизоид, крепкий в своих социализированных установках, практически почти не может возникнуть нормального чувства сострадания. При этом способность к эмпатическому сопереживанию у пострадавших, как правило, абсолютно сохранна. Она всегда естественно — практически «безотказно» — проявляется у них при бесконечном множестве других условий, и даже в крайне запутанных межличностных ситуациях, кроме конфликтных и криминальных травматических, которые являются тенденциозно деформированными моделями социальных ловушек.

Пострадавшие, как правило, не рефлексировывают особенностей криминальной провокации, поскольку явно видят перед собой действительно побледневшего от тревоги и волнения и даже «зашедшегося от страха» персонажа, явно не способного самостоятельно изобрести какие-то психологически тонкие средства. Поэтому они делают вывод о том, что сами «проявили слабость», «оступились», а преступник только «зацепился» за это. С другой стороны, уже впоследствии они не рефлексировывают фантастичности своих аффективных проекций и начинают преувеличивать психологические возможности социального невротика.

Провокация такого мифического образа в сочетании с демонстрацией тревожности и страха, которые в той же мере испытываются и жертвой, поддавшейся на эту провокацию, позволяет преступнику легко запутать и парализовать способность пострадавшего к ориентировке. Хотя на самом деле рядовой персонаж криминальных игр по своим умственным и волевым качествам, как правило, действительно не способен быть столь наблюдательным, так быстро ориентироваться и принимать решение. Для него просто разворачивается давно известный сценарий, к которому он заранее готов¹. Его всегда можно ошеломить неожиданным смехом или просто озвучиванием названия навязываемой игры.

¹ Для этого не требуется особого интеллекта, вполне достаточно некоего аналога «сенсорного уровня развития», как для паука, реагирующего на определенную частоту вибрации паутины.

Серое и бесцветное, совершенно неубедительное и очевидно формальное исполнение, тем более если оно сопровождается избитыми театральными штампами и жестами, неизменно провоцирует недоверие намеченной жертвы и к игре, и к игрокам, провоцирует неконформные реакции потенциальных пострадавших. Интуиция подсказывает жертве, что этой игре верить нельзя. Она только не знает, что вот это ее недоверие уже давно впечатано в сценарий игры, шлифованной веками не только стараниями пустых голов с наморщенными лбами, которые мельтешат перед ней, но и тысячами более крепких и цельных, хотя и совершенно непригодных для процесса созидания. «Такие были времена».

Весь облик персонификатора: его «сдавленно глуховатый» голос; властный и «стеклянно-проницательный» взгляд в сочетании с хорошо просвечивающей «лопушистостью» неудачника, которую «не надо играть», а, напротив, очень трудно скрыть; его ум, который представляет собой лишь механический слепок испытанных потерь и ошибок, необходимо порождает у потенциальной жертвы бессознательное чувство отчуждения и *пренебрежения*¹. Пострадавший не готов к явлению *обратимости* (А. В. Петровский) в криминальной среде недостатков, задержек в психическом, моральном и личностном развитии, т. е. *превращению их в адаптивные преимущества* и необходимые условия преступной деятельности. Межличностный персонификатор хорошо может заразить своим естественным страхом потерпевшего, поскольку сам полон им. Его умение почти безошибочно выбрать самую уязвимую жертву также основано на механизме проекции своего личного страха (Перлз Ф., 1995). А солидная сдержанность командного голоса персонификатора является не более чем смесью опыта армейской службы и ситуативных опасений. Он властно задает вопросы или что-то требует от жертвы и одновременно поглядывает в страхе по сторонам: вдруг кто-то из представителей органов внутренних дел

¹ Вот за это пренебрежение к «бомжистым» субъектам пострадавший в основном и заплатит впоследствии.

все-таки заинтересуется персонажем, который взялся играть роль «блюстителя порядка».

Криминальное «творчество», содержание которого состоит из обновления многовековых игр уголовного мира, является результатом своеобразного группового наглядно-действенного мышления. Это вовсе никакой не «практический интеллект», надстраивающийся над теоретическим. Просто существуют правила примитивной группы (Добрович А. Б., 1987), которые возлагают вину за обман кого-то из членов группы на него самого. Более того, потерпевший вдобавок еще и понижается в своем групповом статусе. Поэтому активисты подобных деструктивных групп всегда готовы воспользоваться случаем, чтобы нанести материальный или моральный ущерб своему «другану».

После ряда подобных агрессивных атак потерпевший, имеющий даже не средние, а явно пониженные умственные способности, легко понимает, в каких именно условиях он становится легко уязвим: отвлекся, засмотрелся на что-то эмоциональное, сконцентрировал свое внимание на грубые толчки или «наглое пролезание» кого-то без очереди — вот и поплатился. Эта модель легко переносится преступной группой на социальную реальность, к которой она длительно адаптируется, корректируется и «доводится» до статуса нового варианта одной из криминальных игр. Если, к примеру, пенсионеры, наученные опытом одного из потерпевших, перестают открывать двери «продавцам» и «попрошайкам», то вскоре к ним начинают стучаться деловые и властные персонажи под видом работников собесов, агентов тепло- и электроснабжения и т. п.

Можно и дальше обсуждать и спорить о деталях рассмотренных механизмов психологической травматизации, но без их продуктивного осознания оказывается совершенно невозможным восстановить положительную самооценку пострадавших, помочь им обрести уверенность в возможности преодоления травмы на пути социализации. И те объяснительные схемы поведения СП и МП, которые мы привели

выше, оказываются вполне практически адекватными для решения стоящих перед консультантом задач, являются элементами ООД, необходимой для целенаправленной работы психолога.

Выше мы говорили о деструктивной функции аффекта, способного не только разрушать сознательный контроль, но и склеивать «голос совести» пострадавшего с воспринимаемым им образом конкретной преступной личности, обеспечивая тем самым процесс инсталляции персонификатора. Свойство аффекта метить ситуацию дает преступной личности — в условиях взаимоотношений власти — и другое преимущество. Аффект ограничивает ориентировку пострадавшего той намеренно искаженной и ограниченной картиной травматического взаимодействия, в консервации которой заинтересован персонификатор. Ведь тот, кому удалось *заузить область ориентировки* другого, неизбежно начинает *управлять* своим партнером, независимо от своих сознательных установок и ценностей (Ломов Б. Ф., 1980; Красило А. И., 1986).

То, что персонификатор не понимает и не признает в качестве реальности многие психологические «тонкости», также обеспечивает ему преимущество в борьбе за психологическую власть, которая становится единственной ценностью в рамках навязанного травматического взаимодействия.

Дело в том, что социализированная личность в своем развитии все более полно понимает многие негативные психологические условия и обстоятельства, которые в определенной степени не только объясняют, но и оправдывают произвольную агрессивность окружающих. Социализированная личность хорошо рефлексировывает свой случайный вклад в деструктивное взаимодействие, результаты которого она не могла предвидеть. Это понимание возлагает на нее новый груз ответственности и обязательств перед окружающими.

Подростковая тенденция видеть причину своих негативных переживаний, внутренних конфликтов и бед в сознательных действиях враждебно настроенных окружающих характерна для затянувшегося периода задержки субъекта в

личностном развитии (или при полном подавлении соответствующей потребности). В то же время эта тенденция является достаточно «удобным» средством для возложения вины на окружающих. Отказ от развития позволяет социальному невротiku в условиях конфликтного взаимодействия осуществлять быструю ориентировку за счет замены социального и личностного содержания конфликтной ситуации своими эгоцентрическими интересами, т. е. путем упрощения задачи, и принимать однозначные практические решения, которые Нс имеет возможность немедленно начать приводить в действие.

Поскольку в условиях травматического взаимодействия у пострадавшего исчезает ощущение большинства личностно значимых мотивов, содержащихся в его развивающейся и потому необходимо незавершенной системе ценностей, в сознании остаются лишь временные амбивалентные мотивы, которые послужили уязвимыми основаниями для принудительного *втягивания в травматическое взаимодействие*. Вследствие этого он видит травматическую ситуацию тенденциозно искаженной под влиянием эгоцентрических интересов МП, принимая ее в то же время за «объективно данную», видимую «своими глазами». Этот момент также автоматически становится элементом психологической власти персонификатора.

В своих воспоминаниях пострадавший представляет себя стремящимся к власти, но проявившим, с одной стороны, измену общественным ценностям, вследствие чего общество его тоже отвергает и он временно остается один на один с персонификатором. С другой стороны, если рассматривать ситуацию с точки зрения власти как ценности, для обеих сторон взаимоотношений власти представляется вполне очевидным умственное превосходство персонификатора, даже при его реальном IQ, равном 60 %. Пострадавший, конечно, может быть одновременно внутренне не согласен с подобным выводом, но, во всяком случае, его озадачивает и тяготит собственная необъяснимая «глупость». Именно этот

момент является причиной резкого снижения его самооценки.

Целью реабилитации, как известно, является *полное или частичное восстановление личного и социального статуса* пострадавшего (Кабанов М. М., 1980). Эта глубочайшая формулировка социального содержания реабилитации выходит за рамки психиатрической проблематики, анализируемой М. М. Кабановым, и оказывается вполне адекватной целям и задачам консультирования.

Основными показателями положительного *личного* статуса в рамках социально-гуманистического консультирования являются:

- восстановление позитивной *личностной самооценки* пострадавшего;
- соответствие *уровня притязаний* пострадавшего в той ведущей деятельности, где проявляется его личностная активность, задачам ближайшей зоны его развития;
- способность «*выдерживать противоречие*» (Э. В. Ильенков) между *потребностью* «сбросить груз прошлого» и *необходимостью* предварительного «совладания» с задачами ряда нормативно-кризисных этапов и соответствующих стабильных периодов развития.

При этом основными показателями положительного социального статуса пострадавшего выступают:

- ориентация пострадавшего в реальном поведении на высший уровень культурно-исторических ценностей, независимо от степени их наличного социального распада;
- принятие пострадавшего ребенка или подростка «на равных» в детский коллектив (толерантность окружающих к противоречию между травматической ущербностью и позитивной самооценкой пострадавшего);
- обеспечение для пострадавшего возможности реального общения с членами его референтной группы на игровом, деловом и духовном уровнях.

Прежде всего, очевидно, необходимо привести аргументы, почему именно самооценка пострадавшего имеет для нас центральное значение. Во-первых, потому, что именно она в первую очередь страдает в результате переживания травматической ситуации. А во-вторых, потому, что самооценка — это нечто большее, чем то значение, которое придается ей в гениальных экспериментах школы К. Левина (*Зейгарник Б. В.*, 1982). В нашем понимании работы К. Левина являются в прямом смысле вершинами экспериментального исследования личности: на более глубокое изучение личности эксперимент как метод вообще не может претендовать. Но за экспериментальными барьерами, которые великий психолог любил наглядно изображать, мы не имеем возможности разглядеть ценностный уровень личности, истинные человеческие потребности, связанные с мотивами самореализации. В «экспериментальном масштабе» мы видим, как гениально заметил сам К. Левин, лишь квазипотребности. Точно также исследования фрустрации (*Зейгарник Б. В.*, 1981) являются, на наш взгляд, вершиной экспериментального исследования депрессивного состояния. Испытуемый отказывается от попыток «дотянуться» до заблокированной инструктивными установками цели и продолжает оставаться в замкнутом «квазипространстве». Взаимоотношения власти, сложившиеся у испытуемого с психологом, обеспечивают послушное исполнение инструкции фрустрированным индивидом.

Теперь проведем мысленный эксперимент: представим, что индивид — не в результате добровольного согласия с экспериментальными условиями, а в результате психологической травмы — не может «дотянуться» до духовных ценностей, составляющих весь смысл его жизни. Во что тогда превратятся его попытки и каков будет результат отказа от достижения желанной цели? Исходя из этих рассуждений, мы пришли к выводу, что задаче исследования реального содержания личностной самооценки, на наш взгляд, более адекватен сравнительно-клинический метод (*Эльконин Д. Б.*, 1989).

И действительно, самооценка — более сложное прижизненное новообразование, чем ее проявления в условиях экспериментальных исследований. В ней одновременно существуют, в качестве двух ее неразрывных сторон, результаты интериоризации, говоря словами Э. Фромма (1992), «материнского» и «отцовского» отношения к ребенку. «Материнская» позиция обеспечивает безусловное самопринятие индивидом себя как личности, а «отцовская» является мощным источником его стремления к самореализации, порождает желание достичь действительных, социально значимых результатов. Тем самым самооценка становится надежным показателем психологического здоровья личности и критерием эффективности консультирования; именно критерием, а не объектом, на который надо непосредственно воздействовать.

Мы должны учесть, что *уровень притязаний личности на право самореализации* в норме (!) не просто высокий. На самом деле он, с точки зрения обычного здравого смысла, вообще запредельный, поскольку выше просто ничего не может быть. Некрофильские геростратовские притязания никогда не смогут сравниться с эсхатологическими (Бердяев Н., 1995) вершинами личности. Деструктивные эгоцентрические импульсы, направленные на уничтожение последних возможностей для духовного и материального выживания человечества, и так зависимо от огромного числа негативных, почти неконтролируемых социальных и природных факторов, являются следствием объективации невыносимого, почти животного страха и ощущения бессилия, которые порождают защитное стремление к ценностям личного превосходства и господства (власти) над другими индивидами (Адлер А., 1997).

Для этого социальные невротики нуждаются в послушных рабах, недоразвитые потребности которых они стараются опустить еще ниже с помощью социальных манипуляций, т. е. на уровень рыночных «квазипотребностей». Эти по сути патологические защитные усилия направлены на поддержа-

ние распадающегося суррогата самооценки, если и «высокого», то *лишь сравнительно* с другими Нс.

В детстве они любят играть «в царя горы»; взрослея, так же увлеченно расталкивают окружающих локтями, делают подножки и сбрасывают зазевавшихся вниз, целеустремленно карабкаясь на бюрократические сопки, которые почти незаметны на фоне неприступных вершин созидательных задач, стоящих перед современным обществом, человечеством в целом. Ценности личной власти и превосходства, даже после катастрофических военных разрушений на Земле, остаются по сравнению с актуальными экологическими и экзистенциально-космическими проблемами такими же жалкими и незаметными холмиками, своим «господством» на которых социальные невротики тешились в детстве, возвышаясь над горсткой проигравших дворовых приятелей. Они всегда ищут не там, где потеряли. И все, что они могут, — это только разрушение жизни несчастных и послушных им рабов.

Высокая самооценка является нормой в том же смысле, в котором самореализующаяся личность является нормой по сравнению с невротиком. «Средних и низких» личностных смыслов вообще не может быть. И это даже не в том максималистском значении, в каком для наших витальных потребностей не может быть продуктов «не первой свежести». То, что социальные невротики называют смыслами своей жизни, суть вообще не смыслы. Это лишь их *неустойчивые и постоянно распадающиеся суррогаты, которые прямо зависят от степени послушания окружающих*. Эти суррогаты могут породить лишь рекламные «квазипотребности» и некрофильские операции «шоковой терапии».

Стремление к власти может стать источником предельно эгоцентрической активности, но никакого личностного смысла оно иметь не может. Отдельные действия, отдельные виды деятельности, движимые потребностью к власти, могут иметь лишь *объективированный* смысл (Бердяев Н., 1995), т. е. совершенно мертвый и безжизненный, который сразу же начинает распадаться и порождать некрофильское множество

эгоцентрических действий, губительных для окружающих и всего общества в целом. Иными словами, никаких действительно *личностных смыслов*, т. е. таких, которые *объединяют все стороны личности и обеспечивают ее внутреннюю целостность и способность к самореализации* — «синдром роста» вместо «синдрома распада» (Фромм Э., 1992), на основе ценности власти произрастать никоим образом не может. «Единство» разрушительных действий может существовать лишь в качестве формально-логического алгоритма, но никак не в форме динамической системы мотивов развивающегося субъекта. Конечно, можно упражняться в методологических софизмах вроде: «Все живое есть мертвое», а «Мертвое суть живое», но это не область наших интересов. Для нас важно подчеркнуть, что сами культурно-исторические ценности имеют глубокое внутреннее единство и неотделимы друг от друга. Без этого гармонического единства социальных ценностей для индивида было бы недоступно и ощущение единства своей личности.

Так, например, любовь и личное достоинство, честь не могут быть оторваны друг от друга. Если молодая девушка буквально «прилипает» к бандиту, который ее бьет, продает, проигрывает в карты, а она продолжает «безумно любить» убийцу и насильника, то это говорит только о том, что ценность любви усваивалась ей как автономная, в качестве доминирующей над другими, а не «дополняющей их через взаимопроникновение» (Додонов Б. И., 1981).

Личностная самооценка есть следствие и показатель усвоения единства ценностей, а не их разрозненного и неизбежно редуцированного конгломерата. Эта самооценка измеряется трудностью реальных социально значимых задач, ответственность за решение которых данная личность приняла на себя. И весьма существенным является то, что социальная ответственность в данном случае не средство достижения превосходства, а следствие *социальной ориентировки*: подросток не может смириться с разрушением и гибелью личностно значимых ценностей и в то же время не видит вокруг себя

силы, которая могла бы противодействовать этому процессу. Все, что ему остается в такой ситуации, — это взяться самому за то, что кажется другим несущественным, окончательно отжившим или до невозможности трудоемким делом. Альтернативный вариант этого экзистенциального выбора известен: потерять всякое уважение к себе, погибнуть, сломаться как личность. Поэтому такая взрослеющая личность вообще никогда не оценивает своих реальных возможностей. Это был бы путь сомнений и отказа от достижения поставленных целей. Очевидно, что в этих кризисных условиях ни о какой адекватности со стороны драматически формирующейся личности в отношении неразрешимых социальных проблем вообще не может быть и речи.

В экспериментальных исследованиях такие подростки подпадают под классификацию учащихся с завышенным уровнем притязаний, для которых характерно алогичное, аффективное поведение, изобилующее примитивными рационализациями: «Я бы решил задачу, но мне некогда!»; «Я не решил ни одной задачи, но зато выбирал самые трудные» и т. п. В этих высказываниях явно просвечивает склонность к демонстративному переживанию своего *личного превосходства*. Но «устойчивый аффект неадекватности имеет место именно у тех учащихся, у которых преобладание личного мотива является абсолютным, другие мотивы у них вообще в нашем эксперименте не проявлялись» (*Неймарк М. С.*, 1972. С. 143). В то время как социализированной личности свойственно скорее «стесняться» своего успеха. Она может вовсе не стремиться к лидерству, стараться быть внешне похожей на других. Посмотрите на общие студенческие фотографии будущих выдающихся ученых, инженеров, писателей, музыкантов. Как правило, они вовсе не в самом центре фотографии, а спокойно стоят где-то сбоку.

Самые трудные задачи экспериментального исследования подростков никак не соотносятся с личностной самооценкой социализированной личности. Экспериментальная самооценка может быть средней и высокой, адекватной и неадекватной. Сами подростки могут болезненно пережи-

вать свой экспериментальный неуспех, но их личностная самооценка остается при этом неизменной. Сломать ее может только психологическая травма, порождающая депрессивное состояние подростка.

В плане консультирования было бы совершенно непонятно, что значит «восстановить заниженную самооценку» или даже «среднюю». В отношении социализированной личности (Лс) она просто не бывает таковой. Для Лс существенна ее связь с высшими духовными ценностями, и потому ее самооценка всегда одна: она, даже теоретически, не может быть «выше» или «ниже». Незавершенная социализация действительно предполагает возможность ориентации на ценности не самого высокого культурно-исторического уровня, в частности ценности личной власти и тщеславного превосходства. Да, в настоящее время для маргинального индивида существует рыночный выбор (богатый «ассортимент») разрозненных социальных ценностей¹, но личность в процессе своей социализации непрерывно восходит именно к ценностям уровня духовного. Причем этот уровень она может предпочесть уже в дошкольном возрасте, хотя, конечно, до полного освоения его культурно-исторического богатства развивающейся личности предстоит еще долгий путь.

Самооценка является новообразованием подросткового возраста, когда ведущей деятельностью учащихся становится общественно полезная активность (Фельдштейн Д. И., 1995). Первые реальные шаги социализации, возможные для современных учащихся лишь в идеологической сфере, вовлекают их в процесс активного присвоения морально-ценностного и нормативного богатства человеческой культуры. Если подросток не усваивает смысл нарастающего количества социальных норм, то они автоматически воспринимаются

¹ Ну очень (!) «свободный» выбор» для личности, о которой с определенностью можно сказать, что она пока находится на подростковом этапе своего развития. Если такому индивиду за 40, он наверняка проявляет все признаки «ложного чувства взрослости»: пивную и табачную защиту от социальных и личностных проблем и прочие признаки либеральной свободы ребенка, которому теперь разрешено опуститься до уровня запретных прав взрослого.

лишь в качестве множества досадных ограничителей его «свободы», понимаемой без усвоения ее ценностного содержания как авторитарный произвол, или же становятся источниками прямых провокаций девиантного поведения. Эта связь процесса формирования самооценки с периодом активной идеологической социализации не может быть случайной. Именно через анализ содержания возрастного периода критического освоения подростками доступных им сфер и форм общественной деятельности можно в полной мере раскрыть подлинную сущность «личностной самооценки», в отличие от «самооценки в отдельных видах деятельности», которая была блестяще экспериментально исследована в отечественной психологии (Изучение мотивации... 1972).

Как уже отмечалось, в исследованиях М. С. Неймарк был сделан совершенно справедливый и глубокий социально-гуманистический вывод: завышенную самооценку снизить нельзя; при необходимости можно лишь помочь ребенку подтянуть его наличные возможности до ожидаемого им уровня. Другого пути нет: иначе можно сломать личность! Что как раз и происходит при психологической травматизации. Мы только хотим разделить понятия: *личностная самооценка и самооценка в определенном виде деятельности*. Первая имеет в норме устойчиво высокий ценностно-смысловой уровень притязаний, который в то же время парадоксально обеспечивает предельно высокую самооценку. В отношении второго типа самооценки как раз и существует классическая, экспериментально проверяемая *обратно пропорциональная зависимость между уровнем притязаний и самооценкой*.

Именно отсутствие устойчивой личностной самооценки заставляет социального невротика искать ее суррогат — власть над другими людьми. И эта власть осуществляется самыми несчастными из невротиков, т. е. садистами (Хорни К., 1995), на пути разрушения именно *личностной самооценки* других — у кого она вообще есть. Поэтому они так компульсивно стремятся нанести психологическую травму социализированной личности.

Ничем особенным, превосходящим по своим психологическим качествам личность вероятной жертвы преступник, как правило, не располагает. Откуда же такая власть над чужой личностью, которую потерпевшие иногда описывают как «гипноз», утверждая, что не отдавали себе отчета в происходящем, «очнулись, как ото сна»? Бессмысленно искать ответ на этот вопрос и в мифическом превосходстве личности преступника, и в иллюзорной неполноценности личности потерпевшего.

Каким образом образованные люди, инженеры, ученые, старшие офицеры, пополнив ряды обманутых вкладчиков, бросились тратить все свое свободное время и последние силы, чтобы ограбивший их персонаж получил статус депутатской неприкосновенности? Сущность социогенной травмы надо искать в анализе взаимоотношений власти, формирование которых санкционируется через социально-патологические процессы в обществе и государстве (СП).

Процесс создания преступных манипуляций в определенной степени аналогичен прямо противоположному ему по своей сущности процессу формирования инстинктивного поведения у животных. Ни отдельно взятая пчела, ни паук-крестовик, инстинктивные манипуляции которого мы с удивлением наблюдаем, в течение своей короткой жизни во все не «изобретают» хорошо адаптированный к среде обитания инстинктивный ансамбль удивительно целесообразных и последовательно выстроенных операций. Все это происходит стихийно, под влиянием биологических законов. Точно так же, но уже под влиянием социальных законов преступники, заключившие договоры о пожизненном обеспечении ветеранов, вовсе не организовывали производство «паленой» водки с целью скорейшего получения «освобождающейся» квартиры. Это были совсем другие предприниматели, со своими особыми целями. Роднило их только непризнание за реальность тех духовных ценностей, которые составляют смысл жизни социализированной личности («лоха»). И как-то так «само собой» получилось (в ходе развития рыночных отношений), что вторые «кинули» первых, будучи совершенно незнакомыми с ними, и «подло» скрылись.

У первых остался ящик паленой водки, который они пока не знали, куда девать, а тут приходит ветеран, которого они всегда отпускали с небольшими подарками в виде бутылки дешевого спиртного. Вот как-то так, «само-собой» все и «склеилось» в пространстве единственной рыночной ценности.

Издали все это может показаться хитроумным и коварным злодейским замыслом. И этот момент тоже присутствует в современной социальной жизни, но гораздо легче выявляется правоохранительными органами, поскольку в таком случае преступники неизбежно оставляют очевидные улики, например специальные красные пробки. А вот стихийно складывающиеся криминальные игры буквально сливаются с современным социально-экономическим фоном и непрерывно, как бы «естественно» ширятся и размножаются, благополучно процветая под шелест знамен либеральных рыночных экспериментов.

Можно легко убедиться, что на самом деле «гипноз» со стороны МП — это остаток некогда существовавшей, а в настоящее время распавшейся дисциплины производства, которая и придавала ему смысл. Он проявляется в безусловной готовности пострадавшего подчиняться любому человеку¹, обладающему уверенным родительским голосом. Такой голос отрабатывается каждым сержантом или просто старослужащим в армии. Иногда даже неважно, что именно он говорит жертве. Это может быть полный бред и несуразица, едва прикрытая иллюзорной правдоподобностью. Для индивида, уже принявшего «подстройку сверху», важно лишь то, что этот человек «знает», как решить его проблемы.

Нет, криминал вовсе не борется с этим атавизмом функционирования бесправного «винтика» в условиях авторитарного и бюрократизированного производства. Напротив, он поощряет и культивирует нормы рабского подчинения господину как самостоятельную ценность: «шестерки» тоже должны по вальяжным жестам и походке узнавать, «кто здесь хозяин»; в их интересах определить это задолго до того, как он начнет «гнуть пальцы».

¹ Как кролики удаву — в известном произведении Ф. Искандера.

Здесь, конечно, просто нет места разговорам о некой «врожденной внушаемости». В такой комической и глупейшей ситуации бывает почти каждый гражданин, когда сталкивается с государственным чиновником, который, собственно, и «тренирует» его обрекая на будущий неуспех при встрече с преступником. И не надо представлять себе его в какой-то inferнальной роли. Это просто современный предприимчивый кассир по предварительной продаже всегда только двух железнодорожных билетов в разных местах того же самого тринадцатого вагона, который собирались списать в металлолом двадцать лет назад; или «гаишник», устанавливающий «услугу»¹ предварительной записи, которая срабатывает как мощный коммерческий пресс под давлением взрыва «догадливости» в искусно созданной очереди. Это может быть и работник собес, и чиновник, оформляющий приватизацию квартир, и бухгалтер, который каким-то странным и совершенно непостижимым образом начисляет вам отпускные. Но без постоянного взаимодействия потенциальных жертв с СП никакого «гипноза» со стороны представителей преступного мира быть не может.

Мы уже не говорим о прямой «идеологической поддержке» практики криминального «воздаяния» по отношению к ненавистным и презираемым «совкам»². Всякому смердяко-

¹ По типу: «Купи кирпич!»

² Это совершенно новые для нашего общества условия социализации и развития личности. В конце 80-х, в отличие от конца 30-х, общественная психология в нашей стране уже характеризовалась очевидной приверженностью людей к ценностям взаимопомощи и справедливости, нарастающей чувствительностью к фактам унижения и принижения личного достоинства. Самой модной и популярной темой в психологических дискуссиях того времени была проблема диалога и обоснования необходимости субъект-субъектного подхода в общении. В то же время люди остро чувствовали, что «материальные условия их бытия» уже давно перестали соответствовать этим ценностям. Поэтому «революция сверху» и нашла ту массовую поддержку, против которой ни армия, ни КГБ, оказавшиеся на время в руках ГКЧП, ничего не смогли сделать.

Лучшей защитой от любого бандита была убеленная сединами голова. Рука беспомощного малыша, который только учится ходить, непременно спасала взрослого от нападения законченных отморожков. Сейчас сами дети подвергаются насилию и сексуальной эксплуатации, являются рядовым товаром, на который растет спрос.

ву нужен свой просвещенный брат, который умел бы посредством простейшей школьной логики не только придать описанию социального распада абсолютность и всеобщность, но и морально оправдать, «облагородить» любые его своекорыстные и мстительные действия.

Может показаться, что мы слишком далеко ушли от проблем собственно школьного консультирования. Но все дело в том, что криминал слишком близко подошел к школе. Наркотики знакомы уже младшим школьникам. Почти каждый день он слышит, как у кого-то из его знакомых опять сорвали с шеи сотовый телефон. Преступления в отношении родителей и других близких родственников, даже соседей и знакомых, — это тоже психологическая травма для ребенка. Стать свидетелем убийства еще одна глубочайшая травма для социализированной личности. Если педагоги заботятся о социальной адаптации детей, то нелишне провести психологический анализ: к социальной среде какого качества они собираются их адаптировать. Может быть, лучше позаботиться о формировании защитной позиции, позволяющей ребенку «избежать обнищания своей внутренней жизни» (Мей Р., 1997. С. 29), например, «конструктивной шизоидной позиции». А если он уже прямо или косвенно, через травму тех, кто является для него психологической опорой в жизни, оказался в состоянии депрессии, то необходимо не зауживать свою ориентировку, закрывая глаза на личностно значимые факторы реабилитации, а, напротив, стремиться всемерно изучать и учитывать их в своей консультативной деятельности.

Так, помимо уже рассмотренных, есть и другие факторы, которые обостряют и усиливают тяжесть травматических переживаний. Дополнительный ущерб личности наносится в том случае, когда травматическая ситуация складывается в школе, около дома или тем более в квартире потерпевшего, который в дальнейшем лишается возможности «хоть где-то» чувствовать себя в относительной безопасности. Дистресс и психическая напряженность в этом случае достигают запредельных величин.

Травма неизмеримо усиливается, если те, на чью защиту мог рассчитывать потерпевший, оказались бессильными, сломленными или униженными. Ребенок всегда с особой болью воспринимает унижение своих родителей. Безнаказанная расправа бандитов над милиционерами на глазах заложников в Буденновске была точно таким — катастрофическим для остальных потерпевших — травматическим фактором. Но именно последующие «дружеские переговоры» СП с преступниками, проникнутые явным чувством вины и униженности государственной власти перед бандитами, сделали катастрофическими страдания бывших заложников и привели большую часть всего общества в состояние безнадежности и массовой депрессии.

В целом современная социальная ситуация такова, что социогенную травму МП почти никогда не наносит без «содействия» СП. «Криминальная гниль» «селится» только на индивидах, пораженных СП. Большинство из них в социальной психологии принято называть маргинальными личностями (*П. Н. Шихирев*). Представители этих групп потенциальных жертв действительно являют собой идеальный «полуфабрикат», удобный для его психологического поглощения со стороны МП. Но чтобы сделать человека маргинальным, надо создать барьер в его личностном развитии. Для этого СП должен предварительно разрушить систему общественных ценностей и норм так, чтобы у личности, еще не имеющей автономной внутренней морали, не осталось никаких ориентиров для дальнейшего личностного роста. В этих целях достаточно несколько раз установить и тут же отменить набор социальных правил, которые к тому же противоречат всей остальной их системе. В условиях постоянных «колебаний» властных требований любая система норм и правил неизбежно разваливается, а личность дезориентированных индивидов, напротив, «приобретает устойчивые черты» маргинальности.

Приведем следующий пример. Н. Д. сначала в замешательстве наблюдает, как группа сторонников личного успеха оттеснила от прилавка длинную очередь за водкой. Попутно они успели ударить женщину, которая

не смогла сдержать своего возмущения, и свалили с ног пенсионера, вступившего было за нее. Затем они вынесли «приватизированные» ящики на улицу и тут же продали «дефицитный товар» втридорога. Это вышел такой либеральный Указ.

Затем, через пару месяцев, испытывая нарастающие материальные трудности, Н. Д. решается продать часть своих личных вещей. Он не чувствует себя коммерсантом, но, уступая настойчивым либеральным призывам и требованиям, решается попробовать себя на новом поприще. Но либеральный Указ именно в этот день как раз и был уже оперативно отменен. Н. Д. забирают в отделение милиции четверо автоматчиков, где, составляя протокол, назидательно обращаются к его гражданской совести. Его стыдят за попытку спекуляции в такое трудное для страны время, без соответствующей лицензии и уплаты налога.

Фактически, СП надо рассматривать в качестве активного участника травматической ситуации на стороне МП. Именно любви СП так упорно добивается пострадавший. Именно перед ним испытывает чувство вины и пытается оправдаться. С другой стороны, именно СП его и «винит», т. е. подавляет жертву. Без этого чувства вины пострадавшего перед обществом МП не смог бы так легко растоптать личность жертвы.

Дело в том, что одних криминальных правил недостаточно для того, чтобы МП мог установить психологическую власть над пострадавшим. Как уже отмечалось (*Добрович А. Б.*, 1987), нет таких групповых правил, которые могли бы осуждать члена примитивной группы в том, что он не отдал потерянный кошелек (или «на секунду оставленный»), украл его у «другана», ударил того ножом или изнасиловал. Все это поведение находит осуждение только с позиции гуманистических общественных ценностей. В криминальной группе, где ценности и правила общения прямо противоположны общественным, никто не осудит индивида за нарушение социальных норм. Поэтому МП *только играет на чувстве вины пострадавшего*. Он знает, почему тот испытывает вину, поскольку сам вынужден был покинуть этот мир культурно-исторических норм и ценностей, оказавшись не в состоянии понять их смысла, но испытав при этом мощное социальное давление, которое сдерживало и деформировало его примитивные — в силу их недостаточного развития — импульсы.

Дополнительным травматическим моментом для пострадавшего, несомненно, является сама возможность повторения подобной ситуации, которая неизбежно переходит из чисто логической возможности в действительную. Некоторые виды психической патологии проявляются в неспособности больного отличить логическую форму от действительной. Вероятность того, что машина может сбить прохожего на тротуаре, что его убьет падающая с крыши сосулька, не говоря уже о самолетах, поездах и автомобилях, всегда существует. Но в поведении здоровой личности подобные реальные, но маловероятные угрозы, особенно в условиях отсутствия разумных и реальных альтернатив поведения, не принимаются в расчет.

Травма разрушает сам интуитивный механизм предвидения опасности. Под воздействием образа персонификатора все *логические возможности становятся неотличимы от действительных*, как бы превращаются в них. Такие изменения в когнитивной сфере, сопровождаемые запредельным ощущением тревожности, не позволяют даже хорошо развитому мышлению пострадавшего обеспечивать адекватное планирование своих действий, которые становятся импульсивными и сопровождаются нарастанием числа практических ошибок и социально осуждаемых поступков, снижающих и без того надломленную самооценку пострадавшего.

Пострадавший не может оценить, какова вероятность того, что завтра он не встретит такого же персонификатора. Как известно, переживания по поводу возможной материальной потери иногда не менее угнетают личность, чем переживания по поводу уже состоявшейся утраты. В этом случае человек заранее ощущает себя совершенно *неимущим*, как бы потерявшим уже все, реально лишенным всех прав. Иногда он даже перестает видеть смысл своей социальной адаптации и социализации, смысл дальнейших усилий борьбы за выживание, открытой социальными преобразованиями последних двух десятилетий.

Более того, он чувствует, что уже не сможет в условиях новой реальной встречи сопротивляться чужой воле. Этому препятствует вовсе не «гипноз», а тот самый опасный результат травматического взаимодействия, о котором мы уже упоминали: персонификатор навязал взаимоотношения власти пострадавшему и выиграл «подстройку сверху», которая неизбежно *переносится* на все последующие ситуации. Психологический термин «перенос» получает, таким образом, новое и вполне реальное социально-психологическое содержание.

В отношении гипноза как метода, который общественное мнение неизменно мистифицирует и проецирует на гипнотизера, наделяя его способностью к непреодолимой воле, еще Ф. Энгельс (1969) высказал ряд идей, социально-психологическое содержание которых выходит за пределы физиологических и медицинских объяснений. Подчинение воли гипнотизера начинается с *добровольного подчинения индивида командам гипнотизера, предметный смысл которых совершенно отсутствует*; например, смотреть на блестящий шарик, разрешать кому-то водить руками около своего лица¹ и т. п. Если клиент не подчиняется этим командам, то даже опытный специалист ничего не может с ним сделать.

Именно этот первый шаг и первое взаимодействие создают необходимые условия для установления взаимоотношений власти, которые затем презентуются его сторонам в качестве основной психологической формы их дальнейшего общения. Две основные части деятельности (*Гальперин П. Я., 2002*) — ориентировочная и исполнительская — в этом случае отделяются друг от друга психологическим барьером, лишаются возможности единства и взаимоперехода. Ориентировочная часть закрепляется за персонификатором, а исполнительская — за пострадавшим. *Взаимоотношения власти и есть не что иное, как разделение и закрепление за отдельными участниками совместной деятельности, воспринима-*

¹ Точно так же, как он привык подчиняться авторитарным бюрократическим требованиям, неизменно противоречащим здравому смыслу.

емой ими в качестве простого взаимодействия, ее ориентировочной и исполнительской частей (Красило А. И., 1986).

Для того чтобы обеспечить себе такое первичное взаимодействие с намеченной жертвой, преступники, как правило, используют *двойной мотив*.

Обратимся к очередному примеру. Преступники звонят в квартиру и сообщают пенсионеру, что за дверью сотрудник собес, который озабочен тем, что ветераном до сих пор не получена начисленная ему к выплате какая-то мизерная сумма денег. Конечно, ради 100 рублей никто в наше время, оставшись в квартире один и учитывая свой преклонный возраст, незнакомому человеку дверь не откроет. Поэтому первый мотив подкрепляется вторым: подчинением чиновнику, якобы раздраженному тяжелым бременем служебной обязанности ходить и доставлять квитанции на перерасчет. Конечно, нигде сейчас нет таких организаций, которые «бегали» бы за нуждающимися. Напротив, надо добиваться, чтобы поставили на учет, принесли справки, два раза в год отсидеть в длинных очередях на «субсидию» и т. п.

Но поскольку почтовые ящики находятся в состоянии непрерывного взлома, то манипулятор имеет возможность крепким голосом возмущенно потребовать от жертвы лично принять из рук персонификатора очередную копию квитанции. Дверь приоткрывается, дальше уже «дело техники». Группе преступников важно, чтобы внимание жертвы все время было приковано к персонификатору, который дает краткие команды, послушно выполняемые пострадавшим не только потому, что они логичны — принести пенсионную книжку, паспорт, записать все в квитанцию и т. п. Жертва тяготится навязанным общением и стремится все сделать, чтобы выпроводить нежданного и назойливого гостя, внезапно затрагивающего все новые темы разговора, не давая ему иссякнуть; об обстановке в комнате, цветах на подоконнике и т. д. Это уже третий мотив, которым укрепляются два предыдущих.

Тревога самого персонификатора обеспечивает ему возможность легкого невротического «перескакивания» общения с одного предмета на другой, что легко *заражает неосознанной тревогой* пострадавшего, усиливает его состояние эмоциональной напряженности, не позволяет объединить разрозненные впечатления в единую логическую цепь до того самого момента, когда преступник встает и решительно уходит, полунасмешливо бросая на ходу, что обещанную сотню занесет в следующий раз.

Состояние временного замешательства в результате рассогласования с ожидаемым пострадавшим финалом, также дает преступникам дополнительное время, чтобы скрыться. Только после ухода преступников пострадавший начинает ориентироваться во всех обстоятельствах травматической ситуации (а на это, естественно, требуется определенное время). Ориентировка может сопровождаться догадками, озарениями, запоздалыми и потому особенно отчаянными поведенческими импульсами и т. п.,

слабая организованность, незавершенность и разрозненность которых являются дополнительной областью последующих травматических воспоминаний.

Нет сомнений, что по отдельности ни один из использованных мотивов не смог бы обеспечить запланированной манипуляции. В последующих травматических переживаниях пострадавшего их полный состав и взаимосвязь также могут длительное время не полностью осознаваться. Поэтому вместе с тяжестью материальных потерь пострадавший испытывает стыд и унижение. Преступникам выгодно считать, что «карась клюнул» именно на 100 р. Это дает им основание относиться к жертве презрительно и «шкерить» ее по полной программе. И общественное мнение, в том числе и в лице представителей органов правопорядка, в значительной степени и довольно часто оказывается на стороне преступников. Это также необходимое условие криминального успеха — привлечь на свою сторону социального персонификатора.

В отношении детей и подростков неизменной составляющей двойных мотивов является их доверие авторитету взрослых. Именно это отношение к родителям и учителям и поражается в первую очередь в результате пережитой ими травмы.

Талантливо исполненная веселая песенка из фильма «Буратино» ярко и наглядно отражает отношение самих представителей криминала к пострадавшим, сохранение которого крайне выгодно преступникам, поскольку обеспечивает снисходительное отношение к их аферам со стороны государства, общества и даже части самих потерпевших, втянутых в манипулятивные игры «легкой и средней тяжести» (Берн Э., 1988). То, что сделано «с веселым смехом», не вызывает адекватного гнева свидетелей жизненных драм. Поэтому даже убить человека некоторые преступники по привычке стараются как можно веселей, неизменно предусмотрительно снизив социальную значимость личности жертвы — «старуха-процентщица» и т. п. или специально позаботившись, чтобы унижить («опустить») ее так, чтобы она выглядела в глазах окружающих жалким и ничтожным существом, совершенно не заслуживающим сочувствия.

Дело в том, что сочувствие, основанное на эмпатическом сопереживании, психологически возможно только в отношении тех, кого представители социальной группы считают

до определенного предела относительно равными себе. В отношении негативно оцениваемых «париев» представители глобального и национального социумов защищаются, отторгая и изолируя их. И в результате пострадавший оказывается обречен на бессильные метания в замкнутых и ценностно обедненных межличностных взаимоотношениях власти, в полной зависимости от потешающегося над ним инфернала.

Так, например, Родион Раскольников оказался в социальной изоляции и тем самым в тесной мысленной связи с убитыми им жертвами, которые в создавшемся замкнутом психологическом пространстве заняли место персонификаторов. О мире криминала, его законах и понятиях герой романа, видимо, не догадывался или знал, но, как уже отмечалось выше, не принимал в качестве допустимой возможности свой переход в антисоциальную сферу.

Для самого Ф. М. Достоевского, видимо, оказалась совершенно неприемлемой дальнейшая перспектива полной социальной изоляции и подчинения произволу нечестных, своекорыстно властвующих в примитивных, относительно мелких, полукриминальных и неизбежно сектантски организованных «бесовских» группах.

Абсолютная социальная изоляция и отсутствие психологической поддержки — это главное социально-психологическое условие формирования взаимоотношений власти. Часто встречающееся осуждение и отвержение пострадавшего в результате социогенной травмы, как правило, вызывается тем, что пострадавший сам сделал первый шаг в сторону криминальных ценностей, разумеется, в ответ на провокацию персонификатора. Ответ же преступника в отношении жертвы всегда предрешен, запрограммирован и осуществляется по правилам и нормам криминальной группы. В ходе этого взаимодействия, как правило, и происходит совместный переход преступника и потерпевшего от социальных норм и ценностей на поле криминальных норм и понятий, в пространстве и реалиях которого пострадавший бывает совер-

шенно не ориентирован. Он необходимо импульсивно реагирует на невербальные сигналы: мимику, жесты и голос преступников — так, как будто находится в условиях хорошо понятной ему сферы социальных взаимоотношений. Аналогичные средства используют против него и флеганты.

Приведем такой пример. Для начала рассмотрим занимательный и парадоксальный бытовой случай, произошедший в начале перестройки. Преподаватель средних лет, но еще со времен своей молодости страдающий «профессорской рассеянностью», зашел в магазин самообслуживания с зонтиком и сумкой. Поставив зонтик и набирая товар, он вдруг услышал громкий возглас: «Зонтик!» С еще не осознанным внутренним испугом он обернулся на голос и с удивлением увидел лишь двух молодых женщин интеллигентного вида, которые спокойно и равнодушно смотрели в одну сторону. Проследив за их взглядом и ничего не найдя, он успокоился и продолжил процесс делового «отоваривания дефицитом». Пробившись через кассу и выскочив на улицу, он, крепко сжимая в двух руках сумки и пакеты, быстро зашагал по направлению к дому. Через полчаса он вернулся за забытым зонтиком. На следующий день на всякий случай написал объявление с номером своего телефона и обещанием вознаграждения.

Вряд ли эти две женщины были профессиональными преступниками, поскольку одна из них явно произвольно напомнила еще не идентифицированному ей хозяину зонтика, чтобы тот случайно не забыл свою вещь. Но другая, видимо, сразу же ее одернула и показала пример, как надо стоять «не подавая вида». Скорее всего ей двигало желание завладеть «забытым» зонтиком раньше, чем кто-то другой уверенно выдаст себя за его владельца.

Для флеганта вообще характерно превалирование опасений, что будет упущен счастливый случай: кто-то другой, а не он будет иметь «личный успех». Гораздо меньше его волнует возможность незаслуженно причинить вред другому. Иными словами, вероятность того, что хозяин зонтика будет травмирован, была для одной из женщин менее болезненным результатом, чем вероятность того, что кто-то другой выиграет больше, чем она. Ей выгодно было считать, что вещь уже давно забыта, хотя никаких объективных оснований для этого не было: хозяин еще стоял в двух шагах от ее «добычи». Понятно, что если бы не существовало таких флегантов, то забывчивые люди легко могли найти свои вещи там, где их оставили, вернувшись через час, день, неделю...

Внушающее влияние невербальных сигналов обеих женщин на пострадавшего было таково, что у него сформировалась патологическая установка: все вещи, о сохранности которых он должен беспокоиться, у него в руках. Это, конечно, мягко говоря, уже индивидуальные нетипические особенности потерпевшего. Даже когда коллега, с которым они вместе зашли в мага-

зин, озадаченно напомнил ему о том, что у него «было еще что-то», тот уверенно актуализировал недавно сформированную установку благополучия, проверенного испугом, и гордо доверился своему чувству «полного контроля» над ситуацией.

Видимо, «гипнотическое» влияние персонификаторов, переносимое из области подобных бытовых ситуаций в сферу сознательно планируемых действий социального невротика, опирается на этот самый психологический тандем — сочетание испуга и тревоги пострадавшего с невербальными сигналами спокойствия и разумности действий со стороны членов преступной группы. *Задача криминала — заразить жертву страхом, разрушающим ее деятельность и сознательный контроль, и одновременно дать сигналы безопасности погружения в ситуацию, вызывающую тревогу.* При этом дополнительно формируется иллюзорное чувство эмоциональной общности сторон, чьи интересы на самом деле абсолютно несовместимы, которое также играет свою роль в ходе криминальных манипуляций: «вместе не так страшно!». Дело в том, что все социально полезные формы деятельности основаны на сотрудничестве, даже современный бизнес¹. И социализированной личности требуется выработать в себе дополнительный, сознательный контроль над этой стойкой жизненной установкой. Но как раз обеспечить в условиях травматического стресса, специально создаваемого преступной группой, этот самый нейтрализующий контроль потерпевшим практически не удается. Пострадавших может замотивировать и задача сохранения своего спокойствия в стрессовой ситуации в сочетании с потребностью «общения на равных» с представителями криминала. Порой они буквально «сами ищут» случая, чтобы снова вступить в поединок с преступниками, т. е. в понятиях отстраненного общественного мнения упорно «не умнеют».

Мы не ставили перед собой задачу исчерпывающего психологического анализа сущности преступных действий. Нами была рассмотрена только та их часть, которая непосредственно направлена на нанесение ущерба личности потерпев-

¹ Конечно, только в странах со здоровой развивающейся экономикой.

ших — тесно связана с процессом формирования психологической травмы. Но даже беглое знакомство убеждает, что криминал — это, действительно, огромная антикультура, достаточно развитая, занимающая определенную нишу психосферы, которую не следует рассматривать упрощенно, хотя и не следует преувеличивать индивидуальные особенности преступной личности, наделяя ее чертами inferнальности.

Часть сторон личности, которые необходимо формируются в процессе ее социализации, у социального невротика действительно не развиваются. Но есть и такие, которые, напротив, у социализированной личности с трудом различимы, воспринимаются в качестве рудиментов, наподобие копчика в скелете человека, а у преступника развитыми настолько, что достигают максимальной определенности и выраженности. Они оказываются достаточно функциональными и затребованными, поскольку служат необходимой предпосылкой и незаменимым условием адаптации социального невротика в примитивной группе.

По отношению к некоторым представителям криминала можно сказать, перефразируя Э. Берна, что они являются настоящими «профессорами» власти. Они превосходят среднего индивида именно в тех ограниченных по объему, но комплексных и практически незаменимых «знаниях, умениях и навыках», от которых зависит исход борьбы за власть. Так, например, в медицинском аспекте их познания в анатомии и физиологии могут значительно уступать знаниям фельдшера, но они точно знают, где у человека почки, по которым надо, не раздумывая, нанести удар ногой, как ударить ножом так, чтобы он не попал в ребро и легко достиг сердца, и т. п.

Они превосходят среднего индивида и в некоторых психологических областях, гуманистическая проблематика которых порой еще недостаточно очерчена и не сформулирована в качестве предмета научного исследования. Они хорошо рефлексируют физиологические проявления страха, который сами часто переживают и с особой чувствительностью и даже

какой-то жадностью наблюдают его проявления у своих жертв. Причем используя соответствующее аргю, могут достаточно точно описать все свои переживания и намерения, дать логические обоснования своим действиям.

Например, разновозрастные мальчишки-подростки, видимо уже достаточно адаптированные к криминальной среде, запираются в подвале с двумя девочками и четко формулируют вслух, что собираются насиловать именно ту, которая не имеет опыта сексуального экспериментирования. Когда старшая подруга встает на ее защиту и предлагает им перенести агрессию на нее, они отвечают в том смысле, что, дескать, ее «все равно кто-нибудь изнасилует»¹.

Они прекрасно видят те психологические закономерности, которые описаны Э. Берном, но делают прямо противоположный общественному, хотя и вполне закономерный для криминального сознания эгоцентрический вывод, извращенная логика которого характерна для социального невротика². Для преступной личности вообще нетерпимо существование чего-то «ничейного». Она панически боится опоздать захватить что-то лежащее без присмотра — от

¹ Та же самая эгоцентрическая «логика» встречается даже у некоторых учителей, которых трудно убедить в том, что, покупая подснежники и ландыши, они расширяют социальный заказ браконьеров, способствуют истреблению исчезающих видов растений: «Все равно они уже сорваны! Все равно их кто-нибудь купит!» Конечно, это далеко еще не симптомы преступной личности, но, тем не менее, уже вполне отчетливое проявление социальной невротизации, так же как явно некрофильское проведение обиженных героев рассказа А. Гайдара «Голубая чашка». Соответствующее воспитание маленького героя впоследствии и дало, на наш взгляд, свои очевидные плоды.

² Только некоторым профанам и зевакам с явной задержкой в процессе социализации подобные выверты криминального сознания, однообразно ползущего только по «знакомой тропе», могут показаться оригинальными или «креативными». Как уже отмечалось выше, даже оригинальность мышления умственно отсталых детей порой оказывается гораздо выше криминального, поскольку они вполне способны к усвоению этических норм и проявляют свою типичную креативность через упрощение условий решаемых ими задач только за счет норм этикета и незначительных правил, в целесообразности которых не уверены окружающие их взрослые.

богатств национального заповедника до красоты девушек, драматически расцветающих в патологической семейной и социальной среде.

Типичная криминальная личность — не «средне статистическая», полученная путем усреднения психологического портрета проворовавшихся бухгалтеров, наемных убийц и торговцев, скрывающих свои доходы от налоговой инспекции, а та, которая способна занять высшее положение в криминальной группе, — отличается достаточной определенностью характера, которая всегда противоречит стремлению личности к дальнейшему развитию. Собственно, и личности-то никакой, фактически, нет. Ее заменяет характер как следствие жесткой иерархии мотивационной сферы, в которой неизменно доминирующим всегда является мотив власти. Ценностями личной власти эти люди не жертвуют ни при каких обстоятельствах. Как уже отмечалось, устроенный таким образом обычный психопат, всегда готовый ради «подстройки сверху» «поставить на кон» свою пустую и бессмысленную жизнь, которую он никогда и не пытался обогатить каким-либо созидательным содержанием, производит на «подельников» впечатление человека решительного и волевого, пренебрегающего любыми соблазнами ради лидерства в группе.

Если потерпевший и персонификатор оказываются представителями криминальных групп, то у первого есть шанс порвать со своей — уже не социальной, а групповой — изоляцией, отплатив своему обидчику тем же или, что случается чаще, расквитавшись с ним сторицей (мотив мести). В примитивной группе изоляция, как правило, является следствием обращения к общественным формам разрешения возникающих конфликтов вместо разрешения спора по криминальным «понятиям» или же в связи с нарушением других правил, необходимых для сохранения комфортной позиции индивида в группе и его продвижения вверх по иерархической лестнице власти (*Добрович А. Б., 1987*).

Отвержение, социальное и групповое, это не просто аналогия свободного ухода одинокого индивида от наскучившей ему шумной компании. Примитивная группа не даст такому человеку, склонному к стратегии отстранения (Хорни К., 1995), отсидеться на обочине жизни. Это не только полное лишение всех прав и полная потеря возможности социальной и групповой защиты. Отверженный индивид становится неизменным объектом агрессии, направленной на уничтожение любых прав и проявлений индивидуальных интересов личности. Все, на что он только может притязать, у него неизбежно отбирается с разной степенью демонстративности и садизма. Фантазия преследователей зависит только от потенциальных возможностей личности самого «козла отпущения». Поэтому «опущенные» стараются ни на что не притязать, даже на чистоту своего тела.

В отношении большинства пострадавших, которые, как правило, не принадлежат к криминальной среде, *в процессе травматического взаимодействия происходит своеобразный ритуал принятия в криминальную группу*, но, разумеется, только на ее самую низшую ступень в иерархии, т. е. на роль «козла отпущения». Отсюда и доброжелательность манипулятора, похожая на «улыбку» собаки, увидевшей котенка (Лоренц К., 1994). Никакой агрессии нет только потому, что котенок воспринимается собакой в качестве пищи. Но точно так же, наверное, нет никаких оснований приписывать манипулятору какой-то талант «артистичности». Карась он и есть карась. Как еще на него может смотреть рыбак? И только с точки зрения «каря» может показаться, что они вели дружескую беседу с незнакомкой, и потом «вдруг оказалось», что его хитро обманули.

Хитрость была, но никакой дружеской беседы нельзя обнаружить и под микроскопом. Радость преступника оттого, что ему открыли дверь, действительно была, так же как и созерцание обстановки, которой можно пожить. Радостное оживление преступника не следует путать с известным принципом Д. Карнеги — проявлять внимание ко всему,

что составляет жизнь даже незаметной и неяркой личности (Карнеги Д., 1989). На самом деле преступника греет радость от перспективы обладания всеми этими вещами. Основную социально-психологическую проблему преступности мы видим в том, что, с одной стороны, преступник и пострадавший находятся как бы в двух совершенно разных ценностных измерениях, а с другой — современная социальная ситуация такова, что социализированная личность ежедневно сталкивается и взаимодействует с преступной. То, что такое взаимодействие есть условие существования преступной личности, понятно, но вот то, что количество личностей этого типа превысило порог сохранения культурно-исторических ценностей, несомненно, свидетельствует о катастрофическом состоянии комплекса условий, необходимых для обеспечения процесса социализации и развития личности. С этой точки зрения способность обманутых снова и снова втягиваться в социогенные травмы можно также рассматривать как свидетельство их стремления занять в примитивной группе более высокую ступень, чем это было закреплено при травматическом ритуале «принятия» в криминальную среду. Пострадавший оставляет путь и ценности социализации и устремляется по скользкой иерархической лестнице взаимоотношений власти, опосредованных криминальными понятиями и правилами. Создается почти мифическая ситуация охоты инферналов за душами созидателей. Их главная моральная победа заключается в вербовке новых социальных невротиков для ада примитивного общения. Другой вопрос: «Является ли стремление к этому экзистенциальному выигрышу столь же сознательным, как и материальная сторона притязаний к потенциальной жертве?» — оставим пока открытым.

Все взаимоотношения достаточно консервативны, и в первую очередь взаимоотношения власти, где совершенно исключается не только взаимодействие партнеров «на равных», но и увеличение психологической *дистанции* (Столин В., 1983) между их позициями. Взаимоотношения влас-

ти — это не просто примитивное общение, где отношение к другому как к неодушевленному объекту (Добрович А. Б., 1987) — «полезному» или «вредному» — неизбежно завершается конфликтом. Кстати, конфликт — это не только результат, но и при определенных условиях единственно доступное партнерам средство для выравнивания крайне поляризованных позиций. Так, например, подростки конфликтуют с родителями, когда не видят для себя иного выхода, кроме тотального разрушения межличностных связей, исключающих возможность общения «на равных». Незавершенность серии взаимных подстроек сверху приводит к эскалации конфликта и увеличению социальной дистанции между партнерами, что, собственно, удовлетворяет подростка больше, чем мирная «подстройка снизу» на очень близкой межличностной дистанции.

Пострадавший и персонификатор психологически не могут равнодушно пройти мимо друг друга. Если бы они были в состоянии это сделать, то никакого консультирования пострадавшему просто не потребовалось, поскольку тогда он находился бы уже как раз на той ступени своего развития, когда наступает пора спокойно «сбросить груз прошлого» без ненависти и страха. Но взаимоотношения власти характеризуются тем, что пострадавший не имеет реальной возможности «подстроиться сверху» в ответ на аналогичные притязания персонификатора. На стороне последнего сам результат травматического взаимодействия. Отсюда и импульсивное стремление пострадавшего к новым взаимодействиям с преступными личностями. Они мечтают воспользоваться прямым конфликтом, чтобы хоть на секунду почувствовать себя свободными от травматического взаимодействия с персонификатором. И это наиболее вероятная из всех вышеобозначенных причина того, что пострадавшие почему-то никак не хотят учиться предвосхищать и избегать взаимодействия с преступными личностями.

Дело в том, что изменение позиций в уже сложившихся взаимоотношениях требует более значительных психологи-

ческих усилий и преимуществ, чем при первичном взаимодействии. Пострадавшего в этой схватке ослабляет уже то, что он постоянно мысленно видит своего персонификатора, который таким образом заполняет все его внимание. А тот забыл про него, занимается своими делами. Каждый раз в этих мысленных или реальных встречах персонификатор с удивлением, презрением и торжеством от *превосходства своей позиции* смотрит на пострадавшего и возлагает на него обязанность по обоснованию своих притязаний. Задача консультанта и общества в целом — ослабить эту позицию персонификатора, чтобы пострадавший получил шанс вырваться из угнетающих его психологических взаимоотношений власти.

Борьба за власть именно с персонификатором, действительным или мнимым, является мощным мотивом деятельности социальных невротиков. Ее содержание и переживания участников взаимоотношений власти с гениальной простотой отражены А. С. Пушкиным (1986). Его герой, Сильвио, рискует общественным мнением, ставит себя на грань общественного презрения только для того, чтобы «расквитаться» со старым обидчиком, мысленная борьба с которым составляла все содержание и смысл его жизни в течение многих лет.

Иногда может показаться, что ответ пострадавшего всегда должен быть однозначен и прост, к примеру: «Верни деньги!» Но в рамках взаимоотношений власти это требует столько же усилий, сколько необходимо новобранцу, чтобы спросить сержанта, почему именно он должен чистить общий туалет, а не кто-то из старослужащих, сержантов или офицеров. Когнитивная сторона диалога персонификатора и пострадавшего со стороны кажется совершенно бессмысленной. Социализированная личность, воспитанная на идеях социального равенства и демократии, вообще не может предвидеть ответы персонификатора, которые так же остроумны, неожиданны и ошеломляющи, как вне-

запные удары бандита по лицу прохожего, застигнутого им врасплох.

Можно привести примеры таких ответов: «А тебе положено (работать на меня)!», «А зачем они (деньги) тебе нужны!», что означает: «Кто имеет больший статус в примитивной группе, тому и положено иметь больше денег!»; «Без вас, «совков», мы жили бы, как в Америке» и т. п. Иными словами все аргументы, которые может воспринять персонификатор, сводятся, фактически, к одной идее: пострадавший как-то должен доказать, что он не «шестерка», а персонификатор вовсе не «бугор».

Только под воздействием социального давления, если оно оказалось на стороне пострадавшего, персонификатор может согласиться с тем, что вот этот «хлюпик», которому он «расквасил» нос и легко может сделать то же самое еще раз, равен ему по личному статусу, т. е. в рамках взаимоотношений власти имеет право на «пристройку сверху». Вместо агрессивной защиты персонификатор на следствии или в суде начинает испытывать временное чувство вины, которое необходимо потерпевшему, чтобы поменяться позициями с персонификатором в рамках тех нестерпимых для него взаимоотношений власти, которые сложились в травматических условиях.

Но это новое положение потерпевшего будет устойчивым только при соблюдении двух условий: 1) если персонификатор использует свое чувство вины для саморазвития; 2) если персонификатор и пострадавший смогут в своем развитии подняться на продуктивные уровни общения (*Добрович А. Б., 1987*), на которых исчезает крайняя поляризованность позиций оппонентов, появляется возможность их «подстройки рядом» и, самое главное, *возможность конвенционального дистанцирования*. Если эти условия в работе консультанта с пострадавшим и персонификатором не будут реализованы, то по выходе на свободу персонификатор может опять вернуться к ощущению, что, к примеру, право женщины, которую он изнасиловал, распоряжаться своим телом

принадлежит вовсе не ей, а («по праву» психологической власти) только ему¹.

Разумеется, его уверенность в том, что он имеет это право своевольно эксплуатировать другого, пренебрегая его личностью как досадным недоразумением, не имеющим реального смысла, опирается на криминальные нормы и ценности. Эти нормы служат своеобразным «протектором» того психологического содержания, которое мы выше назвали *инсталляцией персонификатора*. Подобная психологическая болезнь практически невозможна среди членов деструктивных групп, как, наверное, невозможно поражение одних микробов или вирусов другими².

Для того чтобы любая из известных инфекционных болезней человека развилась, нужны соответствующие и, как правило, гораздо более высокоорганизованные ткани, чем гистологическая примитивность самих болезнетворных микробов и тем более вирусов. Они используют организм человека для собственного выживания и распространения. Точно так же для «инсталляции персонификатора» преступнику необходима социализированная личность, но не здоровая психологически, а, так сказать, с подорванной иммунной системой.

Как уже отмечалось выше, персонификатор занимает позицию родителей пострадавшего в интериоризованных детско-родительских отношениях и разрушает любую психологическую защиту, поскольку «видит» все его замыслы. Он всегда оказывается на шаг впереди своего приниженного раба, легко и неумолимо торжествуя над его отчаянными и бессиль-

¹ За продажу тысяч самых красивых девушек в зарубежные притоны, где они обречены на насильственную сексуальную эксплуатацию, доходящую до степени сексуального истязания, отечественные дельцы получили по два года условно. К сожалению, законодатели все еще продолжают быть гораздо более озабоченными обеспечением прав сексуальных меньшинств, например, на заключение официальных браков.

² Возможно, я ошибаюсь, но никогда не слышал, чтобы какие-то бактерии или, к примеру, вирусы сами болели гриппом.

ными попытками освободиться. Этот деструктивный диалог может длиться месяцы и годы.

Мы постарались наиболее полно описать те необходимые социальные условия, которые неизбежно приводят к социогенной травме. Перечислим их в качестве необходимых ориентиров (опорных моментов) процесса консультирования.

Опорные моменты консультирования пострадавшего от социогенной травмы

1. Наличие у пострадавшего внутренних *социогенных конфликтов*:
  - выживание близких людей или личное творчество;
  - личностный рост или социальная невротизация.
2. Возможность обогащения страданий *социальным смыслом*.
3. Степень *маргинальности позиции пострадавшего* на почве полного развала системы культурно-исторических ценностей и обесценивания их гуманистического содержания.
4. Устойчивость пострадавшего в преследовании *лично-смысловых целей*, его склонность к колебаниям и импульсивным поступкам *социально-невротического содержания*.
5. Подавленность *общественных мотивов* как итог безлично-агрессивных действий социального персонификатора (СП).
6. Наличие *спаренного деструктивного блока (СП — МП) в системе травматических взаимоотношений пострадавшего*.
7. Столкновение *двух рядов несовместимых ценностей* — социализированных и деструктивно-эгоцентрических, имеющих разную степень внутренней интеграции и системной завершенности.
8. Столкновение *экзистенциальных интересов социализированной личности и эгоцентрических мотивов социального невротика*, приводящее к неизменному *экзистенциально-*

- му «проигрышу», который является ядром травматических переживаний пострадавшего.
9. Наличие необходимой для личностно-смысловой ориентировки и последующей самореализации пострадавшего *оценки* наличной социальной действительности.
  10. Интуитивное использование со стороны МП *свойства аффекта* — метить ситуацию в целях *ограничения и тенденциозного искажения области ориентировки* пострадавшего как решающего условия навязывания ему *взаимоотношений власти*.
  11. Возможность повторения подобной ситуации, которая для пострадавшего перешла из чисто *логической возможности* в *действительную* как дополнительный травматический момент.
  12. Социальная и групповая протекция *инсталляции персонификатора*.
  13. Групповая поддержка, *остракизм, изоляция или амбивалентность* отношения окружающих.
  14. Насильственное возложение *чувства вины* на пострадавшего со стороны СП.

Работа консультанта с социогенной травмой нацелена, прежде всего, на помощь пострадавшему в отстаивании индивидуального пути своего развития. Мы исходим из того, что все возможное множество индивидуальных путей развития личности лежит на пути социализации (Ильенков Э. В., 1991), заполняя его и ответвляясь в направлении актуальных, но не решенных в настоящее время социально значимых проблем. Эти проблемы — дерзкий вызов природы всему человечеству, угроза перспективе сохранения культурно-исторических ценностей и даже самому его выживанию. Направленность на решение этих проблем не допускает реальной возможности амбициозного выделения индивида из числа других создателей и его возвышения («подстройки сверху») над другими.

Условия коллективной работы над проблемой или практической задачей, еще не имеющей однозначного и прове-

ренного ответа, создает уникальную ситуацию, в которой вообще невозможна никакая подстройка сверху (Красило А. И., 1986). Нацеленность коллективных усилий на *нерешенную проблему* обеспечивает мощный рост деловой мотивации именно через ощущение равноправной возможности конструктивной самореализации каждого. Мы можем видеть, как, например, естественно и достойно идут по жизни наши соотечественники, недавно получившие Нобелевскую премию за открытия, совершенные несколько десятилетий назад. Окружающих покоряет, — но не унижает, а возвышает (!) — их неизменное остроумие в сочетании с дерзостью и талантом подлинного исследователя, неограниченность и высота их притязаний, которые осеняют избранную ими область служения науке.

Человеческое обаяние таких людей есть следствие многолетней привычки добротнo и творчески делать свое дело в сочетании с мудростью зрелой социализированной натуры. Им совершенно несвойственны проявления того позерства, которое отличает мелких честолюбцев, чьи амбициозные проекты служат лишь средством их собственного выдвижения на более высокие уровни власти. Это совершенно другой путь развития личности, который абсолютно исключает формирование какого-либо стремления к личной власти, поскольку в творческих усилиях такой личности всегда присутствует «чувство общности» (Адлер А., 1993) с другими людьми, со всем человечеством. Это и есть то самое направление развития, которое Э. Фромм (1992) обозначил как «синдром роста», в отличие от противоположного ему «синдрома распада».

Высказанные выше позиции имеют ряд следствий. Их содержание и смысл, например, совершенно исключают любую возможность врожденной преступности индивида, который, при определенных негативных социально-психологических условиях, действительно может ступить на путь разрушения общества и собственной личности («путь распада»). Этот путь формирования социального невротика поначалу более легок для индивида, поскольку совершенно

не требует от него наличия творческих способностей, не предполагает каких-то особых усилий по развитию собственной личности и овладению богатством духовных культурно-исторических ценностей.

Социальный невротик почти не стремится создать что-то новое не только во внешнем, но и в своем внутреннем мире, отстраненно наблюдая за его потоком. Его психика не имеет автономного психологического содержания¹. Он весь во внешнем. Но это не просто «экстраверт», который деятельно и творчески осваивает действительность или ищет поддержки у окружающих, взвалив на себя груз непосильных проблем. Его внутренний мир непрочен и постоянно распадается в силу того обстоятельства, что он систематически разрушает все свои сущностные связи с обществом. Он может с интересом наблюдать этот процесс собственной личностной стагнации и даже находить в нем материал для последующих «интерактивных произведений», которые он, при случае, с явным анальным удовольствием опорожняет на посетителей выставок, пришедших из мира распадающейся социальной действительности в надежде глотнуть свежий воздух живых человеческих чувств и окрыляющей творческой мысли.

Чтобы ощущать себя реально существующим, социальный невротик непреодолимо устремляется в социум, но лишь для того, чтобы этот социум разрушать. И он чувствует себя реально живущим на земле только в момент уничтожения чего-то социально значимого. Перефразируя Р. Декарта, он мог бы сказать: «Я разрушаю, следовательно, существую!» Это может быть очередная биеннальная инсталляция, направленная на уничтожение культуры и искусства, или криминальное нападение на личность создателя.

Особенности личности социального невротика накладывают отпечаток и на содержание психологической травмы. Хотя ее сущность, как уже отмечалось, составляют особен-

¹ Сталкиваясь с подобными субъектами, некоторые снобистски настроенные консультанты изобрели специальный термин профессионального арго «клиент, не имеющий психики».

ности *травматических взаимоотношений*, в состав которых входят взаимоотношения с двумя типами персонификаторов: социальным (СП) и межличностным (МП). Психологическая травма не может быть ничем иным, кроме результата катастрофического столкновения *социализированной личности* и *социального невротика* (МП), в результате чего и формируются взаимоотношения власти. Поэтому, как уже отмечалось, главной задачей консультанта является содействие освобождению пострадавшего от блокирующих его личностное развитие взаимоотношений власти.

Столкновение двух социализированных личностей не может с необходимостью стать источником формирования взаимоотношений власти. Для этого надо, чтобы персонификатор использовал любую возможность зависимости или уязвимости пострадавшего в целях навязывания своей эгоцентрической воли. Но социализированная личность способна использовать зависимость другого человека от нее лишь в целях взаимного достижения гуманистических смыслообразующих ценностей. Она пренебрегает возможностью использовать свою превосходящую силу, будь то собственная подавляющая финансовая состоятельность или, к примеру, временная слабость, уязвимость или ошибка партнера, для упрочения своей «подстройки сверху».

Отталкиваясь, таким образом, от осознаваемых партнером возможностей установления взаимоотношений власти, глубоко социализированный индивид тем самым реально актуализирует высшие культурно-исторические ценности человеческого понимания и любви. *Травматические последствия* столкновения двух социализированных личностей иногда могут *оставаться* только в форме специфической проблемы их взаимоотношений с социальным персонификатором. Сюда можно отнести, к примеру, недостаточно понимающее отношение СП к проблемам несовершеннолетнего инвалида, получившего в детстве травму по вине явно любящих его родителей.

Как уже отмечалось, столкновение социального невротика с другим социальным невротиком или социализированной личностью также может стать источником психологической травмы для самого социального невротика («феномен Р. Раскольников»). Но сама травма, в отличие от вреда, нанесенного другому человеку, иногда непоправимого, в данном случае воспринимается консультантом уже в качестве определенной ценности на пути личностного роста человека, *пострадавшего от своих же действий*.

Чувство вины, возникающее у него, в отличие от тех же переживаний социализированной личности, не может рассматриваться исключительно в качестве негативного момента, требующего немедленного преодоления. Напротив, оно позитивно оценивается консультантом и самим пострадавшим в качестве некоего признака социального выздоровления, свидетельствующего о серьезности внутренней перестройки индивида и его решимости оставить путь личностного распада, взять на себя ответственность за развитие собственной личности, за трудный путь продвижения по пути социализации. Конечно, чувство вины — это еще не реальные и устойчивые намерения. Оно достаточно часто возникает уже в следственном изоляторе и не является редкостью в условиях пенитенциарной системы, но, к сожалению, также быстро, за редкими исключениями, гаснет «на воле». Это вовсе не значит, что консультант имеет право принижать или обесценивать значимость указанного чувства в процессе реального и последовательного возрождения личности.

Пострадавший должен найти в себе силы продолжить путь социализации. Иначе травматическое взаимодействие всегда будет осуществляться под влиянием норм и ценностей криминальной группы, т. е. на поле, удобном для персонификатора. Чувство вины может подвинуть персонификатора также оставить криминальное поле. В этом случае, как уже отмечалось, процесс консультирования будет протекать гораздо быстрее и эффективней. Идеальный вариант консультирования — становление персонификатора на путь соци-

ализации. Этот процесс может быть как реальным, так и лишь мыслимым. Но мыслимый вариант является в то же время деятельным, что проявляется в реальных усилиях пострадавшего к созданию таких социальных условий, в которых путь социализации становится привлекательным даже для самых запущенных социальных невротиков.

Фактически, это путь *профилактики* повторения с другими таких же травматических ситуаций, которые испытаны пострадавшим. И даже если пострадавший просто рассказал о случившемся в целях получения им двусмысленной, но подчас крайне необходимой психологической поддержки, — то он тем самым создал условия, в которых, к примеру, тем же криминальным элементам труднее преследовать уже намеченные ими жертвы. Пострадавший не уменьшил, а даже, что вполне вероятно, увеличил относительную величину своих аффективных переживаний, но он действительно уменьшил возможность ущерба ближайшему сообществу со стороны криминала. И если кто-то впоследствии воспользовался этой возможностью, то он уже будет оказывать пострадавшему более искреннюю поддержку, понимая в душе, что этот человек «заплатил» в свое время и за его безопасность. Если реального «поворота персонификатора» на путь социализации не удалось осуществить, то для психологического освобождения пострадавшего важно позаботиться о блокировании деструктивных притязаний социального невротика в отношении других людей.

В то же время социализированной личности вполне доступны и агрессивные методы воздействия на персонификатора, правда, при условии, что эта агрессия должна стать более развитой формой человеческого общения, чем примитивная недифференцированная активность, движимая мотивом мести. Дело в том, что пострадавший не только заинтересован, но и просто обязан пресечь некрофильские действия персонификатора, направленные на разрушение социальных норм и ценностей. Если же он сам их ломает в погоне за персонификатором, то неизбежно оказывается в

социальной ловушке. Изолированный и плохо ориентированный в условиях криминальной среды человек неизбежно терпит психологическое поражение.

Только на пути созидания пострадавший оказывается бесконечно свободен и обретает возможность «сбросить груз прошлого», т. е. избавиться от подавляющего влияния всех своих ранее невыносимо тягостных и мучительных воспоминаний без необходимости их забывания и тем более вытеснения. Но он не может освободиться от гнетущего давления взаимоотношений власти, не создавая условий для освобождения всех остальных людей, в том числе и своего персонификатора.

Пострадавшему бессмысленно искать свободу там, где зрителями его поединка с персонификатором являются члены примитивной группы или недоразвитые личности с тенденцией к социальной невротизации. Он ничего не может им объяснить, а те — понять. Ему нужна новая Соня Мармеладова, которая, ни секунды не раздумывая, ужаснется и скажет: «Что же вы с собой сделали!» Она понимает, что, к примеру, социально осуждаемые недостатки пострадавшего, за которые его «зацепил» и не отпускает персонификатор, являются продолжением его достоинств. Ни при каких наличных обстоятельствах созидатель пока не может отделить их от своей личности, поскольку вместе с ними исчезают и те самые ценности, без которых его жизнь теряет смысл.

Задача консультанта — помочь пострадавшему исключить возможность подобной, умерщвляющей его личность, ретрофлексии (Перлз Ф., 1995). Надо помочь понять пострадавшему, почему он так держится за осуждаемые и в общем-то незавидные стороны своей личности. Другая не менее важная задача — способствовать такому развитию позитивных сторон личности пострадавшего, чтобы их продолжение не могло более служить основанием его зависимости от персонификатора. Третья задача — помочь осознать пострадавшему действительную социальную ценность тех его качеств, которые не совместимы с социально-невротическими и именно поэтому так яростно преследуются, ис-

пользуются и уничтожаются членами криминальных групп. Вместо снижения самооценки он должен почувствовать свою личностную ценность. Избирательный выбор направлен на пострадавшего именно потому, что он непроизвольно проявляет себя в качестве приверженца уникальных социальных ценностей. Иначе просто невозможны были бы прямо противоположные прочтения эмоционально выразительных реакций, которые являются при полной реальной актерской бесталанности большинства преступников необходимыми условиями почти всех их афер.

Конечно, собственно уязвимость пострадавшего, его психологическая слабость перед лицом преступника в основном связана с тем, что он временно покинул свой путь социализации и личностного развития. На него нападают с той же силой, с какой он сам начал разрушать свою личность. Конечно, без участия СП пострадавшего было бы совершенно невозможно заразить страхом и тревожностью, а преступнику было бы совершенно невозможно психологически точно угадывать поступки жертвы, не испытывая те же самые разрушительные эмоциональные состояния.

Самооценка социального невротика бурно растет, а пострадавшего столь же стремительно падает. Но персонификатора не следует мистифицировать, воспринимая его в inferнальном образе, особенно если он сам к этому стремится. Неоспоримое подтверждение истинности своей победы над персонификатором пострадавший должен научиться видеть в преодолении собственной маргинальности и возвращении на путь дальнейшей социализации.

Образы персонификаторов конкретны, но у них есть общие функциональные черты, проистекающие из сущности процесса социальной невротизации. Так, чувство *несправедливости*, которое неизбежно испытывает пострадавший, в определенной степени отражает стремление персонификатора обесценить само понятие справедливости. Это его *экзистенциальный выигрыш*, по Э. Берну. *О свободе* персонификатор вообще не имеет никакого понятия. Для него это процесс

хаотичного разрушения социальных норм и ценностей, на которые случайно наталкивается его примитивная импульсивность.

Осознание всех сторон взаимодействия пострадавшего с МП и СП осуществляется в ходе свободной беседы, которая для пострадавшего носит выраженный проблемный характер. В числе вопросов и проблем, формулируемых консультантом, обязательно должны присутствовать и такие, на которые и у психолога не может быть заготовленного ответа. Консультант непременно настраивает себя в диалоге с пострадавшим даже на открытие новых для него психологических знаний. Это важный критерий успешности протекания социально-гуманистического консультирования.

В заключение приведем достаточно наглядный пример травматического взаимодействия пострадавшего с флегантом. Вначале происходит заурядный конфликт, в котором по оценке официальных представителей государственной власти объективно виновным признан будущий пострадавший. Но ситуация взаимодействия развивается таким образом, что флегант не только компенсирует ущерб, но и наносит психологическую травму партнеру, стремящемуся к справедливому решению конфликта. И дело здесь вовсе не в финансовой потере и даже не в фантастической несоразмерности потерь пострадавшего первоначальному ущербу флеганта. Пострадавшему навязаны особые взаимоотношения, в которых он психологически не может сопротивляться инсталлированному образу флеганта.

Возник внутренний конфликт: пострадавший чувствует эту несправедливость и навязанность решения конфликта, но не может найти основание, чтобы обвинить флеганта хоть в чем-то. На поверхности все выглядит так, как будто флегант защищал свои здоровые интересы. Если пострадавший не находит оснований для конкретных обвинений и выработки устойчивого отношения к персонификатору, то он неизбежно продолжает ощущать себя в его полной зависимости и психологической власти. Обобщенные осуждающие

эпитеты ничего не дают пострадавшему, который в современных социальных условиях неизбежно будет видеть в ответ на них лишь снисходительную улыбку персонификатора, обращенную к пострадавшему как к человеку примитивному и умственно отсталому.

На самом деле важна даже не столько возможность обвинения, сколько возможность устойчивого отношения к персонификатору, выработанная на основе социально-гуманистического анализа травматической ситуации. Без обеспечения этого условия у пострадавшего нет никаких перспектив даже простить флеганта, потому что прощать надо за что-то конкретное.

Итак, обратимся к примеру. (Флегант № 2.) В ходе консультирования подростка выяснилось временное неблагополучие в семье. Отец старшекласницы находился в депрессивном состоянии, которое продолжалось уже более четырех месяцев. При этом его социальная адаптация на работе внешне никак не нарушилась. Заметной была только потеря психологического контакта в семье. Он стал менее чувствительным к проблемам окружающих, которые не только болезненно ощущали утрату привычной психологической поддержки с его стороны, но также испытывали тревогу по поводу внезапного обесценивания им смысла всей прожитой жизни и пессимистического отношения к перспективам будущего. По словам дочери и жены, он внезапно потерял свою обычную жизнерадостность, крайне высокую общую оценку своей личности и уверенность в себе.

При встрече консультанта с Л. П. (48 лет, имеет высшее образование) выяснилось, что, помимо явно выраженного возрастного кризиса, основная проблема заключалась в травматическом взаимодействии Л. П. с флегантом. Около пяти месяцев назад семья решила перед намеченным отпуском совершить экскурсию в Санкт-Петербург. На выезде из Петергофа они столкнулись с внезапно затормозившей машиной. Флегант, вышедший из слегка поврежденной модели «пежо», давно забытой в Европе, но все еще работающей с помощью регулярной помощи отечественного автосервиса, мягко, но настойчиво объяснил, что Л. П. «врезался» вовсе не в старый ободранный «запорожец». Он не согласился ни на какие предложения по компенсации ущерба, открыто объяснив, что не знает, сколько за это можно взять.

Л. П. был поражен совершенно не подходящим к ситуации выражением радостной мечтательности на лице молодого человека, который внешне был похож на обычного студента. Вместе с демонстрируемой им практической нерешительностью и колебаниями флегант проявил твердость в своем намерении дожидаться ГАИ и заметную активность в выяснении

того, куда едет в период отпусков Л. И., где и кем работает, заглянул в новую «шестерку», чтобы лучше рассмотреть пассажиров.

Л. П. чувствовал себя *виноватым*: он отнял время у курсанта мореходки по интендантской части, приехавшего на краткосрочный отпуск к родителям. Сюда примешивалась досада и огорчение от того, что испорчено впечатление членов семьи о путешествии в прекрасный город, который он хотел им показать. Омрачали и предстоящие хлопоты по ремонту машины, который был для него делом новым и неизвестным. В это время флегант настойчиво пытался ему внушить, что суд по таким делам всегда обращается в техническую экспертизу, которая в этом районе единственная; что наибольшая сумма компенсации предписывается к выплате за моральный ущерб и т. п., т. е. пытался драматизировать зависимое положение путешественников по родным просторам.

Л. П. не возражал, поскольку принимал его слова за нечто совершенно излишнее в данной ситуации, которую ему хотелось поскорее завершить. Не для этого он привез детей в незнакомый им город. Ему казалось, что молодой человек непонятно зачем стучится в открытую дверь. Стоит только назвать сумму, обсудить и договориться. Уже в отделении милиции флегант договорился с офицерами ГАИ, что протокол ДТП аннулируют, если Л. П. выплатит им сто долларов.

Но и после выхода из стен отделения никакого желания договориться не выказали ни сам флегант, ни подоспевшие ему на помощь родители. Решили встретиться на следующее утро на территории строительной фирмы, приватизированной отцом флеганта. Шестерку, требующую легкого ремонта на месте, взялся отбуксировать сам флегант. На следующее утро Л. П. был на месте, где его «выдержали» в томительном ожидании до самого вечера. Все это было похоже на историю об автомобильных играх, рассказы о которых Л. П. неоднократно слышал. Но ни симпатичный молодой человек, ни солидный папа на «форде», ни милая и такая заботливая мама, которая выразила сочувствие, что Л. П. целый день без обеда и предложила ему отведать что-то домашнее, вовсе не были похожи вместе с обслуживающими их рабочими на криминальную банду.

Под вечер, истоптавшийся в беспросветной неопределенности флегант пришел, наконец, с «наставником», который своей ухватистой решительностью напомнил Л. П. образ знакомого, бывшего фарцовщика и предложил поехать на фирму, которая осуществляет техническую экспертизу. Л. П. знал, что такие фирмы заинтересованы начислить максимально возможный ущерб, поскольку оплата за эту услугу составляет фиксированный процент именно с начисленной величины необходимого ремонта. Он не видел в этом никакой необходимости, но согласился только потому, что *понимал и принимал их право на более выгодную позицию: «Им так удобнее»*. Позиция Л. П. с самого начала была на стороне флеганта, а тот никак не мог решиться назвать сумму из-за опасений прогадать, получить с Л. П. меньше, чем это возможно в данной ситуации. Он никак не мог определить величину зависимости Л. П. от него, по отношению к которой, а не к

объективной величине ущерба он и стремился определить сумму своей прибыли («материальной компенсации»). Однажды он не удержался и даже вслух огорчился, что, дескать, «кидалы» в этой ситуации смогли бы добиться гораздо большего, чем он.

Л. П. без спора согласился отдать ключи «наставнику» флеганта и ехать не в своей машине, поскольку с самого начала настроился преследовать *справедливый выход* из конфликтной ситуации и не хотел прибегать к каким-либо хитростям. После того, как он же оплатил экспертизу ущерба, включающего расходы на доставку из Западной Европы новых запчастей для нового «пежо» и фирменный ремонт проржавевшей «иномарки», которую флегант, видимо, купил не более чем за сто долларов, «наставник» огласил приговор. Сумма была нереальной и фантастической, что дало возможность наставнику изобразить реализм и щедрость. Он потребовал выплаты половины начисленной суммы.

Л. П. хорошо знал про распространенную среди вокзальных «бомбил» игру в хорошего и плохого парня. Он заранее настроился на то, что не будет принимать решение сразу (импульсивно), а подождет реакции флеганта. По словам Л. П., его поразило то, что молодой человек долго и упорно молчал в ответ на открыто направленный на него вопросительный взгляд. Он как-то сжался и слегка покраснел, но не подавленно, а как будто его застали врасплох, когда он в предвкушении удовольствия тащил прямо рукой котлету из кастрюли.

Детали обсуждали на фирме отца флеганта. Чувствовалось, что «наставник» был чем-то недоволен. Наверное, он испугался, что неправильно рассчитал: можно было бы вытянуть из Л. П. больше. Поэтому он без всяких аргументов категорически потребовал, чтобы деньги были выплачены наличными в тот же день. В ответ на миролюбивое замечание Л. П., фактически пожертвовавшего запланированным семейным отпуском, наставник взорвался. Его покорило замечание, что, конечно же, лучше было договориться, чем участвовать в нудной судебной тяжбе. Хотя все присутствующие прекрасно знали социальную ситуацию — в судах дела лежат годами и не всегда решаются в пользу истца — наставник вдруг с какой-то непонятной и неожиданной ненавистью закричал, что если бы Л. П. не согласился заплатить, то он не отдал бы ему ключи и забрал машину в счет компенсации.

Л. П. вспоминает свое ощущение нереальности запоздалой угрозы: поскольку можно обратиться в милицию и обвинить этих милых людей, так недавно миролюбиво беседовавших с ним в ожидании решения экспертов, в угоне машины и похищении документов. Истинное положение дел, в котором Л. П. был заинтересован, легко могло быть таким путем восстановлено, без самоуправства и грубого давления со стороны флеганта и его «наставника». Но вслух Л. П. высказался в том смысле, что вопрос уже решен и дальнейшее его обсуждение непродуктивно; т. е. действовал опять без малейшей попытки «встать на свою позицию» и отстоять личные интересы.

Члены семьи Л. П. переживали за него два дня. Они с радостным облегчением поделились с ним своими воспоминаниями о былой тревоге и в дальнейшем ни разу не упрекнули за бессмысленность нелепых потерь. Но он сам оказался зафиксированным на понесенном ущербе. Тем более что доходы вскоре понизились и возникли новые материальные проблемы. Он упрекал себя за то, что прекрасно видел сети, которые неумелые рыбаки плели для него, но почему-то шел прямо в них. Зачем?

Л. П. помнит, что флегант не производил на него впечатления какого-то мифического «превосходства сильной личности». Более того, Л. П. внутренне произвольно смотрел на него, как на «молодого человека», немного «свысока», но старался не проявить этих чувств и решить конфликтную ситуацию «на равных». Он счел необходимым высказать сожаление о случившемся по его вине ДТП и принести свои извинения флеганту и его родителям, хотя не был уверен, что именно он один виноват в том, что «все они сейчас теряют время». Затем сразу же уверенно добавил, что сказанное не следует понимать как альтернативу или попытку уменьшить стоимость материальной компенсации, что он готов немедленно компенсировать необходимый ущерб. Но в ответ опять увидел лишь легкие улыбки и пожимания плечами.

Он чувствовал, что многое из случившегося не может понять, не улавливает самого главного, хотя ежедневно возвращается к пережитым сценам. Он видит себя человеком глупым, робким и уступчивым, не способным широко и активно, реалистично и гибко мыслить. Эта неспособность дать отпор обидчикам вызывала в его памяти и другие, более ранние воспоминания, которые казались уже не великодушием, а просто ничтожностью, неспособностью постоять за себя.

Инфернальное мироощущение и страхи Л. П. были первой проблемой, которую следовало решить. Непосредственный переход с экзистенциального уровня на межличностный привел бы к усилению зависимости Л. П. от персонификатора. В то же время экзистенциальные ощущения своей социальной позиции выражены у Л. П. абсолютно пессимистически, интравертированно и смутно.

Поэтому первой задачей консультанта было расширение ориентировки Л. П. с целью максимально возможного осознания им своей реальной личностной позиции. Одновременно решалась задача обеспечения социальной поддержки пострадавшего. Необходимо было добиться, чтобы Л. П. осознал для себя ценность своей личности и позитивный смысл всего *пройденного пути*. Смыслы будущей жизни не должны отрываться от смыслов настоящего и прошлого, чем, на наш

взгляд грешит логотерапия, сторонники которой фиксируют свое внимание только на смысле оставшейся жизни (Франкл В., 1990). Важная социальная роль Л. П. состояла в отстаивании двух явно выраженных ценностей: во-первых, ценности любви и понимания проблем другого и, во-вторых — справедливости. Груз этой социальной ответственности ослаблял его в конкурентном взаимодействии с эгоцентрическим субъектом. Но поскольку эти смыслы всей его прошлой жизни в новой социальной ситуации полностью обесценились, то и его одинокие усилия противостоять деструктивному распаду культурно-исторических ценностей оборачиваются лишь бессмысленными жертвами, ущербом для любимых им людей. Он оказался на пороге болезненного перехода социализированной личности к стратегии социально-невротической адаптации. Условием затянувшегося депрессивного состояния была неосознанность нежелательного жизненного выбора, его предрешенность и отсутствие реальной альтернативы. Но реальная альтернатива не существует, так же как, например, социально-невротическая защита, в форме готовых стереотипов, законсервированных в форме ценностей и правил общения деструктивных групп. Она может быть выработана лишь самой социализированной личностью в процессе творческого решения экзистенциальной, но в то же время не только индивидуальной, но и достаточно общей, актуальной для социума проблемы. В этом замкнутом круге, в первую очередь, пострадавшему необходима активная поддержка на пути социализации. Он не должен чувствовать себя «последним из могикан». Затем должны быть предприняты меры по ослаблению прочности моральной позиции персонификатора и ослаблению деструктивного влияния его образа на мотивы деятельности пострадавшего.

Состояние Л. П. значительно улучшилось, когда он в ходе направленного диалога с консультантом пришел к выводу, а затем окончательно убедился, что для снижения оценки соб-

ственных умственных и волевых качеств нет никаких оснований¹; более того, снижение его самооценки имеет обратную сторону — оправдание действий персонификатора.

И это уже не просто пассивность, а активная поддержка позиции флеганта, т. е. действия, направленные против себя самого. Вследствие произошедшей *инсталляции персонификатора* Л. П. оправдывает право флеганта на ничем не ограниченную эксплуатацию, основанную уже не на социальных нормах, а на *законах взаимоотношений власти, где позиция подчинения означает признание и принятие неравноправия с доминирующей стороной.*

Чувство вины, принятое пострадавшим не от амбивалентно любящего другого (одного из родителей), а от социального невротика, содержит уничижительную самооценку пострадавшего, *его согласие с неравноправностью взаимоотношений*, а также «право» персонификатора определять границы интересов и *ценность личности* взаимодействующих сторон. Дело не в том, что чувство вины является деструктивным чувством вообще. Просто в данном случае оно используется *не по адресу*. Субъект не имеет никакого морального права разрешать флеганту провоцировать и использовать это чувство, тем более в условиях межличностного конфликта².

Чувство вины влияет на формирование нарождающихся взаимоотношений таким образом, что ценность всех случайных (несоциализированных) интересов флеганта конституируется без ограничений, а интересы социализированной личности стремятся к нулю, т. е. вообще не признаются. Это состояние и переживается пострадавшим в качестве противо-

¹ Ему пришелся по душе образ: «Человек, у которого руки заняты ценным грузом, не имеет права чувствовать себя слабее мухи, которая пользуется удачным случаем и свободой маневра, чтобы его укусить».

² Иными словами, для позитивного переживания пострадавшим чувства вины должны соблюдаться определенные условия: 1) общение с эмпатически настроенным консультантом; 2) самоанализ в условиях специально организованного одиночества (например, ведение дневника в комнате, предусмотрительно закрытой от случайного вторжения посторонних).

стояния бессильного «Я» двум враждебным партнерам: флеганту и собственному морализирующему сознанию.

Эта ситуация в психоаналитической схеме скорее всего могла быть графически представлена следующим образом: «сверх-Я» пострадавшего как бы присоединяется к «Оно» флеганта. Или же другой вариант: «ОНО» флеганта становится «ИДом» пострадавшего. На самом деле психологические процессы, лежащие в основе формирования взаимоотношений власти, более сложны и противоречивы.

Это, прежде всего, именно взаимоотношения, а не «структура личности» или набор «эмоциональных состояний», как считает Э. Берн, социально-психологическая концепция которого в данном моменте оказывается все-таки ближе к истине, чем позиция ортодоксальных представителей психоанализа. «Родительское состояние», предполагающее внутреннее право наказывать других за нарушение норм и традиций, несомненно, базируется на интериоризации взаимоотношений власти. Предпосылкой устойчивого навязывания своей «родительской позиции» «ребенку другого» является чувство вины будущей жертвы перед преследователем.

Флегант ничего не может сделать с партнером, если тот хотя и способен испытывать чувство вины, *но не принимает его* именно от данного социального невротика. Тем более что флегант не в состоянии создать такую ценностно-конфликтную ситуацию, которая под воздействием аффекта могла быть немедленно перемещена во внутренний план потенциального пострадавшего, а может только использовать уже имеющийся внутренний конфликт предполагаемой жертвы, убедившись в его наличии. Как уже отмечалось выше, этот конфликт формируется в массовом масштабе на социальном уровне, когда государство и общество отторгают социализированную личность, воздействуя на нее «методами шоковой терапии». Тем самым создаются условия, благоприятные для активизации деятельности социального невротика. Поэтому «неуязвимость» социализированной личности от флеганта

представляет собой разрешение внутреннего конфликта на пути ее самореализации. Второе условие неуязвимости — противодействие («копинг») стремлению социального невротика навязать чувство вины.

Социализированная личность попадает в ловушку флеганта именно в момент актуализации чувства вины. Она прекрасно видит эгоцентризм партнера и реалистически отвечает ему тем же, но одновременно является социально ответственной личностью и действует так, как будто ее взаимоотношения с обществом, в частности значимость такой социальной ценности, как справедливое разрешение конфликта, являются чем-то изолированным от тех взаимоотношений, которые развиваются на межличностном уровне.

Л. П. с самого начала строил два параллельных ряда отношений с одним и тем же субъектом: реальные и вполне эгоцентрические — с очевидно эгоцентрическим субъектом и социальные, опосредованные общественными ценностями, — с тем же субъектом. Эти два типа отношений выдают наличие внутреннего личностного конфликта Л. П., его «ценностную маргинальность» (внутренний *ценностный конфликт*). Это и не дает возможности пострадавшему сориентироваться ни в плане первого, ни в плане второго ряда отношений. Флегант тоже учитывает социальную сторону, но «не всерьез», не на ценностном уровне. Моральный план его вообще не интересует, а правовые нормы служат лишь средствами манипулирования окружающими. Легко заменимые образцы социального поведения выступают в его деятельности в качестве специфических инструментов обеспечения своей психологической власти над жертвой, выбор которых из стандартного набора условий межличностного взаимодействия определяется лишь эгоцентрическими интересами самого флеганта.

«Любящий интериоризированный другой» (ЛИД) необходим для формирования внутреннего развивающего диалога, который составляет психологическую предпосылку развития личности. Образ этого *любящего другого* проявляется

не только в бодрствующем состоянии субъекта. В процессе сна он — в норме — спонтанно смещается с одного объекта на другой. Навязчивый кошмарный сон, регулярно повторяющийся, как раз и свидетельствует, на наш взгляд, о травматическом поражении нормального психологического механизма внутреннего развивающего диалога субъекта со стороны агрессивного инсталлятора, образ которого фиксируется в рамках взаимоотношений власти и приводит к депрессивному состоянию пострадавшего. Взаимоотношения власти — это и есть тот самый барьер, который обуславливает «задержку» в развитии личности. Это вовсе не некая самостоятельная сущность, а скорее «сбой», искусственная остановка процесса развития, неизбежно приводящая к распаду личности пострадавшего.

В данном случае процесс выхода из конфликтной ситуации был крайне растянут по времени. В сформированных за этот период взаимоотношениях власти флегант все-таки обеспечил себе через свои внешне неуверенные, как бы «прощупывающие» действия доминирующую позицию. Этот пример тем и интересен для нас, что взаимодействие происходит не мгновенно, а в силу недостаточной опытности флеганта в сочетании с его выраженной эгоцентрической целеустремленностью развивается «под лупой времени» (Ильенков Э. В., 1970).

В результате травматического взаимодействия у Л. П. оказалось восприятие личности флеганта относительно ценности собственной личности. Ориентировка Л. П. была ограничена не только в пространстве отношений, но и во времени, которое как бы остановилось для него в момент формирования взаимоотношений власти. Под воздействием факта официального признания его единственным виновником ДТП он не замечал, каким образом он постепенно превращался в *пострадавшего*, отношение которого к персонафикатору не может ограничиться временем первого этапа взаимодействия. Это отношение зависит и от опыта дальнейших взаимоотношений.

Консультант попросил Л. П. представить, как он предположительно вел бы себя на месте флеганта. Л. П. сразу вспомнил, что на выезде из Санкт-Петербурга им пришлось заехать в мастерскую и завершить ремонт. Талантливый мастер почти без инструментов и необходимых запчастей половину дня обеспечил им возможность вернуться домой на своем транспорте и неожиданно оценил свое время и усилия в совершенно незначительную сумму. Помедлив, Л. П. уверенно сказал, что, наверное, потребовал бы компенсацию в том же духе: с учетом необходимых затрат и своей доли вины.

Он осознал, что ранее не мог понять смысла как бы нейтральных вопросов флеганта. Ведь для него уязвимое положение другого — основание для сочувствия. Только в ходе консультирования он понял, что флегант не просто вынужденно «коротал время» за разговором или, внутренне сочувствуя, стремился выяснить планы и материальные возможности неудачливых гостей его города, чтобы ненароком их не обидеть. Напротив, он пытался выяснить, какую сумму денег можно реально получить с Л. П., а также степень личной уязвимости предполагаемой жертвы ситуацией, которую можно использовать для навязывания своих условий. Здесь против Л. П. работали такие факторы, как возможные неудобства для членов семьи, необходимость бесцельного и финансово затратного проживания в гостинице и т. п.

Осознав все это, Л. П. добавил, что уже тогда ему пришла в голову мысль, что сейчас никто на дороге не останавливается «на мигающий зеленый», как это сделал флегант, у которого за день до ДТП были временно отобраны права за проезд на красный свет. Но Л. П. не сосредоточился только на своих интересах и поэтому не смог использовать слабость позиции флеганта, чтобы вообще оставить его «в глупом положении». На вопрос консультанта: «Устроило бы вас, уже *сейчас*, такое решение конфликта, когда флегант оказался бы дважды обижен: повреждение машины и ловкий уход виновника от ответственности?» — он, к удивлению консультанта, ответил, что вовсе не устраивало бы. Следовательно, пристрастность к ценностям справедливости, к пониманию и

учету интересов другого до сих пор остается выраженной чертой личности Л. П. и главной причиной его «неадаптивности» в новых социальных условиях. Эти ценности являются барьером быстрой и полной ориентировки в ситуации противостояния эгоцентрических позиций только потому, что потенциальный пострадавший, в отличие от флеганта, не решается полностью встать на указанную позицию, т. е. оставить путь социализации и превратиться в социального невротика. Как вспоминает Л. П., он сразу же предложил разумную компенсацию и попытался начать «торг», но флегант решил сначала обеспечить себе устойчивую позицию «сверху», чтобы потом диктовать свои условия. Он явно боялся «прогадать» в счастливой для него ситуации, решил выжать из нее максимум «личного успеха».

Стихийно сложившаяся традиция такова, что даже на желтый цвет светофора большинство водителей только увеличивают скорость. Л. П. считает, что непременно чувствовал себя отчасти виноватым, если бы сам нарушил эту неписаную традицию. Иными словами, социализированная личность в любой конфликтной ситуации готова признать свою часть вины. Это условие наиболее продуктивного выхода из конфликтной ситуации, которая разрабатывается в рамках гарвардского подхода (*Фишер Р.*, 1992). Но именно эта способность социализированной личности к сотрудничеству, т. е. к максимально продуктивному удовлетворению интересов обеих сторон, и является самой уязвимой стороной в патологических социальных условиях. Поэтому преодоление последствий травмы предполагает выстраивание двух рядов отношений: не только к МП, но и к СП. При этом взаимоотношения с МП должны развиваться по пути дистанцирования, все более опосредуясь социальными нормами¹.

¹ Именно поэтому преступники особенно остро реагируют на попытки — со стороны намеченных ими жертв — привлечения каких-либо социальных инстанций для разрешения искусственно создаваемых ими конфликтных ситуаций. Это путь, на котором потенциальный пострадавший может не только «ускользнуть» от навязывания ему бремени психологической власти, но и «не по правилам» занять «позицию господина», вытесняя представителя криминала на «позицию раба».

Несмотря на потенциальное превосходство в развитии своих личностных качеств и объеме жизненных знаний, интересы Л. П. представлялись ему менее значимыми, чем личность и интересы флеганта. Поэтому его усилия, направленные на справедливое решение проблемы, были на самом деле направлены на ущемление собственных интересов. Л. П. всегда предполагал в другом человеке социализированную личность. Как уже отмечалось выше, это не ущербность, а условие сохранения культурно-исторических смыслов человеческого существования. Если оба субъекта выходят из конфликтной ситуации на более высокие уровни общения, то они закономерно оценивают свои «затраты» не только в качестве уступки и передачи чего-то ценного партнеру, но и в качестве вклада в общую архитектуру культурно-исторической среды. Поэтому у них нет страха ошибиться, «отдать другому» больше, чем это было необходимо. Для Л. П. это была привычная адаптивная стратегия социализированной личности к жизни в обществе. Фактически, Л. П. «потерпел поражение» только потому, что вовсе и не собирался всерьез драться. Он прекрасно видел, что перед ним не профессиональный преступник, поэтому распространил на него свое отношение, достойное уровня общения социализированных личностей. Тем самым и были созданы условия для инсталляции персонификатора.

Осознание возможности психологической «ущемленности» самого социального невротика вследствие перенесенной им травмы и непреодолимое желание переложить ее тяжесть на кого-то другого многое меняло в восприятии травматического взаимодействия со стороны пострадавшего. Оно позволило снять процесс инфернализации персонификатора. Для Л. П. было открытием само существование флегантов. Одно дело — чувствовать себя жертвой, все поступки которой просчитаны и опережаются действиями преследователя, другое — видеть в персонификаторе жалкую невротическую личность, действия которой так же понятны и предсказуемы, как расписание пригородных электричек.

Это позволило укрепить самооценку Л. П. и вывести его из состояния маргинальности в отношении противоположных по содержанию личностных смыслов.

Задача социально-гуманистического консультирования по реабилитации пострадавших несколько сложнее тех задач возвращения душевного покоя, социальной адаптации и т. п., которые ставятся в психотерапии. Главная цель консультанта — помочь пострадавшему сохранить свой индивидуальный путь личностного развития в направлении дальнейшей социализации, предотвратить возможность развития социального невроза.

Депрессивное состояние Л. П. было во многом вызвано этим самым существенным внутренним конфликтом. Он находился на грани пересмотра личностно значимых смыслов. Когда он осознал, что, отбрасывая ослабляющую его пристрастность к смыслообразующим социальным ценностям, он необходимо превратится в социального невротика, его маргинальные колебания приобрели форму сознательного и социально значимого *личностного выбора*. Пострадавший убедился, что, ступив на путь социального невротика, он тем самым оправдает эгоцентрическую позицию флеганта, которая таким образом получит дополнительное подтверждение своей истинности и реализма. Само втягивание на такой путь является частью моральной победы флеганта над ним.

Его взаимоотношения с флегантом стали для него ценностно осмысленными и получили статус продолжающегося состязания, в котором флегант разрушает не только ценности социума, но и благополучие его семьи, находящейся в настоящее время на грани кризиса. Все это позволило Л. П. *свободно* взять на себя полную ответственность за личностно значимые общественные ценности и судьбу семьи, преодолеть депрессивное состояние и вернуться к социально-активной жизни. Тем самым семейная среда для дочери стала более благоприятной и обеспечила ей возможность без осложнений и дополнительных проблем закончить школу.

В то же время Л. П. смог осознать и слабость своей личности. Именно эта слабость — недостаточная последовательность в отстаивании личностно значимых ценностей — интуитивно поощрялась, усиливалась и использовалась флегантом. Ведь он явно недостаточно подчеркнул и проговорил свою позицию на справедливое решение конфликта вслух, чтобы преодолеть достаточно прочную защитную установку его межличностного восприятия. Л. П. наверняка воспринимался флегантом в качестве такого же, как он, социального невротика, поскольку такая позиция всегда объективно выгодна флеганту и не противоречит установкам его практической стратегии.

Л. П. объективно *виноват* в том, что не использовал шанс вывести флеганта из позиции глубокой социальной невротичности. Хотя, конечно, в данном случае этот шанс был явно мизерным, до нереальности. Ничто в поведении флеганта не давало оснований надеяться на его склонность — в более благоприятных для развития личности социальных условиях — к развитию по пути социализации. Хотя такое задание — тщательно проанализировать и выписать все возможные сигналы такого рода — было добросовестно выполнено Л. П.

С одной стороны, травматическая ситуация вплотную подвела Л. П. к осознанию ближайшей зоны развития своей личности, с другой — поставила мощные барьеры, необходимость преодоления которых снижало активность Л. П. Вернуться на путь развития и использовать травматическую ситуацию в качестве фасилитирующего фактора оказалось возможным для Л. П. только в результате осознания сущности его взаимоотношений с флегантом.

Травматическая ситуация непосредственно порождает процесс бурного нарастания защитных механизмов пострадавшего, в чем, собственно, заинтересован социальный невротик, активно провоцирующий этот процесс. Пострадавший не может смириться со сниженной самооценкой, зафиксированной взаимоотношениями власти, и именно потому возвращается в ловушку. Он как бы хочет взорвать ее изнутри,

освободиться от взаимоотношений власти подобно тому, как герои романтических произведений освобождаются из темницы. Но возвращение в прошлое без дальнейшего развития на пути консервации тех уязвимых сторон, которые реально использованы флегантом и которые в настоящее время невротически актуализируются через его инсталлированный образ, обречено на продление рабского состояния пострадавшего и неизменно заканчивается порывами отчаяния, переходящими в депрессивные состояния.

С помощью консультанта пострадавший осознал, что собственную неволю надо ломать извне, на пути своего личностного развития и дальнейшей социализации, чтобы затем «выковырять» из ничтожной ловушки и флеганта, и далеко не самый приятный образ собственного «Я». Он пришел к пониманию того, что манипулятор смог унижительно «зацепить» его за лучшие личностные качества лишь с помощью СП, обеспечившего фиксацию момента опасного расщепления и «выворачивания» наизнанку его личности.

Пострадавший неизменно попадает в ловушку флеганта, поскольку разрешает себе поддаться на социальные провокации распада и уничтожения культуры. И именно это собственное падение он как раз и не хочет признавать. Катастрофическое нарастание чувства вины, острота и сила отрицательных переживаний, которые в нормальных условиях могли бы служить лишь надежными сигналами, позволяющими скорректировать путь собственного развития, становятся источниками нарастания защитных механизмов.

У пострадавшего нет никаких шансов выиграть поединок с флегантом не только потому, что он не имеет опыта социально-невротической активности. Флегант тоже может не иметь подобного практического опыта, как мы это наглядно видели в рассмотренном выше случае. Но у флеганта есть четкая эгоцентрическая цель, есть однозначное стремление последовательно выстраивать свое поведение в направлении этой цели, а у социализированной личности — только импульс, только мимолетное желание испытать себя,

схлестнуться в драке, позволив себе на миг социально-невротическое поведение. У флеганта есть хотя бы теоретические знания. Социально одобряемый интерес к технике манипулирования обеспечил ему достаточно *широкую и полную ориентировку* в травматической ситуации, которой не обладает пострадавший, действующий, как правило, «по вдохновению».

Конечно, было бы серьезной ошибкой смешивать поведение флеганта с целеустремленностью социализированной личности. Как и любой другой социальный невротик, флегант движим не приверженностью к культурно-историческим смыслам человеческой деятельности, а стремлением оправдаться в собственной несостоятельности обеспечить преодоление своих — более ранних — конфликтных и травматических ситуаций на пути социализации.

Никакая высота личных умственных способностей не может заменить социализированной личности ориентировку в условиях совершенно не интересной для нее, но социально навязанной и потому вынужденно решаемой всеми задачи; так же как и те преимущества, которыми располагает флегант: групповую поддержку, помощь эгоцентрического наставника, знание криминальных игр и т. п. Осознание всех этих выше обозначенных, глубоко внутренне взаимосвязанных моментов является основой для психологической реабилитации пострадавшего, восстановления его самооценки и позитивного «образа Я».

В этом отношении интересен случай «полной умственной слепоты» пострадавшего, который не смог своевременно сориентироваться в условиях травматической ситуации только потому, что не допускал возможности грубого, почти ничем не прикрытого воровства со стороны умственно отсталого родственника: судил о нем «по себе», проецируя на субъекта, страдающего клептоманией, собственные моральные установки.

Пострадавший, как правило, не может легко ориентироваться в травматической ситуации и категоризировать ее детали, поскольку либо вытесняет их, либо отягощается регид-

ными формами защиты. А персонификатор, в том числе и флегант, с удовольствием «прогуливается» по своим «победным» воспоминаниям.

Неисчерпаемость травмы предопределяет непрерывное обновление представлений самого пострадавшего о пережитой им травматической ситуации. Поэтому ригидные формы защиты всегда запаздывают, провоцируют отказ пострадавшего от ориентировки и предопределяют его поражение на пути стремления к освобождению от власти персонификатора.

Сознание пострадавшего как бы раздваивается. С одной стороны, он не дает собственному «Я» обеспечить полную ориентировку в динамическом образе травматической ситуации. С другой стороны, он не может воспрепятствовать инсталлированному персонификатору осуществить полную ориентировку. Всевидящий персонификатор, как в кошмарном сне, начинает его преследовать, нанося неожиданные, но меткие удары по «взбунтовавшемуся» беглецу, укрепляя позицию личной власти над ним.

Эти травматические межличностные взаимоотношения, интериоризованные в динамические внутренние конфликты, конечно, были бы невозможны без наличия специфических «социальных ловушек», которые делают пострадавшего бессильным перед МП.

Психологическая ситуация пострадавшего в этом отношении очень похожа на реальные случаи преследования обществом гораздо более честных субъектов по сравнению с опытными прохвостами, толкнувшими их на правоохранный транспортер и весело наблюдающими со стороны поединок зерен с жерновами. Эта сторона травмы в психотерапии хорошо прощупывается и практически учитывается, но чрезмерно мистифицируется, преувеличивается и обобщается. Да, ловушки надо уничтожать, но в самом процессе эскалации толерантности к «мелким» антисоциальным действиям, в этом мощном массовом движении «психотерапевтической амнистии» требуются предварительная ориентировка, дифференциация и осознанный выбор действий и технологий, направленных на разрушение условий, препят-

ствующих достижению определенной степени психологического комфорта пострадавшими.

Фактически, травма может рассматриваться именно в качестве такой интериоризированной социальной ловушки, важной составляющей которой является образ социального персонификатора (СП). Перед консультантом стоит задача помощи пострадавшему в адекватном изменении образа СП. Подросткам и юношам, склонным к максимализму, СП неизменно представляется в качестве непримиримого врага и беспощадного преследователя. Это связано с таким переходящим фактором, как отождествление пострадавшим СП с мнением обобщенной подростковой группы, как правило, характеризующимся недостаточно социализированными ценностями и нормами. Чем менее социализирована субкультурная среда, тем более она жестока по отношению к пострадавшим. Детская и подростковая жестокость, несомненно, связана с этими особенностями специфического и конкретно-исторического *возрастного СП*.

В этом отношении то, что психотерапевтический снобизм заставляет называть «ориентацией на нормы взрослых», может стать средством и даже условием консультативной помощи пострадавшему. Конечно, взрослые тоже разные. Так же как неодинаковы по своему нормативно-ценностному содержанию реальные подростковые группы, в обществе присутствуют и завершенные социально-невротические кланы, и зрелые очаги социализации. Конечно, такая стратегия отягчена мораторием решения подростковых проблем. Поэтому для пострадавшего подростка одновременно требуется помощь в поиске, тренинговом моделировании или творческом воображении адекватной референтной группы сверстников, личностное развитие которых значительно выше, чем это обусловлено наличными социально-историческими обстоятельствами распада культурных и духовных ценностей.

Особой проблемой является зависть пострадавшего к персонификатору, который «за его счет» радуется «празднику жизни», недоступному жертве его действий, жизни полноценной, полной приключений, до предела насыщенной

«ничем не замутненными» эмоциональными переживаниями от постоянной новизны познания мира. Это особая задача, требующая работы по восстановлению смысловой и ценностной сферы пострадавшего, обучения его копингам преодоления депрессивного состояния, вплоть до признания этого состояния, вкупе с чувством страха и тенденцией к подчинению чужой воле — поступком, за который он «здесь и теперь» несет полную ответственность. События в настоящем во многом определяют содержание жизни в ближайшем и более отдаленном будущем, в том числе и вероятность новых травм, к которым как к цели ведут страхи и депрессия.

Полная реабилитация пострадавшего предполагает выработку рефлексивного отношения к тем чувствам, которые являются необходимыми внутренними условиями подчинения своекорыстной власти персонификатора, как к деструктивным, лежащим ниже достоинства подлинной личности. Такое отношение должно быть интериоризировано настолько, чтобы у пострадавшего даже не возникало импульсивного провокационного вопроса: «Почему, собственно, это отношение можно считать достаточно обоснованным?» Без выработки такого отношения «собрать» воедино свою личность, распадающуюся в результате эскалации травматического конфликта, пострадавшему, даже очень желающему этого, практически невозможно.

§ 4. Сексуальная травма

Классический тип психологической травмы — сексуальная. К сожалению, несмотря на общественный прогресс и сексуальное просвещение этот тип травмы продолжает оставаться весомым в числе факторов риска стагнации личности, особенно, в период детства и отрочества.

Интересно, что в начале века проявлялись, но остались незамеченными и другие массовые психологические травмы. Их порождали неизлечимые тогда болезни и эпидемии,

переживания невиданных ранее человечеством страданий, лишений и потерь, вызванных Первой мировой войной. Но только сексуальные травмы обратили на себя внимание психотерапевтов. Видимо, психологическое здоровье личности, в отличие от психического, тогда еще не было ценностью для социума. Общественное сознание вообще не различало данной проблемы.

Даже сейчас, когда практика психологической помощи пострадавшим просуществовала уже более ста лет¹, некоторые представители «школы XXI в.» откровенно не видят смысла работы психолога образовательного учреждения по укреплению психологического здоровья несовершеннолетних, воспринимая результаты его деятельности как процесс изготовления «нового платья короля»². Но вселяет надежду тот факт, что сами дети и подростки, в отличие от взрослых, реально ощущают на себе позитивные результаты психологического консультирования, ценят их и стремятся к общению с психологами.

Отдаленные последствия сексуальной травмы, которые складываются в ее отличительные особенности, усложняют процесс консультирования. Во многом его специфика определяется тем обстоятельством, что переживания и воспоминания пострадавшего со временем могут приобрести форму перверсий, заканчивающихся разрядкой сексуальной потребности, а страхи и депрессивные состояния — со временем стать пусковым механизмом в этом процессе. Сращенность переживаний тревоги, страхов, обиды и т. п. в сочетании с активизацией познавательной потребности и сексуальных влечений делает анализ этого типа травм наиболее сложным и трудоемким, требует от консультанта значительно более высокой профессиональной квалификации, чем работа с большинством других типов травматических ситуаций.

¹ Правда, преимущественно, в лице представителей психоанализа, что в какой-то мере объясняет недостаточную степень решения проблемы.

² Поэтому педагога-психолога все еще тянет оказывать экстренную помощь непосредственно во время кризисных ситуаций. Он думает, что это самый «короткий», доступный и эффективный путь укрепления статуса психолога.

Задача консультанта по реабилитации психологического здоровья учащегося, пострадавшего от сексуальной травмы, аналогична предыдущим: вывести его из-под власти социального невротика, которая базируется на успешности действий персонификатора по манипулированию сексуальными потребностями жертвы, подавленной аффективным переживанием травматической ситуации. «Такие действия часто бывают групповыми и мотивируются не столько эротически, сколько служат средством установления или демонстрации *отношений господства и подчинения* (курсив наш. — А. К.): жертвы сексуального насилия, даже если они вынуждены были уступить превосходящей силе, теряют личное достоинство, становятся объектами всеобщего презрения и *должны впредь подчиняться своим обидчикам*» (Кон И. С., 1989. С. 227). Мы согласны с достаточно точным и метким описанием сути рассматриваемого явления в приведенной выше формулировке И. С. Кона, за исключением одной, весьма существенной детали. Тот факт, что персонификатор был инициатором, а пострадавший уступил превосходящей силе, нельзя рассматривать только в качестве средства социального оправдания и опровержения вины пострадавшего.

Нормальная обыденная логика совершенно не подходит для описания процессов в рамках взаимоотношений власти. Рассуждения о собственной невинности ведут пострадавшего в ловушку непрочной психологической защиты, только усиливающей власть персонификатора, который как раз и стремится показать свою превосходящую силу, стремится вопреки воле пострадавшего реализовать намеченную им цель. То, что является необходимым условием психологической зависимости и власти персонификатора, нельзя однозначно переводить в объем условий, оправдывающих драматическую уступку со стороны пострадавшего.

Парадоксальность и трагичность сексуальной травмы, впрочем, так же как и любой другой психологической травмы, заключается именно в том, что социальный персонификатор неизменно оказывается на стороне межлич-

ностного. И это вместо общественной помощи и сострадания, которые систематически извращаются в пользу персонификатора¹.

Задачи консультирования при сексуальной травме являются наиболее когнитивно сложными и многофакторными. Негативное воздействие такой травмы похоже на развитие злокачественной опухоли в организме. В отличие от всех других видов травм, она способна разрастаться, блокируя смыслы деятельности и жизненную энергию пострадавших.

Основная специфика взаимоотношений власти в данном случае в *их опосредованности половой потребностью*. Сексуальная сфера, так же как и процесс творчества, несовместима с произвольностью, понимаемой в ее школьном значении. Результатом развития подобной «произвольности», ведущей свою этимологию от слова «произвол», может быть только фригидность. В какой-то момент человек должен быть способен поверить своим чувствам, отдаться их мудрой власти. Но за этой властью созидательных жизненных сил² в уродливых условиях травматической ситуации неизменно таится компульсивное стремление к власти со стороны социального невротика. Наиболее тяжелым случаем, требующим максимальной продолжительности консультирования и усилий пострадавшего, следует считать взаимоотношения доминантного персонификатора и внушаемого пострадавшего.

Важной особенностью сексуальной травмы является и то обстоятельство, что пострадавшему оказывается совершенно невозможным активно действовать и бороться против власти персонификатора, вступать в прямую конфронтацию с ним. Такая тактика оказывается просто неуместной и вредной по той известной причине, что она неизменно приводит к смятению, которое разрушает личность пострадавшего и

¹ В этом отношении можно было бы даже с долей шутки говорить о «травматическом крышевании», которое консультант должен разрушить в целях активной помощи пострадавшему. К счастью, до «коррупции» тут дело не может дойти просто по определению.

² Этот результат мы рассматриваем не в стерильно генетическом значении, а в качестве итога усвоения культурно-исторической ценности любви, обретаемого на пути социализации индивида.

приближает то, от чего человек бежит. Вот как это осознает героиня Б. Пастернака, попадая «во все больший плен чувственного кошмара».

«Противоречия ночного помешательства были необъяснимы как чернокнижие. Тут все было шиворот-навыворот и противно логике, острая боль заявляла о себе раскатами серебряного смеха, борьба и отказ означали согласие и руку мучителя покрывали поцелуи благодарности» (*Пастернак Б.*, 1991. С. 184). Собственно психологическая проблема состоит в том, что «серебряный смехок», борьба и отказ, сменяемые «поцелуями благодарности», воспринимаются как формы типично женского поведения не только межличностным персонификатором, но и социальным. Пострадавшая личность тем самым остается изолированной. Она борется даже не «один на один» с персонификатором, а одна против отвергающего ее социума. То есть наблюдается та же самая принципиальная схема, что и в условиях социогенной травмы, но в значительно более обостренной и когнитивно усложненной форме. Сам персонификатор при этом, в отличие от условий социогенной травмы, может и не осознавать своего стремления к власти, а просто «ощущать полноту и радость жизни, ни в чем себе не отказывая».

Это может быть, к примеру, флегант, который не нарушает установленных моральных правил, но, подобно поросенку, с аппетитом съедает все, что оказалось в его корыте «по оплошности» других или недоразумению, будь то цыпленок, овца или даже человек¹. Если бы такие благоприятные для

¹ Один журналист на заре перестройки с гордостью описал свое «победное» кокетство в разговоре с владельцем зарубежного публичного дома. В ответ на предложение интимных «услуг», он, ощутив пустоту карманов, решил «не упасть в грязь лицом» (власть!). Заранее зная реакцию сутенера, он, важно прочитав «меню», спросил: «А русские девочки есть?» Тот «посрамленно» развел руками. Журналист с достоинством удалился, внутренне ликуя и гордясь своей «находчивостью» и, как ему представлялось, «блестящим» исполнением роли «глубоко разочарованного покупателя, не нашедшего нужного товара».

Ему не пришло в голову и никогда не придет, что вот этот его поступок есть «социальный заказ», который начал практически раскручиваться именно в тот момент, когда опытный сутенер, видя насквозь мотивы его фальшивой игры, все-таки задумался и решил извлечь из своего «мо-

пострадавшего нормы и правила были разработаны, если бы социум мог осознать их необходимость в той же мере, как, например, торжество идей толерантности, то социальный персонификатор, наверное, должен был бы неизменно оказываться на стороне жертвы. Но, к сожалению, картина пока далеко не такая «радужная».

Как мы уже отмечали выше, особую опасность в подростковом возрасте, особенно в условиях интернатов и детских домов, представляет угроза насилия в отношении детей и подростков со стороны других несовершеннолетних в условиях «серьезных сексуальных игр».

В этой связи можно говорить о мастурбационном, эксгибиционистском, гомосексуальном и гетеросексуальном видах психологической травмы. Сам акт мастурбации или гомосексуальное поведение можно считать лишь потенциально травматическим, если он не сопровождается драматическими переживаниями, связанными со смысловым (или «онтологическим») восприятием морфофизиологических особенностей функционирования органов внешней секреции. А. Бандура, Р. Уолтерс приводят пример таких совершенно нетравматических переживаний мастурбирующего агрессивного подростка.

«И.: Когда ты впервые узнал об этом? — П.: Ну когда мне было около девяти или десяти лет, парни начали обсуждать это... Они объяснили мне, что делать... Естественно, я попробовал, и ничего не случилось...

Я помню тот день, летний день, было жарко. Я сидел в своей комнате, обливался потом и просто начал играть. И совершенно неожиданно, фюйть (смеется)!» (Бандура А., 2000. С. 169—170).

Отрицательные переживания или даже шок могут в этом случае провоцироваться опасениями за свое здоровье, за сохранность нормальной работы половых органов, а также осуждением и осмеянием поведения подростка со стороны ближайшего межличностного окружения или социума в целом. Но, оставаясь только в сфере эмпирического взаимодейст-

рального» ущерба некую выгоду. Именно в этот момент для каких-то девочек в России, которым тогда было не более 10 лет, оказалась уже предопределенной судьба рабской сексуальной эксплуатации, всегда неизменно жестокой и издевательской на чужбине. Вот такая наступила свобода резвой журналистской мысли.

вия, доступного экспериментальному исследованию, обходя стороной необходимые условия единства ценностно-смыслового уровня личности, мы рискуем упустить сущность психологической травмы. Дело в том, что стойкое травматическое содержание негативные сексуальные переживания приобретают только в связи с *онтологическим аспектом* (Мей Р., 1997).

Как известно, психоанализ преодолел остатки викторианского ханжества и положил начало научному изучению сексуальной стороны жизни индивида. При этом он основательно упростил ее ценностную сторону. Современная практика анатомио-физиологического просвещения детей и подростков довела упрощение эротической сферы до крайней степени пошлости. Пошлость — это и есть не что иное, как упрощение предмета познания. Разумеется, опошление половой любви и отрицание ее ценностной стороны процветало в социально неблагополучной среде задолго до психоаналитической революции, как в период «викторианской эпохи», так и гораздо раньше. Упрощение взаимоотношений мужчины и женщины, что в обыденной жизни и подразумевается под словом «пошлость», не имеет своим источником ни научное познание, ни профилактику психологических травм. Но весьма показательно, что свобода самовыражения примитивной личности, не способной к усвоению ценности любви, парадоксально смыкается с содержанием новейших научных теорий.

Неоспоримы социальные и рыночные корни опошления половой любви. Например, факсимильные следы эротического натурализма древних сейчас тиражируют под видом античных или византийских фресок и даже многотысячелетней «культуры» китайской эротики. А из наиболее заботливо иллюстрируемых поэтических сборников первенство, несомненно, принадлежит Баркову и другим авторам, чья «рифма льется м-й». Рыночная угодливость некоторых издателей перед пресытившимися пошляками заставляет их противопоставлять малодушные безделушки известных авторов тем «священным жертвам Аполлону», в которых только и живет,

не растворяясь в массе эротического натурализма, яркая личность и индивидуальность каждого гениального литератора¹.

Социализированная личность, в отличие от хорошо адаптированного социального невротика, идет в своем развитии прямо противоположным путем. Она способна решиться на далеко не гарантированный поиск истины в совершенно неизведанных, глубоко проблемных областях, пытаясь найти для себя и для других творческое решения вопросов, стоящих на пути обретения единства личности. Тем самым она пытается спасти и сохранить величайшие духовные ценности многовековой истории человечества, чьим наследником по праву себя считает. И это на самом деле единственная возможность воспроизводства духовных ценностей, которые могут существовать, лишь развиваясь и содержательно обогащаясь. В единстве этих ценностей истинная человеческая любовь выступает вовсе не «самой сильной» в ряду других потребностей, а получает статус «единственно здравого и адекватного решения проблемы человеческого существования... Всякое общество, которое, так или иначе, ограничивает развитие любви, неизбежно рано или поздно погибнет» (Фромм Э., 1992. С. 178). Фактически, для социализированной личности путь самореализации есть единство трех взаимосвязанных моментов: развития самой личности; возрождения любви в качестве культурно-исторической ценности; деятельного ощущения ответственности личности за судьбу человеческого общества в целом, заботы о настоящем и будущем человечества. Их единство имеет для личности один и тот же смысл — самореализацию — и обеспечивает возможность достижения ценностей свободы и независимости («синдром роста» по: Фромм Э., 1992).

В то же время «синдром распада» (Э. Фромм) невозможен без уничтожения ценности любви, путь стагнации которой широко известен, прост и не требует никаких усилий по развитию личности и ее творческих способностей. Необходимо

¹ «Орлам случается и ниже кур спускаться; / Но курам никогда до облак не подняться!» (Крылов И. А. Орел и куры).

отметить, что опошление любви является гораздо более сильным ее ограничением, чем ханжеские «викторианские запреты». Это ограничение будет разлагающе действовать до тех пор, пока человечество не найдет таких теоретических и практических решений проблемы возрождения человеческой любви, которые могли бы вывести эту духовную ценность из негармонической и искусственно противоречивой связи с разнообразными продуктами ее разложения. Новые «волны» распада ценностей порождаются очередными приступами деструктивной активности со стороны массы самоизолированных индивидов, временно сплотившихся в решимости расширить круг «сексуальной новизны». До тех пор, пока существует указанная выше противоположность в направленности развития личности, будут сохраняться некрофильские импульсы разложения и адаптивного социально-невротического паразитирования на ценности человеческой любви. «Принцип, на котором основано капиталистическое общество, и принцип любви несовместимы» (Фромм Э., 1992. С. 177—178).

Самоизолированная личность «закупоривается» в своем эгоцентризме, поскольку путь познания драматичен и угрожает не только одиночеством, но и катастрофически нарастающим грузом социальной ответственности, в то время как путь адаптации удобен, комфортен и прост, гарантирует групповую и общественную поддержку. Это парадоксально, но в условиях рыночных отношений эгоцентрические личности лучше адаптированы к социуму, чем созидатели, остро чувствующие свою связь с обществом, его глобальными интересами и потому просто органически не принимающие эгоцентрический пафос либерального призыва к «личному успеху».

Социализированная личность — такова ее сущность — наделяет личностным смыслом не только область межличностных отношений, доступную ее индивидуальной активности, но даже, казалось бы, самые «независимые от ее воли», давно известные всем физические и космические яв-

ления. Личность не может жить и действовать на земле, не устремляясь в недоступные изолированному индивиду, поглощенному проблемами свободного секса, высоты общечеловеческих смыслов. На этом пути она сметает с дороги даже те барьеры, которые укреплены авторитетом научной истины. Справедливо подвергая сомнению абсолютность изолированных результатов научных исследований, активно отрицая их безличность, бескомпромиссно утверждая их неразрывную связь со смыслом человеческой жизни, подлинная личность агрессивно обрушивается на, казалось бы, «невинные», «никому не мешающие» знания.

«А я, по грехам своим, никак не могу взять в толк: как это земля может двигаться? Учебники читал, когда-то хотел быть сам астрономом, даже женился на астрономке. Но вот до сих пор никак не могу себя убедить, что земля движется и что неба никакого нет. Какие-то там маятники да отклонения чего-то куда-то, какие-то параллаксы... Неубедительно. Просто жидковато как-то. Тут вопрос о целой земле идет, а вы какие-то маятники качаете. А главное — все это как-то неудобно, все какое-то неродное, злое, жестокое. То я был на земле, под родным небом, слушал о вселенной, “я же не подвигнется”... А то вдруг ничего нет: ни земли, ни неба, ни “я же не подвигнется”. Куда-то выгнали в шею, в какую-то пустоту, да еще и матерщину вслед пустили. “Вот-де твоя родина — наплевать и размазать!” Читая учебник астрономии, чувствую, что кто-то палкой выгоняет меня из собственного дома и еще готов плюнуть в физиономию. А за что?» (Лосев А. Ф., 1991. С. 31).

В еще больше степени драматизирует ту же мысль В. В. Розанов.

«Заботится ли солнце о земле? Ни из чего не видно: оно ее “притягивает прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадратам расстояний”. Таким образом, первый ответ о солнце и земле Коперника был глуп. Просто — глуп. Он “сосчитал”. Но “счет” в применении к нравственному явлению я нахожу просто глупым. Он просто ответил ГЛУПО, негодно. С этого глупого ответа Коперника на нравственный вопрос о планете и солнце началась пошлость планеты и опустошение Небес. “Конечно, земля не имеет о себе заботы солнца, а только притягивается по кубам расстояний”. Тьфу!» (Розанов В. В., 1990. С. 130).

Похожее ощущение испытывают ученики на уроках биологии. К сожалению, довольно часто даже занятия по «этике и психологии семейной жизни» также оказываются лишены личностного и смыслообразующего аспектов. На детский вопрос о сущности любви безответственные взрослые, подталки-

ваемые производителями бракованной продукции, говорят: «Предохраняйся!» Это вроде того как, зная, что из десяти парашютов раскрывается только один, подталкивать детей к освоению затяжных прыжков. Вот и весь смысл любви, который эти взрослые осознали за свою долгую жизнь.

В ранней истории человечества, имея в своем распоряжении лишь скудные научные познания, большая часть которых затем была отнесена к области заблуждений, люди переживали все, что относится к сексуальной сфере не только более ярко и образно, но и определенно онтологически. Достаточно вспомнить мифы Древней Греции, герои которых придавали особое значение «Семени» (Кун Н. А., 1987), не допуская даже возможности восприятия его в качестве некоего «отстоя», который подростку не терпится «слить». Онтологическое мышление древних, опираясь на более выраженное единство личности и цельность мировоззрения, видело даже в сексуальных перверсиях гораздо больше личностного — а потому драматического и героического — содержания, чем то, которое сейчас остается в рассуждениях психотерапевтов и многих психологов, втянутых в орбиту «черной дыры» генетической предрасположенности. Например, онтологическое осознание актов зоофилии, несомненно, способствовало порождению фантастических, но убедительно живых образов человеко-зверей и прочих монстров.

Кстати, даже в страхах современных мастурбирующих подростков иногда можно обнаружить парадоксально больше смысла, чем в гуманистических увещаниях насквозь толерантных сексологов. «Усыхание спинного мозга» — это не просто глупость и заблуждение. Дело в том, что в нормальном переживании оргазма теряется ощущение гениталий. Оно захватывает все тело, и в большей степени, судя по ответам опрашиваемых, ощущается в спине, «идет волной от затылка по позвоночнику», а не ограничивается областью фаллоса, на котором фиксирован несчастный подросток, который не в состоянии удержаться, чтобы в очередной раз не получить свой «фюйт». Но секс — это не подъем на скоростном

лифте: первые, даже опошленные и извращенные, ощущения полны уникальной новизны и просто по определению не могут вновь повториться с той же силой. Вот подростку или регрессирующему взрослому, переживания которого со временем могут стать лишенными оргазма, и кажется, что спинной мозг «истощается» или «усыхает». Потом он в поисках «новизны» начинает осваивать тупиковый путь «от простого к сложному» в широком спектре разнообразных перверсий — от эксгибиционизма до гомосексуализма.

И дело здесь не в том, что современные подростки уже «вооружены» достоверными научными знаниями об одноклеточных сперматозоидах, а в том, что, в зависимости от достигнутого до травмы уровня развития, одни из них видят в каждой из этих клеток смысл продления жизни, смутный образ будущих детей, чувствуют свой долг уберечь их от обид и оскорблений со стороны потенциальных персонификаторов, а другие — только «фюить». Одни задумываются над тем, что в двух противоположных клетках содержится вся программа биологического развития, в которой заложены целые галереи уникальных «портретов» как людей ныне здравствующих, так и давно ушедших из жизни; а другие чувствуют лишь напряжение в гениталиях. В этом отношении онтологическая сторона сексуальных переживаний может рассматриваться в качестве мощного, но до сих пор практически неиспользуемого источника профилактики различного рода сексуальных перверсий.

Фаллические жесты, ритуально воспроизводимые в момент победного ликования, несомненно, являются символами гомосексуальной субкультуры, которая под покровительством торжествующих криминальных ценностей легко проникла в катастрофические разломы культуры. Приобретя статус привычных, эти жесты стали незаменимым невербальным элементом пропаганды гомосексуальной толерантности.

Половое воспитание отнюдь не сводится к обучению навыкам пользования противозачаточными средствами. Оно совершенно неэффективно без соблюдения целого ряда не-

обходимых условий; хотя бы без такого не самого важного из них, как понимание подростком смысла эротической интимности, который не может быть сведен к усвоенному в детстве простому правилу скрывать свои гениталии от глаз окружающих¹. Может быть, это покажется пока парадоксальным или неубедительным, но, на наш взгляд, развитие эротической интимности невозможно без преодоления субъектом ощущения ничем не ограниченной личной «свободы владения» своими гениталиями. Речь идет не о реанимации запретов, а о формировании внутреннего плана присутствия некоего, проецируемого вовне «анимического образа» субъекта противоположного пола, который доброжелательно, но определенно подсказывает интуитивное сопротивление желанию подростка «просто начать играть».

Соглашаясь на участие в сексуальной ненормативной игре, подросток должен знать, что он делает ответственный выбор: сохранить или навсегда расстаться с анимическим образом будущего спутника жизни, который в случае травмы замещается образом (начинает играть роль) социального персонификатора. Только мастурбирующий подросток всегда убежден, что он имеет «полную свободу» распоряжаться своими половыми органами «как хочет» и ничего от этого не теряет. Фактически он не видит различия между гениталиями и карманными деньгами: и те и другие — в рыночных понятиях — «принадлежат ему», и те и другие можно разменивать на приобретаемые удовольствия. Появляется возможность быть «анально скупым» или генитально «щедрым» и т. п. Но за весь этот «блошинный рынок» ценностей власти нельзя купить потерянной юноше-

¹ Правда, это правило не подкреплено «архитектурой» школьных туалетов. Кстати, сейчас на отрицании указанного запрета держится временная популярность целой серии сугубо «товарных» или заказных кинолент, которые в силу довольно банального содержания и серости режиссуры неизменно «оживляются» сценами анально-уретрального натурализма. А вдоль автомобильных трасс, сплошь и рядом, появились группы молодых и пожилых подражателей «браткам» и другим «положительным» героям этих «блокбастеров», которые демонстрируют проезжающим свою победную уверенность пивных эксгибиционистов, с презрением отвергая любую возможность укрыться от постороннего взгляда, чтобы облегчить мочевого пузырь.

ской мечты, которая ранее легко возносила подростка к вершине, возводимой человечеством многие тысячелетия.

В стихийной практике онтологический аспект не исчерпывается только позитивным, развивающим содержанием. Здесь есть основа и для формирования прямо противоположного содержания, включающего, в частности, «панк-мифологию», которая гармонично согласуется как с анатомо-физиологическим редукционизмом, так и с классическим психоанализом. Все зависит от того, насколько подросток — самостоятельно или в «сопровождении» психотерапевта — различает и реально учитывает более высокий уровень культурно-исторических ценностей, насколько ему удастся понять личностный смысл своих импульсивных или стандартных групповых действий.

Во всяком случае, онтологический аспект сексуальных отношений располагает вполне достаточным содержанием для организации более эффективной психологической профилактики сексуальных перверсий. Его освоение сделает излишним дилетантские набеги педагогов и психологов в область анатомии, физиологии и «чистой медицины».

«Одним из механизмов возникновения эксгибиционизма в пубертатном возрасте может быть внезапное появление взрослых во время мастурбации. Страх, стыд резко усиливаются и так высокое половое возбуждение, наступает необычно яркий оргазм» (астная сексопатология, 1983. С. 82). Заметим, что в основе «страха и стыда» в данном случае стоит интериоризированный социальный запрет¹. Без него невозможно понять психологическое содержание эксгибиционизма, гомосексуализма, садомазохизма и т. п. Несомненно, что переживаемый садистом эффект «оргазмического удивления» и новизны в определенной степени провоцируется парадоксальными мазохистскими реакциями партнера на агрессию, физические издевательства, побои, на явно циничные и намеренные оскорбления. Это социальное по своей природе усиление эротического возбуждения садиста явно опирается на социальные ожидания гнева, отпора и защиты партнером

¹ Никакого страха и стыда у животных в этом отношении не наблюдается.

своего человеческого достоинства, которые служат социальным фоном и необходимым условием садомазохистских перверсий.

Если ребенку или подростку безнаказанно разрешается — чаще всего это даже специально провоцируется — мучить физически более сильного взрослого, например, слабой девочке бить плетью взрослого мужчину, то эмоциональный шок и сила аффекта, суммирующиеся со слабым пока сексуальным возбуждением, могут привести к катастрофе в процессе развития личности несовершеннолетнего, обратить социализацию в регрессивную адаптацию и направить дальнейшее формирование личности ребенка или подростка по пути социальной невротизации.

Изучение генезиса эксгибиционизма, гомосексуализма и садизма не является предметом этой книги. Нас интересуют только те аспекты социально-невротического развития, которые связаны с психологической травмой, являются ее началом, следствием или тем и другим одновременно. Причем нас интересуют даже не все социально-психологические процессы, которые способствуют обращению анатомо-физиологических особенностей подростка в факторы риска перверсий. Например, припухание грудных желез у части мальчиков в пубертатном возрасте, выраженная полнота и некоторые другие индивидуальные анатомо-физиологические особенности, несомненно, повышают вероятность принятия женской роли при игровой имитации полового взаимодействия в мальчишеской группе. Но важно учитывать при этом, что реальную опасность перверсий создают не непосредственно анатомо-физиологические особенности, а то значение, которое они приобретают в «серьезных играх», с их иллюзорной свободой выбора потенциально травматической роли, поначалу представляющейся индивиду «безопасной».

Несомненна и роль сильных запахов, вызывающих отвращение окружающих, в условиях замкнутой физической среды. Угнетенность и раздражение неприятным постоянным запахом, как правило, преодолеваются в условиях дест-

руктивных групп двумя способами агрессии к его источнику. Побой жертвы вызывают удовлетворение власти, а сексуальная агрессия превращает непреодолимое отвращение в ощущение «сексуального аппетита». Ассоциативная связь этих запахов с предшествующими условиями мастурбации, как правило туалета или ванной комнаты, несомненно, провоцирует окружающих, имеющих соответствующий опыт, к сексуальной агрессии.

Мы не ставим своей задачей прослеживание дальнейшей истории социально-патологического развития. Нас интересует другое: почему, к примеру, в одних случаях гомосексуальный контакт переживается индивидом в качестве актуальной психологической травмы, а в других остается лишь потенциальной травмой, разрастается в стандартный или творческий (Жене Ж., 1997) вариант социально-невротической адаптации? В этом отношении гомосексуальное и садомазохистское взаимодействие интересуют нас, прежде всего, с точки зрения выявления истинных мотивов поведения *активной стороны*, имея в виду мотивы *формирования* диадической или групповой роли в рамках травматического взаимодействия.

Понятна относительность этого деления пострадавших на активных и пассивных: не только «садист», но и «мазохист» может стать инициатором травматического взаимодействия. И в конце концов, они могут меняться ролями: склонность к садизму и мазохизму соединяется в одном лице. Нас не интересует и чисто социально-психологический аспект этого взаимодействия, каковым является процесс распределения и принятия участниками группового взаимодействия ролей, ставших уже стандартными, который характерен, к примеру, устойчивым антисоциальным (деструктивным) группам со сложившимися нормами и ценностями.

Как уже отмечалось выше, концепция Э. Берна вообще не оставляет места для возможности анализа психологической травмы. В рамках транзактного анализа она оказывается просто фикцией, иллюзией обыденного сознания, драматизи-

рующего веселое времяпрепровождение, которое желающие могут усилить изрядной дозой адреналина, не более того. Все человеческие драмы понимаются автором в качестве «игр третьей степени», в которых свой выигрыш получают как преследователи, так и жертвы, каждый непременно обеспечивает себе то, к чему бессознательно стремился и садист, и мазохист.

На самом деле эта убедительная картина отражает уже посттравматическую реальность, в которой обе стороны травматической ситуации, вынужденно или по собственному выбору, окончательно оставили путь социализации и видят перед собой лишь социально-невротические ценности. Пострадавшие от собственных действий становятся сутенерами с явно садистскими наклонностями, а жертвы сексуального насилия мазохистски отдают им в полную власть свое тело для сбыта и разного рода спекуляций на рынке сексуальной эксплуатации.

Как справедливо отметил Ф. Перлз (1995), поведение проститутки, ее «свободная от социальных условностей» манера жизни, ценности — все это не больше чем психологическая защита, ставшая необходимым условием социально-невротической адаптации в результате полученной травмы. Проститутку, в отличие от гетеры или современной жрицы полной сексуальной свободы¹, которая сама выбирает с кем ей встречаться (как правило, в целях безопасности лишь с женатыми мужчинами), характеризует именно эта рабская зависимость от сутенера. Хотя, можно заметить, что и сутенер, и каждый новый «арендатор» ее тела в то же время выполняют и некоторую «облегчающую» ее глубинную душевную боль функцию — помогают «затереть» образ ненавистного персонификатора.

В то же время необходимо отметить гениальную научную проницательность Э. Берна. Он не просто «лукаво обошел»

¹ Ее «личный успех» не вызывает сомнений у окружающих. У нее, к примеру, могут вполне «хорошо идти дела» в организованной ей коммерческой или рекламной фирме по сбыту бракованных резиновых изделий, которые провоцируют у доверчивых и успокоившихся от сознания своей «безопасности» подростков и взрослых заражение СПИДом.

стороной факт существования травмы. На самом деле он замечательно показал, что проблематика травмы не уместается в логику и динамику трансактных игр. Травма — это не просто процесс общения, обмена трансакциями, который не имеет устойчивых результатов, в частности, в форме складывающихся взаимоотношений. Как уже отмечалось выше, травма — это, прежде всего, взаимоотношения власти, делающие жертву несвободной, зависимой от персонификатора.

Сама форма взаимоотношений у Э. Берна распадается на множество комбинаторных сочетаний «эмоциональных позиций»: Ребенка, Взрослого или Родителя, которые объединяются лишь общим, усвоенным в детстве типом игры. А ход игры, ее динамика нацелены на «выигрыш», т. е. имеют причину в будущем. Здесь Э. Берн, который неустанно повторяет, что у З. Фрейда есть все, явно изменяет своему учителю, но в то же время он не становится и на позицию А. Адлера. «Выигрыш» в его понимании не «фиктивная цель», а нечто реальное и уже испытанное в прошлом. При этом Э. Берн не пытается анализировать те качественные различия, которые могут возникнуть в самом содержании «выигрышей» в процессе развития личности.

Такое впечатление, что «экзистенциальный выигрыш» презентирован ребенку уже в трехлетнем возрасте. По крайней мере, от представителей теоретического направления в психотерапии, которое справедливо придает такое большое значение половой потребности и манипулятивным играм, можно было бы ожидать анализа возрастных изменений самого содержания «выигрышей» в процессе полового созревания индивидов. Ведь одно дело, к примеру, ощупывание гениталий и взаимная мастурбация в детском возрасте, а другое — в половозрелом.

Если речь идет к тому же об однополой группе, то мы можем ожидать качественный переход процесса детского полового экспериментирования в гомосексуальные взаимоотношения. А если в этой группе подростков есть несовершеннолетние, которые отстают в половом развитии или опережают

других, что тогда? Одни могут испытать оргазм, а другие нет. У одних «фюйть» никак не получается, а другие обливают спермой малолеток, которые до этого завистливыми глазами смотрели на неузнаваемо изменившиеся и фантастические для них объемы гениталий своих старших дружков, а затем плачут от растерянности, не зная как понять и оценить случившееся. Где здесь садизм, а где мазохизм, если это все случилось с участниками сексуальных игр в первый раз? Где игра, а где травма? И у кого из двоих?

Кажется, что обиженным должен непременно оставаться всегда младший и слабый. Но с началом полового созревания само понятие силы и слабости становится относительным. Даже в гетеросексуальных отношениях позицию доминирования часто занимает более бесчувственная или нарциссическая, относительно незрелая, часто с задержкой в сексуальном развитии сторона, не испытывающая к другим той же силы эротического влечения, которая притягивает к ней сексуальных партнеров. Слабая женщина может «чисто по-женски» руководить целой группой покорных ей мужчин — поклонников, чиновников, членов политического движения и т. п., изнывающих от сладкого плена ее очарования.

Известно, что у рано созревающих в половом отношении девочек снижается их социальный статус в группе. Это может быть объяснено только тем, что в условиях состязательности и групповой борьбы за власть девушка становится уязвимой. Ей приходится преодолевать депрессию в период менструаций и собственную подростковую гиперсексуальность, которой она еще не умеет в достаточной мере управлять. Ее половая потребность на стороне еще недостаточно пробужденных в сексуальном отношении конкуренток, для которых не так страшно оказаться под взглядом любопытствующих мальчиков не только без макияжа, но и с поднятой ветром юбкой или случайно обнаженной в детской игровой возне грудью. И они это прекрасно интуитивно понимают и неосознанно используют до тех пор, пока их сексуальная по-

требность также не достигнет подростковой нормы, т. е. уровня слабо контролируемой гиперсексуальности, пока сексуальное любопытство мальчиков не заместится более зрелым подростковым интересом, провоцирующим сексуальную конкуренцию одноклассниц.

Что касается гомосексуальных отношений, то ситуация для дальнейшего развития личности подростка оказывается еще более рискованной. И. Кон приводит выдержку из дневника 14-летней девочки, которую спасла от психологической травмы полноценная социальная ориентация и успешная половая идентификация подруги: «Однажды, оставшись ночевать у подруги, я ее спросила — можно мне в знак нашей дружбы погладить ее грудь, а ей — мою? Но она не согласилась. Мне всегда хотелось поцеловать ее, мне это доставляло большое удовольствие. Когда я вижу статую обнаженной женщины, например, Венеру, то всегда прихожу в экстаз» (Кон И., 1989. С. 225).

Автор скептически относится к идее латентной гомосексуальности, считая более вероятной причиной явно выраженного стремления девочки к эротическому телесному контакту лишь мотив «передачи эмоционального тепла, поддержки и т. д.» Что касается «латентной гомосексуальности», то скептицизм И. С. Кона вполне обоснован, так же как и отрицание тождества «допубертатной гомосексуальной активности» и «будущей сексуальной ориентации». Правда, все это слабо согласуется с безапелляционными утверждениями об этапах формирования «гомосексуальной ориентации», включенными автором в тот же текст несколькими страницами ниже (см.: Кон И., 1989. С. 226).

Заметим, что для «эмоционального и телесного» дружеского контакта вполне достаточны и другие части тела, и не обязательно обнаженного. В принципе для развития юношеской дружбы или гетеросексуальной симпатии достаточно смотреть в глаза или просто синтонно общаться. Телесный контакт может катализировать этот процесс и сделать его необратимой страстью к духовному и телесному едине-

нию. Но это волшебное свойство телесного контакта, отмеченное великим поэтом-психологом, действует только тогда, когда этот контакт запрещен, как бы «случаен». Он не имеет ничего общего с привычкой «виснуть» на партнере и тем более с компульсивной фиксацией на взаимном тактильном восприятии «первичных и вторичных половых признаков».

Сексологи и психотерапевты много пишут об оргазме, даже выработали сексуальные стандарты, которые являются источником постоянных страхов и тревожности у населения целой сверхдержавы (Мей Р., 1997), но почему-то оторвали его духовную сторону от физиологической. Развитие полноценной любви осуществляется не «от простого к сложному» и не «от материального к идеальному», а как раз в прямо противоположном направлении. Материальное вообще не исчезает в идеальном. «Как исчезающий момент» материальные действия существуют в любом контакте глаз.

Достоверно описание случаев, когда молодые люди испытывали специфический психологический оргазм, не сопровождающийся семяизвержением, но, тем не менее, представляющий собой вполне завершённый акт, фазы которого и необычайно ценные переживания в восприятии испытывавших их респонденты могли четко охарактеризовать. В итоге непрерывного и интенсивного контакта глаз с глазами незнакомой девушки юноши отмечали «сполох» уникальных переживаний, которые они помнят как значительное эмоциональное событие своей жизни. Неизменно отмечается взрыв радости («северное сияние!»), переходящий в глубокий душевный покой, аналогичный абсолютному чувству безопасности в раннем детстве¹.

В этом есть что-то от переноса детской любви ребенка к матери (или отцу) на сверстницу (сверстника), но без инфан-

¹ «И взглянул, как в первые раза / Не глядят. / Черные глаза глотнули взгляд. / Вскинула ресницы и стою. / — Что, — светла? — / Не скажу, что выпита дотла. / Все до капли поглотил зрачок. / И стою. / И течет твоя душа в мою» (Цветаева М., 1998).

тилизма, без «подстройки снизу». Это, несомненно, результат более зрелого, избирательного, вполне сознательного и эмоционально насыщенного полового общения. Случайно встретившись, юноша и девушка, будучи переполнены новым и необычными для них переживанием, спокойно и радостно продолжают идти, сначала навстречу, а затем необратимо, без сожалений отдаляясь друг от друга. Но уже никогда не смогут забыть случившееся.

Половое же экспериментирование — это, как правило, тупиковый путь «от фрикции к чувствам», на котором катастрофически возрастает риск сексуальной травматизации подростков. Попытка непосредственно соединить дружеские чувства с сексуальным удовольствием, как в приведенном выше примере И. С. Кона, также является внешней и искусственной. Общественная культура создала барьеры, препятствующие формированию этой искусственной связи; как абсолютный — в отношении гомосексуального секса, так и относительный — в отношении преждевременного форсирования несовершеннолетними гетеросексуальной эротики.

Как уже отмечалось, эти барьеры в настоящее время целенаправленно и последовательно размываются. Снижение их уровня облегчает адаптацию гомосексуалистов, но понижает высоту того социального «трамплина», который необходим для начала освоения подростками «свободного полета» истинной человеческой любви. Да, в викторианскую эпоху судьбы тысяч несчастных, сорвавшихся с этой высоты, к сожалению, необратимо уродовались, но есть и другой путь обеспечения психологической безопасности подростков, кроме превращения человеческой любви в плоскую сексуальную равнину. Надо основательно учить их любить, как об этом убедительно пишет Э. Фромм (1992). Конечно, эта задача не из легких: «учить летать» сложнее, чем сравнивать с землей культурно-исторические вершины духовного созидания.

Вернемся к приведенному выше примеру И. С. Кона. Представим, что подруга согласилась бы с предложением своей экзальтированной обожательницы. Каковы предположительные, но вполне возможные и закономерные последствия подобного телесного контакта? Могут ли подростки, уединившиеся на всю ночь, остановить сексуальное экспериментирование? Очевидно, маловероятно, если только кто-то из двоих сразу же не найдет в себе решимости отвергнуть рискованную идею. Для этого у них просто нет знаний и представлений о той границе, за которой они уже не способны остановить не только партнера, но и себя (Мей Р., 1997).

Попробуем экстраполировать результаты процесса гомосексуального экспериментирования, если оно все же трагически перешло существующий, хотя, очевидно, лишь знаемый, а вовсе не смысловой социальный барьер. Пассивный участник сексуальной игры подростков, который уже достиг выраженной половой зрелости, т. е. находится на одном уровне сексуального развития, при прочих равных условиях, видимо, должен первым испытать оргазм. В чем же иначе состоит секрет непреодолимой притягательности этой роли для мазохиста?

Одна из участниц лесбийского экспериментирования получает «фейерверк удовольствия», а другая — ощущение момента абсолютной, не контролируемой сознанием подруги власти над ее телом, которое затем резко усиливает и ее собственное половое возбуждение. Как правило, активная сторона лесбийской пары вскоре также достигает оргазма путем последующей мастурбации, «впиваясь взглядом» в непостижимую откровенность преображенного страстью лица партнерши, в переливы волн напряжения и расслабления, сотрясающих ее беззащитное тело. Одновременный оргазм в таких случаях достаточно редкое явление.

Если активная сторона лесбийской пары, несмотря на дополнительное возбуждение и последующую мастурбацию, все-таки не смогла, в силу своей неполовозрелости

(далее: Нпз), достичь оргазм, то у нее необходимо должен актуализироваться комплекс половой неполноценности, который в социально нерегламентированных условиях сексуального экспериментирования¹ компенсируется исключительно стремлением к власти (Адлер А., 1993, 1997). Зависть Нпз к своей половозрелой партнерше (далее: Пвз) переходит в стремление к власти.

Особенно бурно стремление Нпз к власти начинает развиваться в условиях повторных актов сексуальной игры, т. е. в условиях формирования гомосексуальной ориентации обеих участниц сексуального экспериментирования. Нпз убеждается, что Пвз при воспоминании о полученной сексуальной травме, даже когда она совершенно не склонна к сексуальной игре, после кратковременного негодования по поводу слов и действий Нпз вдруг теряет самообладание, первоначальный гнев легко переходит в страсть, она тает, ее ноги подкашиваются, и она опять оказывается в полной власти Нпз. Таким образом, Пвз получает мазохистское оргазмическое удовольствие, а Нпз садистическое ощущение безусловной власти².

Поведение Пвз полностью отвечает упрощенному стандарту женской роли, выработанной в однополой группе девочек-подростков. В этом отношении у нее нет проблем. Они могут появиться только в случае ее достаточной предварительной социализации, если усвоенный ей культурно-исторический образ будущего избранника («анимус») сможет ярко оттенить примитивность представления о мужской роли в группе девочек, склонных к сексуальному экспериментированию.

¹ Это экспериментальное взаимодействие не может быть социально регламентированным по той простой причине, что оно является общественно осуждаемым, запретным. Это, конечно же, не значит, что его надо просто «либерализировать».

² Это очень похоже на взаимоотношения нелюбящего мужа и страстной жены, которая всякий раз ругает его за холодность, а себя за уступчивость и отсутствие характера и в то же время подсознательно жлет мига нежности и ласки, чтобы отчаянно отдаться партнеру.

Таким образом, Нпз достается роль мужчины, что совпадает с содержанием позиции, которую она занимает в уже сформировавшихся взаимоотношениях власти. Дальнейший наиболее вероятный — бесконфликтный и адаптивный — путь развития Нпз «простраивается» по линии активного гомосексуализма с закреплением ее мужской роли в лесбийской паре. Развитие Пвз одинаково открыто как для гомосексуального, так и для гетеросексуального взаимодействия (возможная бисексуальность), поскольку лесбийская любовь пассивных участниц не вызывает отвращения и столь категорического отвержения у гетеросексуальных мужчин, как гомосексуализм мужчин у женщин «с традиционной сексуальной ориентацией».

Сексологи и психотерапевты, как правило, обобщают подобные ситуации с точки зрения взаимного удовольствия партнеров, «взаимной власти» и даже «взаимной любви». Но, во-первых, авторы безусловно нацелены на выявление закономерных (непререкаемых) «этапов формирования гомосексуальной ориентации», понимая под этим лишь *процесс осознания* индивидом своей биологической «предрасположенности». Вообще-то большей бессмыслицы трудно придумать: как может сформироваться биологическая (генетическая) *программа* «предрасположенности» к отрицанию продолжения биологической жизни (авторы неизменно имеют в виду вовсе не «сбои в генетической программе» жизни, а именно генетическую программу вымирания)?

Понятно, что танатос З. Фрейда здесь всегда к услугам генетических гуманистов. Но танатос заставляет человека непременно пройти необходимые для продолжения и возрождения новой жизни этапы созидания, а не стоит барьером на их пути. В свете остроумной концепции З. Фрейда танатос может подтолкнуть человека поскорее достичь профессиональных высот, вырастить детей, посадить дерево, причем исключительно с тем, чтобы его на этом свете больше ничего не задерживало. Но даже по логике автора психоанализа человек оставляет после себя результаты своих творческих деяний, построенные дома, возвращенные им сады и, наконец,

живую природу, которую он сохранил и приумножил. При чем оставляет он все это не в космической пустыне, где счастливо доживает свои последние дни вымирающее человечество, большинство которого составляет сплошная масса равноправных гомосексуальных семей, а потомкам, у которых есть надежда на будущее.

Во-вторых, данную группу исследователей и практиков психотерапии вообще не интересует содержание гомосексуальной травмы. Вместо анализа причин и последствий эмоционального шока подростков в результате сексуального экспериментирования они рассматривают взаимоотношения в уже сложившихся гомосексуальных *группах*, в которых эта травма присутствует лишь в потенциальной форме.

В-третьих, они фиксированы — в соответствии с социальным заказом большинства состоятельных клиентов — на проблемах *социальной адаптации* устойчивых социально-невротических пар, часть которых уже не нуждается в психологической помощи, наращивая социально-невротическую законодательную инициативу с целью обеспечения юридического права на регистрацию гомосексуальных «семей»¹.

В данной книге, напротив, в центре внимания — анализ открытой (актуальной) травмы. Более того, содержание травматического взаимодействия интересует нас, прежде всего, с личностно-возрастной стороны, а не в качестве социального или «чисто группового» социально-психологического феномена, который может быть понят исключительно в терминах интеракции, социальной перцепции, регулирования взаимоотношений групповыми нормами и ценностями и т. д.

Дело в том, что, распространяясь через группу уже в качестве социальной болезни, гомосексуализм действительно «передается» маргинальным подросткам, так же как и наркотическая зависимость, через веками отлаженную систему

¹ «Усыновленные» в эти семьи дети, несомненно, обречены на перспективу формирования гомосексуализма, в лучшем случае, бисексуальности. По сути, это есть одно из вопиющих нарушений прав ребенка — права на развитие половой идентичности.

преодоления предупредительных социальных барьеров. Подросток обеспечивается системой групповой личностной защиты от агрессивных социальных санкций еще до формирования актуальной потребности в ней. Вместе с гомосексуальными партнерами в жизнь подростка необратимо врываются социально-невротические ценности, вытесняя и разрушая личностные новообразования, достигнутые им на пути социализации.

Вполне понятно, что если руководствоваться психоаналитическим принципом (и ценностью) «удовольствия», то для субъектов, недоразвитых в эмоциональном отношении, понимание ощущений партнера, на первом этапе взаимодействия в гомосексуальной паре, может быть выше, чем позволяет их опыт гетеросексуального взаимодействия. Со временем индивид, выполняющий мазохистскую роль, неизбежно перестает получать тот уровень возбуждения со стороны своего партнера, который позволял ему раньше достигать оргазма. Он будет возбуждаться все дольше, начнет капризничать, точно так же, как это бывает в гетеросексуальной паре. Индивид в роли мазохиста все же будет за счет своей «пассивности» продолжать получать какое-то сексуальное наслаждение, которое он начнет «вымогать» у партнера, у которого останется «одна лишь власть». Но эта власть индивида, играющего роль садиста, уже не может принести ему одновременно и сексуального удовлетворения, поскольку ее условием является заражение оргазмическими переживаниями партнера, а не его поза «неподвижной расслабленности». Яркий шарик взаимоотношений власти «трескается», и его ценности «разваливаются» на две половинки: наслаждение одного индивида — власть другого. Последний все более чувствует себя несправедливо обделенным, впрочем, точно так же, как и первый.

Это непременно приводит к конфликту, содержанием которого является взаимная ориентация индивидов на ценности власти. Сексуальное наслаждение и власть начинают распадаться и требуют для своего поддержания «новизны»,

которую в полной мере могут привнести в их духовно опустошенное существование только новые партнеры. Это, как правило, несовершеннолетние, которые еще «не знают» оргазма. Говоря словами И. Кона, у них «еще не сформировалось» соответствующей «ориентации». Как мы убеждаемся, гомосексуальная среда просто не может существовать, не втягивая в садомазохистское взаимодействие все новых несовершеннолетних. И толерантным взрослым, наверное, необходимо все-таки различить в этой своей толерантности две стороны: отношение к пострадавшим индивидам, которое должно быть не «жалостливым», а конструктивным и деятельным; и отношение к гомосексуализму вообще, т. е. к негативному социальному явлению.

Что касается собственно гомосексуальной *травмы*, то ее суть в другом — в катастрофическом формировании психологических барьеров на пути самореализации участников «серьезных сексуальных игр». Эти барьеры прерывают процесс дальнейшей социализации и служат причиной регресса травмированных личностей. Филогенетически первой и исходной в психологическом анализе сексуальной травмы мы, с наибольшей вероятностью, можем считать ситуацию взаимодействия подростков, протекающую в условиях отсутствия норм и понятий, позволяющих участникам осознать и оценить случившееся¹, причем не только социально конструктивно, т. е. в направлении психологической реабилитации, но и в защитно-групповом аспекте. В этом случае сознание участников полового экспериментирования еще не может опираться на понятия и нормы гомосексуальных групп. Поэтому барьер психологической зависимости в рамках взаимоотношений власти, собственно, и становится, на наш взгляд, возрастно-психологическим источником формирования гомосексуальной фиксации и соответствующего деструктивного отклонения в развитии ребенка.

Разумеется, в намеченном выше социально-гуманистическом анализе гомосексуальной травмы тоже присутствует

¹ Это и есть главное социальное условие садомазохистских переживаний подростков и формирования взаимоотношений власти.

социально-психологический аспект, так же как, к примеру, и в транзактном анализе, который длительное время по совершенно непонятным причинам официально не включался в программы учебных курсов социальной психологии на территории нашей страны. Речь идет вовсе не об отрицании значения социально-психологических знаний, которым мы, напротив, на страницах этой книги неизменно придавали должное значение, или выстраивании неких разграничительных междисциплинарных границ, за которые якобы не должен выходить анализ *филогенетической первоосновы травматических ситуаций*. Мы заботимся лишь о том, чтобы анализ собственно психологической травмы не был преждевременно затушеван или смазан вторичными групповыми закономерностями, которые наслаиваются на него клубком достаточно традиционных социально-психологических проблем.

Не стоит приуменьшать значение не только социально-психологических, но и социально-экономических факторов и причин психологических травм. Это уже касается всех их типов. Как отмечалось выше, за последние двадцать лет в сотни и тысячи раз выросло число преступлений. Выросла и вероятность психологической травматизации: одно дело — единственный, жалкий и запуганный «криминальный диссидент» на тысячу автобусов, другое — по десятку в каждом, чувствующих себя «хозяевами жизни». Не только рядовые граждане, но и работники милиции просто боятся «связываться» в транспортных пробках с пассажирами «лендроверов», скрывающихся за черными стеклами, опасаясь «нарваться» то ли на депутатскую неприкосновенность, то ли на автоматную очередь. Это и есть социальная основа терроризма. Точно так же и в отношении проституции: одно дело — ограниченная до минимума витрина «интерсервиса» как показатель скрытого вызревания рыночных отношений внутри плановой системы, другое — целые магистрали и трассы, буквально облепленные «ночными бабочками».

Для лечения «социальных болезней» необходимо не только выявление филогенетически первичных психологиче-

ских причин, но и достаточно серьезные экономические затраты и, конечно же, социальные преобразования, обеспечивающие необходимые социальные условия для профилактики и «лечения». Одного только психологического диагноза недостаточно. Как минимум, нужна решимость государственной власти, чтобы сократить наиболее опасные виды социального зла, а в перспективе и покончить с ними. А поскольку подобного результата и в перспективе не предвидится, то именно поэтому сейчас в науке доминируют радостно-победные возгласы сторонников генетической природы рассматриваемых явлений. Хотя на самом деле их популяризаторские аргументы в стиле: «Это было на протяжении всей истории человечества» — вообще лишены всякой логики¹.

Чума, оспа и холера веками уносили жизни людей. Когда же был поставлен точный медицинский диагноз и, что явилось решающим условием, проведены масштабные и «затратные» санитарно-эпидемиологические организационные меры, то миф об их неизлечимости рассеялся. Любую болезнь, даже ту, против которой пока не найдено необходимых средств, человечество может научиться побеждать. Но для этого, как минимум, необходимо отдифференцировать общественную толерантность к пострадавшим от благодушия в отношении самой болезни.

Психологическое здоровье граждан экономически развитых демократических государств, видимо, пока мало беспокоит власти. Относительно небольшие средства с трудом получены только на выработку у социализированных личностей толерантности к гомосексуальному поведению и проституции. Это в принципе была бы неплохая полумера при условии, что она не будет выводить из-под действия закона тех неформальных «вербовщиков», которые, заботясь об удовлетворении своих потребностей, официально объявленных вполне

¹ Здесь они, видимо, рассчитывают либо на массовую умственную отсталость специально подобранной телевизионной аудитории, либо на фанатическую приверженность любителей желтой прессы исключительно к рыночным ценностям.

нормальными, вдруг оказались без «генетически предусмотренных для них партнеров» именно в данном городе, в ближайшем районе и микрорайоне.

Как им узнать: кто из сексуально привлекательных для них подростков уже имеет гомосексуальную ориентацию, а кто нет? Где такие генетические экспертизы, которые расшифровали генетический код гомосексуализма и могут его практически обнаружить, взяв на анализ кровь, кожу или волосы? У них один путь — провоцировать внушаемых и конформных подростков, в чьих семьях не обеспечивалось необходимых условий для полоролевой идентификации детей, запредельную тревогу и страх в сочетании с надеждой на импортные лекарства для рращения «нормальности и толерантности», подавлять неокрепшие души, опираясь на свой возраст, опыт, материальное положение. Наибольший риск вовлечения в гомосексуальные игры со стороны опытных манипуляторов, развернувших активность в поисках «подходящей пары», имеют воспитанники детских домов и интернатов, особенно дети со сниженным социальным и групповым статусом, а также подростки из неблагополучных в психологическом отношении семей. Неблагоприятные в этом отношении семейные условия достаточно хорошо изучены: отвержение по полу, абсолютное лидерство матери в современной семье, где воспитываются мальчики (по: *Адлер А.*, 1993), инфантильное усвоение половой роли, сплошь состоящей из запретов, и т. д.

Кто-то возразит нам, что существующий закон защищает несовершеннолетних. Но ведь мы об этом как раз и говорим на протяжении всей главы: для того чтобы у индивида развились преступные античеловеческие склонности, он вовсе не должен «сначала достичь совершеннолетия». Это вовсе не «порядок выдвижения в делегаты», не надо путать. И то, что психологи до сих пор рассматривали только те случаи, которые попадают под юридическую ответственность, сыграло с ними злую шутку: образ персонифицированного социального зла отождествился исключительно с портретом взрослого.

А работать с теми случаями, которые закон не предусматривает, вроде бы и некогда: и так сил и средств не хватает. Но в том-то и дело, что массовый «вербовщик», как правило, и сам еще несовершеннолетний, который, конечно же, непременно «проходит обучение» и набирается негативного опыта у более взрослых представителей той же деструктивной группы.

Раздосадованные «социальной несправедливостью» вербовщики и их неформальные «кураторы», заручившись поддержкой зарубежных фондов помощи и ободренные конформным общественным мнением, считают вполне справедливым развернуть поиски партнеров там, где это им удобнее всего. Они хорошо улавливают драматическое содержание переживаний маргинальных подростков, которые подавлены безнадежностью отчаянных поисков выхода из возрастного или личностного кризиса, парализованы страхом одиночества¹.

Есть еще один аспект гомосексуальных отношений, содержащийся в том же примере И. С. Кона, который по своим мотивам в определенной степени аналогичен стремлению престарелого мужчины жениться на молодой девушке. Имеется в виду открывающаяся перспектива выйти из кризиса (нормативного или личностного), присвоив себе чужую юность и красоту. У активной стороны лесбийского взаимодействия очень часто отмечаются проблемы с полоролевой идентификацией. Ей недостаточно выйти из детского возраста с тем же выражением расслабленной приоткрытости цветения улыбчатых губ и привычкой произвольно опускать глаза, встречая восхищенный или испытующий взгляд.

Активная сторона гомосексуального контакта часто страдает либо комплексом эстетической неполноценности свое-

¹ В этом отношении даже принцип «борьбы с наркоманией, а не наркоманами» нуждается в коррекции. С лиц, покупающих наркотики, или участников бесплатной акции, действующих в соответствии с групповым правилом: «все надо попробовать», — не может сниматься уголовная или административная ответственность за пособничество наркобизнесу, за «социальный заказ», способствующий расширению производства и сбыта наркотиков.

го тела, либо полоролевым перфекционизмом¹. Дисморфобия сочетается в подростковом возрасте с непреодолимой тягой к идеальной форме, без малейших «пятнышек» и «царапинок». Ее нарциссизм не удовлетворяется той средней нормой, которой природа наградила юную особу. Она хочет иметь другое, более совершенное тело, подобное образу Венеры. А в лесбийском половом экспериментировании чужое тело становится покорным и послушно отдается во власть рук активной стороны: «...можно мне в знак нашей дружбы погладить... грудь?»

Рука — символ овеществления воли, органика произвольности и контроля, средство преобразования окружающего мира и власти человека над его поработанной и покоренной формой. Поэтому неудивительно, что в процессе лесбийской любви зависть активной стороны к красоте чужого тела уходит, заменяется более «радостным» для невротика чувством собственности. И это тоже может быть значимым мотивом стремления девочки-подростка к телесному эротическому контакту. Хотя впоследствии вполне возможно и некоторое развитие комплекса позитивных чувств в отношении к присвоенному эротическому предмету, избавившему активную сторону от чувства неполноценности и зависти, которые принижали ее человеческое достоинство: защиты, заботы и опеки, даже самопожертвования.

Да, действительно, «некоторые на первый взгляд страшные вещи на самом деле легко объяснимы. Например, в одном пионерском лагере вожатый застал группу мальчиков за тем, что они измеряли длину своих членов с помощью линейки. Нередко проводятся и “конкурсы” такого рода» (Кон И. С., 1989. С. 224).

Но одно дело, когда подросток с гордостью дает младшему другу ощупать свои окрепшие бицепсы, другое дело — фаллос, который в течение достаточно длительного времени

¹ Это вполне очевидная закономерность, если не гипнотизироваться специальным режиссерским подбором достаточно смазливых, но почти неразличимых по своим стандартным «параметрам» (90 × 60 × 90) участниц порнофильмов.

после семяизвержения не способен никакими усилиями снова эрегировать. Неужели это никак не влияет на взаимоотношения участников? Если допустить, что стальные бицепсы «старшего друга», которые малолетка только что с восхищением ощупывал, по каким-то причинам вдруг стали похожи на «устрицу в мешке», а его собственные мышцы хотя и не увеличились в размерах, но остались крепкими и упругими, то бывшее чувство превосходства друга, признание его силы и власти, несомненно, должно обратиться в прямо противоположное отношение.

Если младший достаточно физиологически и сексуально зрел, т. е. способен за пределами возбуждения от внезапно открывшейся ему картины неконтролируемой страсти партнера и путем последующей мастурбации или каким-то другим образом «кончить», то схема развития гомосексуальных взаимоотношений практически ничем не отличается от рассмотренного выше фрагмента лесбийской ситуации. Если ему не удалось этого достичь, несмотря на прилив возбуждения и последующую тщетную мастурбацию, то вместо гордости за свою зрелость у него скорее всего должен сформироваться стойкий завистливый мотив — комплекс неполноценности, оборотной стороной которого всегда является стремление к власти (*Адлер А., 1993*).

Решающим в возникновении травматических переживаний, видимо, является не сам результат, который миллионы раз заново открывался, воспроизводился и осмысливался представителями все новых поколений в драматической истории человечества (*Лихт Г., 2003*). Все решает последующая оценка и реакция сторон. Именно в этом моменте пока одновременно существуют и реабилитационная, и защитно-деструктивная возможности. Младший неизбежно испытывает разочарование в своих возможностях соответствовать роли мужчины. При этом его никто не насиловал и не принуждал к игровому экспериментированию. Он был движим познавательным интересом, смешанным с сексуальным, т. е. «сексуальным любопытством».

Необходимо учесть, что в однополой группе понятия настоящего мужчины (и настоящей женщины) достаточно примитивны и приближаются к детским представлениям пятилетнего ребенка: быть сильнее; маршировать, как солдат; добиваться влияния и лидерства в группе; побеждать в игре; устанавливать правила этой игры; добиваться намеченной цели раньше других; побеждать в драках и прочих видах прямой конкуренции и т. п. Элегантность, изящество и утонченность манер, не говоря уж о проявлении нежности к родителям, сестрам или знакомым девочкам, в мальчишеской группе суть понятия не только бессмысленные, но даже «вредные и смехотворные». Поэтому когда младший пострадавший чувствует, что результаты его действий не вписываются в мужскую роль, то перед ним необходимо встает вопрос: «Кто же он тогда?» Ребенком он уже себя чувствовать не может и не хочет. Более того, он видит все свои межличностные и социальные отношения исключительно через призму актуализированной в подростковом возрасте проблемы половой идентификации, нерешенность которой заслоняет младшему подростку все остальные проблемы. Получается, что его поведение «женское».

Результаты сексуального экспериментирования младшего создают драматическое напряжение в решении проблемы половой идентификации, которая является неизменной составной частью актуальной психологической травмы пострадавшего. В этом состоянии младший подросток чувствует себя подавленным и беспомощным. Может развиваться депрессивное состояние. Если он при этом достаточно социализирован, то неизбежно чувствует угрозу достижения более глубоких личностных мотивов, неразрывно связанных с культурно-историческими ценностями. Эта угроза неизмеримо усиливает драматичность его переживаний и может привести к формированию не только социальных неврозов, но и клинических. Подавленное состояние пострадавшего может использовать его партнер по сексуальному экспериментированию, если

он, конечно, сам не испытывает травматических переживаний, навязывая ему оральный и анальный секс.

Здесь необходимы некоторые дополнительные пояснения. В качестве «женского поведения» в мальчишеской группе существуют фантастические стереотипы, которые не столько говорят о содержании реальной женской роли в социуме, сколько являются слепком с положения раба в рамках взаимоотношений власти: слабость, пассивность, исполнительская функция во взаимодействии с другими, низкий групповой статус и т. д. То есть реальные взаимоотношения в существующих мальчишеских группах, к сожалению, пока не ассимилируют социальное содержание взаимоотношений мужчины и женщины, взрослого и ребенка, а просто проецируются на них. Здесь как раз и стоит искать необходимый резерв повышения эффективности профилактики сексуального экспериментирования и гомосексуализма.

Если старший подросток демонстрирует полное удовольствие и тем самым показывает, что «использовал» и сознательно вовлек в развратные действия младшего, то власть остается за ним, а младший оказывается униженным и манипулируемым, подчиненным, который с этого момента оказывается скованным психологической зависимостью.

Но вполне очевидно, что такую реакцию можно ожидать только от старого педофила, а вовсе не от познающего свои сексуальные переживания подростка, который хотя и старший, но все еще несовершеннолетний. Лишь впоследствии окружающие осознают острую необходимость защиты остальных несовершеннолетних от его агрессивно-защитных действий, направленных, на самом деле, на самооправдание и укрепление самооценки социального невротика, особенно если он живет с ними в одной комнате, как, например, в многодетной семье, в условиях интернатов или детских домов.

А пока, в момент сексуального экспериментирования, идут поиски компенсации комплекса неполноценности и разворачивается процесс формирования взаимоотношений

власти, которые при сексуальной травме имеют исключительно форму садомазохизма. Причем комплекс неполноценности может сформироваться не только у младшего, но и у старшего подростка.

Если более сексуально зрелый (далее: «зрелый», или «достигший половозрастной зрелости» — Пвз) неожиданно демонстрирует реакцию растерянности, то, видимо, менее сексуально зрелому (далее: «незрелому», или Нвз) нет никакой необходимости создавать «фиктивную цель». Он осознает, что сделал со старшим и сильным нечто такое, что для того оказалось «сомнительным удовольствием»; более того, пострадавший гомосексуальный партнер (Пвз) начинает завидовать органической незрелости Нвз — регрессировать.

Правила игры меняются. Конкурентность цели переводит взаимодействие подростков в плоскость взаимоотношений власти. В этих новых условиях младший оказывается защищен своей сексуальной незрелостью. Он смог довести своего партнера до такого состояния, до которого тот, даже при всем желании, довести его пока не может. При этом они оба не могут не осознавать, что в момент оргазма младший полностью владел телом старшего, который был бессилён управлять своим сексуальным возбуждением и противиться энтузиазму сексуального любопытства, который при данных обстоятельствах, учитывая их новизну и уникальность, необходимо должен полностью захватить младшего. В этом моменте комплекс неполноценности младшего имеет реальную возможность компенсации через взаимоотношения власти, в которых у «незрелого» неожиданно появляется возможность занять удобную для него позицию «подстройки сверху». Положение господина ему обеспечивают аффективные воспоминания Пвз, которые необходимо актуализируются при восприятии Нпз и общении с ним.

Мы не считаем предложенную схему единственно возможной, поскольку учитываем основное свойство психологической травмы — ее неисчерпаемость. Но в то же время она представляется нам наиболее вероятной филогенетической

основой тех психологических факторов, которые обуславливают формирование гомосексуальной ориентации, которая, так же как и склонность к проституции, является защитной формой адаптации пострадавших в агрессивно-эгоцентрической социальной среде. Конечно на самом деле в запечатленном образе травматической ситуации обе стороны могут найти бесконечное множество вариантов, обеспечивающих господствующее положение каждого из них в рамках взаимоотношений власти. Поэтому решающим фактором в вопросе о том, кто над кем будет иметь реальную власть, является способность к полной и быстрой *ориентировке* в условиях травматической ситуации. Этот фактор и решает исход внутреннего конкурентного спора каждого пострадавшего со своим персонификатором.

Ясно, что аффект, с его разрушительным влиянием на ориентировочную часть деятельности, оказывается вовсе не на стороне пострадавшего. Но его мазохистская позиция вовсе не безусловна. Она неподвижно закреплена в рамках взаимоотношений власти только до тех пор, пока пострадавший чувствует себя одиноким и беспомощным. Деструктивные группы давно выработали стандартные пути инверсии взаимоотношений власти. Но путь гомосексуализма приемлем не для всех пострадавших. Хотя, видимо, именно феномен запредельности их болезненных травматических переживаний только и может позволить в какой-то степени убедительно объяснить непостижимую иначе несуразность актов гомосексуальной «любви».

Отвращение к «анусу» подросток (Пвз), видимо, преодолевает за счет возможности владения беспомощным телом партнера (Нпз), на которого он как бы «нападает со спины» и потому чувствует свою полную власть над ним. Более того, он ставит его в положение «женщины» — в мальчишеском понимании женской роли, о чем уже говорилось выше, и тем самым снимает остроту своих переживаний по поводу мазохистской травматической роли, которая опять же более походила на «женскую» в ее мальчишеском понимании. Нпз

не видит его глаз, что, напротив, является очень существенным при гетеросексуальном контакте (Мей Р., 1997), как и процесс перехода мстительного состояния агрессии и гнева в сексуальное возбуждение, завершаемое оргазмом и последующим глубоким расслаблением.

Формирование гомосексуальной ориентации пострадавшим не означает, что он «выиграл» подстройку сверху на всю оставшуюся жизнь. Ж. Жене гениально показывает, что если пассивный гомосексуалист всерьез соглашается с навязываемой ролью «жены», то он может манипулировать и управлять партнером, присваивая его себе точно так, как это иногда делают настоящие¹ женщины, которые легко могут «держать под каблуком» своих мужей (Жене Ж., 1997).

Хотя на самом деле объективно оба подростка, взаимно соблазненные на сексуальное игровое экспериментирование, с явно выраженными полудетским мотивами познания и сексуального удовольствия являются пострадавшими от своих действий. Мы утверждаем это на том основании, что им обоим теперь реально угрожает перспектива формирования гомосексуальной ориентации. Никакие это не индивидуальные особенности, а травма. Только у Пвз травма является актуальной, а у Нвз — потенциальной, т. е. такой, актуальность которой он сможет пережить лишь после завершения периода полового созревания, да и то при благоприятных условиях развития. Но такое широкое по содержанию понятие пострадавшего не позволяет анализировать взаимоотношения власти. Далее пострадавшим мы будем называть того индивида, который во взаимоотношениях власти занимает уязвимую позицию раба и не может ее преодолеть, т. е. лишь актуально пострадавшего.

Выше мы говорили о свойстве человеческой руки как символу преобразования и власти.² Поэтому уязвленные и полные страха пострадавшие, которые почти неизбежно ста-

¹ В отличие от трансвеститов и прочих «суррогатных», т. е. гомосексуальных.

² Это не исключает возможности превращения взаимного рукопожатия в символ дружбы.

новятся на путь социальных невротиков, стремятся впоследствии исключить прикосновение руки партнера по сексуальному экспериментированию к своим гениталиям. Остаются оральный и анальный контакты. Но в материальной стороне этих процессов не содержится никаких символов власти или подчинения. В принципе, например, в оральном контакте больше доверия, нежели чего-либо другого. Принуждаемый к нему, «в конце концов», может откусить предмет, который насильственно засовывают ему в рот. Почему же такие случаи не так известны, как попытки гомосексуального насилия? Говорить о том, что жертва просто боится расплаты, нелепо. Видимо, здесь присутствует тот самый «гипноз», который в реальности оказывается продуктом функционирования взаимоотношений власти.

Можно также предположить наличие *двойного мотива*, на который рассчитывает насильник — страха наказания в сочетании с эмпатическим пониманием чужой боли пострадавшим, вполне человеческим и ценностным отношением к другому, в том числе и телу насильника, включающим онтологическую табуированность садистского презрения или инфантильной смешливости над самим наличием гениталий¹ и т. д. Иными словами, ориентировка в возможности защиты ограничена в сознании пострадавшего теми ценностями, которые обретены на пути социализации. Это важный опорный момент реабилитации, если, конечно, его не упустить: посттравматические обстоятельства неумолимо толкают пострадавшего на путь социальной невротизации, и в результате он сам оказывается перед фактом постепенной утраты эмоционального значения тех социальных ценностей, которые ранее составляли основу его «само собой разумеющихся» действий.

Если оргазм, не пережитый ранее никем из участников сексуальной игры, был очевидно непрогнозируемым результатом взаимной мастурбации, то у менее зрелого в половом

¹ Инфантильное удивление развитыми гениталиями является основой матерщины, значительной части скабрёзных анекдотов и других форм словесного надругательства.

отношении участника не может не возникнуть некоторое ощущение «победы». Это его радостное переживание многократно усиливается тем, что пережито нечто новое в познании «волнующей тайны» (Фромм Э., 1992) сексуальной стороны жизни человека, ранее совершенно недоступной ему в процессе мастурбации. Иными словами, это наивное переживание открытия и познания с самого начала отягчено не только элементом гомосексуальности, но и достаточно выраженным компонентом садизма. Никакой гомосексуальной ориентации такой подросток рефлексировать еще не в состоянии на том основании, что вообще пока не способен испытывать никакой полноценной «ориентации» в связи с очевидным недоразвитием как личностной сферы, так и физиологии гениталий¹. Гомосексуальная «победа» может в этих условиях достаться Нвз в состязании с более сильным пострадавшим, который неизбежно должен осознать себя в неприемлемой для него роли мазохиста.

Необходимо учитывать и неизбежный результат «игры» — резкий спад возбуждения и общей энергетики более зрелого в физиологическом развитии гомосексуального партнера в сочетании с презентированностью его временной кастрации. При недостаточном половом просвещении оба участника гомосексуального экспериментирования могут сомневаться в самой принципиальной возможности восстановления утраченной эрекции участника, которого с этого момента можно — с изрядной долей вероятности — считать психологически травмированным.

В этих условиях, судя по жалобам пострадавших, те, у кого «все в порядке», как правило, не испытывают или не могут испытывать чувства вины, если они, конечно, не обладают развитой эмпатической способностью². Даже если таких индивидов нельзя отнести к разряду «начинаю-

¹ Это не значит, что полноценная гетеросексуальная ориентация не может сформироваться в предпубертатном возрасте. Просто в этом случае ребенок, опираясь на онтологическое восприятие своего пола, будет активно сопротивляться любым попыткам включения его в гомосексуальное экспериментирование.

² Но пока с такими случаями мы не сталкивались.

щих садистов» или законченных флегантов, все их внимание бывает неизбежно сконцентрировано на завистливой попытке испытать то же ощущение явного наслаждения, которое они, будучи менее возбужденными, читают на языке жестов не хуже А. Пиза. А в восприятии пострадавших временный эгоцентризм сексуального партнера, в том числе и гомосексуального, может многократно усиливаться и даже переходить в инфернальную форму.

С другой стороны, вполне вероятной оказывается попытка персонификатора, нередко наблюдаемая в реальности, использовать ситуацию, определенно травматическую для другого участника «серьезной игры», в целях повышения своего личного группового статуса и, конечно же, за счет понижения статуса гомосексуального партнера. Но, разумеется, эта возможность оказывается реальной только в том случае, если группа принимает гомосексуальные отношения, т. е. если нет риска снижения статуса обоих участников взаимной мастурбации¹.

Видимо, именно здесь следует искать филогенетические корни сексуального садизма. Если физически более сильный подросток терпит неожиданное поражение и унижение, если создается угроза катастрофического низвержения его социального статуса, то он непременно будет искать возможность использования своей превосходящей грубой физической силы для восстановления своего статуса и бывшего «превосходства» и тем самым избежания группового презрения. Такой способ социально-невротической реабилитации уже

¹ Как известно, для незрелого гетеросексуального подросткового поведения характерно использование мальчиками сексуальных «побед» над «отдавшимися» им девочками преимущественно в целях укрепления своего группового статуса. Мотив влияния и власти в однополой группе оказывается в этом случае сильнее мотива половой любви и, к сожалению, иногда даже единственным реально движущим мотивом. Именно поэтому вовлеченные девочки оказываются травмированными. Дело даже не в том, что случилось с ними «тогда», а в том, «что он сейчас говорит» по этому поводу. Именно последующая оценка случившегося и слова мальчика в общении с друзьями оказываются наиболее болезненными травматическими факторами для пострадавшей.

веками существует в криминальной культуре. Он в определенной степени отвязан от своего филогенеза, т. е. от чисто психологических причин, и стал универсальным средством «опускать» непокорных, несогласных с групповыми нормами и ценностями. «Вот недавний пример. Сильный, агрессивный, уже состоявший на учете в милиции юноша силой на глазах и при молчаливой поддержке группы его одноклассников заставил физически слабого восьмиклассника сосать свой половой член» (Кон И. С., 1989. С. 227).

Показательно, что не только одноклассники были на стороне персонификатора, но и официальные представители социума, педагоги и члены родительского комитета, собственные родители юноши (социальный персонификатор) были озабочены скорее проблемами индивидуальной личной защиты, чем задачей эмоциональной поддержки пострадавшего. Они вообще не увидели здесь содержания психологической травмы, а озаботились лишь «недостойным поведением» жертвы, с которой поспешили размежеваться, которую осудили, чтобы их самих никто не мог обвинить в гомосексуальной склонности. Недостаточно развитая эмпатия, неспособность к амбивалентности: любить подростка и потому в той же степени ненавидеть его негативные качества, в которых нашли пристанище как породившие их социальные болезни, так и патология семейных отношений, сыграли с ними злую шутку. Пострадавший был в течение двух лет предоставлен деструктивному воздействию осуждающего его юношески непримиримого социального персонификатора.

Если подобный опыт гомосексуального взаимодействия подростков — случайно или намеренно — становится достоянием группового сознания, то это почти наверняка завершается деструктивным эффектом *социальной кастрации*. Это крайний случай реального или воображаемого отвержения возможности любого эротического контакта с «опущенным» пострадавшим (даже малейшего флирта) со стороны группы представителей (представительниц) противоположного пола, которая, таким образом, начинает выполнять

функцию травматического социального персонификатора. Можно привести проблемно насыщенный, хотя уже не такой типичный, как предыдущий, пример такой потенциальной социальной кастрации.

В женском общежитии одного из колледжей остался сокурсник, потерявший сознание в результате острого отравления алкоголем. Вошедшие в свою комнату девушки испытали чувство личного унижения и оскорбленности от созерцания картины лежащего в луже собственной мочи юноши, с расстегнутыми брюками и вывалившимся из них или недостаточно запрятым членом. Конечно, не стоит сбрасывать со счетов одновременную притягательность для упомянутых зрительниц центральной детали этой картины, их обманутые ожидания в отношении праздничного вечера, естественное разочарование и досаду. Все эти переживания в контрасте с веселой картиной: «Вливайся!» — тут же аффективно «вылились» через мстительно-защитную реакцию.

Они живо представили, что о них подумают, если кто-то сейчас войдет в номер, и как это скажется на их групповом статусе и женской привлекательности для однокурсников. Все, на что хватило их фантазии, также немного затуманенной спиртными парами, — это желание скрыть, спрятать раздражающий их мужской орган, не прикасаясь к нему. Находясь в состоянии импульсивности и неконтролируемого раздражения, они поспешно залили гениталии юноши сметаной. Немного посмеявшись, они снова слегка задумались, внезапно представив, как это все будет выглядеть со стороны и что за это с ними *будет иметь право* сделать очнувшийся юноша. Надо было как-то исправлять создавшееся положение, которое в результате их действий стало еще более проблематичным. «Женское целомудрие» не давало им возможности совершить действия, содержащие в себе риск хотя бы даже и случайного прикосновения к мужским гениталиям. Недолго думая, они пришли к «эвристическому решению»: поманили kota, чтобы тот слизал сметану..

Впоследствии, «на каждом углу», знакомым и совершенно незнакомым они с каким-то неизменно радостным возбуждением ребенка, сделавшего важное для себя открытие, рассказывали о завершении сцены. Видно было, что их радует не только представившаяся им возможность увидеть притягательное зрелище, которое «не каждому дано» воочию наблюдать. В их полной власти оказалось нечто запретное, таинственное и манящее. Их радовало и ощущение своей абсолютной невиновности: все случилось самой собой, они этого не ожидали, не стремились и не планировали. Просто после появления на сцене kota, в результате его аппетита на сметану из расстегнутых брюк «вдруг что-то начало подниматься, а затем что-то как брызнет!..»

Все это случилось «само собой», и если сделано ими, то «не со зла» и вовсе не для того, чтобы обидеть хорошего человека, «который, впрочем, сам виноват». Они всегда относились и сейчас относятся к нему вполне

по-доброму, не отталкивают, а только многозначительно посмеиваются и, конечно же, вряд ли допустят с ним сексуальный контакт.

Очевиден эгоцентризм девиц, поведавших эту историю, но они сами такого «научного слова» не знают. Им совершенно не в чем себя упрекнуть — типичная позиция и поведение флеганта. И, конечно же, созданная ими коллизия по силе трагикомизма не может сравниться с ситуацией, описанной Э. Радзинским в «Русском Декамероне».

Автор знакомит читателя с ситуацией, в которой возмущенная и оскорбленная медсестра вместе с подругой, достав хлороформ, действительно кастрирует жизнерадостного одессита. Он умудрился в разных местах города познакомиться и жить половой жизнью одновременно с двумя ближайшими подругами, которые, конечно же, вскоре выяснили, что их мечты по поводу «двух счастливых пар» внезапно превратились в клоунский трюх с бубенчиками.

Здесь необходимо уточнить, что когда мы говорим не о трагедии, а о трагикомедии, то это не значит, что трагические переживания растворяются в комических. Такое восприятие является стойкой иллюзией типичного социального персонификатора. На самом деле, чем больше комического в трагедии, тем сильнее и острее боль пострадавшего. Комизм положения пострадавшего, так же как и статус «ничтожности», «презренности» индивида, выставленный ему группой по этической шкале, не сглаживает, а во много раз умножает его страдания, поскольку он оказывается лишенным сочувствия и поддержки социального персонификатора. Не случайно аферисты пытаются выставить своих жертв в комическом свете.

Как уже отмечалось выше, массовые отклонения от нормального процесса полоролевой социализации, распространенные среди подростков, затем неизменно высмеиваются и осуждаются групповой моралью, но уже в юношеском возрасте, как индивидами, успешно миновавшими опыт социально неприемлемого поведения, так и теми, кто вынужден присоединиться к групповому мнению конформно, в целях самозащиты. В условиях «серьезных половых игр» эти «отклонения» нередко являются источниками самых мучительных драматических переживаний. «Сексуальные игры

со сверстниками, раздевание, ощупывание половых органов, взаимная или групповая мастурбация, если в них не вовлечены взрослые, не считается в мальчишеских компаниях чем-то страшным или постыдным. У девочек выражения нежности — вообще не табуируются, а их потенциальные эротические обертоны большей частью не замечаются...

Большая фактическая доступность сверстника своего, нежели противоположного, пола дополняется сходством интересов и значительно менее строгим табу на телесные контакты. Поэтому гомосексуальные игры встречаются у них (подростков. — А. К.) чаще, чем гетеросексуальные (Кон И. С., 1989. С. 225).

И. С. Кон не видит в этих играх никакой возможности психологической травмы, во всяком случае, не подчеркивает этот момент, поскольку намеренно не хочет драматизировать их результаты. Его цель — убедить учителей и родителей в необходимости более спокойного отношения к этому явлению, без ажиотажа, дидактического запугивания и травли. С этими благородными целями нельзя не согласиться. Но в то же время мы должны понимать, что подростки разные и соответственно психологическая помощь не может быть универсальной, одинаковой для всех. Общие условия развития тотальной толерантности должны быть дополнены адресными консультативными технологиями. Иначе создается впечатление, будто кроме «естественного» осознания частью подростков своей «гомосексуальной ориентации» здесь нет никаких других проблем.

Автор, движимый гуманистическими мотивами, стремится, прежде всего, оправдать недостаточно социализированного подростка, который на ощупь «продирается» к неясному свету своей половой идентификации. Он убеждает читателя, что ранние сексуальные эксперименты подростков вовсе не говорят об их «ориентации»: рано еще «наклеивать ярлык» или «ставить крест». Все правильно. Правда, в то же время автор призывает читателя относиться к тем, кто впо-

следствии подтверждает свою «нетрадиционную ориентацию», как к специфической норме, достойной уважения¹.

Все это вполне соответствует сложившимся гуманистическим нормам. И действительно требуется отделить стойкую, т. е. почти необратимо социально сложившуюся, гомосексуальную ориентацию от гомосексуальных проб, связанных как с проблемой дефицита необходимых условий для половой идентификации, так и с задачей реабилитации пострадавших от гомосексуальной травмы. Необходимо понимать и другое: сама «гомосексуальная ориентация» может быть не более чем психологической защитой от гомосексуальной травмы.

То, что вчера переживалось изнасилованным подростком в качестве трагедии, сегодня он может осознать как ценность, а завтра уже гордиться им, презентировать другим в качестве своей исключительности (Жене Ж., 1997). Это позволяет ему снять барьеры в развитии подавляющего большинства отдельных сторон собственной психики, которая начинает бурно и замысловато развиваться, подобно капу на дереве (Там же).

Но дело в том, что отношение «доброе» взрослого к сексуальному экспериментированию как к простительному для ребенка поведению, во-первых, не решает главную проблему самого подростка, поскольку тот сам даже при желании не может внутренне согласиться с тем, что он еще ребенок. К тому же любая попытка *оправдать кого-либо* предполагает и укрепляет право на *обвинение в чем-либо*. И вообще не стоит преувеличивать значение отношения именно взрослых для подростка. Конечно, гармоничность взаимоотношений со взрослыми является значимым условием благополучного возрастного развития подростков. Но *в качестве социального персонификатора для подростка, переживающего сексуальную травму, как правило, выступает обобщенный образ сверстника противоположного пола.*

¹ Эта логика немного похожа на старую сказку о человеке, который разбил чужой горшок и противоречиво оправдывается то тем, что не брал его, то тем, что он уже был «треснутый», и т. п.

Во-вторых, такое гуманистическое отношение закладывает сомнения подростка в своей ориентации и провоцирует «проверки», которые неизменно играют роль провокаций и потому сами могут стать источниками гомосексуальной деформации личности.

В-третьих, успокаивая общественность в последствиях полового экспериментирования, И. С. Кон действительно поступает гуманистично, проводит профилактику возникновения неврозов, но оказывается вынужденным при этом приуменьшить опасность психологической травмы, если не для большинства, то для значительной части подростков, социализированных фрагментарно, «калейдоскопически». Хорошо социализированные, как мы видели в примере, сразу же отвергнут рискованные предложения. Слабо социализированные рассмеются: «Фюйть!» А оставшиеся могут быть глубоко (актуально) травмированы, вплоть до глубокой депрессии и суицидальных попыток.

Необходимо дополнить сказанное рассмотрением возраст-психологического аспекта. Ведь любое познание организма, даже в патологической форме садомазохизма и гомосексуализма, необходимо и необратимо изменяет взаимоотношения подростка со взрослыми. «Так вот что (!) вы, дяди и тети, тщательно скрывали от нас; вот на чем, если не брать в расчет курение, право на открытую матерщину и пьянство, основывалась ваша взрослость! — говорят себе они. — Но ведь это же не требует никакого особого ума и опыта, которым вы так гордились!»

А если первый опыт подростков прошел в патологической форме, то размах их возрастного критицизма впечатляет еще больше: «Как же вы, так много “секретничали”, с утра до вечера болтая “об этом”, и ничего не знаете, чтобы предупредить боль собственного ребенка, помочь ему в трудный момент!» В случае гомосексуальной травмы подросток не может не видеть, несмотря на «СМИшную» пропаганду гомосексуальных браков, что гомосексуальные пары вовсе не составляют большинство и даже значимое меньшинство в

троллейбусах и автобусах. Молодые люди катят коляски с малышами, которых никоим образом не могут произвести на свет «супружеские пары» жрецов и жриц гомосексуальной «любви».

И наконец, не надо забывать ценностный аспект, который и составляет смысловое ядро психологической травмы. При определенных условиях можно провести громадную воспитательную работу и внушить всем подросткам, что мастурбация и гомосексуализм — это норма. Таким образом, социально дезориентированный подросток не выталкивается из социума. Он не одинок. Радостно отбросив «ханжество», он «вливается» в «тусовки» сверстников, готовых веселиться по двенадцать часов в день. С неизменной бутылкой пива в руке и «отправив голову в отпуск» он «растворяется» в мельтешении защитных ритмических «технодвижений», несколько при этом не продвигаясь в развитии. Завороженные этим зрелищем видимого благополучия и умиляясь своим гуманизмом, «дарящим» подросткам благополучие, радость, свободу¹, мы, взрослые, забываем и о своей прямой обязанности — предвидеть опасность. Мы забываем действовать на опережение в вопросе психологической защиты подростков, компенсируя свое бездействие масштабными и во многом бесполезными, чисто бумаготворческими кампаниями «по следам ЧП».

Забываем мы и другое: подросток противоречив, его рискованные сексуальные пробы, великодушно «занормированные» взрослыми, до нашего вмешательства «благополучно» уживались в его сознании с анимическим образом сверстника противоположного пола. И если подросток лишится этого образа, если взрослые его убедят, что никаких таких вершин любви вовсе не существует — «ни одна блоха не плоха, все маленькие, все прыгают», — то будет ли мир, в котором его оставили равноправным членом, вообще привлекательным для него? Будут ли духовные ценности этого мира

¹ Счастье и свободу «подарить» вообще нельзя. Эта идея, в наше время ставшая явно лукавой, по своей реальной осуществимости сравнима лишь с мечтой о космическом полете «из пушки на Луну».

оставаться ясной и непререкаемой перспективой, заставляющей индивида в трудные для него моменты потрясений и испытаний мобилизовывать все свои физические и духовные силы только для того, чтобы доказать свое право быть участником их возрождения и творческого преобразования? Не потому ли мы с таким недоумением останавливаемся перед ростом подростковой наркомании? Мы задаемся вопросом: «Чего же им не хватает?» А как раз вот этого — дерзновенной созидательной мечты, непошленной и неусредненной.

«Исключенный из общественного порядка по причине своего рождения и наклонностей, я не видел в нем разнообразия (курсив наш. — А. К.)... Ничто в мире было не ново: ни звездочки на генеральских погонах, ни курсы на бирже, ни судебный стиль, ни сбор маслин, ни ягодный рынок, ни цветочные клумбы... ничто» (Жене Ж., 1997. С. 220).

Кто из психологов задумывался над тем, что вместо благодарности своему «спасителю» трудный подросток может «и вовсе его возненавидеть» «за то, что он стал свидетелем моего падения, зная, что я способен стать Освободителем» (Там же. С. 118). А может быть, подростку, прежде всего, нужна помощь «в том, чтобы извлечь выгоду из страдания. В том, чтобы заставить дьявола быть Богом» (Там же. С. 250)!

Психологическая помощь подросткам в настоящее время выстроена несколько тенденциозно и избирательно. Она рассчитана только на индивидов со сниженным уровнем притязаний, в отношении которых тактика сексуального просвещения, предлагаемая И. С. Коном, действительно является обоснованной. Ну а как же действовать в отношении подростков с «завышенным уровнем притязаний», любые попытки непосредственного снижения которого угрожают их личности перспективой катастрофического распада (Неймарк М. С., 1972)? Никакой гуманизм не может оправдать статистического усреднения личности! Просто жестоко и невозможно пытаться отнять у подростков их стремление к духовному совершенству, тот самый смысл

любви, без которого «жизнь была бы напрасной» (Жене Ж., 1997. С. 255).

Речь идет о том, что у пострадавшего подростка есть свобода выбора в ответ на социальное отвержение: социально-невротическая защита (открытое криминальное или скрытое гуманистическое разрушение социальных норм и ценностей) в противоположность трудному, но достойному личности, решению «взять на себя тяжесть людского греха» (Там же). Задача психолога состоит, прежде всего, в том, чтобы правильно *сориентировать* подростка, скованного взаимоотношениями власти, направить его посттравматическое развитие по пути социализации так, чтобы он не «боялся потерять преимущество... тягостного и мучительного продвижения в противоположном направлении» (Там же. С. 221).

Ценность личности для общества измеряется не только отрицательной величиной глубины ее возможного падения, но и высотой последующего, посттравматического успеха в социализации. И если эта высота устойчива и неоспорима, то «минусы» падения становятся «плюсами» в измерении «социального масштаба» самой личности. Вырасти в семье алкоголиков незакомплексованной творческой личностью — это не одно и то же, что быть ежедневно eskortировемым в школу и из школы на папиной служебной машине и в то же время оказаться неспособным одолеть элементарный курс политэкономии, усвоив его только до общего понимания идеи Адама Смита о «невидимой руке»¹.

Наше стремление обеспечить подросткам максимально возможную безопасность совершенно несовместимо с априорными попытками успокоить окружающих и держать их в благодушном невежестве. Напротив, мы еще и еще раз изучаем, казалось бы, безопасные предметы и ситуации, стараясь понять, как может действовать ребенок и что из этого может затем произойти. «Сексуальные игры» подростков также являются одной из тех ситуаций, которые требуют исчерпыва-

¹ Большого вреда от такой задержки самому индивиду, видимо, тоже нет. Другое дело — если ее результаты станут идеологией, выгодной для какой-то социальной группы.

ющего анализа с точки зрения их травмогенности. Мы не должны успокаивать себя совершенно неосновательными утверждениями, что рискованные действия могут привести к опасным последствиям только тех, у кого такой «врожденный» финал, который в то же время следует толерантно считать нормальным и социально приемлемым — все равно он якобы заложен генетически: «Кому суждено утонуть, в огне не сгорит!»

Даже такое понятие, как «сценарный итог» (Берн Э., 1988), и то внушает гораздо меньшую фатальность и безысходность, чем утешения генетического гуманизма. А. Адлер (1993, 1997) нашел разгадку нарушения половой идентификации мальчиков в лидерской позиции его матери в семье. Если принять во внимание, что это неблагоприятное условие может быть отягчено позицией принятия и поощрения со стороны матери именно такого направления половой идентификации ее сына, то для гипотезы генетической природы «гомосексуальной ориентации» вообще не остается места.

Конечно, нас, прежде всего, интересует природа психологической травмы. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что З. Фрейд (1989) связывал с ее наличием в раннем детском возрасте все невротические проблемы своих пациентов, а вот в концепции Э. Берна (1988), который считает его своим учителем, для травмы совершенно не остается места. Дело в том, что, как уже отмечалось выше, травма не может пониматься лишь в качестве отрицательного эмоционального и запредельного по силе переживания дистресса. Но как раз такое формальное понимание травмы мы с удивлением обнаруживаем у Э. Берна, который отвязал содержание травмы от взаимоотношений, перевел его в плоскость абстрактной интенсивности и продолжительности отрицательного переживания. И в результате гениальный психотерапевт, остро чувствующий роль межличностных отношений в «жизненном сценарии», теряет возможность проникнуть в сущность психологической травмы. На самом деле есть возможность выделить, по крайней мере, еще два дополнитель-

ных, но весьма существенных признака травмы, которые, в частности, отличают ее от деструктивных «игр третьей степени».

Во-первых, травматическая ситуация исключает возможность «смены ролей». Поляризованные взаимоотношения власти оказываются *фиксированными*. «Жертва» не имеет реальной свободы «поменяться местами» с «преследователем» либо потому, что тот скрывается (криминальные ситуации), либо потому, что потерпевшая личность не видит такой возможности в силу своей социализированности. Она не может «ответить обидчику тем же» не только в силу его физического или численного превосходства, но также в силу пристрастности к ценностям, известным «преследователю» лишь в когнитивном аспекте, но лишенным для него реальности личностного смысла. Например, пострадавший, в отличие от преступника, может быть социально ответственным: не готов стрелять по шороху в кустах или «на всякий случай» убить кого-то по первому подозрению и т. п. Возможность «поменяться ролями» сдерживается навязанными ему взаимоотношениями власти, а также активностью социального персонификатора.

Так, пострадавший, убежденный, что преступник, ворвавшийся к нему в дом, заранее готов не оставлять свидетелей в живых, осознает, что юридически не имеет никакого права нанести упреждающий удар. Во всяком случае, он должен сначала ясно различить наличие у грабителя «ствола» или «пера», а затем уже активно защищаться. Но в том-то и дело, что заточку или нож пострадавший, как правило, впервые видит уже у себя в груди или животе, а «ствол» он вообще не успевает различить. Закон запрещает даже мстить обидчику. Морально осуждается и сам мотив мести. Поэтому не удивительно, что пострадавший и его родственники длительное время чувствуют себя рабами любого психопата, права которого государство оберегает от случайной травматизации при грабежах.

Во-вторых, травма *избирательна*. Источником травматических переживаний может быть либо кто-то из родителей в

детстве, либо инсталлированный персонификатор. Катюша Маслова не помнит всех своих «клиентов» и даже вытеснила образ Нехлюдова. Но именно его раскаяние явилось условием ее духовного воскресения. В то время как унылая вереница ее взаимоотношений с другими флегантами, даже гораздо более циничными, оказалась безличным потоком полупьяного маскарада, ничего не значащим мусором, который можно выбросить из жизни попутно и «одним махом».

В деструктивных группах регламентирован специфический выход пострадавшего из травматической ситуации, который не оставляет возможности для формирования потребности в помощи психолога. Как правило, члены этих групп являются социальными невротиками. Наибольший риск актуальной психологической травмы возникает в случае попадания в такую группу социализированной личности, не принимающей или не знающей ее нормы и ценности; или, напротив, в случае перехода в социально ориентированную группу одного или нескольких представителей криминальной среды, которые установили в ней правила примитивной группы (Добрович А. Б., 1987).

Развитие пассивного гомосексуализма вполне может быть объяснено такими социально-психологическими факторами, как уступчивость, внушаемость, страх перед превосходящей силой или общественным осуждением. Хотя и этот перечень не является достаточным. Он вполне может быть дополнен гипотезами и идеями, сформировавшимися на почве телесно-ориентированной психотерапии (Лоуэн А., 1996; Никитин В. Н., 2000). В свете этих идей мазохизм и пассивный гомосексуализм в связи с явлением телесных зажимов (особенно, личности «анального типа»), берущих свое начало от авторитарной родительской позиции скрытого отвержения, в какой-то степени может быть хотя бы частично, но все-таки достаточно удовлетворительно объяснен.

Но как объяснить, что может толкнуть индивида на активный анальный контакт, если все-таки поставить под сомнение категоричность чисто генетической (Блейхер В. М.,

1995) версии педерастии? Для этого должна быть такая сила, которая может преодолеть отвращение к анусу. И даже если допустить, что здесь огромное удовольствие — «бочка меда» — во много раз превалирует над «ложкой дегтя», то все равно это явно противоречит принципу удовольствия. Даже из хорошо вымытого и тщательно продезинфицированного унитаза никто не будет — с удовольствием (!) — есть клубнику с медом.

А что может заставить взрослого подонка, который уже имеет семью и собственных детей, обладающего высоким социальным статусом, достаточно материально обеспеченного, искать сексуального контакта именно с ребенком? Что заставляет его рисковать своим благополучием?

Наиболее вероятной причиной формирования подобных преступных склонностей является наличие психологической травмы у индивида в детском или подростковом возрасте и последующий патологический процесс его дальнейшей адаптации по социально-невротической схеме. Ребенок когда-то был изнасилован или соvrрачен гомосексуалистом, и теперь он хочет превратить все это в социальную норму. Не в силах найти персонификатора и свести с ним счеты, он находит более слабого индивида и делает с ним то же самое, успокаивая себя тем, что на земле много тысячелетий существует такой «порядок» («истина, подтвержденная всей историей человечества») «и ничего нового тут никто не может придумать».

Такое объяснение имеет практическое основание, но еще не решает главного вопроса — не вскрывает *психологического* источника гомосексуализма. Воспроизводство объяснительной схемы, замкнутой взаимоотношениями пострадавшего и персонификатора, в которой «жертва», в целях социальной адаптации, начинает утверждать себя в качестве «преследователя» по отношению к другим индивидам, сея зло, от которого сам когда-то пострадал, грозит вырождением социально-гуманистических идей и принципов, их редукцией до трансактной схемы.

Если остановиться на этом моменте социально-гуманистического анализа и зафиксировать внимание только на воспроизведении готовых действий, игр и сценариев, то мы никогда не сможем даже выйти за рамки обаятельной и, несомненно, гениальной для своего времени концепции транзактного анализа. Но если мы полагаем наши интересы ближе к проблематике возрастной психологии, чем социальной, то решаемая в ходе психологического анализа проблема приобретает совсем другое содержание, для освоения которого, собственно, и разработан нами новый понятийный аппарат, который не может быть сведен к терминам транзактного анализа.

Поэтому важно отметить следующее. Мы, конечно, не можем произвольно отрывать сексуальную травму в подростковом возрасте от анализа ее последствий. Но необходимо иметь в виду четыре дополнительных момента, которые позволяют сохранить собственно травматическое содержание в фокусе нашего внимания. Во-первых, нас должен интересовать не процесс современного формирования гомосексуальной ориентации, а ее первоисточник. Может показаться, что это совершенно тупиковый путь. И уже кто-то, с важным видом историка, покрытого пылью раскопок, готов сказать: «Это затерялось в глубине веков, и мы никогда не узнаем...» Но дело в том, что не все несовершеннолетние имеют патологический интерес к изучению истории Содома и Гоморры, тем более «в деталях и наглядных схемах». Сексологи отмечают уникальные случаи сексуального невежества взрослых мужчин, несмотря на то, что они наверняка слышали и даже, может быть, сами пересказывали самые скабрёзные анекдоты (Частная сексопатология, 1983).

Гомосексуальная субкультура существует в качестве социальной ниши, которая может активно влиять на половое развитие несовершеннолетнего только в случае его включенности в соответствующие группы, чаще всего криминальные, или воспитания ребенка в так называемой гомосексуальной «семье». Остальные несовершеннолетние с

удивлением открывают для себя существование внешне-секреторного результата мастурбации (Частная сексопатология, 1983) и таких, кажущихся фантастически нереальными явлений, как садомазохизм и гомосексуализм, которые, к сожалению, вновь и вновь выступают для представителей очередного нового поколения в качестве психологической проблемы и травмы.

Во-вторых, нас по преимуществу интересует травматическое содержание сексуальных перверсий, а не сам процесс гомосексуального развития индивида, который может и не сопровождаться переживаниями, характерными для актуальной травмы.

В-третьих, если мы будем рассматривать только те сексуальные травмы, которые являются наиболее очевидными и яркими, т. е. те, которые сопровождаются насилием, то наши рассуждения опять рискуют быть затянутыми в воронку трансактных схем. Чему неизменно способствуют два дополнительных фактора: социальный заказ и мнение общественности. Пытаясь объяснить поведение преступника, мы, как правило, наталкиваемся на факт насилия над ним в детстве или подростковом возрасте. Но в настоящее время он уже взрослый и поэтому должен отвечать по закону. Поэтому весь психологический анализ центрируется на проблеме реабилитации ребенка, а не на истории формирования личности преступника, которого уже «поздно воспитывать». С точки зрения практической психологии это вполне обоснованная позиция. Но продолжают оставаться теоретические вопросы, нерешенность которых неизбежно будет порождать в будущем подобные же трагедии, только с новыми участниками.

Для того чтобы для начала иметь возможность, по крайней мере, различить эти теоретические вопросы, надо перестать считать социального невротика единственным представителем человеческого рода. А само насилие — угроза жизни и здоровью, побои и т. д. — не стоит относить исключительно к «примитивности» личности преступника.

А. Б. Добрович (1987) совершенно прав, утверждая, что каждый человек имеет опыт общения на всех семи уровнях, включая духовный. Поэтому при анализе психологической травмы функцию насилия не следует сводить к «полицейскому» (Дюркгейм Э., 1994) содержанию.

В принципе преступнику даже выгодно, что его действия рассматриваются либо в качестве проявлений «клиники», либо как «недоразвитие». Но в том-то и дело, что большинство «маньяков» вполне способны обеспечить себе сексуальный контакт и другим способом. Не так уж много требуется сексуально озабоченному индивиду ума и развития, чтобы догадаться, когда женщина сама не только «не прочь, да еще как не прочь».

Солдату срочной службы по ошибке открыла дверь любовница его командира, которая, видимо, привыкла встречать офицера обнаженной («в накинутом на плечи халате»). А через день она «не возражает», чтобы именно этот солдат отвез ее до станции через лес, в кустарнике которого легко может затеряться на четверть часа грузовая машина с широкой, просторной кабиной. Конечно, от солдата потребовалась решимость пойти на конфликт со своим непосредственным военным начальником. Но чувство риска только возбуждает, компенсирует и романтизирует «приключение», и к тому же скоро «дембель».

Социальный невротик, с одной стороны, уже не хочет воспользоваться социально санкционированной и доступной ему возможностью, которая становится для него лишь формальным актом, не позволяющим испытать оргазм и подавить хроническое отчаяние в своем бегстве от импотенции. На этом вопросе мы остановимся ниже. А с другой стороны, в «переливах» социально нерегламентированного садомазохистского сексуального взаимодействия как единственно возможного для него способа достижения оргазма он совершенно задавлен паническим страхом — оказаться «обиженным».

Удары кулаком, синяки на теле жертвы, властные приказы являются для окружающих и потому для него самого свидетельством тому, что инициатива в процессе садомазохистского взаимодействия принадлежала именно ему. Поэтому эпитеты: «зверь», «животное» и т. п. — только укрепляют его самооценку, которая крайне ситуативна и совершенно не содержит «материнского» (Фромм Э., 1992) компонента принятия. Такое отношение подтверждает психологическую власть персонификатора в процессе садомазохистского взаимодействия, в котором преступник нуждается для достижения оргазма, опасаясь в то же время, что партнер его «использует». Поэтому он и нуждается в материальных следах своего насилия на теле жертвы, прекрасно понимая, что они одновременно являются основанием для уголовного преследования.

Для психотерапевта может быть совершенно непонятна наша аргументация. Он рассуждает в одном направлении, примерно так: если у человека была травма в детстве, то он, *«естественно»*, стремится воспроизвести ее в отношениях с другими, травмировать других, чтобы оправдать свою беспомощность перед причиненным ему насилием. Но все дело в том, что для социализированной личности такая логика является как раз *противоестественной*. Она предпочитает *нести груз травмы* вместо того, чтобы плодить ее в социуме ради собственной психологической защиты и адаптации. Поэтому травма длительное время и остается хронически актуальной, а не переходит в потенциальную форму. Если мы поставим в центре нашей заботы развитие личности по пути социализации, то и сама психологическая травма перестанет казаться обычным эмоциональным шоком или физиологическим стрессом, сопровождающим «игру третьей степени». Только в этом случае у нас и появляется возможность различить и освоить в адекватных понятиях содержание психологической травмы.

Важно выявить и те конкретные патологические условия, которые неизбежно ставят социализированную личность пе-

ред выбором: продолжать жить и развиваться под грузом психологической травмы или, отбросив прежние ценности, составлявшие смысл всей прожитой до этого трагического момента жизни, ступить на путь социального невротика. На наш взгляд, наибольший риск в этом отношении содержат «серьезные игры» подростков, которые и выступают филогенетически первым источником сексуальных травм — действительно психологическим, а не социальным, юридическим, этическим и т. д.

В наши планы не входит анализ гомосексуальных ценностей, которые, несомненно, являются групповой инверсией культурно-исторических. Они могут быть даже поэтизированы гениальными личностями, талант которых жизнеутверждающе прорвался сквозь вязущий гнет тюремного насилия (*Жене Ж.*, 1997). Для социализированной личности потеря ценности истинной любви, смысл которой своими корнями уходит в онтологию утверждения новой жизни, — совершенно неприемлемый вариант, равносильный биологической смерти. На этом моменте надо остановиться несколько подробнее в силу того, что в некоторых учебных пособиях и хрестоматиях (*Белкин А. И.*, 1982) проблема половой идентификации традиционно прослеживается с точки зрения больных, которых, прежде всего, мучает неопределенность их полового статуса, связанного с отклонениями в строении гениталий. Аналогична и логика построения наблюдений за «изменением пола» у лиц с уже сформировавшейся гомосексуальной ориентацией. Это наводит на мысль о достаточно спокойной — в норме — адаптации индивидов к изменению пола. Получается, что главное для любого индивида — половая определенность.

Отсюда всего один шаг до вывода, что ничего трагического в тюремном гомосексуальном насилии нет. Просто, к примеру, вместо роли мужчины пострадавшему индивиду предлагают роль женщины. А в женских колониях даже эта самая половая роль остается неизменной, поскольку персонификатор сам играет роль мужчины. Опираясь лишь на тот соци-

ологический факт, что статус женщины в современном обществе в какой-то мере, «в среднем», ниже, чем статус мужчины, совершенно нельзя понять сущность трагедии пострадавших: чуть выше, чуть ниже — какая разница?

Дело здесь, конечно же, совершенно в другом. Во-первых, группа преступников и так является временно отторгнутой от общества. И положение на ее «дне» означает не просто групповую изоляцию, но абсолютную изоляцию от общества. Пострадавший лишается не только социальной, но и защитной групповой поддержки. Более того, если у других есть реальная возможность хотя бы в перспективе быть принятыми в социуме, то для пострадавших эта задача неизмеримо усложняется. В современной мировой пенитенциарной системе социум, как правило, на стороне преступной группы («социально близких»), которые впоследствии могут завоевать высокий социальный статус (например, депутата Государственной Думы). Общество не защищает только «непокорных» (Добрович А. Б., 1987), которые «смеют» перечить макрогрупповым и микрогрупповым вожакам и не признают криминальных ценностей и правил, «разрешенных», т. е. санкционированных, обществом для функционирования изолированной группы. «Опущенный», так же как и насильственно кастрированный, может вызывать определенную жалость у общественности, если он, конечно, не отбывал наказание за изнасилование, но он оказывается и впоследствии лишенным возможности «влиять на других» (Р. Мей). Его слова и мнение ничего не будут значить и на свободе, даже если они истинны и справедливы.

Это ставит под угрозу возможность будущей социальной самореализации подавляющего большинства пострадавших, которые, как правило, не имеют выдающихся творческих способностей и потому не способны выйти на деловой уровень общения (Добрович А. Б., 1987). Надеемся, что никто не будет всерьез утверждать, что все травмированные личности обладают такой же силой духа и гениальностью, которая позволила герою автобиографического романа (Жене Ж.,

1997) не только встать вровень с другими свободными членами общества, но и занять почетное место выдающейся личности, заслужить звание истинного поэта и философа¹.

Во-вторых, очевидна и угроза самореализации пострадавшего в освоении ценности половой любви, поскольку истинная любовь — это не просто подарок, свалившийся с неба, а творческий путь, оставляющий позитивный след не только в душе человека, но и в обществе.

Как и любое творчество, это большой труд, требующий развития всех сторон личности (Фромм Э., 1992), мобилизации всех способностей, которые человек интуитивно в себе ощущает. Это не заезженная дорога социальных ритуалов и стереотипов, а путь созидания. Как известно, вся поэзия вращается вокруг этой оси таинственной противоположности мужчины и женщины, порождая все новые созидательные деяния и шедевры культуры. Это и путь бесконечного познания «тайны человеческого бытия» (Там же), и неиссякаемый источник создания новых онтологических образов².

Социальный персонификатор, участие которого — реальное или виртуальное — необходимо в процессе реабилитации пострадавшего, также различается по полу. В отношении пострадавшей девушки он может принять опекающую роль. А вот в отношении молодого человека эта поддерживающая роль уже вступает в противоречие с половой, создается внутренний конфликт, который стоит своеобразным барьером на пути творческой самореализации пострадавшего подростка именно в актуальной для его возраста области — человеческой любви. Вот что на самом деле ставится под угрозу в гомосексуальной травме — высота содержания любви, достигнутая всей историей человечества.

¹ Мы не покушаемся на комфорт и благополучие отдельных гомосексуальных партнеров, чья созидательная деятельность признана обществом в каких-то других областях, кроме половой любви. Но нам совершенно непонятно, как можно использовать свою «популярность в массах» или государственный статус депутата только для того, чтобы пропагандировать гомосексуализм в качестве нормы жизни.

² На этом моменте мы подробнее остановимся несколько ниже.

Гомосексуализм открывает возможность формирования у пострадавшего известного суррогата защитной любви к насильнику, а впоследствии и право на гомосексуальное насилие как криминальную норму, которая является средством расширения субкультурной группы за счет тех несовершеннолетних, которые оставлены без социальной защиты. Будучи сами пострадавшими, насильники психологически чутки к условиям, в которых им доступно найти и безопасно преследовать свои жертвы. А новым пострадавшим легче оправдать себя «ориентацией», чем согласиться с тем, что их жизнь сломана чьей-то грубой волей.

Если чуждое влияние другого оказывается очевидным и несоразмерным жизненному выбору индивида, то у пострадавшего неизбежно возрастает ощущение собственной ничтожности. И напротив, если это влияние нельзя назвать чуждым, если оно совпадает с «ориентацией», то самооценка выдерживает давление травматической ситуации и личность не ставится на порог полного распада и депрессии. Она имеет возможность продолжать развивать свои способности, в социальной ценности которых абсолютно убеждена и за сохранение которых личность чувствует ответственность перед обществом (Жене Ж., 1997). Что касается гомосексуальной «любви», которая не сопровождалась актом грубого насилия, то и здесь, как нам представляется, велика вероятность специфической психологической травмы, которая консервирует опыт сексуального экспериментирования, превращая его в «ориентацию».

Да, «безумная страсть» может заставить индивида целовать ноги и даже гениталии обожаемого предмета. Но, во-первых, около ануса, а не сам анус, а во-вторых, какая уж тут любовь, если анальное насилие совершается над случайным встречным в подворотне или лифте, над неопрятным соседом по тюремной камере, а «удовлетворенный» педофил убивает свои жертвы, скрывая следы преступления. К. Хорни высказала глубоко парадоксальную мысль: из всех невро-

тиков самым несчастным является именно садист (Хорни К., 1995).

В это трудно поверить. И еще труднее принять. Но другого убедительного объяснения рассматриваемому социальному и нравственному уродству, кроме того, что оно вначале, в раннем подростковом возрасте, совершалось от отчаяния, что другого пути спасения от невыносимых мучений ребенок или подросток в то время не смог увидеть, просто трудно найти. Как уже отмечалось, для нас является несомненным положение, согласно которому причиной рассматриваемых социальных уродств является специфическая сексуальная травма в детском и подростковом возрасте. Поэтому ее содержание и потребовало тщательного анализа и обоснования, и именно с точки зрения возможности подростка нейтрализовать травматическую интервенцию, ворвавшуюся в его жизнь на решающем этапе социализации, грубо прервавшую процесс решения им возрастных задач.

Подростковый возраст — это период интенсивного познания индивидом себя и общества. Особое внимание занимают процессы, связанные с половой идентификацией, особенно, в случае их отягченности проблемами отсутствия адекватного образца для идентификации¹. Мы не склонны придавать такое большое значение «врожденности» ранней детской сексуальности, как на этом упорно настаивают представители психоанализа, начиная с его основателя (Фрейд З., 1989). По нашему глубокому убеждению, эта «ранняя детская сексуальность» (Фрейд А., 2003) начинает формироваться именно в тех семьях, где родители фиксированы на вопросах секса, где дети сотни и тысячи раз ставятся в интригующую и провоцирующую ситуацию. У них постепенно складывается установка, что родители неумело и небрежно пытаются скрыть от них именно то, что интересует всех взрослых больше всего на свете.

Эти бесконечные оговорки, обрывки фраз при переходе на шепот или «кричащую паузу», блестящие от возбуждения

¹ Как это, например, имело место в процессе развития личности самого основателя психоанализа.

глаза и повествование «взахлеб», которое внезапно обрывается вместе с досадливым восприятием появления ребенка «на самом интересном месте» рассказа. Нетерпеливое завершение услышанной завязки эротического сюжета предоставляется пытливой фантазии любопытного ребенка, которая поначалу, за неимением информации, ставится в тупик или приводит к смехотворным результатам, которые с радостью и готовностью осмеиваются теми же взрослыми. Решения не найдено — и ребенок продолжает искать: «Где же здесь то, что прячут взрослые? И что это за игра в прятки, в которую он никак не может выиграть? Так нечестно! Он так не привык!» Опять эти опасливые или внезапно ставшие какими-то дурашливыми взгляды неузнаваемо изменившихся знакомых лиц, успокаивающие фразы типа: «Да он ничего не понял!» и т. п.

Если обобщить наблюдения, то станет совершенно очевидным вывод, логичный для социально-гуманистического подхода: никакой врожденной детской сексуальности, которая вытесняет и подавляет все другие интересы ребенка, делающая его поведение навязчивым до маниакальности, просто не существует. На самом деле, часть взрослых, и в том числе ортодоксальных психоаналитиков, провоцирует у детей сексуальный интерес, который затем уже подвергается систематическому научному наблюдению и изучению.

«В этот период жизни — впечатлениям открыта последняя глубина души; она вся всему доступна и не защищена броней; все может стать или уже становится ее судьбой, все может повредить ребенку, или, как говорит народ, “испортить ребенка”. И действительно, все вредное, дурное, злобное, потрясающее или мучительное, что ребенок воспринимает в этот первый, роковой период своей жизни, — все причиняет ему душевную рану (“травму”), последствия которой он потом влачит в себе через всю жизнь то в виде нервного подергивания, то в виде истерических припадков, то в виде уродливой склонности, извращения или прямой болезни...

Вряд ли есть что-нибудь более вредное для жизни и для всей судьбы ребенка, как слишком раннее эротическое пробуждение его души... На юную душу возлагается непосильная задача... Начинается бесплодная и нечистая работа воображения, внутренние конфликты и страдания, с которыми ребенок не может справиться...

Душевное восприятие такого ребенка становится пошлым или полуслепым — он как бы *не видит чистого* в жизни, а видит во всем двусмысленное и грязное; с этой точки зрения он начинает воспринимать всю человеческую любовь и, притом, не только ее чувственную сторону, но и духовную... Там, где уместно благоговейное молчание, шепот или молитва, водворяется атмосфера двусмысленных улыбок и плоского подмигивания... Человек переживает целое духовное опустошение: в его “любви” отмирает все священное и поэтическое, чем живет и строится человеческая культура...» (Ильин И. А., 1994. С. 186—188).

Преждевременный сексуальный интерес ребенка активен. Это не взрослый, который может спрашивать и ждать. Ему надо непременно снять невыносимое напряжение, постоянно нагнетаемое словами и действиями взрослых. Но самопознание — это не вещь, получив которую субъект может успокоиться душой.

«Чем дальше мы проникаем в глубину нашего существа или существа нашего ближнего, тем дальше отодвигается цель нашего познания. И мы не можем не стремиться постичь тайну человеческой души, проникнуть в самую суть того, что есть человек.

Есть отчаянный способ постичь эту тайну: добиться неограниченной власти над другим человеком, власти, способной заставить его делать то, что мы хотим, думать и чувствовать так, как мы хотим; власти, превращающей человека в мою вещь, мою собственность. Крайнее проявление склонности познавать таким способом — садизм: желание и способность мучить, причинять человеку страдания, пытать его, чтобы заставить в муках выдать свою тайну. И в этом страстном желании проникнуть в тайну человека, а значит, и тайну собственного “Я” — одна из главных причин жестокости и стремления к разрушению...

Откровенное стремление к познанию таким способом часто можно наблюдать у детей. Ребенок ломает вещь, чтобы узнать, что у нее внутри; стараясь разгадать тайну живого существа, он с удивительной жестокостью отрывает крылья у бабочки. Таким образом, жестокость имеет глубокую причину — желание познать тайну вещей и тайну жизни.

Другой путь познания “тайны” — любовь... Садизм порождается потребностью познать тайну. Но я знаю так же мало, как и раньше. Я разрываю живое существо на части, но этим я уничтожаю его — и ничего больше... При самых тяжелых формах недостаточности мужских качеств характера главным и извращенным их заменителем становится садизм (стремление к насилию) (Фромм Э., 1992. С. 125—129).

Видимо, только анализируя садомазохистский характер взаимоотношений власти, можно найти разгадку филогенеза активного мужского гомосексуализма. Как уже отмеча-

лось выше, более зрелый в половом отношении подросток (Пвз) через неизведанную силу собственного полового влечения оказывается во власти менее зрелого, охваченного эгоцентрическим желанием «познать тайну» оргазма, недоступную его переживаниям даже через настойчивое и продолжительное мастурбирование (Нпз). Нет критериев оценки случившегося: кто пострадал, а кто выиграл.

С одной стороны нерегулируемого взаимодействия (Нпз) вроде «ничего плохого» не случилось. Во всяком случае, недостаточно психологически развитому и сексуально просвещенному несовершеннолетнему нет никаких видимых оснований предполагать какой-то личный ущерб, оскорбление, унижение или обиду, за исключением эксклюзивных ситуаций¹, отягченных опытом Пвз и уже усвоенными им групповыми защитными стереотипами. Он неожиданно становится, как ему представляется, «счастливым» свидетелем и активным участником того явления, которое было в детстве непостижимо запретной «тайной», тщательно скрываемой взрослыми. А тут вдруг все стало доступным и понятным, как на школьном лабораторном занятии по биологии.

Другая сторона (Пвз) неизбежно оказывается в проблемной ситуации, нерешенность которой может перейти в актуальные травматические переживания. Рассматривая процесс сексуального экспериментирования подростков, порой бывает даже трудно однозначно определить, кто из них являлся «активной» стороной, так же как нельзя определить, кто более активен в садомазохистском взаимодействии: садист или мазохист (Фромм Э., 1992). В процессе «серьезных игр» по их определению совершенно не обеспечивается психологическая безопасность участников, поскольку, как уже отмечалось выше, полностью отсутствует социальная и групповая

¹ Например, уже упомянутый выше случай, когда в результате своего непреодолимого интереса к процессу мастурбации со стороны более взрослого подростка он оказывается непроизвольно или намеренно «испачкан» спермой.

ценностно-нормативная регуляция. В этой ситуации особенно острыми являются такие конфликтные ситуации, в которых одной из сторон нет возможности, как это часто делают дети, «сделать то же самое с другим», чтобы «успокоиться»: «Ты меня толкнул — и я тебя, ты измазал вареньем — и я тебя!»

Благоприятным в этом отношении фактором, тут можно согласиться с психотерапевтами и сексологами, можно считать наличие опыта мастурбации, заканчивающегося семяизвержением. В более тяжелой травматической ситуации этот несомненный «минус» полового развития может обеспечить «плюс» психологической безопасности. То есть если старший подросток знал, чем это все закончится, и не только понаслышке, если, тем более, его влекло к этому итогу, то тогда есть все основания говорить, что он использовал младшего, вовлек его в развратные действия. Здесь все ясно: он управлял ситуацией, обеспечивая свою власть над другим, которого и следует считать пострадавшим, несмотря на временную «аменоманию» жертвы. Не осознавая своего психологического ущерба, а также реально приближающейся угрозы формирования гомосексуальной ориентации, в том числе и насильственной, пострадавший (Нпз) часто имеет радостное выражение лица, как у того ребенка, которому, наконец-то, удалось поймать жабу или найти дохлую крысу.

Возможно даже, что никакой актуальной травмы и не произойдет. Вместо этого в ходе гомосексуального экспериментирования у двух индивидов одновременно сформируется необратимая гомосексуальная (или бисексуальная) ориентация. Все зависит от субъективных качеств личности участников, уровня и содержания полового просвещения, степени развития онтологической полоролевой рефлексии и даже выраженности других личностных черт, например подозрительности. При этом необходимо иметь в виду, что уровень тревожности повышен у всех подростков и сомнение в своей безопасности и незащищенности является неизменным мотивом многих их агрессивных действий.

Но вернемся к проблеме другого подростка, который достиг к моменту конфликтной развязки процесса сексуального экспериментирования большего анатомо-физиологического уровня половой зрелости (Пвз). Более сильный участник «сексуального экспериментирования», конечно, может избить партнера «в отместку» или, к примеру, «на всякий случай» больно ущемить за гениталии. Да мало ли что ему может прийти в голову «с досады», но «тайну» он уже «выдал». Отсюда, видимо, и создается то дополнительное напряжение, которое позволяет преодолеть отвращение к анусу. Хотя, надо отметить, что здесь отнюдь не все так прозрачно, как хотелось бы, и истина далеко еще не установлена. Мы отдаем себе отчет в том, что на самом деле выдвинутая нами гипотеза является скорее постановкой проблемы, чем ее решением. Наше предположение имеет основания, но, конечно же, нуждается в проверке и дополнительном подтверждении фактами, что осложнено наличием готовых защитных стереотипов, проникающих в социум из гомосексуальной культуры. Трудно представить подростков, «не просвещенных» в этом отношении СМИ и глянцевыми эротическими журналами, которые практически заменили детям серию «Мои первые книжки».

Остаются вопросы следующего плана: «А почему, собственно, при анальном контакте «опущенным» считается именно пассивный участник»? С детской точки зрения ущемленной и «запачканной» является именно активная сторона: «вляпался», «обмыл спермой задний проход» и т. п. Представьте себе, что юноша за деньги или по принуждению согласился «обслуживать» состоятельных господ, страдающих запорами. Скорее всего они вскоре ласково начнут называть его «нашей клизмой». И вряд ли он будет лидером в группе. Так в чем же дело. В мужской и женской ролях? Но этого явно недостаточно: сколько мужчин стремятся играть женские роли, как профессионалы, так и любители; им рукоплещут, а не презирают.

Самое интересное, что множество гомосексуальных пар живут «душа в душу», не испытывая никаких травматических переживаний, кроме охлаждения или измены партнера.

Конечно, сама травма не может фатально предопределять путь нравственной регрессии и тем более патологической ненависти к человеку. Но понять переживания пострадавшего в их актуальной форме мы непременно должны, чтобы оказать ему своевременную психологическую помощь, чтобы дать ему возможность развиваться по пути дальнейшей социализации.

В качестве примера сексуальной травмы, порожденной подростковыми «серьезными играми», мы рассмотрим случай, в котором проблема психологической травмы не затухает дискуссионными проблемами «развития гомосексуальной ориентации». В то же время для нас важно рассмотреть ситуацию, в которой социальный персонификатор не находится полностью на стороне пострадавшей личности, а также, как в случае социогенной травмы, в какой-то степени понимает и «прощает» персонификатора¹.

В качестве персонификатора выступает флегант № 3 (К-ч).

За консультацией по вопросам воспитания сына обратилась С. В., женщина 29 лет, имеет высшее юридическое образование, закончила платные курсы по подготовке топ-менеджеров. Оказалось, что проблема была у нее самой. В беседе с консультантом удалось выяснить, что в возрасте около 12 лет она испытала необычную сексуальную травму, которая предопределила некоторые ответственные жизненные решения и нало-

¹ Кстати, не перестает удивлять совершенно нелепое свойство этого персонификатора — отстраняться от психологической защиты пострадавших, даже в случае преступлений, предусмотренных законом. Тринадцатилетняя девочка изнасилована четырьмя подонками, имена которых всем известны. Мать соглашается взять десять тысяч — и дело прекращено. Общество, если оно тщит себя «гуманистическим» и «цивилизованным», не может вот так просто «закрыть дело», будто это лишь личные взаимоотношения двух сторон. Поставлены под угрозу социальные ценности, которые общество обязано защищать даже тогда, когда жертва напугана или находится под влиянием подкупленных родственников. Ведь есть установленный факт — свидетельство судебно-медицинской экспертизы, и никакого значения не должно иметь: взято назад заявление или же нет.

жила негативный отпечаток на ее мироощущение и дальнейший образ жизни.

Среди части знакомых ей подростков и детей, с которыми за неимением другой компании ей приходилось общаться во время летних каникул, было распространено сексуальное экспериментирование, которое С. В. наблюдала, но не принимала в нем активного участия. Убеждения малолетних приятелей, что «так делают родители», действовали на нее противоположным образом. Поскольку она относилась к отцу с любовью, явно несовместимой с групповыми манипуляциями, «эстетическая привлекательность» которых вызывала у нее серьезные сомнения, то все доводы приятелей лишь укрепляли ее стойкое сопротивление сексуально-игровым предложениям.

С ближайшей подругой и другими близкими друзьями ей не удалось своевременно обсудить это явление. Во-первых, у нее самой уже была определенная негативная позиция, которую она недвусмысленно выразила в своих поступках. А во-вторых, вместе с началом школьных занятий, она каждый раз снова встречалась «с долгожданными друзьями», общие живые интересы с которыми, в том числе и форма общения с мальчиками, как-то не совпадали с содержанием, от которого она интуитивно старалась дистанцироваться. Повторяющиеся из года в год детские игры летних приятелей каким-то образом уходили из памяти. «Как-то даже не приходилось завести рассказ именно об этих впечатлениях, были совершенно другие темы», увлечения, занятия и игры, потому в момент травмы она не располагала негативной референтной оценкой подобного поведения.

То, что такая оценка уже давно была выработана в группе девочек, составлявших круг ее ближайших друзей, она узнала лишь после травмы. К моменту травматической ситуации С. В. была подавлена неожиданным, неприглядным по форме и содержанию разводом родителей. Семья ее самой близкой подруги недавно поменяла место жительства. Другие ее друзья, как всегда, разъехались на летний отдых.

К-ч, также почти 12 лет, сын подруги матери С. В., жил в соседней области, куда С. В. была отправлена «в гости» на неделю. Когда родителей не было дома, неожиданно состоялась игровая имитация полового акта, инициатором которой, по ее убеждению, была сама пострадавшая, в итоге которой К-ч, видимо, в целях более полного сходства своих действий с настоящим половым актом, неожиданно для нее совершил произвольное мочеиспускание.

Психологическая травма девочки проявилась в резком снижении ее самооценки. Сформировалось затяжное депрессивное состояние. Она не знала, как назвать то, что случилось, как относиться к этому и как поступить. Но больше всего ее испугало, что теперь у нее не будет детей. Любые разговоры о случаях бесплодия ввергали ее в ужас. Впоследствии она порвала всякую связь и общение с К-ч, старалась не встречаться с ним. При первой же возможности покинула родной город. Рано вышла замуж.

Особенно болезненными в содержании травматических переживаний С. В. до сих пор остаются воспоминания о последующих действиях и словах флеганта. В тот же день он попытался хвастливо рассказать приятелю, не обращая внимания на то, что она могла слышать, о событии этого дня (и всей ее дальнейшей жизни). Правда, его что-то удержало от описания причины того, почему «она вдруг заплакала». С. В. остро и болезненно восприняла слово «надругался», конкретный смысл которого был явно недоступен воображению слушателя флеганта. Как ей показалось, оно было произнесено, скорее, с каким-то непонятным ей интересом и гордостью, нежели в порыве рассеять сомнения по поводу своего явно не запланированного действия. В ушах пострадавшей непроизвольно начали всплывать когда-то слышанные фразы «взрослых разговоров»: «там ее и изнасиловали», «испортили девушку» и т. д. Приходили мысли покончить жизнь самоубийством или убить К-ча, но даже в отчаянии она отдавала себе отчет в том, что не способна исполнить ни того ни другого. К тому же их матери были хорошими подругами. Мать К-ча относилась к ней с любовью, как к дочери.

Сначала она не могла точно выразить в словах все, что случилось и что ее беспокоит. И даже много лет спустя, — в период консультирования — С. В. потребовалась для этого помощь психолога. Происшедшее семнадцать лет назад все еще представлялось ей сплошным кошмаром. Порой она не могла отделаться от навязчивого и мучительного самоощущения бессильной жертвы. Периодически С. В. чувствовала себя, особенно часто в подростковом и юношеском возрасте, безответным подопытным животным, о научных экспериментах над которыми слышала на школьных уроках.

Удивительно благодушное поведение, неожиданное для пострадавшей, флегант демонстрировал в течение всего периода ее пребывания «в гостях». Хотя очевидные знаки своего подавленного и отчаянного состояния С. В. намеренно и настойчиво ему демонстрировала в надежде вызвать в нем чувства раскаяния и сожаления, казавшиеся ей способными в значительной степени облегчить ее участь, но так ничего и не добилась. Эти знаки, обычно всегда в других ситуациях провоцирующие сопереживание ее боли со стороны окружающих, он воспринимал с рассеянным вниманием. А в некоторых других случаях, в присутствии взрослых, К-ч демонстративно выказывал досадливую для нее «заботливость» и опеку, которая с умилением воспринималась взрослыми в качестве наглядного проявления его «истинной симпатии и привязанности» к ней. Но никаких с нетерпением ожидаемых ей признаков вины, понимания и сопереживания со стороны флеганта она ни разу не заметила.

Приятель К-ча, занятый каким-то своим делом, удивительно равнодушно, как ей показалось, воспринял беспокойное и мутное течение его отрывистых и запутанных фраз, а в конце твердо заявил, что не верит ему. Флегант, видимо, не стал пересказывать другим приятелям впечатления о своем сексуальном опыте. Вообще, все, что он делал, в группе сверстников

неизменно встречалось скептически. Скорее всего он тоже интуитивно понял, что неспособностью к семяизвержению гордиться не стоит. Во всяком случае, она не заметила впоследствии ни намеков, ни насмешек. Случившееся не внесло в ее отношения с окружающими каких-либо подозрительных изменений. А через несколько дней она уже вернулась домой. Мать, занятая своими проблемами, ничего не заметила. Реальной и демонстративной попытки суицида С. В. не предпринимала: «были только мысли», «брала в руки нож, примеривалась, но руки опускались».

На протяжении прожитых лет были периоды, когда С. В. как будто забывала о том, что составляет для нее самые болезненные воспоминания детства. Но такие обыденные слова, как «писсуар», «больничная утка» и даже «пепельница», иногда имели свойство неожиданно возвращать ее к пережитому, поскольку нередко сопровождалась если и не сильным, то всегда отчетливым ощущением острого укола и панического предчувствия близкого наступления чего-то мрачно-жуткого и крайне унижительного. Встречая насмешливо-игривые улыбки, которые порой сопровождают произнесение этих слов, она непроизвольно чувствовала какой-то скрытый смысл, относящийся непосредственно к ней, «как будто окружающие видят и знают, что с ней произошло, но «не говорят прямо, а только намеками». Эти болезненные импульсы были, как правило, кратковременны, хотя иногда, особенно в юности, могли привести и к затяжному депрессивному состоянию. Она прекрасно осознает и учитывает реальность: в своих действиях и взаимоотношениях исходит из того, что окружающие «ничего не могут знать» о ее нездоровом прошлом.

Болезненные ощущения вызывают у нее и «приступы слишком возвышенного» обращения с ней знакомых мужчин. С. В. имеет достаточно привлекательную внешность, но подчеркнута деликатные знаки внимания иногда вызывают у нее либо ощущение скрытой вины, либо легкое чувство инфантильного презрения к «кавалерам». Она как бы слышит неприятный ей самой, легкомысленный внутренний смех по отношению к тем, кто пытается за ней «ухаживать», как будто она «только что ловко всех обманула». Эти явные признаки угрозы потери ценностного аспекта и смысла человеческой любви достаточно стабильны. Но они не препятствуют возникновению влюбленностей, которые, впрочем, не перерастают в более серьезные отношения. Лишь дважды в ее жизни травматические переживания катастрофически вытесняли ощущение близости счастья, мгновенно превращая его необычайно притягательный и отчетливый образ в недостижимую цель: в 14 лет и в период, соответствующий времени консультирования.

Хотя сейчас она живет в другой географической области, но периодически чувствует себя несвободной, тяготится зависимостью от маловероятных, но все-таки вполне возможных не столько агрессивных, сколько просто случайных, «глупых воспоминаний» К-ча о детстве в разговорах с их общими знакомыми. Он ее не преследовал, но С. В. продолжает остро ощущать, что «нет никакой гарантии, все может вскрыться», и не только

она, но муж и, самое главное, сын станут объектами веселеньких острот окружающих.

Она чувствует свое бессилие внятно ответить на отчетливо представляемые ее воображению «полусочувственные» обвинения окружающих, в которых содержится некоторое упрощение пережитого. Так же трудно ей, впрочем, и найти достойный ответ другим социальным персонификаторам, например сексуально свободным читательницам «Космополитена», на их воображаемую реакцию, которая неумолимо «ставит» общественную позицию С. В. гораздо ниже статуса полного общественного презрения. Ведь она «позволила унижить не только себя, но и женщину вообще!» «Шалава, дуреха! Так тебе и надо! Нашла с кем связаться!» — но в том-то и дело, что она и не пыталась «связаться» с К-ч, поскольку никогда его всерьез и не воспринимала, всегда относилась к нему с превосходством, считала немного глуповатым, но безвредным.

Раньше ее иногда приводило в состояние бессильного бешенства, неизменно переходящего в апатию и безысходность, именно то, что окружающие, «если все выяснится», скорее всего поймут произошедшее с ней гораздо проще и определенной, чем это было на самом деле. Более того, она не могла избавиться от ощущения, что «они» непременно станут на его сторону и не распространят своего благожелательного отношения также и на нее. Ей гораздо сложнее объяснить окружающим, почему все это произошло, что именно в ней самой оказалось «гадким и дурным» и почему, будучи в школе почти отличницей, она вдруг в простой бытовой ситуации «проявила такую глупость».

Собственные слова, мысленно обращенные к окружающим, кажутся ей самой малоубедительными. Со временем в ее интрапунитивном представлении «невинность» флеганта только возрастала: «Он был совсем еще несмышленным. На самом деле я “вертела им, как хотела”, просто он всеми силами старался казаться похожим на взрослых». По ее словам, К-ча просто «не в чем обвинить». Ведь она «сама была инициатором» той «игры». Он так и остается в ее воспоминаниях тем же «маленьким и потому безответственным» отравителем ее жизни, хотя она понимает, что прошло время и теперь он должен быть в одном возрасте с ней.

При всем при этом С. В. остается внутренне твердо уверенной, что «тоже была не виновата». Более того, она считает себя достойной уважения и права на счастье в той же степени, что и ее «более счастливые» сверстницы. В условиях сексуальной революции она, «как и любая другая женщина, имела и имеет право на свободный секс». Но почему-то «серьезные игры» обернулись исключительно для нее унижением и полной стагнацией подростковых мечтаний. Не потому, что она в чем-то «уж настолько была хуже других», а потому, что «все это очень мерзко и смешно одновременно». Она смутно, но интуитивно правильно чувствует, что дело здесь вовсе не в выяснении виновности чьей-то стороны, а в чем-то другом, унижительном, страшном и непонятном. Все еще испытывая, казалось бы, давно уже похороненные, но порой неожиданно вновь тревожа-

щие ее, мучительные переживания, она неизменно видит себя в рискованном периоде расставания с детством. Травма как бы остановила время, зафиксировав ее взаимоотношения с флегантом.

В период консультирования ее переживания приобрели другую «тональность». По преимуществу она почти «успокоилась душой», но осталась горечь «потерянного рая», перспективу которого она преувеличивает, привыкнув проецировать все свои неудачи только на травматическую ситуацию, поразительно забывая в минуты приступов отчаяния — теперь уже достаточно редких — о своих реальных успехах. Ведь она не только «не хуже других» выжила в трудные годы социальной смуты, но и многого достигла: получила высшее образование, обрела финансовую независимость, устойчивую от любых «дефолтов», смогла создать семью.

Особенно болезненные переживания она испытала, помимо первого, запредельно острого, посттравматического периода, через два года, в период первой влюбленности. Новый прилив болезненных переживаний наступил в момент, соответствующий времени консультирования, вместе с новой влюбленностью. Это и толкнуло ее обратиться к психологу. К мужу она относилась достаточно доброжелательно и спокойно, но «всегда понимала, что не любит его по-настоящему». Основной смысл жизни С. В. долгие годы видела в обязанности «поставить на ноги сына», которого искренне любит.

Матерому психотерапевту может показаться, что мы обсуждаем здесь какие-то не относящиеся к сути дела «тонкости». И он будет прав, потому, что он психотерапевт, а не психолог, и хорошо знает, чем ему именно как психотерапевту надо заниматься. Он поставил бы С. В. клинический диагноз и прописал ей соответствующие депрессанты. При чем тут игры детей? В описанном случае нет тех ужасных персонажей, от которых их надо защищать. Сексологи предпочитают проводить профилактику, предупреждать, успокаивать, «если что-то не так», но большинство из них не видит в детских и подростковых играх источник серьезных личностных травм.

Но мы можем заметить, что именно после травмы С. В. стала испытывать проблемы с учебой, а впоследствии у нее не сложились семейные отношения в той степени, которая могла бы ее удовлетворить. И самое главное — все это вполне мог вовремя скорректировать школьный психолог, если бы в период учебы С. В. существовала сеть учреждений для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социаль-

ной помощи, подобная современной. Сейчас мы имеем дело с другой социальной ситуацией, которая в чем-то лучше, а в чем-то хуже той, которую мы оставили 15—20 лет назад.

Конечно, и управленцу, и части самих психологов, особенно клинических, может показаться, что все описанные выше переживания взрослой женщины либо просто «мелки и несущественны», либо являются следствием «невротического характера» пострадавшей. Но на самом деле коррекция и профилактика подобных травм является условием психологической безопасности всех детей. И это вовсе не тот случай, когда психолог подчиняет свои интересы служению курьезным потребностям и капризной воле финансово состоятельного, но крайне инфантильного клиента, который изнывает от неспособности структурировать свое время и потому ищет помощи и приятного общения у психоаналитика¹. В то же время мы исходим из того, что никакие социальные уродства не могут стать основанием «притерпелости» психологов к детским обидам, которые кажутся взрослым мелкими и ничтожными: «Детские слезы — что роса!» И поскольку сексуальное подростковое экспериментирование является источником хронической невротизации и последующей криминализации заметной части подрастающего поколения, его психологический анализ, несомненно, должен опираться на серьез-

¹ В наше время проблема детской игровой травмы может действительно выглядеть несущественной, просто не стоящей внимания. Ее затмевают и делают «мелкой» социальные уродства времени, о духовной сути которого метко сказал поэт: «Да, были хуже времена, но все же не было подлее!» Мы являемся свидетелями массового геноцида со стороны «благодушных и миролюбивых» против своего народа, который оказался **просто не нужен**: население страны явно мешает им и государственным чиновникам спокойно получать прибыль от «трубы», «тормозит» правительство, требует создания рабочих мест, условий для созидательного труда, а не просто должностей официантов или охранников. В отношении тех, кто упорно отстаивает свое право на созидание, предусмотрены мстительные садистские методы «шоковой терапии». Массовые экономические репрессии уже довели «усмиряемых» до состояния полной безнадежности, а министр культуры, пользуясь всем этим, в угоду победителям пропагандирует свободу матерщины! Как тут можно затрачивать силы и государственные средства на анализ смехотворных травматических переживаний плохого воспитанного ребенка, если насилие утвердилось как норма жизни?

ную, достаточно проработанную во всех возможных аспектах объяснительную парадигму.

Случай С. В., которой мы бесконечно благодарны за активное сотрудничество, дает нам в этом отношении уникальный материал. Мы высоко ценим ее искренность, понимая, что совместный анализ на самом деле больше помог нам в создании концепции социального консультирования, чем лично ей. Во-первых, наш подход вовсе не представлял тогда собой достаточно мобильной консультативной системы. Во-вторых, она прервала процесс консультирования в момент, когда он начал становиться более продуктивным, по той простой причине, что ей представилась уникальная в экономическом отношении командировка за рубеж, куда она вскоре и выехала с мужем и сыном. Эта перспектива резко уменьшила ее тревожность в отношении персонификатора. К тому же она прекрасно учитывала, что пребывание в новой, необычной для нее обстановке, где не только люди, но и природа совершенно другие, очевидно, будет способствовать естественному процессу окончательного стирания следов детской травмы. И наконец, главное: она сама уже была, фактически, почти на пороге того момента, когда пострадавший становится способным «сбросить груз тягостного прошлого».

Если даже допустить, что С. В. имела необычайно повышенную чувствительность, граничащую с патологией, то и в этом случае мы вынуждены признать, что эта акцентуированность ее чувств униженности и оскорбленности способствовала постановке многих новых проблем и прояснению существенных моментов, которые до начала работы с ней вообще не замечались нами, были в тени. Впоследствии мы убедились, что чувствительность С. В. является не столько следствием «слабой нервной системы», сколько итогом ее упорного стремления к смыслообразующим ценностям, с потерей которых она не смирилась, и, конечно же, следствием ее напряженных и целеустремленных усилий по саморазвитию.

Именно свет человеческих духовных ценностей, явно несовместимых с уродством пережитой травматической си-

туации, не позволил ей адаптироваться к патологической социальной и примитивной межличностной среде. Она приняла свои душевные страдания как естественные, не имеющие альтернативы, даже не подозревая, что какой-то психолог потом скажет, что у нее редкий дар «выдерживать груз противоречий». У нее хватило интеллекта не искать для своего «хронически болезненного состояния» простого группового средства психологической защиты, которое автоматически направило бы развитие ее личности по пути регрессии и социальной невротизации. Оказывается, для того, чтобы иметь возможность «сбросить груз прошлого», пострадавшая личность должна иметь силы сначала *поднять* этот груз и какое-то время нести его, продвигаясь в направлении к временно погасшему для нее, но интуитивно видимому свету. Это как раз та стратегия временной отстраненности и «невключенности» в деструктивные травматические взаимоотношения, которая позже оформилась в уже известное читателю сознательное средство и условие социально-гуманистической реабилитации (психологический «модус вивенди» в разрешении внутреннего конфликта).

В приведенном выше примере С. В. еще дезориентирована. Она не знает, как ей относиться к персонификатору. То, что случилось, нельзя назвать *насилием* с его стороны. Он даже не завлекал ее обманом, как это имело место в сотнях ожесточенных женских рассказов, слышанных С. В., и, видимо, не имел своей целью того результата, которым закончилась «серьезная игра»: просто воспользовался в меру своих умственных способностей ее временной подавленностью, доверчивостью и встречным сексуальным любопытством. Она не может осуждать его, как, например, женщина, которая доверяла своему избраннику только потому, что рассчитывала на его ответную любовь. Ненавидеть и осуждать его, «считать подлецом» она вроде бы не имеет никакого морального права: он «чист» перед общественным мнением и может спокойно радоваться жизни. Удивительно, что имен-

но это обстоятельство больше всего ввергало ее в состояние беспомощного страдания и безысходности.

На самом деле уже прожит достаточно большой период времени. И если К-ч, будучи взрослым, позволит себе получать удовольствие от воспоминаний, которые он должен был отторгнуть или, по крайней мере, искренне пожалеть о случившемся, то это его поведение может стать хорошей основой для выработки обоснованного негативного отношения к нему со стороны С. В. «в настоящем». Поэтому консультант помогал выстроить реабилитационное отношение пострадавшей к персонификатору не в прошлом, а «здесь и теперь», с учетом общественных требований к личности, достигшей определенного возраста. То, что было вполне простительно маленькому эгоцентрику, не простительно взрослому. Консультант начал помогать С. В. выстраивать отношения к К-чу не методом погружения в детский возраст, а на основе анализа поступков взрослого персонификатора, на основе оценки приписываемых ему возможных фраз, первые формулировки которых явно имеют своим источником страхи самой пострадавшей. Эти фразы рассматриваются консультантом в качестве вероятных социальных поступков К-ча. В детстве это был типичный флегант, но вполне возможно, что он мог за это время социализироваться. Поскольку С. В. с выразительной усмешкой и крайне решительно отвергла подобное предположение, консультант впоследствии не разрабатывал эту возможность, которая для других случаев может оказаться вполне продуктивной.

Осуждая К-ча еще в детском возрасте, С. В. оказалась бы уязвимой и неизбежно должна была чувствовать себя жалкой, смешной и униженной. Ненависть вообще связывает пострадавшего с персонификатором, причем не на широком поле социальной действительности, а в узких рамках повторного переживания травматической ситуации, где пострадавший вынужден вести неравный поединок «со слепым в темной комнате». Как уже отмечалось, любая травматическая ситуация имеет свойство навязывать пострадавшему нега-

тивный образ, затрудняющий его ориентировку и подавляющий его психическую деятельность. Это, если хотите, тот самый разбойничий «топор», но который теперь используется уже не в качестве заурядного орудия запугивания или убийства, а, будучи хитро «подложенным под компас» сексуального развития партнера, является средством, с помощью которого персонификатор имеет возможность своекорыстно изменять направление его дальнейшей жизни и при определенных, отягчающих условиях даже его «сексуальную ориентацию». Если травма имеет сексуальную форму, то пострадавшая личность неизменно вынуждена вести неравный бой не только с персонификатором или с его «тенью», но и с собственной половой потребностью, сращенной со страхами.

Воспоминания детской сексуальной ситуации со стороны взрослой девушки и женщины не могут быть отделены от ее наличных потребностей, развившихся гораздо позже. Ведь «в прошлое» всегда погружается не «тот самый ребенок», а развивающийся субъект, вместе со всеми своими психологическими новообразованиями, сформировавшимися уже после травмы. И это тоже поступок, за который он должен отвечать — на этот раз уже не персонификатор, а сам пострадавший. Ясно и то, что простой запрет на безвольное втягивание пострадавшего субъекта в совершенно нетворческий и явно вынужденный процесс пассивной самозащиты не «сработает». Здесь для пострадавшей личности важно осознать, что ее половая потребность и страхи на стороне персонификатора, который именно поэтому и господствует над ней. Его «инфернальность» заключается в интенсивности заблокированных или, напротив, активированных потребностей самого пострадавшего.

Сам по себе персонификатор может быть достаточно заурядной, трусливой и жалкой личностью. Поэтому важно не приписывать ему произвольно никаких негативных качеств. Это неизбежно сделает пострадавшую личность еще более уязвимой. Надо исходить из тех качеств персонификатора, которые он проявляет «здесь и теперь». И осваивать

травматическую ситуацию необходимо не только на основе навязчивой картины, проступающей из потока воспоминаний, а в достаточно четких категориях. При сексуальной травме категориальный анализ всегда предпочтительнее образного.

Казалось бы, именно этим социально-гуманистический подход принципиально отличается от психоанализа, который ставит во главу угла образ. Но необходимо учитывать, что психоаналитики также осваивают воспоминания пострадавшего в специфических терминах; при этом даже сны клиентов деформируются под воздействием системы психоаналитических понятий, изменяясь в соответствии с целями анализа. Поэтому основное различие мы здесь видим лишь в самом содержании взаимосвязанных понятий, а вовсе не в переходе процесса консультирования от образов к понятиям. Другое дело, что необходимо стремиться к такому понятийному освоению травматического образа, которое сохраняет его в представлении пострадавшего «как исчезающий момент», не более того.

Как уже отмечалось, контакт пострадавшего с образами прошлого запрещать нерационально и даже вредно. Но содержание проблемы, выраженное в понятиях, легко подавляет аффективность образов и создает условия для того, чтобы пострадавшая личность могла выдерживать страдания и проводить анализ травматической ситуации совместно с консультантом. Причем воспоминания не должны иметь форму одинокого пути пострадавшего человека. Он должен предпринимать осторожные и сознательные шаги от настоящего к прошлому не только вместе с консультантом, но и с персонификатором. При этом задача консультанта — организовать продуктивный диалог между пострадавшим и персонификатором, направленный на поиск истины и совместное возвращение на путь личностного развития и социализации.

Если же стороны взаимоотношений власти уже успели преодолеть ряд возрастных этапов, то в ситуации анализа

они не должны превращаться опять в маленьких детей и просто клонировать детские обиды¹. Пострадавший и воображаемый персонификатор должны смотреть на ситуацию как бы извне, но вовсе не прощаться с ней навсегда, как в НЛП, а лишь категоризировать ее и строить реабилитационные отношения друг с другом.

Как уже отмечалось выше, не только пострадавший, но и социальный невротик, выступающий в функции персонификатора, нуждается в реабилитации. При этом персонификатор объективно нуждается в помощи пострадавшего не меньше, чем тот в его помощи². Вернуться на путь активной социализации они эффективнее всего смогут только через процесс взаимной помощи друг другу. Конечно же, реальный персонификатор может и не испытывать такой потребности и потому, несмотря на усилия консультанта, совершенно не понять, о чем вообще идет речь. Но и в этом случае такая *реабилитационная позиция* для пострадавшего будет наиболее продуктивной, полностью открывающей ему путь дальнейшего личностного развития.

Конечно, правовые понятия и тем более житейские в целях технического обеспечения процесса освоения пострадавшим травматической ситуации (т. е. процесса категоризации) совершенно непригодны. Как уже отмечалось выше, для описания сексуальных травм необходим свой тезаурус, достаточный по своему составу для выражения содержания травматических ситуаций этого вида. Такие понятия, как «надругаться», «изнасиловать», «казнить» или же «доверчивость», «глупость» и т. п., слишком эмоционально насыщены и именно потому совершенно непригодны для процесса психологического консультирования. Необходимо обеспечить *безоценочную конкретность* описания травматической ситуации. В этом отношении гуманистические психологи (*Роджерс К.*, 1999) совершенно правы. Но они почему-то на-

¹ Подобно взрослым братьям, подравшимся после воспоминаний о ситуации, в которой мама проявила больше любви к одному из них; причем старшему в то время едва исполнилось шесть лет.

² Вспомним образ Нехлюдова.

вязчиво обходят многие типы сексуальных травм и неврозов, по преимуществу оставляя это поле представителям психоанализа, которым и «положено» заниматься лишь индивидами, не способными к самоактуализации.

Понятия, используемые при описании травматической ситуации, должны быть более конкретными (протокольными) и не содержать моментов осуждения персонификатора или оправдания потерпевшей личности. Это не относится к описанию послетравматического поведения персонификатора, в котором, напротив, желательно активно использовать моральные нормы; особенно если травматическая ситуация оказалась достаточно отсроченной от времени консультирования.

Для того чтобы спасти личность пострадавшего от губительной власти персонификатора, вовсе не требуется той степени высоты субъективной интенсивности сопереживания, которое проявил главный герой автобиографического романа Пастернака. Нужна просто своевременная помощь психолога, чье заинтересованное или профессиональное умение позволяет уверенно дифференцировать близкие и очень похожие элементы нормального полового и травматического поведения. Хотя, как уже отмечалось выше, есть и другой, более продуктивный путь — профилактика.

Типичным и практически решающим фактором риска для подростка в возможный, но вовсе не predeterminedный каждому индивиду период его «серьезных сексуальных игр» является, на наш взгляд, неосвоенность им необходимых профилактических позиций.

Первая из них связана со свойством сексуальных переживаний окрашивать обстановку самого убогого, примитивного и уродливого «шалаша» в «оранжевый цвет» личного счастья. А. Н. Леонтьев придавал большое значение явлению *кристаллизации* «предмета» любви, которое было открыто и блестяще описано Стендалем (1983). Однако процесс этой кристаллизации захватывает не только «фигуру», но и «фон». По своей сути он является деятельным и творческим, неуз-

наваемо преобразуя и романтизируя окружающую действительность. Единственное обломанное дерево во дворе, на фоне желтой, местами облупившейся штукатурки, становится в глазах влюбленных неотъемлемо милым фрагментом в картине очаровательного для них городского пейзажа. Даже мусор, стаканчики и рваные газеты, ветер метет по двору как-то спокойно радостно, словно играет ими, думая, что люди не видят его детской шалости.

Когда подросток доверяется этим своим новым переживаниям, он не знает, что в их содержании, вместе с поистине волшебным ростом его созидательных и творческих возможностей, почти в той же мере оказывается редуцированной ориентировочная функция. Темные и грязные подвалы, заброшенные пустыри уже не отталкивают и не настораживают его. На какой-то период он становится «бесстрашен». Сомнительные компании, риск заражения СПИДом, наркотики не пугают его. У него может внезапно исчезнуть отвращение к кому-то или чему-то явно грязному и заразному.

Рассмотрим очередной пример. Родители старшеклассницы с аффективным недоумением рассказывали, что их девочка, такая брезгливая, что не будет пить из одного стакана даже с самыми близкими родственниками, вдруг стала ласковой к внешне совершенно неопрятному молодому человеку. Она систематически остается ночевать в его грязной квартире, оставленной родителями, которые в настоящее время отбывают тюремное наказание. Недавно они узнали, что он болен сифилисом («состоит на учете в диспансере»). Но ужас и отчаяние они испытали именно перед лицом неузнаваемо изменившегося поведения собственной дочери, которая, «зная все» (!), продолжала радостно, с «глуповато шаловливым» видом общаться с ним. Она ведет себя при разговорах на эту тему в семье с подчеркнутым превосходством человека, познавшего сокровенную тайну, доступную только избранным, который теперь легко видит и понимает в жизни то, что «безнадежно скрыто» от ее несчастных и «ограниченных» доброжелателей.

«Оранжевая функция» половых переживаний является основой развития другой, тесно связанной с ней *компенсирующей* функции. Эти переживания могут преобразовать убогие материальные условия, уродливые семейные взаимоотношения, личное недоразвитие индивида, неизмеримо повышая самооценку подростка, избавить его от постоянного и тяго-

стного груза тревоги (Мей Р., 1997) и даже вывести из депрессивного состояния¹.

Девочка, выросшая в семье алкоголиков, остро переживая постоянный недостаток в хорошей еде и нормальной одежде, с ужасом наблюдая побои матери со стороны отца, а затем и других «знакомых», вдруг без всякого видимого труда и обременительных произвольных усилий переносится в совершенно другой мир, где к тому же чувствует себя вполне творчески одаренной. Она оценивает себя если и не способной самостоятельно «сочинять стихи», то уж, во всяком случае, достаточно готовой понимать сложные душевные бури в описании, казалось бы, «вообще недоступных человеческому пониманию» классиков литературы. Теперь для нее это вдруг становится легко решаемой задачей. Более того, она сама чувствует себя способной кое-чему поучить этих полузабытых «стариков», действительно готова «потрепать их лавры» «снисходительной рукой».

Если за этими переживаниями нет накопленного потенциала достаточно развитых творческих способностей, если в непосредственном стремлении «золушки» стать принцессой просвечивает очевидное личностное недоразвитие и наивная примитивность, то риск травматизации подростка со стороны своекорыстного манипулятора — старшего по возрасту или сверстника — неизмеримо возрастает. К сожалению, в современных социальных условиях такая ситуация становится достаточно типичной, и школьный психолог имеет дело уже с массовой травматизацией, т. е. с типичной травмой, имеющей тенденцию ее превращения в «статистическую норму». Таким образом, развитие творческих способностей детей и фасилитация личностного развития становятся очередными дополнительными позициями в списке профилактики сексуального подросткового травматизма.

Есть еще один необходимый просвещенческий момент, без которого вся система профилактики может оказаться безрезультатной. Речь идет о знании подростками достаточно банального закона суммации «физиологических раздра-

¹ Точно так же, как и ввергнуть в него.

жений». Подросток привык терпеть и «удерживать» любые свои физиологические реакции, но он не готов к тому, что в решающий момент не сможет удержать нарастание приятных половых ощущений, кажущихся контролируруемыми и потому совершенно безопасными для повторений в процессе их постепенной, медленной эскалации. Подросток должен знать, что удержать наступление оргазма для него практически невозможно (Мей Р., 1997). В результате насыщенная половыми гормонами кровь и запредельный уровень полового возбуждения могут оказаться силой, которая используется персонификатором для достижения своекорыстных целей и утверждения личной власти над пострадавшим.

Таким образом, можно выделить три необходимые позиции профилактики сексуальной травматизации:

- **просветительская**: подростки должны знать об «оранжевой функции» половых переживаний и «законе суммации»;
- **творческая**: необходимо своевременно развивать творческие способности детей (прил. 2);
- **развивающая**: всемерная фасилитация социализации и личностного роста.

По вполне понятным причинам мы не включили в необходимое содержание позиции просвещения знания о противозачаточных средствах. Помимо известной анекдотичности подобного «информирования учащихся шестых классов», в такой «профилактике» содержится явный элемент провокации и усиления риска заражения опасными и неизлечимыми пока заболеваниями¹.

Можно было бы предположить, что более яркие и парадоксальные факты, известные людям с древнейших времен

¹ Как уже отмечалось выше, подросток идет на сознательный и очевидный ему риск именно потому, что уверен в своей безопасности, в то время как только один из пяти видов широко рекламируемых сейчас презервативов действительно «предохраняет» от СПИДА. Поэтому в современных рыночных условиях рекламный лозунг: «Предохраняйся!» — имеет исключительно коммерческое значение и, напротив, способствует увеличению реального риска угрозы, против которой он лишь по видимости направлен.

(Лихт Г., 2003): анальные контакты, зоофилии, садомазохистское поведение и т. п. — можно объяснить «оранжевой функцией» половых переживаний. Но нам представляется, что эта гипотеза не имеет оснований. Такой поспешный вывод стал бы упрощением и оправданием тех форм полового поведения, которые на самом деле требуют активной коррекции и, по нашему глубокому убеждению, практически доступны для такой коррекции.

С одной стороны, для того, чтобы подростку, к примеру, преодолеть естественное отвращение к анальному контакту и даже для того, чтобы это вообще могло прийти в голову индивиду, не связанному с гомосексуальной группой и не испытывавшему в детстве подобного извращенного варианта сексуального принуждения, должен сработать какой-то более мощный фактор, чем рассмотренная выше «оранжевая иллюзия», которая вполне адекватна лишь достаточно высоким уровням общения и удивительно гармонично согласуется только с их смыслами и ценностями.

С другой стороны, нам просто смешна самодовольная позиция некоторых матерых психотерапевтов, которые, значительно переглядываясь, делают вид, что допущенному к демонстрационному сеансу психологу просто не дано понять генетической природы сексуальных перверсий, особенно гомосексуализма. На самом же деле за потоком медицинских терминов и позой всезнайства скрывается банальное осознание безрезультатности попыток современного психотерапевта хоть как-то помочь этой категории нуждающихся профессионально, а не в качестве правозащитника. Эта самоуспокоенность представителей генетической позиции скорее указывает на осознание ими полной бесперспективности попыток дать человеку на выбранном ими пути хотя бы мизерный шанс стать полноценной личностью, прожить истинную жизнь, не обязательно комфортную и счастливую, этого никто не имеет права обещать, но наполненную глубоким человеческим смыслом. Вместо действительной психологической помощи разворачивается хорошо спонсируемое дви-

жение сексуальной толерантности, в котором тонут последние надежды психологически травмированных подростков.

И в отношении других видов сексуальных травм предлагается такое же формально-логичное решение: если нельзя человеку помочь, то пусть он хотя бы с комфортом поживет, «расслабится и получит удовольствие». Но такая убогая «помощь» не может считаться достаточным основанием для позы всезнайства и благодушного самодовольства¹.

Решить эту сложнейшую проблему, которая веками довлела над человеческим родом, действительно, непросто. У нас пока нет даже достаточного запаса надежного эмпирического материала. Имеющиеся описания пронизаны духом психоанализа или генетического гуманизма. Социально-гуманистическое содержание в них просто потеряно, просыпалось, как песок, сквозь решетку генетического детерминизма. И перед нами лежит грандиозный, но безжизненный конструктор, который является результатом тщательного, многовекового, но крайне тенденциозного сбора фактов, и, к сожалению, лишь силами медицински мыслящих психотерапевтов.

Для того чтобы наращивать фактическую основу и иметь перспективу создания психологических технологий, способных обеспечивать коррекцию сексуальных отклонений в процессе развития личности, необходимо хотя бы сформулировать альтернативную гипотезу, способную организовать дальнейшее научное познание.

Эта гипотеза естественно, на наш взгляд, вытекает из логики той проблематики, которой посвящена данная книга. В результате полового экспериментирования в ходе подростковых «серьезных игр» отдельные индивиды получают психологическую травму такой силы отрицательных аффективных переживаний, нестерпимая боль которых делает по-

¹ Если, конечно, эти чувства не являются осознанием успешности коммерческой деятельности. Чтобы прибыльно сбывать некондиционный товар, надо быть просто «коммерческим гением». И здесь, действительно, есть, чем гордиться.

страдавшего подростка абсолютно нечувствительным к этическим и эстетическим сторонам своих поступков. Они становятся подвижны только одним мотивом: избавиться от тягостной и унижительной власти персонификатора. И путь избавления от этой власти каким-то образом представляется им лежащим на пути садистической, чаще всего гомосексуальной агрессии. Психологическую загадку и одновременно ключ к пониманию большей части сексуальных подростковых травм можно найти только в результате специфического анализа источников активного гомосексуализма как мальчиков, так и девочек¹. Пассивный гомосексуализм легко можно объяснить не только «триадой врожденного гомосексуализма» (Блейхер В. М., 1995), но и принуждением, насилием со стороны более взрослых гомосексуалистов.

Поэтому нам и непонятна толерантность к гомосексуализму, который, как уже отмечалось, утверждаясь в качестве общественного явления и социального движения, вырабатывающего адаптивные ценности для соответствующей субкультуры, не может существовать, не вовлекая в свои ряды новое, более молодое пополнение. В этом отношении генетическая гипотеза, несомненно, является оправданием и теоретической основой социального санкционирования настойчивых и изощренных попыток манипулирования и скрытого насилия в ходе вовлечения подростков, испытывающих трудности на пути половой идентификации, в губительный для них процесс «освоения бесконечного простора» личностной стагнации. Поверить, что ряды гомосексуалистов пополняются только генетически обреченными подростками, не позволяет хотя бы такое известное всем явление, как бисексуальность.

¹ Как уже отмечалось выше, гомосексуализм девушек (лесбийская любовь) имеет несколько другую форму и динамику формирования, чем у юношей. Конечно же, в ходе психологического анализа нельзя не учитывать морфофизиологических различий полов как условий формирования изучаемых нами патологических новообразований, природа которых при этом остается по своему содержанию социально-психологической и отнюдь не замещается генетической.

Мы предвидим возможные возражения выдвинутой нами гипотезе. Несмотря на предпринятую выше попытку аргументировать закономерное превращение гомосексуальной травмы в один из источников формирования гомосексуализма, остаются традиции и стандарты профессионального и житейского социального восприятия. Например, активный гомосексуалист представляется публике внешне физически более развитым, маскулинным. Если гомосексуальное поведение имеет своим источником травму, то какую же психологическую травму ему могут нанести более слабые сверстники, неизбежно завидующие его более мужественному облику?!

До проведенного нами анализа взаимоотношений пострадавшего и персонификатора поведение агрессивных гомосексуалистов казалось совершенно необъяснимым. Хотя психологи и психотерапевты знают, что наиболее вероятной причиной любого вида агрессии является угроза безопасности индивида, в том числе, очевидно, и психологической — угроза самооценке и позитивному «образу Я». Проведенный выше анализ взаимоотношений власти открывает возможность постепенного продвижения в изучении сущности травматических источников гомосексуализма вместо традиционной «синусоиды» колебаний познавательного интереса между житейским удивлением и генетической успокоенностью. Как известно, решение любой задачи содержится в ее условиях. Надо просто «расписать» эти условия, затем сделать все возможные выводы, и решение появится само собой, как образ на фотобумаге в процессе ее проявления.

Содержание травматической ситуации, как правило, представляет собой комплекс стойких переживаний, в котором власть персонификатора обеспечивает унижительное обращение с пострадавшей личностью, как с вещью, удовлетворяющей к тому же только разовую потребность инфернала (Фонтана Д., 1995). Невыносимым для пострадавшего лица — взрослого или ребенка — является именно переживание произвольности действий персонификатора, вызвавшего смесь болевых и сексуальных ощущений и, особенно, в случае не испытываемого ранее подростком оргазма, кото-

рый впервые потряс весь его организм. Как уже отмечалось выше, страх и стыд резко усиливают подростковую гиперсексуальность, вследствие чего и наступает «необычно яркий оргазм» (Частная сексопатология, 1983). Смесь сексуального удовольствия со страхом и ужасом, наверное, наиболее опасный и разрушительный для пострадавшей личности фактор¹. Жертва испытывает сильный шок, в переживании которого постепенно все более проступает болезненное осознание, что все это произвольно, по своей прихоти и вопреки воле пострадавшего сделал с ним кто-то другой. Все это явные признаки взаимоотношений власти в форме садомазохизма, характерного для сексуальной травмы.

При этом ребенку или подростку еще неизвестно, какие будут последствия, случилось ли «именно такое» с кем-то еще и т. д., в зависимости от индивидуальных особенностей и возможностей фантазии пострадавшего. Подросток, не имеющий сексуального опыта, может предполагать все, что угодно, даже в отношении своего полового здоровья. Таким образом, у пострадавшего и появляется стойкий образ преследующего его инфернала.

Даже при минимальной тяжести нанесенных физических повреждений и ущерба физическому здоровью личность, особенно несовершеннолетнюю, еще не решившую свои возрастные проблемы, мучает именно эта полная власть персонификатора, его свобода легко включать («запускать»), вопреки воле бессильной жертвы, ранее не изведенные переживания и физиологически здоровые, но совершенно неуправляемые в условиях травматической ситуации сексуальные реакции. Осознание того факта, что именно эта неспособность жертвы произвольно сопротивляться своим

¹ Это тот самый избитый сюжет, который сейчас навязчиво раскручивается и эксплуатируется в фильмах ужасов. Как в кошмарном сне, всевластный садист сексуально возбуждает зрителей эротическими сценами маниакального преследования беспомощной жертвы.

Агрессия и гнев также являются разрушительными факторами, но уже для личности самого персонификатора, которого это пока не беспокоит. В качестве «состоявшегося» социального невротика он испытывает победное ликование, связанное с достижением своей цели вопреки воле другого, т. е. наслаждается ценностью власти.

же физиологическим реакциям хорошо понималась инферналом и тем самым доставила ему особое удовольствие, является, как уже отмечалось выше, наиболее драматическим моментом переживаний пострадавшей личности.

Более того, жертва смутно ощущает, что при повторной встрече с «инферналом» она не сможет иметь психологического преимущества и тем более психологической власти над ним, как, например, при встрече потерпевшего с вором, которого тот пока тщетно пытается найти, чтобы «свести счеты». Она чувствует, что в ситуации повторной встречи будет подавлена, а ее «преследователь», напротив, предельно «заряжен» и именно за ее счет психологической «либидозной» энергией. В этом особенность сексуальных травм, образы которых энергетически «подпитывают» инферналов и неизменно ослабляют, парализуют пострадавших, если те не смогли вовремя дать достойный отпор и вырваться из-под их власти в реальном пространстве травматической ситуации. Пострадавший, конечно, может и не знать психоаналитической терминологии, но его более смутные в этом случае, но вовсе не менее болезненные переживания неизменно «вертятся» по описанному кругу.

Задача консультанта — перевернуть эти отношения власти в пользу пострадавшего, личность которого оказывается не в состоянии разделить глубоко запечатленные, сращенные друг с другом и совершенно несовместимые в норме переживания на два независимых ряда. Радостное и светлое предчувствие счастливого обретения заманчивого и таинственного мира человеческой любви ей предстоит отделить от образа персонификатора, толкающего на рабское заточение в ограниченной области примитивных чувств и мыслей.

Именно это упрощение, замена или уничтожение процесса радостного открытия мира ребенком или подростком и составляет функцию того травматического механизма, который «перемалывает» все его позитивные переживания в ощущение губительной эксплуатации рефлекторных сокращений гладкой мускулатуры или в ощущение сплошного,

беспросветного и унижительного подчинения гнетущей власти персонификатора. Отделить отношение к совершенно несоциализированной воле, в которой не просвечивается ничего человеческого, от радостных перспектив индивидуального пути развития ребенку и подростку невозможно именно потому, что они *противоположны*, однако легко объединяются, составляя психологический груз *травматического единства*. Поэтому возрастает риск отчуждения пострадавшей личности не только от индивидуального пути развития, но и от собственных, вполне нормальных ощущений «любовного томления», «сладкой неги» и т. п., т. е. всего, что является чувственной тканью значительной части культурно-исторических смыслов человеческой деятельности и что питает фантазию поэтов в течение многих столетий.

Тот факт, что при сексуальной травме взаимоотношения власти опосредуются половой потребностью, при всей его значимости в вопросе определения специфики сексуальной травмы, тем не менее, не может быть исходным пунктом социально-гуманистического анализа. Сама половая потребность, будучи отделенной от смысла и культурно-исторического содержания ценности человеческой любви и ставшая *лишь потребностью*, как раз и являет одним из наиболее негативных *последствий* переживания травматической ситуации потерпевшим. В этом моменте проявляется вторая — и основная — особенность сексуальной травмы.

В свое время Л. С. Выготский (1984) говорил о «половом инстинкте». Но сейчас использование этого термина ввело бы нас в заблуждение. У человека нет инстинктов. Можно говорить лишь об их далее неделимых остатках, рудиментах, атавизмах. Единый ансамбль этих «блоков» строится уже на основе не наследственных, а *социальных программ, прерываемых рядом конфликтных выборов* на жизненном пути индивида; в рамках той свободы социальных поступков, которую он смог «отвоевать» — реально получить, возложив на себя сильную ношу социальной ответственности. Термин «влечение» направляет логику наших рассуждений в русло психо-

анализа, что также для нас неприемлемо. Остается вроде бы нейтральный термин «потребность». Но мы полностью согласны с Р. Меем (1997), считающим что когда половой акт уподобляется процессу удовлетворения потребности в бутылке пива, сигарете или чашечке кофе, то это можно считать верным признаком чего-то неладного, даже катастрофического в содержании самой «половой потребности». Секс оказывается безнадежно оторван от чувства любви к другому человеку.

Как уже отмечалось, жертва очень часто находит психологическую защиту (Перлз Ф., 1995) в групповых стереотипах деструктивных групп и становится тем самым легкой добычей сутенеров и прочих представителей криминала, живущих на сексуальной эксплуатации, вплоть до методов физического принуждения. Психологическая защита проститутки позволяет ей физически выжить в этой рабской ситуации «кардинального расширения свободы и демократии» в XXI в. Суть этой деструктивной защиты состоит в смещении инициативы от инфернала к жертве.

Если пострадавшая личность сама была инициатором развертывания болезненных событий, то снимается главная проблема: травматическая ситуация представляется жертве в форме процесса, который развертывался в соответствии с волей пострадавшей личности, которая якобы осуществляла реальную власть над инферналом. Последний представляется жертве человеком, который был просто не в состоянии управлять своими сексуальными побуждениями¹. В восприятии жертвы реальной властью над инферналом в том черном прошлом обладала она сама, провоцируя и используя его сексуальную потребность. Он становится виноват только в ненамеренном нанесении физической боли, если таковая вообще была, а не использовались, к примеру, средства психологического принуждения.

Поведение персонификатора становится в глазах жертвы вполне оправданным и объяснимым. Предположение о не-

¹ Как в фильме «Охота на изюбря».

возможности «преследователя» контролировать в тот страшный и мучительный для жертвы момент свои сексуальные влечения позволяет пострадавшей личности убедить себя, что эти влечения «инфернала» были на самом деле произвольно инициированы именно с ее стороны и направлялись ей к неосознанной цели. Жертва подсознательно хотела получить удовольствие, но при этом еще и стремилась списать ответственность на кого-то другого. Такое восприятие переводит пострадавшую личность в состояние временной дурашливой эйфории. Конечно, оно нестабильно, прерывается сомнениями и возвращением депрессивных переживаний и требует для своего поддержания дополнительных защитных механизмов, на которых мы остановимся ниже.

Но для пострадавшей личности это совсем другая психологическая ситуация, которая уже не подавляет, а, напротив, делает ее героем приключения; пусть трагикомедии, но все-таки в достаточно привлекательной роли, *дающей право* оживленно и весело смотреть на окружающий мир с «вовсе не окончательно потерянной» надеждой на счастье. Нет необходимости даже отказываться от привычных удовольствий беззаботного прошлого. Можно, как и до травмы, продолжать расслабленно отдаваться мечтам, увлекаться приятными и соблазнительными безделушками и мелочами. Но реально именно с этого момента построения и принятия деструктивной защиты деформированная личность фактически обрекает себя на непрерывную цепь подобных и еще более трагических «приключений».

Приведенное описание похоже на ту реальность, которую имел в виду и изучал Э. Берн (1988). Но повторяемость переживаемых ситуаций здесь не игровая, а защитная. Жертва вовсе не игрок в «динамо», который всегда выходит победителем, а личность, обреченная на непрерывность сексуальной эксплуатации, терпящая постоянный и действительный психический ущерб. Возможно, что кто-то из далеких предков игроков в «динамо» подвергся сексуальной травматизации и выработал защитную роль, которая предопределила

сценарий игры, передаваемой из поколения в поколение. Но, как уже отмечалось, нас интересуют здесь не психологические механизмы *передачи* деструктивных жизненных сценариев, а первоисточники и первопричины их формирования, содержание которых, по нашему глубокому убеждению, составляют психологические конфликты, возникшие в результате сексуальных травм, ранее пережитых пострадавшими.

Прибегая к субкультурной защите, жертва начинает занимать особую социальную позицию, удобную для ее эксплуатации со стороны определившихся социальных невротиков. Она является «победителем» только в своем воображении, в которое периодически врывается реальность подневольного существования. Чтобы не видеть эту реальность, приносящую мучительные сомнения и переживания, чтобы подавить новые аргументы мышления, хотя и изуродованного дистрессом, но все-таки медленно развивающегося, она нуждается в алкоголе и наркотиках. Со стороны все это выглядит как ее собственная инициатива, порождаемая непреодолимыми наследственными потребностями. Поэтому в криминальных ситуациях рассматриваемого типа допрос пострадавших не может быть объективным: в целях психологической защиты жертва неизбежно заинтересована стоять на позиции персонификатора, напористо оправдывая его действия и столь же последовательно и упрямо дискредитируя себя.

Важной задачей консультанта при оказании помощи пострадавшим от рассматриваемого типа травм является обеспечение *седативного диагностирования* личности персонификатора. Даже если реальное изучение социального невротика недоступно, его образ должен быть преобразован из inferнальной картины в форму, доступную для реабилитационного диалога, т. е. в образ персонификатора. Эта задача может иметь и другие условия. В частности, если психологу придется консультировать социального невротика, который реально являлся инициатором травматического события. Эта ситуа-

ция маловероятна ввиду «преморбида аменомании» и крайнего эгоцентризма, неизменно присущих типичному социальному невротичу, но все-таки возможна. Например, в условиях пени-тенциарной системы. Такой клиент видит в своей жертве пер-сонификатора, наделяя ее свойствами «искусительницы», «ни-мфетки» и т. п. В этом состоянии он еще не готов к принятию консультативной помощи. У него еще не сформированы цен-ности, ради которых он мог бы решиться на тяжелый и драма-тический путь личностного развития. Консультативная по-мощь социальным невротикам — особая тема, на содержании которой мы остановимся несколько позже.

Социальный невротик, образ которого болезненно объ-ективирован пострадавшим субъектом, чаще всего, женщи-ной или ребенком, имеет следующую историю своего фор-мирования. Как правило, он длительное время не мог прео-долеть потребность в мастурбации или шокирующие последствия «сексуального подросткового экспериментирова-ния». Под воздействием насмешливо осуждающего отношения сверстников к этому явлению при переходе в юношеский воз-раст он начинает искать решение проблемы, главным содержа-нием которой является оправдание его прошлого поведения и эгоцентрическая защита собственной личности.

Речь не идет о ситуациях, в которых его неожиданно за-стали и начали позорить родители (Кон И., 1979). С негатив-ной оценкой любых устрашений и попыток стыдить подро-стка, которые снижают самооценку и тем самым ломают еще не окрепшую личность, мы полностью согласны. Но в то же время нельзя согласиться с тем, что надо полностью лишить подростка ориентиров в дальнейшем развитии. Поэтому мы считаем наиболее обоснованным другое отношение: «Мы тебя уважаем! *Это возрастная болезнь, которая не сразу, но успешно пройдет!* Это временная подростковая возбуди-мость, с которой большинству твоих сверстников не сразу удастся справиться! Ты ни в чем не виноват!» Конечно, и саму болезнь нельзя называть отвратительной, постыдной и т. д. Обычная, вполне излечимая болезнь, без осложнений и хронических вариантов, но все-таки болезнь, от которой

подросток решительно, уверенно, с гордо поднятой головой, но должен стремиться избавиться.

Превращать это явление в норму¹, реально поддерживаемую с двух сторон: подростковыми деструктивными группами и частью гуманистических психотерапевтов, — опасно для общества и самой личности. Психолог не должен становиться на дурашливую позицию подростков, которые, желая убедить себя и других в социальной приемлемости и нормальности обсуждаемого явления, компульсивно пишут на стенах туалетов ведущих библиотек и вузов что-то вроде: «Солнце, воздух, онанизм — укрепляют организм!» Да, подросток нормален — это совершенно правильная гуманистическая позиция. Но нельзя назвать само явление мастурбации нормальным. Личность ребенка, болеющего коклюшем или свинкой, нормальна. Но зачем называть нормой саму болезнь?

Тем более когда речь идет о другой ситуации, характерной для большинства подростков, страдающих перверсиями. Они вырабатывают общую оценку своих компульсивных действий вне открытого социального осуждения и одновременно при тайной поддержке деструктивных подростковых групп, т. е. в ситуациях, когда их никто не «застал» и нигде не осудил в лицо. Но при этом даже современная массовая культура, которая не отягчена вопросами нравственности и социальной ответственности, полна насмешек, фраз, эпизодов из фильмов, ненамеренно высвечивает очевидную примитивность их способов сексуальной адаптации². Поэтому такие подростки с нескрываемой агрессией относятся не только к самым высоким, но и обычным, широко распространенными образцами человеческой культуры, стремясь по возможности разрушить их. Другой путь — скрыться самим в более безопасной панк-среде (Психологические особенности... 1990), намеренно уродливая антиэсте-

¹ Дескать: «Как! Ты еще до сих пор не занимался мастурбацией!»

² Психотерапевты и общественные деятели, озабоченные бурным ростом населения в экономически благополучных странах, пытаются бороться с подобным общественным мнением, высоко поднимая знамя толерантности к гомосексуализму.

тика которой гармонично согласуется с уродливостью их не совсем вменяемого поведения.

Конечно, насмешливо осуждающее отношение к удовлетворению сексуальной потребности таким упрощенным способом со стороны других сверстников, уверенно вступающих в юношеский возраст, рано или поздно, но подталкивает любого проблемного подростка к выбору дальнейшего пути развития. Если он не является членом деструктивных групп, где традиционно происходит приобщение к сексуальному экспериментированию, то, как правило, большинство подростков не признаются друг другу в своей сексуальной несостоятельности и потому демонстративно поддерживают это защитное насмешливо осуждающее отношение к любым формам перверсий. Конечно, значительная часть подростков находят вполне адекватный выход на пути развития своей личности¹.

Другая часть, в основном это характерно для крайне эгоцентричных юношей, пользуясь поддержкой деструктивных групп, выбирает более короткий путь. Только для того чтобы снять невидимый другим моральный груз и «очиститься», они вступают в контакт с женщиной. Поскольку ими движет не любовь, а мотив защиты, смешанный с эротическими импульсами, ожидаемого удовлетворения они не получают и окончательно «разочаровываются», решив, что теперь, наконец, стали взрослыми и познали «жизнь такой, как она есть, без прикрас». На этом пути они не столько «очищаются», сколько, напротив, пачкают, затирают «анимический» образ женщины, блокируя тем самым себе возможность достижения любви как одной из вершин развития человеческой культуры.

Одно средство мастурбации — рука — под воздействием общественного осуждения цинично заменяется другим — живым «эротическим массажером». Этому способствует сниженная самооценка послушных партнерш, легко подчи-

¹ Содержание сексуального просвещения и профилактики сексуальных перверсий рассматривается нами вынужденно сжато в этой главе, объем которой ввиду практической значимости проблемы мы планируем расширить в последующих изданиях.

няющихся властному окрику и спокойно относящихся к своему рабскому положению как к нормальной женской роли («доле»).

Несмотря на частую сменяемость партнерш, флегант чувствует, что все реже испытывает оргазм, и, побуждаемый страхом перед импотенцией, он начинает искать возможность усиления полового возбуждения. Иногда флегант даже завистливо замечает, что женщины, которые легко отдаются в его власть, постоянно испытывают оргазм.

Восемнадцатилетний «циник-максималист» в сексуальной игровой пробе пытается лишь слегка обнять «явно доступную» сорокалетнюю женщину, как вдруг с той происходит что-то удивительное для него: она начинает дрожать и медленно опускаться на ступеньки холодной и грязной лестницы. Он играет в «динамо», поскольку почти шутил и вовсе не был готов завершить игру половым актом.

Случаются, конечно, и более «романтические» ситуации. Все начинается с короткого синтонного обмена взглядами. Согласие достигается почти без слов, пара удаляется от посторонних взглядов в пригородный лесопарк. После финального итога юноша, пошарив на всякий случай по веткам укрывшего их куста в надежде отыскать основную часть своего нижнего белья, бросает вдогонку уходящей подруге сакраментальную фразу: «Скажи хоть, как тебя зовут!» Она весело смеется и легкой походкой удаляется, оставляя юношу в состоянии эротической задумчивости.

Некоторых юношей влекла и возбуждала экстремальная и провокационная готовность некоторых женщин, того притягательного для них типа, который они научились легко выделять, даже в ситуациях категорических социальных запретов и традиционных норм. Но экспорт сексуальной революции практически осушил этот дополнительный источник сексуального возбуждения как условия достижения оргазма социальным невротиком.

Для социального невротика наиболее доступным теперь оказывается путь, на котором веками развивалась сексуальность самых примитивных в своем личностном развитии флегантов — в садистических действиях по отношению к женщине. Он начинает жадно искать тот предел, ту грань, за которой интенсивность мазохистского по сути сексуального возбуждения женщины позволяет ей не реагировать ответной агрессией на причиняемую ей физическую и моральную

боль. Сексуальное принуждение и жестокость становятся той разлагающей атмосферой страха и тревоги в неблагополучных семьях, в условиях извращенных ценностей которых происходит процесс первичной социализации детей.

Сложившееся у такого социального невротика эгоцентрически ограниченное защитное отношение к женщине гротескно искажает его восприятие окружающего мира. Особенности психологической защиты своей подружки или арендуемой им проститутки он воспринимает как женскую сущность.

Это патологическое восприятие «сексуального партнера» способствует наметившемуся застреванию психосексуального развития социального невротика на подростковой фазе. Но блокирование развития никогда не является его механической остановкой. С этого момента начинается глобальная эскалация моральной деградации и распада личности социального невротика. Ведь любое жизнеспособное человеческое общество уже много веков устроено так, что общей мерой нравственного развития его граждан неизменно является отношение мужчины к женщине.

Помимо основных защитных механизмов, присущих жертвам насилия, неизменно уродливо адаптированным в большом обществе (они были описаны нами выше), социальный невротик может использовать для оправдания своего эгоцентризма и другие, на которых с удовольствием концентрируется. С радостью он делает открытия и обобщения, которые обеспечивают его право эксплуатировать пострадавших, которые на самом деле нуждаются в интенсивной психологической помощи. Их основную социальную функцию и предназначение он видит в «объективном» подтверждении «правильности» избранного им образа жизни¹.

¹ Социальный невротик с готовностью верит бреду, распространяемому телевидением и «мужскими журналами», что все женщины, прежде всего, мечтают о новых трусиках, косметике и украшениях. Подобно тому, как «серьезные мужчины» коллекционируют марки и монеты, оружие и автомобили, у них, видите ли, непреодолимая тайная страсть к коллекционированию ощущений от разнообразных фаллосов. Сведениями о пополнении своих коллекций они якобы с большим энтузиазмом де-

Такое отношение к женщине сейчас поддерживается «гражданским обществом» через современные телевизионные программы и хорошую полиграфическую базу художественно оформленной порнопродукции, выдаваемой за «эротическую литературу». Если социальный невротик оказался не адаптированным к разрушаемой им же социальной среде, если он почувствовал себя настолько несчастным, что его защитный эгоцентризм перерос в садизм (*Хорни К., 1995*), то он может стать источником самых грубых форм травматизации окружающих. Самое простое и типичное объяснение его окончательной криминальной деградации — финансовая несостоятельность в сочетании с непреодолимой привычкой не отказывать себе в «аренде» проституток.

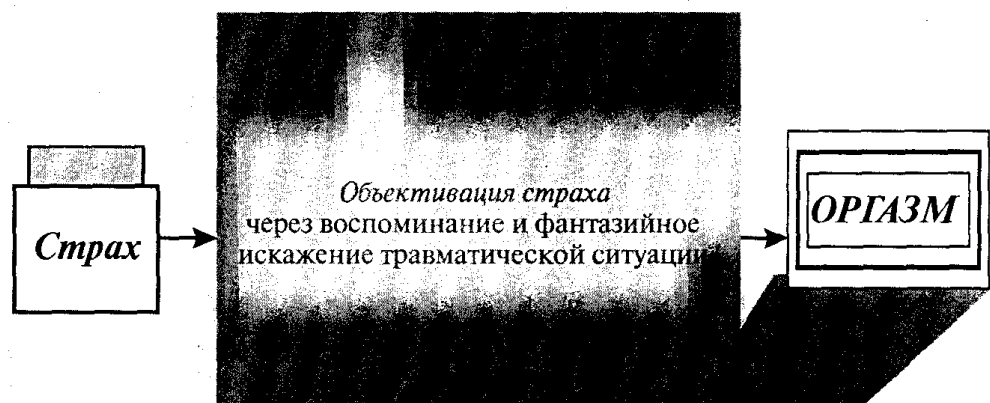
Такое понимание сущности личности персонификатора объясняет роль тех мифических «преимуществ», которые получает потерпевшая сторона в процессе взаимодействия поляризованных позиций. Оно ничуть не менее обосновано, чем мифология эдипова комплекса, о котором с видом знатоков рассуждают ученики краткосрочных психоаналитических курсов.

Если жертва не прибегает к типичной «защите проститутки», то перед ней возникают другие проблемы: не зря ли она испугалась угроз? Не было ли возможности избежать травматического итога, которую она не использовала? И так далее.

Особенностью сексуальных травм является, как уже отмечалось выше, риск превращения их переживания в извращенную форму удовлетворения сексуальной потребности. Если процесс, который описан Э. Берном как проявление «сценария неудачника», в других случаях представляет собой своеобразную попытку изменить прошлое, пережить победу вместо поражения, то в случае сексуальной травмы такие переживания приводят к нарастанию половой потребности, вплоть до оргазма. Даже если переживание оргазма было уже

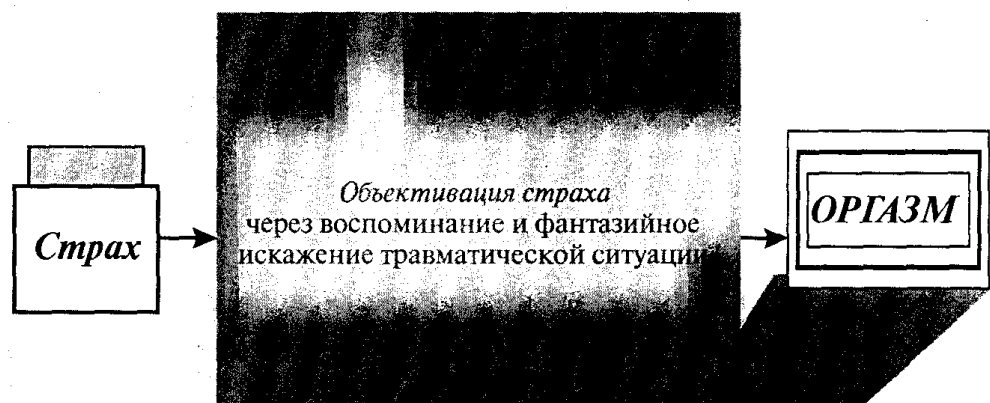
лется с доверенными подругами, и это занимает у них все свободное время. Они для этого и родились на свет. Нам пытаются внушить, что в этом и состоит «единственный смысл их жизни», который подозрительно удобен лишь флегантам.

знакомо пострадавшей личности, оно все равно неразрывно соединяется с переживаниями унижения, страха и ужаса. Если же оргазм был пережит в условиях травматической ситуации впервые, то вероятность укоренения такого фантазийного, мазохистски окрашенного способа сексуального удовлетворения, вследствие повторного переживания навязчивых воспоминаний и бесплодных попыток изменить картину событий в желаемую сторону, оказывается значительно выше. Любые последующие попытки прямого блокирования такого пути удовлетворения сексуальных потребностей, очевидно, должны привести лишь к «обходному маневру» в извращенном удовлетворении сексуальной потребности.

Это обстоятельство неизбежно и значительно осложняет работу с психологическим анализом содержания травмы. Как правило, пострадавшая личность не может самостоятельно понять, что ей движет в данный момент: желание разобраться во всем и преодолеть травму или просто естественно периодически нарастающая или спровоцированная каким-то внешним фактором сексуальная потребность. Любой защитный запрет, как и всякая произвольная и недостаточно обоснованная преграда на пути спонтанно развивающегося процесса, не сдерживает его развитие, а, напротив, действует, в качестве фасилитатора. Более того, деструктивная сущность подобного запрета немедленно и неизменно обнару-

знакомо пострадавшей личности, оно все равно неразрывно соединяется с переживаниями унижения, страха и ужаса. Если же оргазм был пережит в условиях травматической ситуации впервые, то вероятность укоренения такого фантазийного, мазохистски окрашенного способа сексуального удовлетворения, вследствие повторного переживания навязчивых воспоминаний и бесплодных попыток изменить картину событий в желаемую сторону, оказывается значительно выше. Любые последующие попытки прямого блокирования такого пути удовлетворения сексуальных потребностей, очевидно, должны привести лишь к «обходному маневру» в извращенном удовлетворении сексуальной потребности.

Это обстоятельство неизбежно и значительно осложняет работу с психологическим анализом содержания травмы. Как правило, пострадавшая личность не может самостоятельно понять, что ей движет в данный момент: желание разобраться во всем и преодолеть травму или просто естественно периодически нарастающая или спровоцированная каким-то внешним фактором сексуальная потребность. Любой защитный запрет, как и всякая произвольная и недостаточно обоснованная преграда на пути спонтанно развивающегося процесса, не сдерживает его развитие, а, напротив, действует, в качестве фасилитатора. Более того, деструктивная сущность подобного запрета немедленно и неизменно обнару-

живает себя в нарастающей интенсивности тревожности и страха.

Полную дезориентацию личности пострадавшего как раз и призваны компенсировать устойчивые моральные ориентиры консультанта, о которых говорилось выше. Это важное условие адекватной психологической помощи. Подросток должен иметь полное право невольно провоцировать сексуальные потребности взрослых социальных невротиков и не нести за это никакой ответственности. Вот где необходимо активизировать идеи толерантности. Необходимо утвердить *неравноправие*, соответствующее неравносилности сексуального возбуждения у подростков и взрослых. Так же как взрослые научились прощать детям многое из того, что нельзя разрешить взрослому, им предстоит справедливо понять повышенную сексуальную демонстративность подростков. Это их праздник жизни, к сожалению отягчаемый катастрофическими травмами, в профилактике и решении которых как раз и уместно участие взрослых.

Сексуальная самопрезентация неопытных девушек-подростков, жаждущих счастья любви, иногда чрезмерно ярка и лишена вкуса. Они похожи на растения, которые щедро цветут и обильно расточают свой сладкий аромат даже в самом неподходящем для этого месте: где-нибудь под забором, на свалке, около помойки, где и «пчел» никогда не водилось, да и не могло быть; одни комары да мухи помойные. Но никто не имеет права их за это топтать. Броская женская привлекательность обращена на поиск достойных партнеров, образ которых еще недостаточно четок и ясен. Таковы особенности юношеского возраста. Увидев красивый цветок, случайный прохожий может скромно им полюбоваться, понимая при этом, что тот наивно и ярко раскрылся вовсе не для него¹.

Женщина имеет безусловное право выглядеть красиво и даже эротично. Конечно, это не имеет ничего общего с наме-

¹ Если какие-то шальные помойные мухи совершенно заблудились, потеряли ориентацию и «полагают», что роза раскрыла свои ароматные «объятия» именно для них, нормальный садовник скорее прогонит мух, чем начнет вырубать цветники.

живает себя в нарастающей интенсивности тревожности и страха.

Полную дезориентацию личности пострадавшего как раз и призваны компенсировать устойчивые моральные ориентиры консультанта, о которых говорилось выше. Это важное условие адекватной психологической помощи. Подросток должен иметь полное право невольно провоцировать сексуальные потребности взрослых социальных невротиков и не нести за это никакой ответственности. Вот где необходимо активизировать идеи толерантности. Необходимо утвердить *неравноправие*, соответствующее неравносилности сексуального возбуждения у подростков и взрослых. Так же как взрослые научились прощать детям многое из того, что нельзя разрешить взрослому, им предстоит справедливо понять повышенную сексуальную демонстративность подростков. Это их праздник жизни, к сожалению отягчаемый катастрофическими травмами, в профилактике и решении которых как раз и уместно участие взрослых.

Сексуальная самопрезентация неопытных девушек-подростков, жаждущих счастья любви, иногда чрезмерно ярка и лишена вкуса. Они похожи на растения, которые щедро цветут и обильно расточают свой сладкий аромат даже в самом неподходящем для этого месте: где-нибудь под забором, на свалке, около помойки, где и «пчел» никогда не водилось, да и не могло быть; одни комары да мухи помойные. Но никто не имеет права их за это топтать. Броская женская привлекательность обращена на поиск достойных партнеров, образ которых еще недостаточно четок и ясен. Таковы особенности юношеского возраста. Увидев красивый цветок, случайный прохожий может скромно им полюбоваться, понимая при этом, что тот наивно и ярко раскрылся вовсе не для него¹.

Женщина имеет безусловное право выглядеть красиво и даже эротично. Конечно, это не имеет ничего общего с наме-

¹ Если какие-то шальные помойные мухи совершенно заблудились, потеряли ориентацию и «полагают», что роза раскрыла свои ароматные «объятия» именно для них, нормальный садовник скорее прогонит мух, чем начнет вырубать цветники.

ренными проявлениями эксгибиционизма и тем более курьезными формами формально-групповых стандартов. Кстати, обнаженная натура не всегда эротична. Она уязвима и может провоцировать сексуальное нападение или агрессию другого рода¹. Но консультант ни при каких условиях не должен признавать мифическое право сексуальной агрессии со стороны случайного персонификатора, якобы неудержимо спровоцированной в ответ на сигналы жертвы, которые на самом деле вовсе не были избирательно адресованы случайным психопатам или маньякам. «Провокация», даже если она и была, не может играть роль автоматически срабатывающей, бессрочной «индальгенции» для социальных действий персонификатора.

Даже циничность товарно-денежных отношений не позволяет, к примеру, оправдать присвоение рекламируемого товара только потому, что он очень понравился покупателю и у того не достало сил удержаться. Ни при каких условиях цивилизованное общество не может допускать, что право человека самому распоряжаться своим телом должно защищаться менее строго, чем право собственности на ювелирные предметы, автомобили, дорогую косметику или видеотехнику, которые на самом деле непреодолимо искушают жадные взоры взломщиков и грабителей.

Проститутка, сдающая свое тело в аренду, должна быть защищена обществом не меньше, чем продавец апельсинов, которого никто не имеет права заставить отдать свой товар по невыгодной для него цене или продать тому покупателю, который намеренно и цинично его оскорбил. Как бы широко, вызывающе ярко или даже навязчиво он ни рекламировал свою продукцию среди голодных покупателей².

Как уже отмечалось нами, социальная опасность проституции вовсе не в «разрушении нравственности». Разве мож-

¹ Очевидна в этом отношении защитная функция татуировок.

² Разве не танталовы муки испытывает человек, которого цинично дразнят ананасами, кокосами и омарами, в то время как он не может позволить себе купить сливочное масло или необходимую тюремно-аскетическую «корзинку» овощей для детей.

но назвать нравственными людей, которые снимают в арену чужое тело, чтобы воспользоваться им как живым эротическим массажером. Разве можно их как-то дальше испортить нравственно? Дальше — просто некуда! Социальную опасность представляет именно эта группа потребителей, посредников и сутенеров, которая крепнет и набирается сил на почве организованной ими работоторговли.

Конечно, если перекрыть им этот канал доходов, они найдут другие формы эксплуатации и работоторговли. Такова некрофильская (Фромм Э., 1992) сущность социальных невротиков, массовые интересы и поведение которых являются следствием и, в свою очередь, порождают социальные проблемы. Но нас здесь интересует не социально-экономический, а психологический и духовно-ценностный аспекты взаимоотношений людей.

Проститутка вынуждена прибегать к помощи сутенера не только ввиду распространенности опасно агрессивных или вороватых клиентов. Она защищается от персонификатора. Рассмотренная выше инвертированная защита проститутки оказывается достаточной только в том случае, когда повторная встреча с персонификатором маловероятна. А если он периодически поджидает свою жертву и снова напористо требует ее тела как своей собственности? Вот тогда ей и приходится прибегнуть к *рыночной защите*: дескать, гуманитарная помощь закончилась, тело продается любому желающему, но цены сейчас выросли (инфляция!), сначала купи, а потом уже пользуйся *на общих основаниях*.

Вот это отношение к персонификатору как к одному из рядовых клиентов и позволяет жертве уйти от повторного дистресса. А если у персонификатора нет в наличии достаточной суммы, она вообще получает право смотреть на него свысока¹ и даже презрительно. Но не как на бывшего обидчика — это было бы в его интересах, — а в новом свете уже в качестве несостоятельного покупателя, который пытается

¹ Этот непостижимо сексуальный взгляд свысока, который намертво «цепляет» инфантильных субъектов, этот взгляд-вызов, но не крепости бицепсов, а упругой плотности кошельков: «А хватит ли у вас денег расплатиться за такую роскошь?»

«жить не по карману» и оказался неспособным рассчитаться за «свободно предоставляемую всем услугу»; даже на льготных условиях, с учетом сделанной ему «по знакомству» скидки. «Раньше и сейчас», если есть деньги, можно, а бесплатно или «по дешевке» уже нельзя: «Гражданин, это же не отдел уцененных товаров! Покупайте или проходите, не мешайте другим!» Кроме этого, ведь существуют еще и «правила торговли». Если, к примеру, лавочка уже закрыта, то хозяин имеет право твердым голосом сказать: «Приходите завтра!» или «Вы что не видите? Учет! И не надо стучаться!» Эта «маска товара» позволяет проститутке избавиться от роли смертельно уязвленной, бессильной и униженной жертвы, т. е. той травматической маски, которая сама по себе является «провокацией» и новым оправданием агрессии со стороны персонификатора.

«Безвредность» жертвы всегда воспринимается насильником в качестве дополнительного мотива — играющего роль фасилитатора «провокации» (Мей Р., 2001б). Сама же «провокация» порождается воспоминаниями жертвы о травматической ситуации. Иными словами, *«провокация» жертвы в свою очередь может быть спровоцирована персонификатором*, который имеет возможность именно таким образом управлять жертвой, вновь и вновь воспроизводя деструктивные условия первичной травматической ситуации. Подчиняя пострадавшую личность уничтожающему давлению своей эгоцентрической воли и власти, персонификатор неизменно использует механизм проекции. Никто, кроме него, не может различить за стараниями бывшей жертвы казаться спокойной и независимой «совершенно не склонной к эротическим соблазнам» и т. д. слабый след прошлых воспоминаний.

Это происходит не потому, что персонификатор обладает какими-то «демоническими» свойствами, а в силу того простого факта, что он эгоцентрически *помнит то*, что его жертва всеми силами пытается забыть. Более того, он *не может не помнить*, даже если в результате травмы девушка стала абсолютно фригидной. Ее фригидности он не верит, потому что «знает» ее способной возбудиться от ужаса преследова-

ния. И персонификатор, и пострадавшая чувствуют, что ее фригидность исчезает уже в мысленном процессе садомазохистского взаимодействия. Вместе с почти животным страхом, ужасом, отчаянием и чувством обреченной безысходности к ней возвращается способность к оргазму. В результате в отношении персонификатора у жертвы сексуального насилия неизменно актуализируются амбивалентные чувства: вместе с импульсами ужаса и бегства «индуцируется» подсознательный мотив влечения, отчетливо различаемый именно персонификатором.

Защищая проститутку от персонификатора, сутенер, конечно же, вовсе не является бескорыстным спонсором. Его «правозащитная» деятельность основана только на том, что общество оказалось несостоятельным взять эту функцию на себя. Из социальных норм, регулирующих взаимоотношения персонификатора и жертвы, реально действующими являются только вышеупомянутые «правила торговли». Мы же «бедная страна», у нас нет материальных средств для оказания психологической помощи несчастным рабыням. По воле придирчиво выбирающих их клиентов они в роли аппетитных устриц или мидий заученно рекламируют себя, распахивая двустворчатую раковину своей одежды. Все знают об этом, но гораздо проще и спокойнее стыдливо умалчивать, морализировать или обвинять жертвы.

Пример С. В. также подтверждает, что всякая сексуальная травма имеет садомазохистский компонент. Можно сказать и иначе: садомазохистский комплекс — это специфическая форма сексуальной травмы. Ее пассивный вариант имеет два исхода: социальную невротизацию или групповую психологическую защиту жертвы.

Необходимо обратить особое внимание на динамику и последствия социального невроза в семье. Если, к примеру, муж настолько далеко зашел в тупиковом развитии своей сексуальности «от простого к сложному» — от подростковой мастурбации до садистского оргазма, — что вынужден поддерживать свою сексуальную возбудимость переходом за все

новые и новые границы унижения жены, то рано или поздно, но это необходимо должно привести к взрыву и распаду семьи. Почему, к примеру, серая личность, закомплексованный неудачник систематически унижает послушную женщину, имеющую высокий социальный статус, ученую степень доктора наук? Почему он заставляет ее прислуживать ему, бегать с тряпкой, выполняя его капризные требования, испытывать чувство вины, когда он торжествующе демонстрирует носовой платок со следами пыли, осевшей на отопительной батарее, которую она два дня назад уже тщательно протирала? Он жадно ищет меру нарушения общественных норм и степени унижения своей супруги, которую та готова терпеть. Это — и только это (!) — говорит его опустошенной душе о степени сексуальной готовности партнерши. Оказывается, что только основательный слом социальных запретов, защищающих женщину, который обнажает пропасть ее терпения, способен сексуально возбудить его до степени желанного оргазма. Мазохист, в свою очередь, видит пропасть агрессии, садистическую готовность партнера перейти за новую, ранее строго табуированную грань дозволенного. И чем глубже и отчетливее переход за запретную социальную границу, тем в большей степени наполняет эту несчастную и униженную душу ощущение «неумной силы сексуальной страсти» партнера, которое также является необходимым условием достижения желанного для нее оргазма.

Женщина годами сносит побои, ходит на работу с синяками, продолжая убеждать себя и других, что делает это только ради детей. А что видят дети? Как они могут понять эти уродливые отношения? Говоря словами Э. Берна, исключительно «по-марсиански». Либо формируется характер жертвы, которую безнаказанно эксплуатирует каждый встречный, либо психопата, которого нисколько не смутит даже перспектива людоедства.

В противоположность этой «любви», т. е. сексуальным наслоениям внешней защиты от обвинений в уродстве мас-

турбации, истинная любовь развивается сначала вовсе не на экспериментально-сексуальной почве (Эриксон Э., 1996б). Но, к сожалению, именно ценностная основа любви оказывается катастрофически уязвимой, поскольку ее содержание сформировано и может быть усвоено исключительно вне рамок примитивных взаимоотношений. Поэтому эти ценности оказываются просто «невидимыми», совершенно неосязаемыми реально для подростков в процессе травматических «сексуальных игр». Подростки разрушают значимые для них личностные ценности, как бы не догадываясь об их существовании. И если внимательно присмотреться, то, действительно, в пространстве примитивных отношений, в которых действует сексуально озабоченный индивид, их действительно нет. Есть лишь какие-то «нити», связывающие его с чем-то вне данной травматической ситуации. Но эти «нити» тоже невидимы и осязаемы лишь интуитивно, как в решении девочки, которая отказалась от «телесного дружеского контакта» со своей подругой.

Необходимым условием и одновременно ценностью истинной любви являются доверие и искренность. Но не то доверие, которое достигается лишь скручиванием рук партнера или его беззащитной позой после удара кулака, от которого мутится сознание жертвы, безвольно слабеют ее руки и ноги. В этой агрессии проявляется как раз страх и недоверие садиста перед потенциальным пострадавшим. Истинное доверие, как уже отмечалось выше, основано на отрицании взаимоотношений власти. Ведь именно эти примитивные взаимоотношения располагают тем самым ограниченным и деструктивным выбором, который создает основную проблему для пострадавшего: быть рабом или господином, другого просто не дано. В этом отношении любая ложь — это не просто «подстройка сверху», а претензия на исполнение роли господина, навязывание любви, прокрустова ложа власти.

Это хорошо чувствуют любящие родители, которых иногда до боли ранит, казалось бы, совсем невинная, детская ложь; и, конечно же, счастливые влюбленные, даже если их

любовь остается без ответа. Эту закономерность прекрасно заметил и художественно отразил А. С. Пушкин: Г. Отрепьев легко решается обмануть весь народ, но оказывается не способным солгать возлюбленной. Даже если она сама интуитивно избегает знания истины, которая может изменить ее уже принятое, ответственное решение и осложнить дальнейшую жизнь, он видит свой священный долг в том, чтобы поведать ей правду о себе. Он опасается обманом, сокрытием своего происхождения, сделать избранницу лишь «слепым орудием» или «добычей» его хитрости. Это привело бы к недостижимости для него самой ценности любви. Но, руководствуясь этим благородным мотивом, он как раз и рискует потерять уже почти реальную возможность соединить свою судьбу с судьбой любимой женщины. Таково психологическое содержание внутреннего драматического конфликта героя.

Тот же самый мотив искренности, скованный травматическим барьером, мы видим в рассказе С. В. Дважды в ее жизни — и именно в результате развития более глубоких чувств, а не просто «дурной бесконечности» сексуального опыта — детская травма становилась, как ей представлялось, непреодолимым барьером на пути личного счастья. И это вовсе не патология, а чувства вполне нормального, в отличие от социального невротика, человека, еще не нашедшего выхода из трудного положения, но, тем не менее, готового его найти, не упрощая для этого ни свою человеческую задачу, ни историю развития собственной личности. С. В. остро чувствует свою ответственность за достоинство и судьбу любимых и близких для нее людей. Разве это повод для того, чтобы навешивать клинические ярлыки.

Мы не можем согласиться с тем, что психология — это лишь виртуальная жизнь литературных героев, со свойственным им театром тонких чувств и высоких переживаний, а вокруг нас сплошная клиника («Вливайся!») — люди «без психики», которым изредка, может быть только раз в жизни, повезет испытать нечто такое, что позволит им в

какой-то степени понять смысл классических произведений и без особой скуки освоить полный объем школьной библиотеки.

Подводя итоги всему вышесказанному, думается, есть все основания в качестве главной задачи социально-гуманистического консультирования считать помощь пострадавшему в восстановлении свободы его самореализации, т. е. в достижении лично значимых для него духовных культурно-исторических ценностей.

Заключение

Наступил необходимый момент завершения работы над содержанием книги. В ее замысле не было задачи перенесения готовых идей на бумагу, и мы в процессе написания книги открывали для себя и осваивали все новые грани анализируемой проблематики. Мы вполне отдаем себе отчет в несовершенстве решения поставленных проблем. Не может не огорчать и некоторая фрагментарность, неполнота одних частей и в то же время наличие вынужденных повторов в других. Это характерно для лекционного чтения, но вызвано в данном случае и другими обстоятельствами — перерывами в работе, связанными с необходимостью планирования, организации и личного участия в осуществлении разнородной и разноплановой практической деятельности.

Тем не менее мы считаем, что содержание книги вполне открыто для доброжелательного и даже критически настроенного читателя. Надеемся в следующих изданиях переработать и исправить все, что не удалось сейчас. А в настоящее время потребности развития концепции социально-гуманистического консультирования властно диктуют переход от более систематического — по сравнению с предыдущим вариантом (Красило А. И., 2004) — изложения идей к новому этапу практической реализации, обсуждения и критики.

Мы стремились объединить единой логикой разрозненный опыт и фрагментарные догадки. Но создать достаточно целостную систему социально-психологического консультирования и на этот раз нам не удалось. Но зато, как нам представляется, расчищена определенная площадка для ее свободного прорастания, именно прорастания, а не построения. Ведь главная задача в совершенствовании любой концепции — это не сконструировать нечто завершенное, а создать условия, чтобы росло новое: дерево «построить» нельзя.

Теоретическая основа социально-гуманистического консультирования имеет почти вековую историю (*Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Э. В. Ильенков, Д. Б. Эльконин* и др.). В то же время в качестве практического направления работы психологической службы образовательного учреждения она не может считаться традиционной и должна постоянно доказывать свою состоятельность в качестве равноправной альтернативы ныне существующим. Для этого она должна постепенно вобрать все лучшее, что есть в них, не изменяя своим методологическим принципам.

Мы отдаем себе отчет в том, что новая концепция консультирования, как и всякая новая идея в науке, не может стать признанной, не пройдя периода становления, в течение которого не столько доказываются ее преимущества или «неосновательность» традиционных, что вообще нереально, сколько выявляются ее потенциальные возможности в достижении сопоставимых по качеству и эффективности практических результатов. И лишь после этого, как правило, в связи с постановкой новых, ранее недоступных для практического освоения задач наступает период выявления действительных преимуществ нового подхода.

В свое время З. Фрейд говорил, что психоанализу нельзя научиться по книге, но продолжал писать статьи, издавать журнал и читать лекции. И это дало свой результат. Сложность передачи и понимания психоаналитических идей, особенно в начальный период их развития, конечно же, намного превышает сложность восприятия последующих, уже современных нам концепций консультирования. Но в то же время мы понимаем, что и особенности достаточно нового — по своей практической стороне — социально-гуманистического подхода раскрыть в одной книге также почти невозможно.

Нам остается только повторить самое существенное с позиции человека, который, кажется, уже все сказал, но никак не может преодолеть внутреннее ощущение некоторой недосказанности. Кажется, что в структуре работы не было воз-

возможности выделить какие-то существенные моменты, без дополнительного освещения которых и прослеживания некоторых новых связей между ними впечатление от работы в целом будет неполным или даже искаженным. Поэтому мы дополнили содержание книги «Словарем используемых терминов» (С. 491).

Как уже отмечалось выше, в современных условиях требуется длительный период работы научного сообщества, постоянная взаимная критика, эвристическая инициатива и поддержка в настойчивой реализации принятых теоретических принципов. Один человек просто не в состоянии создать новое направление в консультировании. Поэтому свой труд мы рассматриваем и оцениваем достаточно скромно: в качестве очередного шага в поиске единомышленников и определении доступной перспективы социально-гуманистического сотрудничества.

В центре нашего внимания был анализ особенностей психологической травмы. Мы сохраняем оптимистический взгляд на проблему реабилитации пострадавших. Любая психическая травма, в отличие от физической, при определенных, специально созданных условиях социально-гуманистического консультирования оказывается вполне ценностно-обратимой.

В качестве таких необходимых первостепенных условий можно выделить: 1) готовность персонификатора пойти на те шаги, которые полностью восстанавливают личный и социальный статус пострадавшего; 2) понимающее отношение референтной группы пострадавшего и общества в целом, которое, к сожалению, в ряде случаев оказывается слишком консервативным и нечувствительным к пониманию экзистенциальных проблем пострадавшего. Эту сторону консультирования довольно успешно, но односторонне начали разрабатывать представители экзистенциально-гуманистического направления в практической психологии (*А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мей* и др.), теоретическая разработка которо-

го, к сожалению, была ограничена установками генетического гуманизма.

В том случае, когда и пострадавший и «персонификатор» являются социальными невротиками, развитие травматических взаимоотношений идет либо по линии эскалации травматического конфликта, непременно имеющего исключительно межличностную форму, либо по линии наращивания социальной невротичности пострадавшего, т. е. по пути его защитной субкультурной социализации.

При этом консультанту надо учесть, что персонификатор тоже может развиваться, и поэтому важно осознать вместе с пострадавшим один из ключевых моментов в процессе формирования посттравматической системы его отношений: как с необходимостью должен реагировать «здесь и теперь» персонификатор на свои поступки, приведшие к психологической травме другого человека. То отношение, которое было прощительно для более раннего возраста или в каких-то исключительных социальных условиях, не должно аффективно «консервироваться» и оставаться неподвижным.

Для пострадавшего важно одержать моральную победу над персонификатором — тогда и сами переживания изменят свое качество. Переживания пострадавшего отражают не абсолютную драматичность потерь, а их ситуативное значение относительно уровня развития его личности, достигнутого к настоящему моменту.

Как только пострадавший изменит свое отношение к травме и сделает первый шаг к обретению душевного здоровья — от панического бессилия к твердой решимости добиться победы, — сами переживания тут же меняют свое качество. В этом отношении и требуется консультативная помощь, первым результатом которой является понимание пострадавшим активной (деятельностной) природы переживаний и истинного смысла своего травматического конфликта.

В процессе консультирования психолог не игнорирует потребности пострадавшего в копингах, особенно на первых этапах работы с травмой. Среди них почти обязательным — его использование допускает даже элементы обучения и тренинговой подготовки пострадавшего — является «копинг невключенности». *Невключенность* — это позитивный психологический прием, позволяющий без вреда для развития личности пострадавшего обеспечить некий *психологический «модус вивенди»* в разрешении внутреннего конфликта. Это дает возможность «подтянуть» психическое и личностное развитие пострадавшего до уровня возможности окончательного преодоления травмы и сбрасывания груза прошлого.

Психолог-консультант не имеет права своими действиями по бесконечному открытию и утверждению все новых видов социальной толерантности, противоречащих содержанию смыслообразующих культурно-исторических ценностей, способствовать распаду общества и личности и тем самым содействовать катастрофическому проникновению через образовавшиеся разломы ценностей и правил криминальной среды. Действия пострадавшего, направленные не на месть персонификатору, не на цели собственной защиты, которая всегда неизбежно заканчивается поражением, а на оздоровление общей социальной среды, обеспечивают непрерывность и спонтанность его «нормальных реакций» (копингов) на различные аспекты повторного переживания травматической ситуации.

Социально-гуманистическая стратегия допускает возможность активной помощи персонификатору со стороны пострадавшего, который помогает стать своему «преследователю» членом общества, и потому вправе использовать все имеющиеся общественные санкции для нейтрализации его деструктивных социальных действий «здесь и теперь». Тем самым только и возможно для пострадавшего реальное восстановление психического здоровья, поврежденного травмой.

Иными словами, отношение пострадавшего к персонификатору должно выстраиваться не на основе взаимных пре-

тензий и защитных иллюзий в ходе осознания испытанного ранее травматического взаимодействия, а с учетом настоящего поведения персонификатора. Важно его настоящее отношение к случившемуся и своей роли в нем, его отношение к наличным страданиям пострадавшего и степень готовности выйти за рамки взаимоотношений власти, подчинить свои амбиции задаче реабилитации пострадавшего. Для этого травматические взаимоотношения реально или виртуально выводятся из узких рамок правил примитивной группы в сферу полнокровной общественной жизни.

Непременным условием реабилитационного отношения к персонификатору является оценка его способности и готовности снять *барьеры*, препятствующие пострадавшему в достижении *смыслообразующих ценностей*. И если такой готовности нет, то общественное сознание располагает такими действенными средствами, как моральные санкции, которые обеспечивают инверсию позиций персонификатора и пострадавшего: вместо пострадавшего позицию временной общественной изоляции в этом случае автоматически занимает персонификатор.

Немаловажным в социально-гуманистическом подходе является вопрос о дифференцированном подходе к субъектам, нуждающимся в консультативной помощи. Если психолог не рефлексировал, кому он хочет помочь: «аутентичной личности» или социальному невротичу, то трудно надеяться, что он получит какие-то полезные и устойчивые результаты своего труда. Важно определиться, хотим ли мы оставить социального невротика нечувствительным к экзистенциальным проблемам, попутно разрешая себе создать барьеры на пути развития пострадавшего, в направлении «аутентичности», или, напротив, ведем к обретению ценностей, о существовании которых он, возможно, и не догадывался или считал идеологическим мифом, сказкой и т. п.

Мы не можем помочь пострадавшему, не преодолев те взаимоотношения власти, которые подчиняют его персонификатору. Только воздействуя на эти деструктивные травма-

тические взаимоотношения, мы имеем возможность способствовать развитию обеих сторон травматического конфликта, конечно, прежде всего, в интересах актуально пострадавшей личности. Социальный невротик также может рассматриваться в качестве пострадавшего в условиях травматической ситуации, неизбежно переходящей затем в травматический конфликт.

Мы ничем не можем помочь социальному невротiku только в том случае, если он упорно предпочитает посттравматическую стратегию флеганта, т. е. если его личность непротиворечиво вмещает лишь переживания неизменного удовольствия и даже ликования от полноты удовлетворенной власти. Они делают его совершенно нечувствительным как к психологическим проблемам окружающих, так и своим собственным, в том числе и к содержанию личной потенциальной травмы, инвертированно (извращенно) переживаемой в качестве очередной «победы» или «достижения», что абсолютно не позволяет ему испытать потребность в психологической помощи.

Вполне соглашаясь с выводом Р. Мея о способности «безвредного» индивида провоцировать насилие (об этом писал и Э. Берн) и самому служить источником взрыва насилия, мы не можем согласиться с его рассуждениями об «интеграции демонического в личностное». Если речь идет о творчестве как социализированной агрессии, мы, конечно же, не стали бы ничего возражать. Тем более что нам бесконечно привлекателен трагический образ Демона, созданный гением М. Ю. Лермонтова.

Но создается впечатление, что автор пытается оправдать социальное зло опять же генетически врожденным злом в самом человеке. Наша позиция является прямо противоположной: зло в человеке есть персонификация социального зла, которое имеет не только непосредственные юридические и экономические, но и психологические причины. Существуют опосредованные кольца межличностных и социальных отношений, а также нарастающих в патологических

социальных условиях примитивных процессов формирования девиантного поведения. Эти кольца могут почти необратимо захватить случайно попавшего в их орбиту ребенка.

Закономерно существует лишь само социальное зло в силу несовершенства общества. В наше время его социальное развитие задерживается сознательно и целеустремленно под лозунгом прогрессивности процесса «выращивания своих акул», которые имеют экономический инстинкт заботы о процветании общества. Такого нелепого мифа, наверное, не существовало за всю историю человечества. Активность криминала расширилась в наше время настолько, что в «социальные капканы», расставляемые его представителями, обязательно должен попасть по теории вероятности каждый гражданин, и не один раз. Но для конкретной личности зло не закономерно. Оно становится реальной возможностью лишь в условиях травматической ситуации, которую мы в этой книге и пытались проанализировать с разных сторон.

Зло в человеке может породиться криминальным насилием, условиями воспитания ребенка в патологической семье, формироваться в процессе подростковых «серьезных игр» и т. д. Сначала ребенка посылают собирать подаяния и нещадно бьют, если он приносит мало, затем он озлобляется на равнодушные, счастливые и довольные собой лица прохожих, которые не замечают его протянутой руки, а затем он всю оставшуюся жизнь жестоко мстит, но не только тем, кто его бил и унижал, а и тем, кто, как он думает, просто «пожадничал». Человека, который становится активным носителем социального зла, мы и называем социальным невротиком. Именно конфликтное столкновение с ним увеличивает для социализированной личности риск оказаться психологически травмированной.

Мы не склонны «демонизировать» и поэтизировать то примитивное социальное зло, которое на самом деле представляет собой, казалось бы, давно преодоленные в истории человечества взаимоотношения раба и господина. Эти вза-

имоотношения личной власти, в которых только два «вакантных» полярных с точки зрения принципа удовольствия места. Ниже и примитивнее уже ничего не может быть. Эта пассивная форма и является тем самым социально-психологическим злом, которое приобретает в повествовании генетических психологов совершенно фантастические, поистине «инфернальные» оттенки. Насилие и агрессия — это не более чем попытки эгоцентрической личности занять удобное место в прокрустовом ложе взаимоотношений власти. Они не хотят быть «овцами», которых едят «волки». Социальная деятельность, направленная на выработку взаимоотношений «на равных», чужда их индивидуализму. Они «не склонны заниматься общественной работой». Их раздражает «луч света в темном царстве», который освещает жалкую участь беспомощной жертвы, не способной противостоять невротической агрессии кабанов и социальному злу в целом.

Взаимоотношения власти — это вовсе не «сила», не вечно бьющий из земли «источник». Это лишь «атавистическая форма» межличностных и социальных отношений, мистифицированная и примитивная, давно исторически отжившая, которая может быть заменена другой, более социализированной, соответствующей конвенциональному, деловому, игровому и духовному уровням общения (Добрович А. Б., 1987). Для этого пока, конечно, нет социально-экономических условий: мы «бедная страна», нам надо экономить на образовании и воспитании детей и подростков.

Нам действительно нужна сила, но не только для того, чтобы уйти от роли жертвы. Индивидуалистическое сознание западного, даже очень талантливого мыслителя не видит возможности и реальной перспективы объединения усилий для победы над социальным злом. Это не единичный бой, после которого можно спокойно разойтись и «влиться» в непрерывный праздник жизни: «Вечно молодой, вечно пьяный!» Социализированной личности нужны силы для познания и сотрудничества, для непрерывного процесса совер-

шенствования социальных отношений, семьи, системы обучения и воспитания и т. д.

В этом отношении Ф. Перлз, на наш взгляд, ближе к истине, чем Р. Мей. Действительно, именно примитивность агрессии делает ее социальным злом. Если же агрессия социализирована, например, является моментом деструкции научной теории, давно отжившей и сдерживающей дальнейшее познание, то такая агрессия уже никакое и не зло, а настоящее благо. Она может показаться злом только для хотя и изрядно престарелого, но все еще немудрого автора злосчастного «учения», «подхода», «мнения» и т. д. Таким образом, зло — это, прежде всего, недоразвитие: социальных и межличностных отношений, самой личности.

Защищая ценности добра, гуманизма и справедливости, социализированная личность просто не имеет права быть слабой и беззащитной. Но согласиться с тем, что у каждого человека есть врожденное, подсознательное желание гнуть и принижать, нещадно эксплуатировать и с мстительным садистским сладострастием подвергать «шоковой терапии» себе подобных, мы не можем. Разговоры о том, что даже безвредная и беззащитная жертва, поскольку она убивает себя, «тоже склонна к убийству», являются не более чем кабинетным фразерством. Убить себя — это вовсе не одно и то же, что, не решившись убить сильного «А», лишить жизни слабого «В». Этот выбор содержит преданность личности социальным ценностям и не подходит под общую логику: «не один, так другой».

Эгоцентрическая личность хорошо различает «себя» и «другого» и никогда, ни при каких травмах «не промахнется», не перепутает, чья именно жизнь «ничего не стоит». Сказанное не пропаганда самоубийства, но в каждой жертве травматических событий консультант должен уметь различать чуть тлеющий и даже уже трагически погасший «луч света» социализации.

В заключение мы должны оговорить различие сходных по общему звучанию терминов: «травматические взаимоотно-

шения личной власти», с одной стороны, и «природа *государственной власти*» — с другой. Мы в этой книге вообще не затрагивали сущности и необходимости государственной власти, несомненно содержащей, в том числе, и позитивную, гуманистическую сторону, как и вообще социальных и социально-психологических проблем управления. Хотя в защищенной ранее диссертации (*Красило А. И.*, 1986) соответствующим вопросам уделялось должное внимание. Власть, которая объединяет волю многих людей в направлении сознательно выбранной ими цели и общих интересов, которые не противоречат личным; власть, которая защищает личность каждого гражданина от преступных посягательств деградированных социальных элементов, а не попустительствует им, не имеет ничего общего с властью над другим человеком, который становится жертвой рабской психологической зависимости и эксплуатации, о которой шла речь в этой книге.

Иногда все же затрагивая действия государственной власти, мы фиксировали свое внимание вовсе не на их сущности и социально-экономическом содержании, а на психологических и ценностных результатах. Нас, несомненно, весьма интересуют предполагаемые мотивы курьезных, не вызванных никакой социальной и исторической необходимостью индивидуальных или микрогрупповых решений отдельных исторических персонажей. Эти интересы, как нам представлялось, хорошо вписываются в решение задачи максимального расширения и обогащения сферы иллюстративных примеров. К тому же автору было трудно перестроить сложившийся за тридцать лет индивидуальный стиль общения с коллегами и студентами.

Иллюстрация 1

**Гипотетические схемы
основных направлений распада
и восстановления отношений любви**

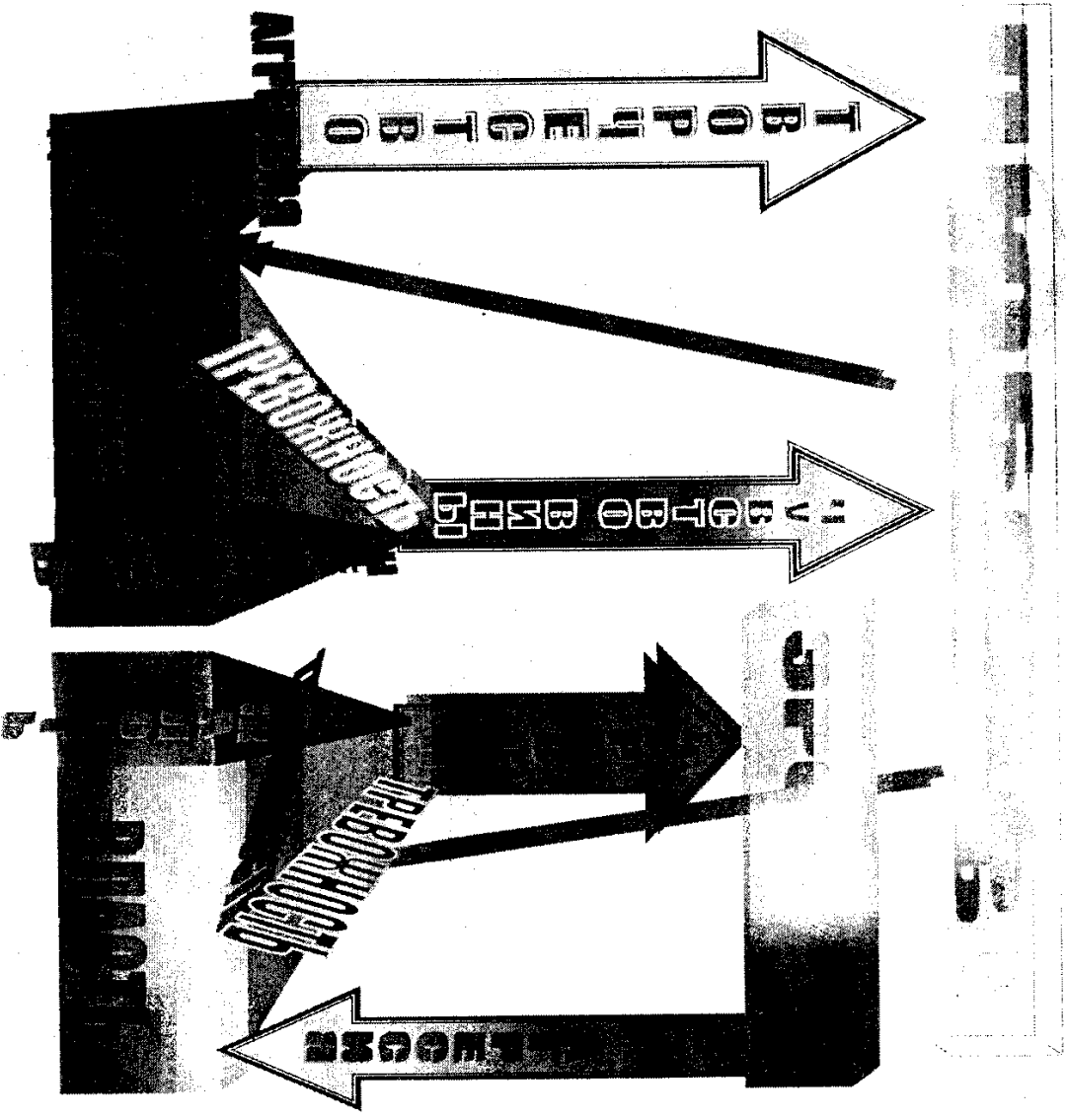

Рис. 1. Объективация тревоги, или Духовное нездоровье

Иллюстрация I

Гипотетические схемы
основных направлений распада
и восстановления отношений любви

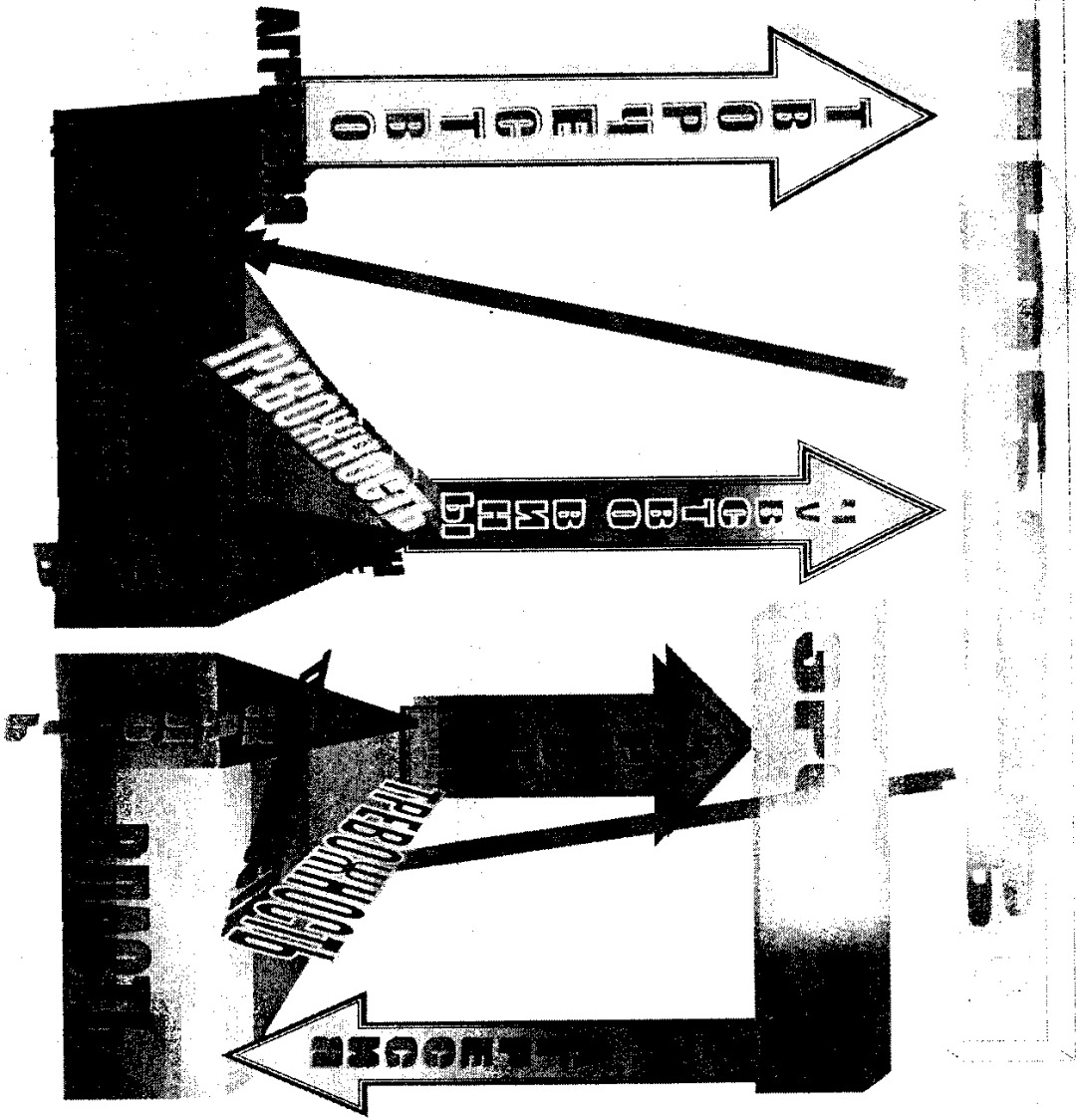

Рис. I. Объективация тревоги, или Духовное нездоровье

ЛЮБОВЬ ЛЮБОВЬ

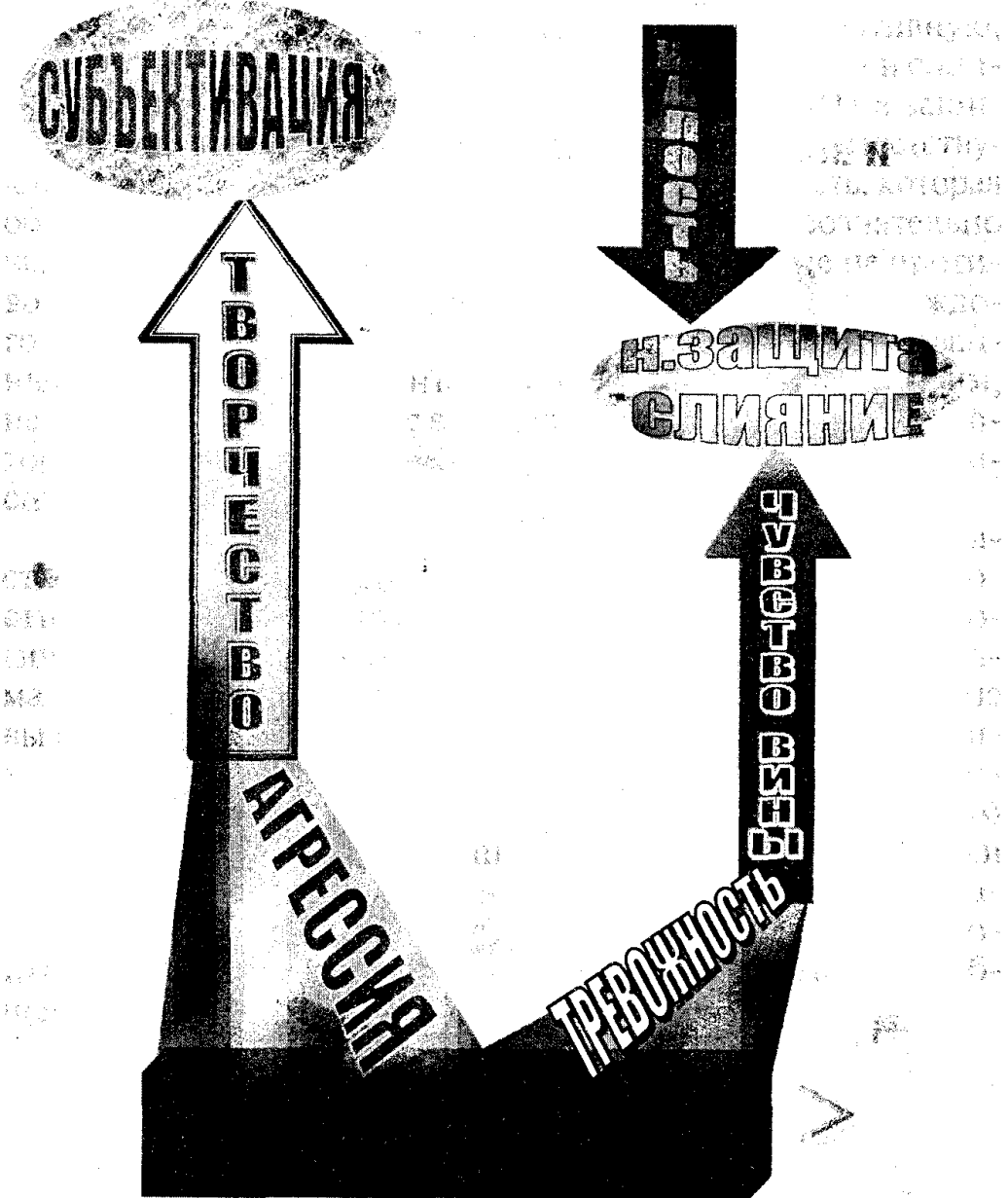

Рис. II. Субъективация депрессивности (подавленного состояния)

ЛЮБОВЬ ЛЮБОВЬ

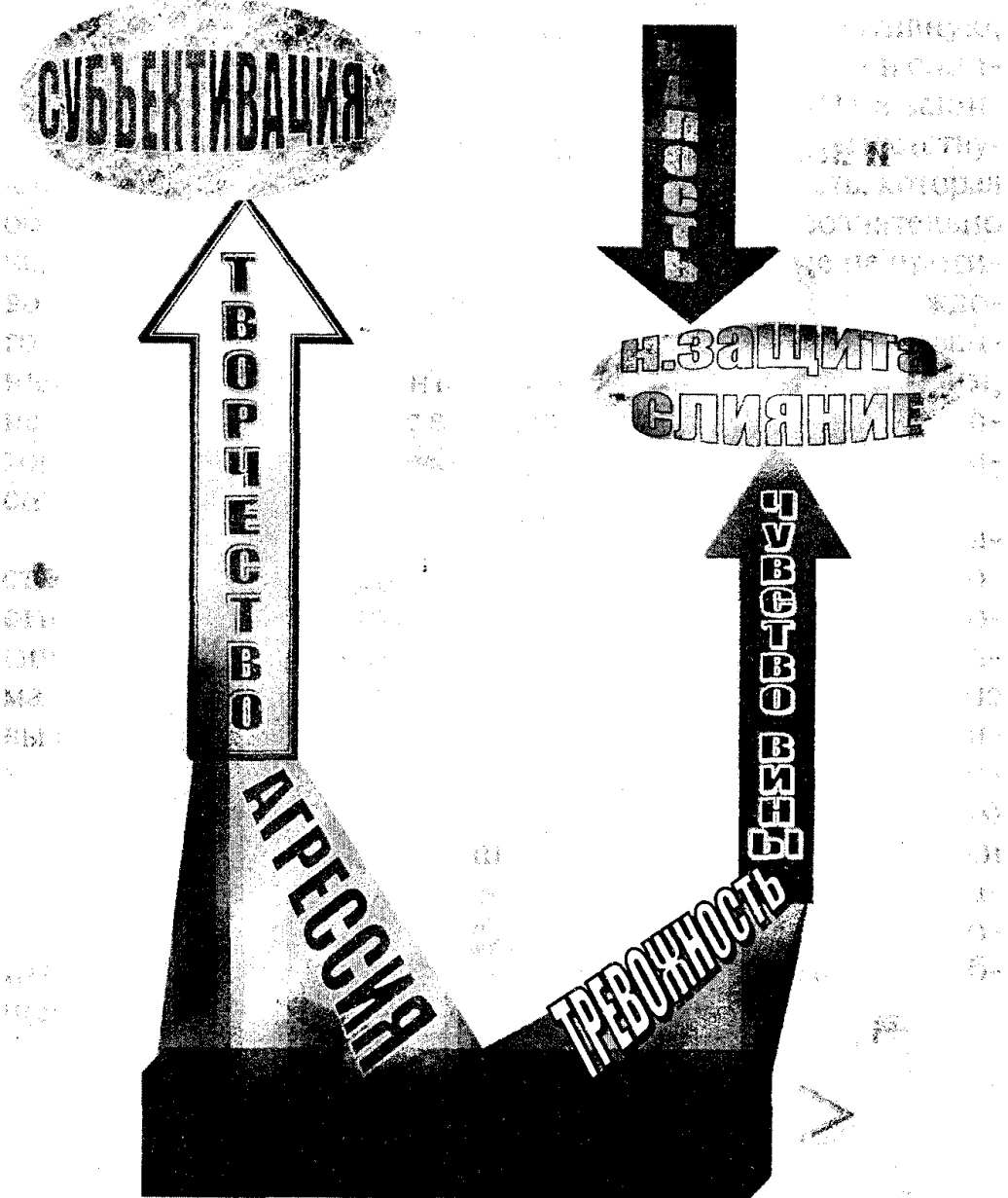

Рис. II. Субъективация депрессивности (подавленного состояния)

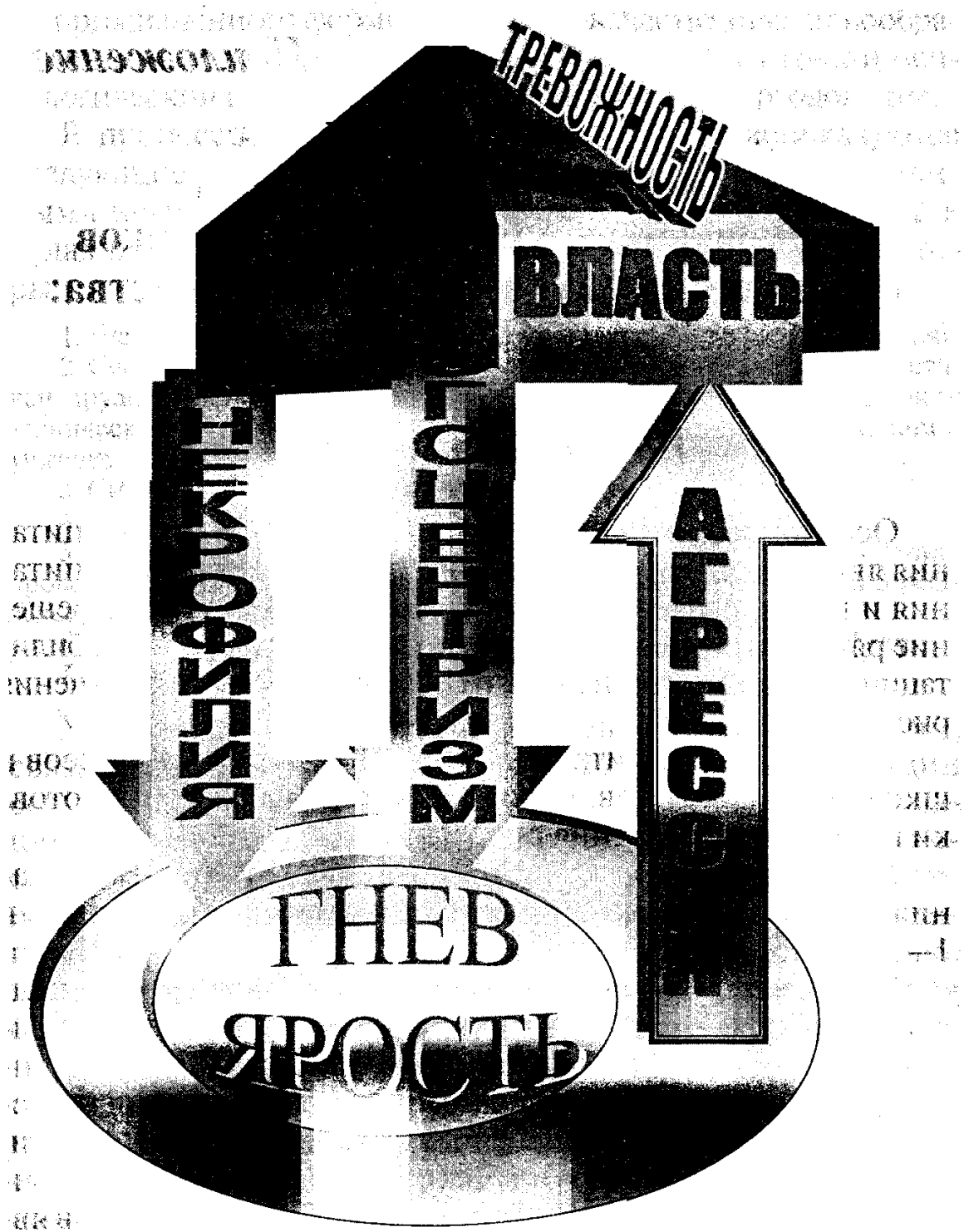

Рис. III. Кольцо эгоцентрической защиты социального невротика

Рис. III. Кольцо эгоцентрической защиты социального невротика

Приложение 2

Программа укрепления психологического здоровья дошкольников и младших школьников средствами художественного творчества: «Артабилитация»

Пояснительная записка

Особенностью данного курса художественного воспитания является интеграция методик художественного воспитания и психологических разработок, направленных на решение ряда специфических задач, связанных с процессом абилитации творческой деятельности ребенка, и методик обучения рисованию.

Программа рассчитана на учителей начальных классов и школьных психологов, не имеющих специальной подготовки по методике обучения рисованию.

Методика артабилитации адаптирована для использования на уроках изобразительного искусства в работе с детьми 1—2-х классов.

Художественное воспитание не ставит своей целью подготовку профессиональных художников. Учащимся не навязываются какие-либо эстетические каноны. Первостепенная задача любого курса художественного воспитания — раскрыть и развить потенциальные творческие способности, независимо от того, в каком направлении они будут развиваться. Уникальной особенностью врожденных задатков является их неспециализированность, т. е. возможность развития способностей не только в любом направлении, но и любым, индивидуально неповторимым способом. Неумение здорового

ребенка развивать художественные задатки является следствием прижизненного формирования злокачественных новообразований — психологических барьеров. Поэтому главной психологической целью данного курса является их преодоление.

В процессе художественного воспитания используются следующие позиции открытые и обоснованные отечественными и зарубежными психологами и педагогами. Большой вклад в их развитие внесли отечественные учителя-новаторы.

1. Ученик должен знать и уметь больше учителя: «Перепрыгивайте меня!»
2. Соединение обучающих и коррекционных задач: рисунок диагностичен. Трудности могут быть чисто личностные, не связанные с недостатком технических умений. Это предполагает комплексную работу психолога и учителя.
3. Сначала действие, потом осознание.
4. Сначала личностный смысл, затем техника.
5. Групповая работа: группа может вспомнить любое стихотворение, провести исчерпывающий анализ найденных приемов рисования и рефлексию совершенного творческого акта.
6. Главное в обучении — воспитывающий и развивающий эффект.
7. От абстрактных проб и конструктивизма к реализму.

Художественное воспитание решает не только задачи, связанные с развитием личности ребенка и гармонизации его отношений с окружающим миром (социальная адаптация), но и задачи, связанные с достижением гармонического развития самого общества. Оно нацелено не на формирование носителя определенных социальных стереотипов и шаблонов, а на развитие личности, чутко воспринимающей и хорошо рефлексирующей (сознающей) необходимые условия творческой деятельности для себя и для других и тем самым ощущающей социальные проблемы и противоречия. Но творческая личность не только чувствует, но и создает социальный прогресс в мире. Это активный созидатель, глубоко эмпатически сопереживающий другим, способный к продуктивному сотрудничеству со всеми, в ком пробуждены такие же созидательные потребности. Если переживание — это единица изучения психики человеческого инди-

вида (*Л. С. Выготский*), то эмпатическое сопереживание — это единица познания и развития его личности.

Художественное воспитание всегда направлено на развитие у детей таких элементов, которые никогда не могут служить основанием какой-либо ограниченности или замкнутости:

- **умения:**

- *различать* проблемные ситуации;
- *понимать чувства* других людей;
- *отличать* интуитивную догадку (практическую пробу) от действительно искомого решения проблемы (осуществления творческого замысла);
- **гибкости** в поиске решений и выдвижении идей;
- **оригинальности** творческой мысли как способа спонтанного выражения себя (в том числе и для других);
- **способности** к глубокому обобщению и гармоническому синтезу.

Кроме воспитательных, следует выделить и конкретные психологические задачи, которые необходимо осознавать как учителю, так и психологу, осуществляющему свою часть программы в комплексе с ним.

Психологические задачи работы с детьми

1. Снятие барьеров и развивающее выравнивание группы.
2. Создание дополнительного источника учебной мотивации.
3. Развитие способности:
  - 1) к творческой учебной деятельности;
  - 2) сотрудничеству.
4. Обеспечение необходимых условий:
  - 1) для продуктивных взаимоотношений с учителем;
  - 2) комфортных взаимоотношений в детской группе;
  - 3) школьной и социальной адаптации;
5. Повышение самооценки обучаемых.
6. Формирование внутренних резервов психического здоровья.

Этапы художественного воспитания детей по программе артабилитации

Работа по осуществлению программы художественного воспитания детей имеет ряд этапов, тесно связанных с реализацией двух взаимосвязанных групп задач, образовательных и абилитационных. При этом нагрузка на абилитационные задачи возрастает ко второму этапу, а образовательных — к третьему. Первый этап направлен в основном на снятие стереотипов и подготовку процесса артабилитации, на установление ее необходимых условий: уровень общения в детской группе и во взаимоотношениях со взрослым, снятие влияния оценок, сковывающих творчество и препятствующих формированию спонтанных замыслов и т. д.

Задачи работы с детьми по этапам артабилитации

I. Этап снятия первичных барьеров

Каждый шаг в овладении новыми техническими приемами рисования в цикле занятий этого и последующих этапов всегда имеет в своем составе два важнейших элемента: 1) поисковые пробы; 2) их групповое восприятие и творческий поиск соразмерных образов и тематики будущих рисунков. Причем время, отводимое на второй элемент в каждом занятии (особенно, на первом и втором этапах реализации программы) должно значительно превышать время и эмоциональную насыщенность первого, исследовательского.

Дело в том, что на втором этапе осуществляется поиск соразмерных замыслов. Дети получают практику мысленного видения своих замыслов в доступных им художественных средствах. Таким образом и подготавливается решение задачи гармонического объединения замысла и художественного средства.

Задачи I этапа

1. Повысить самооценку обучаемых и степень их самопринятия.
2. Обеспечить условия формирования продуктивных взаимоотношений с учителем.
3. Обеспечить необходимые условия школьной адаптации всем участникам программы.
4. Сформировать необходимые предпосылки творческой деятельности (в первую очередь, снять вторичные барьеры).
5. Начать освоение смысла изобразительного искусства.

II. Этап снятия основных барьеров творчества

Этот этап в случае необходимости сопровождается и поддерживается тренингом креативности.

Задачи II этапа

1. Максимально активизировать творческую энергию детей для решения задач обучения (энергия парящей чайки).
2. Расширить ориентировку творческой деятельности.
3. Создать условия для формирования спонтанных замыслов и стойкого интереса к рисованию (мотивации).
4. Обеспечить присвоение детьми смысла изобразительного искусства как выражения чувств и отношений автора.
5. Добиться глубокого понимания детьми единства замысла и художественного средства. Дети убеждаются:
  - 1) в неисчерпаемости количества абстрактных образов в процессе использования открытого ими технического приема;
  - 2) неисчерпаемости открываемых ими технических приемов при материализации абстрактного образа;
  - 3) соразмерности и несоразмерности задачи и приема ее решения;
  - 4) сущности художественного образа как единства замысла и средства.

III. Этап творческого восприятия и художественного освоения окружающего мира

Этот этап не только закрепляет достигнутое на первых двух, но и обеспечивает профилактику формирования новых барьеров в будущем. Здесь осуществляется переход от абилитации творчества к творческой деятельности, от доминиро-

вания воспитательных и развивающих задач к интенсивному расширению области обучающих. Но и в процессе обучения главными задачами остаются воспитательные.

Творческая деятельность понимается как целенаправленное создание детьми произведений графики, живописи и пластического искусства. С каждым новым заданием усвоение ее сущности начинает все более активно связываться с процессами восприятия и познания ребенком окружающего мира, с эмоционально-личностными, межличностными и общественными сторонами его жизни. Художественное творчество становится для ребенка своеобразной «прививкой» от деструктивного развития его личности вплоть до подросткового возраста.

В число ЗАДАЧ входит освоение следующих тем.

1. Композиция натюрморта. Дополнительные и контрастные цвета, их рефлексия. Средства передачи объема и фактуры поверхностей предметов.

2. Контур как проблема реалистических видов живописи (контур — всегда неровный, дрожащий, не самая четкая часть формы).

3. Пейзаж. Светотень и контраст. Линия горизонта. Перспектива.

4. Дополнительные цвета. Видимое затемнение вблизи источника света. Световые ореолы.

5. Особенности доступной ребенку передачи эмоциональных состояний человека.

В результате проведения артабилитации ожидается общий эффект развития мышления детей, особенно пространственного, улучшения навыков письма.

Структура курса

Курс для учителей состоит из четырех частей.

В первой рассматриваются психологические особенности младших школьников, этапы и особенности развития детского рисунка. Центральное место занимает проблема барьеров развития способностей детей и условия, необходимые для их снятия. Рассматриваются понятия артабилита-

ции, продуктивного общения и взаимодействия, креативности и творческой деятельности.

Вторая часть представляет собой практическое ознакомление учителей с технологией снятия барьеров развития в области художественного творчества.

Третья часть — практическое проведение учителями занятий с детьми по освоенной ими программе. Обеспечивается непрерывное психологическое сопровождение и консультирование. Занятия проводятся в начале учебного года после уроков, ежедневно в течение двух недель.

Четвертая часть — анализ проблем и трудностей, возникших в процессе занятий с детьми и корректировка программы для осуществления третьего этапа программы их художественного воспитания. Проводится в форме семинарских занятий и защит курсовых работ.

Учебный план

№ п/п	Тема	Количество часов			
		Всего	Лекции и семинары	Практические занятия с учителями	Практические занятия с детьми
1.	Психологические особенности артабилитации	4	2	2	—
2.	Технология снятия барьеров	12	—	12	—
3.	Проведение артабилитации	24	—	—	24
4.	Анализ и коррекция содержания заданий	28	20	8	—
5.	Курсовые работы	6	—	—	—
	Итого	74	22	22	24

Программа занятий по артабилитации¹

Предварительный этап

Психологическое занятие «А» цикла артабилитации.
Рисунок «Несуществующее животное».

Цель: диагностическая.

Задачи:

1. Познакомиться с детьми и установить продуктивные взаимоотношения.
2. Получить информацию о наличном уровне развития художественных способностей.
3. Выявить актуальные психологические проблемы развития личности ребенка.
4. Уточнить общие развивающие и воспитательные задачи с учетом индивидуальных особенностей данного ребенка.

Ход занятия: *инструкция:* «Придумай и нарисуй несуществующее животное. Назови его. Расскажи, чем оно занимается, что ест, где живет, с кем дружит и есть ли враги?»

По результатам проводится психокоррекционная работа с детьми и профилактическая со взрослыми.

1. Беседы с родителями и классными руководителями по формированию положительной «Я-концепции».
2. Беседы с родителями на тему «Как любить ребенка».
3. Тренинги креативности (с детьми).
4. Тренинги общения (с детьми).

Занятие 1. Рисование с закрытыми глазами

Цель: *преодоление вторичных барьеров развития творчества:* страхов, тревожности, приверженности к шаблонам, деструктивной тенденции негативно оценивать работу других, конкуренции за поощрение учителя.

Задачи:

1. Показать детям, что даже их каракули могут быть интересными и значимыми.

¹ Занятия проводятся в течение двух недель ежедневно после уроков.

2. Продемонстрировать тот факт (удивительный для детей), что все они разные, у каждого свой особый внутренний мир, который прекрасен и ценен сам по себе.
3. Пробудить интерес к поискам образа в произвольном переплетении линий, активизировать работу воображения.

Ход занятия:

1. В начале занятия с детьми — короткая беседа на тему «Что такое фантазия?»
2. Задание: нарисовать любые каракули с закрытыми глазами, а потом открыть глаза и дорисовать, кто что захочет.
3. Всем вместе рассмотреть, что получилось.
4. Никаких домашних заданий не дается.

Ожидаемые результаты:

1. Установление контакта между детьми и преподавателем на игровом и деловом уровнях общения.
2. Осознание детьми уникальности и исключительности их фантазии, которую можно увидеть самому и показать другому, только нарисовав с удовольствием произвольные цветные пятна и линии и сравнив их со своими чувствами, со своим настроением.
3. Осознание детьми смысла творчества как самовыражения, а не соответствия чьим-либо ожиданиям.

Занятие 2. Рисование двумя руками

Цель: *преодоление вторичных барьеров развития творчества.*

Задачи:

1. Инициировать потребности сознательного выражения в рисунке определенных чувств и эмоциональных состояний.
2. Достигать эффекта длительной, значительно выходящей за рамки урока мотивации.
3. Расширять ориентировку в поиске средств.

Ход занятия:

1. В начале этого и последующих занятий мы вспоминаем, что было на вчерашнем уроке, смотрим рисунки, принесенные детьми из дома.
2. Детям предлагается игра: мы — инопланетяне, прибыли на Землю с дружественными целями, но не умеем ни говорить, ни писать на земных языках. Как нам дать понять землянам, что мы — не враги

и у нас добрые намерения? После короткого обсуждения (при этом может происходить распределение ролей по инициативе детей: кто будет командир, кто пилот и т. д.) решаем, что лучше всего нарисовать рисунок, выражающий наши дружеские чувства.

3. Учитель вводит условие: инопланетяне и пищут, и рисуют двумя руками. В инопланетном рисунке совсем другие представления о красоте. Это инопланетная красота.

Учитель садится **рисовать вместе с детьми**.

4. Никаких домашних заданий не дается.

Ожидаемые результаты:

1. Проявление детьми инициативы, радость экспериментирования.
2. Открытие детьми нового, очень интересного способа изображения — рисования двумя руками.
3. Преодоление стереотипов, навязанных телевидением.
4. Накопление интуитивного опыта цветового выбора.

Основной цикл

Занятие 3. Графика. «Проволочное царство»

Умение нарисовать прямую линию от руки — это не условие и не предварительно отработанная техника, а результат эмоционально насыщенного рисования.

Цель: снятие барьеров развития художественного творчества (для графических видов детского рисунка).

Задачи:

1. Укреплять положительную самооценку.
2. Снимать страх перед эталоном прямой линии.
3. Осваивать эмоциональную выразительность линии.
4. Осваивать эмоциональную выразительность фактуры.

Ход занятия:

1. Детям предлагается нарисовать проволочки, из которых будет построено проволочное царство: домики, звери и т. д. Линии на бумаге теперь не могут быть «прямые» или «кривые». Они могут быть только эмоционально выразительные: *медленные* или *быстрые*, *легкие* или *тяжелые*, *вытянутые* или *волнистые*, *разглаженные* или *завитые*, *выровненные* или *спутанные*. Затем предлагается собрать

из этих проволочек домик и т. д. (или осуществить любой другой творческий замысел каждого из детей).

2. Групповое рассматривание рисунков. Основная нагрузка смысловая: разнообразные проволочные домики для таких же сказочных людей и зверей. Они могут быть собраны из различных «проволочек» в соответствии с игровым правилом.

Правило: какие мы заготовили проволочки, из таких и собрали сказочное царство.

Занятие 4. Освоение графической фактуры

Цель: снятие барьеров развития художественного творчества (для графических видов детского рисунка).

Задачи:

1. Преодолевать барьер контура.
2. Укреплять положительную самооценку детей.
3. Осваивать эмоциональную выразительность фактуры.

Ход занятия:

1. Вначале мы вспоминаем известный детям прием изображения хвойной веточки.

Затем детям предлагается нарисовать не саму веточку, а только хвоинки на ней. Чем отличается проволочная ветка с хвоей от невидимой тонкой ветки с хвоей? (Цветок с полным контуром стебля и цветок с намеченным фрагментом стебля).

2. Рисуем заборы, «стоящие» и «падающие», «новые» и «ветхие»; травинки, разной высоты и направленные в разные стороны; «дорожки», ровные и волнистые, разных цветов.

ПРИНЦИП ПОЗИТИВНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ! Никаких «ровных» и «неровных» рядов быть не может. А могут быть: *отполированные* и *природные*, *плотные* и *рыхлые*, *тяжелые* и *легкие*. Демонстрируем детям красивые глиняные изделия, не покрытые эмалью, совсем неполированное дерево. «Гладкий и ровный» вовсе не значит «красивый».

3. Дорожки превращаются в причудливые гусеницы и змейки, «страшные и добрые», «пушистые и колючие». Рисуем шарики, квадратики, которые тоже могут оживать. Рисуем пересекающиеся друг с другом шарики и квадратики, которые могут превращаться в облака, скалы и т. д.

4. Групповое рассматривание рисунков. Основная нагрузка — смысловая. Обсуждаем: «А где еще можно применить этот прием?» Рисуем животных, предложенных самими детьми — колючих и пушистых, машины, роботы и т. д.

5. У нас может быть и «пушистый танк» (изделие меховой фабрики), и «колючий одуванчик» (выкованный из меди или чугуна).

Ожидаемые результаты:

1. Снятие барьера контура.
2. Освоение еще одного изобразительного приема — штриховой и волнистой линии для передачи фактуры поверхности.
3. Накопление интуитивного опыта использования графических средств.
4. Стремление к экспериментированию с новым приемом.

Занятие 5. Изогнутая плоскость

Цель: снятие барьеров развития графических видов художественного творчества.

Задачи:

1. Закрепить эффект преодоления барьера контура.
2. Укрепить положительную самооценку детей.
3. Раскрыть возможности использования эмоциональной выразительности фактуры.
4. Освоить новый прием, который позволяет передать объемность изображения.
5. Вызвать интерес к новому, ранее никем из детей не применявшемуся способу рисования, хорошо развивающему те движения руки, которые необходимы первоклассникам для освоения письма.

Ход занятия:

1. Сначала мы рисуем цветные пружинки и спирали, стараясь, чтобы они получились как можно более ровными и аккуратными.
2. В беседе анализируем свойства нарисованных пружинок, *осваиваем понятие «объемность»*. Наконец, преподаватель предлагает детям, то сужая, то расширяя диаметр пружинки, «обогнуть» ею мячик, чашку, бутылку, вазу, кувшин. У кого получилось, предлагается нарисовать красивую вазу в подарок маме.
3. Никаких домашних заданий не дается.

Ожидаемые результаты:

1. Закрепление эффекта преодоления барьера контура.
2. Освоение еще одного изобразительного приема — направленно изогнутого ряда линий для передачи объема и фактуры поверхности.
3. Накопление интуитивного опыта использования графических средств.
4. Экспериментирование с новым приемом и формирование потребности к поиску новых выразительных средств.

Занятие 6. Улыбка «чеширского кота»

Цель: соединение личностно значимого замысла с доступными ребенку средствами.

Задачи:

1. Укрепить положительную «Я-концепцию» обучающихся.
2. Обеспечить детям право на ошибку.
3. Обеспечить возможность художественного самовыражения на основе уже освоенных средств.
4. Образовать у детей обобщенную ориентировочную основу изображения эмоциональных переживаний (т. е. независимо от того, кого они именно изображают).

Ход занятия:

1. В начале этого занятия мы вспоминаем, что было на вчерашнем уроке, смотрим рисунки, принесенные детьми из дома. Потом преподаватель предлагает игру с проволокой: попробовать согнуть кусок проволоки так, чтобы получилась какая-либо законченная форма. Дети с удовольствием экспериментируют: делают кольца, волны, спирали, девочки пытаются изобразить цветы, мальчики — пистолеты.
2. Затем им предлагается сделать проволочный контур, используя игрушки («огинать проволокой зверей»: слона, верблюда, лошадь, крокодила и т. д.).
3. Потом предлагается попробовать нарисовать двух проволочных собачек: одну веселую, а другую грустную. Как показать в рисунке настроение собачки? Мы рассуждаем, отчего собачке может быть грустно, а отчего весело. Как выглядит грустная собачка?
4. Добиваемся активного вхождения детей в роли — изображения персонажей с помощью позы и мимики. Дети стараются выразить настроение собачки: поза и мимика уподобляются тому, что они рисуют, авторы разговаривают со своим произведением, уговаривают грустную собачку потерпеть, а веселую хвалят, придумывают им клички.

На этом занятии основные усилия преподавателя направлены на образование у детей ориентировочной основы действия по третьему типу путем анализа ошибок и способа их преодоления. Если ребенок выражает недовольство получившейся собачкой, преподаватель говорит: «Не бывает так, чтоб все не получилось. Как тебе самому кажется, где проволочка изогнута неправильно?» — и побуждает ребенка подробно проговорить, где он

неверно направил линию и куда она должна пойти, чтоб получилось лучше. Потом ребенку предлагается осуществить действие еще раз. Если он опять недоволен, процедура анализа повторяется и следует новая попытка выполнить рисунок.

Если начинают получаться другие персонажи, то учитель соглашается с их заменой.

5. Никаких домашних заданий не дается.

Ожидаемые результаты:

1. Осознание эмоционального состояния своих персонажей и выразительных средств для его передачи.
2. Стремление детей осмыслить свои ошибки и активные попытки добиться желаемого результата (большинство достигает такого результата с 3—4 попыток).
3. Накопление интуитивного опыта использования графических средств и выразительности цвета.

Занятие 7. Рисование красками. «Облака и лужи, похожие на животных»

Цель: соединение личностно значимого замысла с доступными ребенку средствами.

Задачи:

1. Создать условия для формирования спонтанных замыслов.
2. Достичь соразмерности замысла и техники.
3. Научиться видеть замысел в ткани доступной техники.
4. Снять влияние оценок, сковывающих творчество ребенка.
5. Научиться воспринимать мир в цветовых пятнах, а не в контурах предметов.
6. Преодолеть стереотип раскрашивания предварительно заготовленного контура.

Ход занятия:

1. Предварительная беседа возвращает нас к представлениям о том, что наша фантазия может совершить волшебство: неживое и неинтересное превратить в живое и необыкновенное. Дети вспоми-

- нают: какие образы им удавалось увидеть в пятнах, ковровых узорах, в контурах больших камней, луж, в облаках.
2. Учитель предлагает нарисовать «ляпы» и внимательно рассмотреть их группой, вблизи и на расстоянии. Что может кисточка? Какие формы получаются?
  3. Получившиеся формы — лепестки, облака, лужи и т. д. — внимательно рассматриваем в группе и запоминаем. Дети обмениваются найденными приемами: краска густая и очень разбавленная; кисточка твердая и мягкая и т. д.; на мокрой поверхности (акварель) и т. д.
  4. Потом преподаватель предлагает нарисовать «пятно, похожее на какое-то животное», «облако, похожее на кота», «лужу, похожую на поросенка» и т. д. Преподаватель ободряет детей, напоминая, что мы рисуем не самого поросенка, а всего лишь лужу, похожую по форме на поросенка. Если у наиболее инициативных и творческих детей конкретность задания вызывает протест, то учитель заверяет, что и других животных тоже можно рисовать и что это «даже интересно» (не «котят — поросят», а крокодилов, слонов и пр.). Детям разрешается из произвольного пятна сделать «что получится». То есть дети лишней раз получают *подтверждение тому, что их собственная активность весьма ценна и взрослый к ней отнесется с вниманием.*
  5. Никаких домашних заданий не дается.

Ожидаемые результаты:

1. Укрепление положительной самооценки детей.
2. Формирование чувства своей «умелости», состоятельности, способности выполнить задачу, которая вначале казалась непреодолимой.
3. Соединение замысла и средства.

Занятие 8. В какое животное ты хотел бы превратиться?

Цель: соединение личностно значимого замысла с доступными ребенку средствами.

Задачи:

1. Создать условия для формирования спонтанных замыслов.
2. Закрепить динамику соразмерной взаимообусловленности замысла и техники.
3. Закрепить способность видеть замысел в ткани доступной техники.

4. Снять влияние оценок, сковывающих творчество ребенка.

Ход занятия:

1. Это уже собственно творческое задание. Во вступительной беседе мы вспоминаем содержание предыдущих занятий, делаем вывод, что фантазия помогает нам преобразовать окружающий мир. Но кроме этого в воображении мы можем сами превращаться «кто во что пожелает».
2. Предлагается задание: нарисовать животное, в которое каждый из нас захотел бы превратиться.
3. Никаких домашних заданий не дается.

Ожидаемые результаты:

1. Укрепление положительной самооценки детей.
2. Формирование чувства своей «умелости», состоятельности, способности выполнить задачу, которая вначале казалась непреодолимой.
3. Соединение замысла и средства его реализации.

Занятие 9. Летающие люди

Цель: соединение личностно значимого замысла с доступными ребенку средствами.

Задачи:

1. Создать условия для формирования спонтанных замыслов.
2. Закрепить динамику соразмерной взаимообусловленности замысла и техники.
3. Закрепить способность видеть замысел в ткани доступной техники.
4. Снять влияние оценок, сковывающих творчество ребенка.

Ход занятия:

1. Предварительная беседа очень короткая. Дети уже предвкушают работу и нетерпеливо спрашивают: «А что мы сегодня будем рисовать?» Преподаватель предлагает представить и изобразить, как бы выглядел человек, если бы он умел летать. В такой формулировке намеренно отсутствует какой-либо намек на крылья, чтобы не навязывать детям готового решения. Ничего не говорится об окружающей такого человека обстановке в рас-

чете на то, что творческий ребенок сам поставит перед собой и решит эту задачу.

2. Никаких домашних заданий не дается.

Ожидаемые результаты:

1. Укрепление положительной самооценки детей.
2. Формирование чувства своей «умелости», состоятельности, способности выполнить задачу, которая вначале казалась непреодолимой.
3. Соединение замысла и средства.

Занятие 10. Коллективный рисунок

Цель: формирование внутригрупповых взаимоотношений на основе игрового и делового уровней общения (включая взрослого).

Задачи:

1. Развить эмпатию до уровня сопереживания и содействия.
2. Сформировать позитивный интерес к личности другого.
3. Укрепить позитивные самооценки (и положительную Я-концепцию в целом).

Ход занятия:

1. Это итоговое занятие основного обучающего цикла. Проводится оно в небольших группах (по 9—10 человек в каждой). Преподаватель и дети садятся вокруг стола, каждый начинает свой рисунок, потом, через некоторое время, по сигналу преподавателя передает рисунок соседу справа, а сам получает рисунок от соседа слева, продолжает, дополняет его по своему усмотрению до следующего сигнала преподавателя.
2. Учитель подчеркивает, что надо угадать замысел соседа и попытаться хорошо дорисовать. Так продолжается до тех пор, пока рисунки не вернутся к тем, кто их начал. Тогда их заканчивают, а потом рассматривают и обсуждают.
3. Никаких домашних заданий не дается.

Ожидаемые результаты:

1. Активные проявления взаимопомощи и сотрудничества.
2. Внимательное отношение и принятие творческой личности другого.
3. Взаимное обогащение приемами рисования.

Занятие 11. Рисунок «Несуществующее животное»

Цель: диагностическая.

Задачи:

1. Получить информацию о степени снятия барьеров развития художественных способностей. Оценить обучающую эффективность цикла занятий, полноту и качество реализации поставленных целей и задач.
2. Выявить оставшиеся нескорректированными актуальные психологические проблемы развития личности ребенка.
3. Уточнить общие развивающие и воспитательные задачи с учетом индивидуальных особенностей данного ребенка.

Ход занятия: *инструкция:* «Придумай и нарисуй несуществующее животное. Назови его. Расскажи, чем оно занимается, что ест, где живет, с кем дружит и есть ли враги?»

По результатам проводится психокоррекционная работа со взрослыми и детьми:

1. Беседы с родителями и классными руководителями по выявленным проблемам детско-родительских отношений.
2. Тренинги детско-родительских отношений, направленные на формирование позитивной позиции родителей.

Литература

1. Красило, А. И. От арттерапии к артабилитации / А. И. Красило // Из опыта социально-психолого-педагогического сопровождения детей и молодежи в Центральном учебном округе. — М., 2003. — С. 61—64.
2. Красило, А. И. Психология обучения художественному творчеству / А. И. Красило — М., 1998.
3. Претте, М. К. Творчество и выражение / М. К. Претте, А. Капальдо. — М., 1981.
4. Хрестоматия по педагогической психологии / Сост. А. И. Красило, А. П. Новгородцева. — М., 1994.

Приложение 3

План проведения предварительной экспресс-диагностики

А. Типология травмы

1. По степени необратимости:

- потеря близких родных и друзей;
- необратимая потеря здоровья (инвалидность).

2. По модальности:

- экологическая;
- антропоморфная;
- социогенная (потеря имущества, ее психологический смысл; влияние на самооценку жертвы и ее отношения с близкими и т. п.);
- сексуальная.

2. По возрасту пострадавшего:

- травма в раннем детстве;
- подростковая травма;

3. По степени уникальности. В том случае, когда она:

- *закономерна* для социализированной личности (но не является неизбежной для конкретного индивида даже в социально-патологических условиях).
- *исключительна* для социализированного индивида, т. е. не имеет аналогов в ближайшем окружении пострадавшего, не наблюдается в социальной жизни, не пред-

ставлена в литературе и т. п. (это возможно при условии избегания общения с криминальной субкультурой, в которой все виды травм воспроизводятся веками).

В. Зоны травматичности

- зона *актуальной травматичности* (минимальна для проституток, не подвергающихся сексуальному принуждению);
- зона *потенциальной травматичности* (велика для всех проституток).

С. Личность самого потерпевшего

- социальный невротик;
- социализированная личность.

Д. Типологическая характеристика персонификатора

- необратимый социальный невротик;
- социализированная личность;
- частично доступны децентрация и сопереживание пострадавшему;
- способен к развитию (в какой степени?);
- флегант, т. е. полный эгоцентрик по отношению к пострадавшему, оправдывающий свое поведение в ситуации травмы по максимуму, не предпринимающий никаких попыток сопереживания;
- близкий родственник или хороший знакомый;
- совершенно неизвестная личность;

- реальная вероятность повторной встречи: периодически повторяющаяся, редкая, но неизбежная; маловероятная.

Е. Специфика травмы и динамика переживаний

- Является ли травма актуальной или потенциальной (непосредственной или «созревающей»)?
- В какой степени переживания могли деформироваться под влиянием последующих новообразований, особенно мышления?
- Был ли «безоблачный период»? Когда закончился?
- Какие цели ставились в период до первого переживания негативных признаков травматической ситуации? В чем их непривлекательность сейчас? Какие цели ставятся в настоящий момент?
- Что ощущается недостижимым и невозможным лично или всеми людьми из того, что раньше составляло жизненные интересы, мечты, реальные цели?
- В каком возрасте в жизнь пострадавшего впервые вторгся инфернал?
- В каком возрасте сейчас персонификатор?
- Произошли ли социальные изменения, которые могли повлиять на восприятие и оценку причин и условий травматической ситуации?

Ф. Дополнительные социально-психологические факторы

1. Находится ли пострадавший в стадии очередного возрастного кризиса?

2. Находился ли пострадавший в момент травматических событий в депрессивном состоянии, которое связано с другим событием, произошедшим за (...дней, ...месяцев) перед травмой.

Г. Взаимоотношения с обществом

- стремится сохранить его исторические ценности;
- чувствует себя отверженным, но хочет вернуться (феномен Раскольникова);
- чувствует себя отверженным и мстит;
- отвергает общество «из идейных соображений» (родительское делегирование).

Приложение 4

Онтологические игры

Пример

«Репейник» (Краткий сценарий тренинга)

Участники и роли

1. Ведущий.
2. Команда астронавтов — три участника (взрослые).
3. Культурные растения — 10—12 учеников: яблоня, вишня, персик, смородина, калина, виноград, ананас, кукуруза, свекла, пшеница, рис, горох, рожь, овес (и т. д. по выбору: «кто и кем себя видит»).
4. Сорные растения — 3 ученика: репейник, василек, осот, перекасти-поле (и т. п. по выбору: «кем себя видят»).

Материал:

- 1) символы солнца, воды и воздуха (18 комплектов), карточки или счетные палочки различных цветов: желтый, синий, оранжевый и т. п.;
- 2) комплекты вопросов, которые задаются каждому игроку (от 21 до 63).

Ход игры:

1-й этап. Прибытие на Марс. Астронавты устраивают искусственный парник и высаживают культурные растения (К); затем создают им условия, благоприятные для роста: раздаются карточки всем «культурным растениям».

2-й этап. Адаптация. «Сорняки» (С), случайно попавшие вместе с культурными растениями, могут составить себе комплект, «позаимствовав» их у К. Критерии выбора обсуждают-

ся группой в течение 10 минут. Один участник может передать все три карточки, две или одну. Кто-то может не отдать ни одной карточки, даже если это было бы логично в соответствии с критериями, выработанными группой.

Если *С* за следующие 5 минут не получили ни одной карточки, то они действуют сами. На просьбу *С* *К* не может ответить отказом. Астронавты компенсируют потери *К* новыми карточками. Если никто из группы не согласился отдать карточку *С*, то в заключение этапа комплект карточек выделяет им ведущий.

3-й этап. Выживание. Каждому участнику астронавты предлагают вытащить 1 карточку. Если участник не ответил на вопрос, он считается «неприжившимся»: уходит на скамью наблюдателей. Для выживания *С* достаточно одного комплекта на всех.

4-й этап. Катастрофа. «Ведущий» объявляет, что в результате аварии в теплице (или болезни растений, занесенной с Земли), все *К* погибают. Теперь жизнь на Марсе зависит от возможностей *С* сопротивляться негативным условиям. Астронавты задают каждому *С* еще по одному вопросу.

5-й этап. Симбиоз. Если *С* выживают, то у них есть возможность отдать долг тем, у кого они «позаимствовали» карточки. То есть лишние карточки отдаются тем, у кого *С* их отняли. Первыми получают карточки те, кто больше их отдал в порядке: 3—2—1. Все, кто получил такие карточки, имеют право объединяться по три участника. Если у них есть полный комплект, то они тоже «выживают».

6-й этап. При согласии учеников игра повторяется еще раз.

7-й этап. Обсуждение игры всеми ее участниками: что они чувствовали на каждом этапе? Какие мысли и идеи им пришли? Что значит сохранить то, что ты имеешь?

Послесловие

Любой труд оценивается не значительностью проблем, за решение которых взялся автор, а реальными результатами проделанной работы. В том, что мы вообще приступили к решению подобных проблем, нас оправдывает положение специализированного психолого-педагогического центра «Практик», который является образовательным учреждением для детей с трудностями в обучении и поведении. Свой результат мы оцениваем как посильный вклад, форма которого может корректироваться и меняться в зависимости от дальнейшего процесса освоения проблемы. Но надо же с чего-то начинать. Практический психолог в образовательном учреждении просто не имеет права долго сомневаться и бездействовать.

Практика организации окружной психологической службы убедила нас, что школьным психологам нужны вовсе не демонстрации воздушных акробатов психотерапии, которые завышают планку их притязаний до самого купола практической психологии. Им нужны четкие цели и задачи, являющиеся посильными ступенями в их личностно-ориентированном профессиональном развитии. Конечно, кто способен сразу летать — пусть покоряет высоты. Но есть целая армия бесконечно и безрезультатно ищущих выпускников психологических вузов, представители которой никак не поймут, что им делать. Они то бросаются на невыполнимые задания совершенно неподготовленными и потому оказываются бесполезными для пострадавших, то толпой бегут учиться у заезжих гастролеров.

Помимо ущербной позиции школьного психолога, похожего на одинокого отшельника, засыпанного хрустальным песком чужих мыслей и идей в бесконечной пустыне эклектики, нас беспокоила и другая проблема. Практика требует

действий. Но вот эта полная свобода педагога-психолога в выборе методов консультирования в сочетании с томительными вечными сомнениями, неизменно присущими профессиональному психологу, приводила на практике к полной его бездеятельности в школе. Отгородившись от детей и педагогов процедурой бесцельной и бессмысленной диагностики и набором защитных коррекционных методик, он сидел и плакал, как школьник, который вместо сочинения мнет в руке какую-то бумажку с оригинальным, но очень коротким текстом, написанным к тому же вовсе не на заданную тему.

Оказывается, и текст-то он не сочинял, а с внезапно вспыхнувшим, почти безумным взглядом выписал поразившую его фразу из случайно попавшего ему в руки обрывка аннотации какой-то еще не переведенной на родной язык книги. Вот и начинает он ходить по курсам повышения квалификации; учится и учится, надеясь на чудо, на встречу с методикой, которая бы полностью соответствовала особенностям его личности и тем калейдоскопическим представлениям о консультировании, которые мелькают у него в голове.

Отдаляя момент ответственного решения, он все ждет — как спящая красавица принца, — когда появится такая методика, в которую он влюбится с первого взгляда, почувствует ее несказанно родной и близкой и пойдет с ней рука об руку вдоль русла бесконечного потока консультирования. Царственная методика смотрит на психолога широко раскрытыми влюбленными глазами и легко срывает трудные случаи, «цветущие вдоль берега». Нет в душе сомнений и колебаний. Все ясно и просто!

Мечты всегда прекрасны и даже полезны. В них неизменно присутствует определенный смысл и содержится значительная доля истины. Но все-таки надо когда-то решиться начать прокладывать русло будущего потока, который, возможно, когда-нибудь оросит пустыню эклектики с ее загадочными сфинксами классиков, сторожащих входы в пирамиды различных теоретических ориентаций. Сторожат

они, конечно, плохо. Все пирамиды давно уже разворованы историками психологии, хотя неизменно завораживают восторженных дилетантов впечатляющим зрелищем внешнего величия, на фоне которого состоятельным желающим вполне доступно эффектно сфотографироваться. К их золотому содержанию приезшему туристу в действительности почти невозможно прикоснуться. Правда, весной пустыня зацветает и приезжие паломники собирают оригинальные случаи, из которых составляют авторские икебаны консультативной техники, идущие нарасхват в странах Восточной Европы.

Но время идет вперед, и нам сейчас необходимо совсем другое: требуется перейти от психологического туризма к кардинальной образовательной «мелиорации» на собственной почве. Надо идти и прокладывать живительные каналы к многочисленным областям личностного роста, где дети и подростки еще не ощутили поддерживающей силы психологической помощи. Свой посильный вклад в эту дежурную и совершенно неромантическую работу мы сделали. Видим, как невдалеке кто-то тоже самозабвенно ведет свою линию. Мы с радостью его приветствуем, хотя вовсе не уверены, что наши труды сами собой соединятся в единый «гештальт». Да он и не нужен в самом начале творческой работы.

Должны же мы и из рыночных отношений извлечь хоть какую-то пользу для науки и общества. Понятно, что плюрализм мнений, соревновательная конкурентность образовательных проектов гораздо полезнее, чем административная монополия на истину, которая так же губительна для науки, как коррупция для экономики. Как отмечал А. А. Бодалев, прогрессивно и эффективно управляет наукой, в том числе и в системе образования, тот администратор, который предпочитает объявить тендер и выбрать то, что ему подходит, а не устанавливать единомыслие.

Как все это соединяется с нашим пафосом преодоления эклектизма? На самом деле тут нет никакой проблемы или недопустимого логического противоречия. Единомыслие и эклектизм, на наш взгляд, просто две стороны одного и того

же системного подхода, предполагающего внешнее единство разрозненных, совершенно не связанных друг с другом элементов. И когда это внешнее единство рассыпается, начинается субъективная «вариативность» диагностических и научных методов, коррекционных программ и т. п. Вместо оригинальности научной мысли мы получаем результаты внушенной беспомощности и беспросветного ученичества, уходящие корнями в чувство собственной неполноценности: завистливую подражательность, заемный эпатаж, тусовочную курьезность и манерничанье.

Успех может прийти только тогда, когда мы начинаем организовывать научное исследование или практическую работу, исходя из несомненных достижений определенной научной школы, с парадигмой которой мы способны идентифицировать свой вариант динамически развивающейся концепции практического консультирования. Для нас в этом отношении не может быть никаких колебаний. Мы опираемся на научные достижения и эвристическую методологию отечественного социального гуманизма¹ в лице Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Э. В. Ильенкова, Д. Б. Эльконина. На этом пути мы ждем новых единомышленников, готовых работать в русле социально-гуманистической школы и надеемся общими усилиями преодолеть организационную разобщенность, теоретическую подражательность и эклектизм современной практической психологии.

---

¹ В отличие от «генетического гуманизма».

Словарь используемых терминов

Аменомания — маниакальная фаза МДП, характеризуется радостным и веселым состоянием, «блаженным» отношением к окружающему.

Взаимоотношения власти — крайне поляризованные взаимоотношения (типа «господин — раб»), формирующиеся в результате разделения и закрепления за различными индивидами ориентировочной и исполнительской частей совместной деятельности, которая инициируется травматическими условиями. В. в. являются *результатом и основным содержанием* психологической травмы, препятствуя не только социальной самореализации пострадавшего индивида, но и развитию (функционированию) его нормальных полноправных взаимоотношений с членами своей референтной группы.

Дело в том, что «господин» не может получить «моральное право» на имущество, энергию, тело другого, если тот не примет позицию «раба». Это «психологическое право» противоречит нормам официально существующих правовых и моральных систем, если, конечно, они сами не криминализированы. Даже преступник не просто желает потреблять чужое: он хочет получать от этого *полноценное удовольствие*. Сейчас преступник — это вовсе не вор, мучимый нестерпимым для него чувством голода. Но это примитивное «право» (как своеобразный психологический «далее неделимый» атом личной власти), в отличие от содержания других, более поздних культурно-исторических норм, не требует создания общественного мнения, никаких групповых и социальных процедур для своего становления, утверждения и развития и т. п. Оно не может рассматриваться в качестве рудимента наследственных инстинктов, по-

сколькx является прямым следствием указанного выше закрепления функциональных частей совместной деятельности.

Для того чтобы полноценно чувствовать себя «господином», «персонификатору» предварительно необходимо обеспечить соответствующие травматические условия своего продуктивного взаимодействия с предполагаемой жертвой: либо разрушить гуманистическую систему социальных норм, либо психологически «переместить» потенциального раба в группу, где действуют нормы, противоположные социальным, т. е. спровоцировать ее *социальное отвержение* и *изолировать* в рамках взаимоотношений власти. Поводы и средства социального отвержения он знает по индивидуальному опыту, впоследствии «обогащенному» групповым, который, собственно, и привел его самого к травматическому для личности результату — социальной изоляции.

На его стороне аффекты пострадавшей личности и ее неконтролируемые влечения, с помощью которых персонификатор и подчиняет себе жертву, а впоследствии начинает управлять ею в своих эгоцентрических интересах. По степени интенсивности предтравматических отрицательных и неконтролируемых переживаний он, как правило, и выделяет из безликой толпы предполагаемого пострадавшего.

Инсталляция персонификатора — специфическая интериоризация персонификатора, происходящая в относительно короткий период под влиянием аффекта и сформировавшихся взаимоотношений власти. Инсталляция, с одной стороны, обеспечивает объективацию совести пострадавшего в образе персонификатора (*заражение совести*), а также нерелексируемое принятие пострадавшим его интересов в качестве приоритетных, с другой — эффект всевидящего ока, порождающего невозможность любых попыток «перевернуть» взаимоотношения власти и поменяться позициями с персонификатором.

«Модус вивенди» [лат. *modus vivendi* образ жизни, способ существования] — временное соглашение по какому-либо вопросу, заключенное сторонами в расчете на его окончательное урегулирование в последующем. Имеется в виду мысленное соглашение в конфликте пострадавшего с персонификатором, которое дает пострадавшему время и возможность решения задач «травматической зоны развития».

Персонификатор (или межличностный персонификатор — МП) — спонтанный травматический образ или реальная личность, на которую пострадавший проецирует ответственность за свою травму. Неизменно наделяется повышенными или даже сверхчеловеческими способностями. В последнем случае нами используется термин «инфернал».

Реабилитация психологическая — восстановление пострадавшим индивидом своего личностного и социального статуса.

Седативные средства — лекарственные препараты, оказывающие общее успокаивающее действие на психику.

Социализированная личность — отличается развитием, ориентированным на присвоение высших культурно-исторических ценностей (социальных ценностей). Она располагает свои цели не на континууме освоения групповых защит, а порой наивно и добросовестно выстраивает их в открытой для всех перспективе решения актуальных социальных и личностных проблем.

Эти цели по психологической форме суть «цели-противоречия» (Красило А. И., 1986). Поэтому С. л. практически не имеет возможности «возвыситься» над другими; да и не понимает, зачем это надо, не видит в демонстрации личного «превосходства» никакого смысла. Более того, С. л. избегает личной власти, т. к. субъект убеждается, что на этом пути он

теряет любовь («агапе» по: *Мей Р.*, 1997), которая является его главной ценностью. Ему гораздо приятнее переживание чувства общности и взаимной любви с понимающими его людьми, вместе с которыми он творит социально значимое дело. Власть и демонстрация превосходства ему просто неинтересны. Это не его стихия.

Например, если это студент, то диплом он (она) защищает, чтобы непременно попытаться «внести посильный вклад в науку», а не только для обеспечения государственной проверки и подтверждения необходимого уровня своей квалификации. Поэтому и берет для себя такую исключительно актуальную и социально значимую тему, к решению которой длительный период «даже не знает, как и подступиться». Если С. л. работает преподавателем вуза, то смысл своего лекционного курса видит в том, чтобы студенты при каждой встрече обязательно открывали для себя что-то новое и лично значимое, т. е. старается поделиться «живыми знаниями», проникнутыми личностным смыслом, а не преподает их забальзамированный препарат и т. д.

Главным критерием успешной социализации является формирование *совести*, которая по своей форме является интериоризированным диалогом со значимым другим. Но в *совести* проявляется не просто «другой», а «*Другой, которого Я люблю*». Поэтому «Я» всегда открыто для «Другого». Обмануть этого «Другого» просто невозможно, а предать, сделать что-то во вред означает потерю величайшей социальной и культурной ценности — любви.

Социальная (духовная, культурно-историческая) **ценность** — единство специфического общественного и личного содержания, момент, в котором они тождественны. Но это не только «личный смысл» (*Оллпорт Г. В.*, 1998. С. 133). В этом отношении мы говорим лишь о смыслообразующей *функции* С. ц. в развитии личности. Лич-

ность присваивает наличные С. ц. в процессе ее социализации.

Личностный смысл лишь одна сторона указанного тождества. Второй ее стороной, раскрывающейся в психологическом анализе травматических взаимоотношений, является содержание и уровень социального и межличностного общения. Создание и развитие самих С. ц. невозможно вне реальных взаимоотношений людей, вне исторически развивающегося процесса их совместной общественной деятельности.

Социальный персонификатор (СП):

1) индивид или социальная группа, которая сознательно или неосознанно используется персонификатором в целях социальной изоляции индивида и навязывания пострадавшему взаимоотношений власти. В этом отношении можно даже говорить о психологическом «крышевании» персонификатора со стороны СП;

2) представления самого пострадавшего об этих индивидах или социальной группе;

3) референтная группа, вне которой личность не представляет своего существования.

Деструктивная активность СП невозможна лишь при условии применения таких общественных санкций к нарушителям социальных норм, которые не являются способом их необратимого отвержения. Это условие действительно соблюдается лишь в том случае, когда указанные санкции не распространяются на членов референтной группы, с которыми у индивида, пострадавшего от своих же антисоциальных действий, сформировались или могут сформироваться интимно-личностные отношения, т. е. отношения глубокого взаимопонимания, дружбы или любви.

Наиболее опасным и травмогенным СП являются обобщенные представления пострадавшего о референтной для него подростковой группе, с ее тинэйджерским гедониз-

мом, искусственно навязанными ценностями, провозглашаемыми в СМИ (Оллпорт Г. В., 1998), а также неизменным возрастным ощущением личного бессмертия, юношеским максимализмом. Этот тип СП оказывается наиболее жесток к пострадавшим подросткам именно в силу того, что СМИ, эксплуатируя возрастную жизнерадостность юных, ориентируют молодежь на непрерывные развлечения и стремление «брать от жизни все». Как настойчиво советует коммерческая реклама, вместо развития и трудного ответственного выбора помощи другому «уважающий себя подросток» должен непременно выбрать «пепси». Современные СМИ задают подросткам образ жизни «вечно молодых, вечно пьяных», что порождает у них непроизвольную реакцию безразличного избегания необходимости сопереживания и сострадания.

Травма психологическая — катастрофическое разрушение личностной самооценки вследствие утраты или угрозы недостижимости смыслообразующих социальных ценностей. Условием возвращения этих ценностей является личностное развитие в масштабе конкретной травматической зоны.

Травма прерывает процесс развития личности и ставит перед ней задачи, которые могут быть решены индивидом только на значительно более высоких уровнях его возрастного и личностного развития. Как правило, в первый посттравматический период пострадавший ребенок или подросток еще не способен их решить даже с помощью консультанта. Травматический конфликт, как и любой другой конфликт, не является источником развития. Но его можно использовать в целях развития пострадавшего. Только в этом смысле можно говорить о развивающей возможности травмы. При других условиях травматический конфликт, напротив, становится барьером развития и дальнейшей социализации, необратимо отнимающим жизненные силы и время жизни пострадавшего, ставит его на грань самоубийства.

Одной из важнейших характеристик психологической травмы является ее *неисчерпаемость*, непосредственно связанная с процессом развития личности пострадавшего, с изменениями его реального положения в системе межличностных и социальных отношений, а также с общим прогрессом, или регрессией, общественных отношений.

Хронический характер травма приобретает в результате субъективно-объективного конфликта пострадавшего с *инсталлированным персонификатором*. Следствием чего является ее *избирательность*.

В то же время травма может рассматриваться как «социальная ловушка», которая используется персонификатором и делает пострадавшего бессильным перед ним. Пострадавшего в его травматических переживаниях, как правило, «преследует» не только образ межличностного персонификатора (МП), но и социального (СП), позиция которого также требует коррекции и конструктивного соотнесения с реабилитационными интересами пострадавшего.

Травма актуальная предполагает полное осознание пострадавшим последствий потери социальных ценностей и относительной величины необходимых усилий по «прохождению» травматической зоны.

Травма потенциальная — не связана в восприятии пострадавшего с утратой социальных ценностей. Переживания пострадавшей личности фиксированы на непосредственных отрицательных эмоциях, погасить которые она, как правило, рассчитывает на пути усвоения групповых защитных стереотипов в отношении к другим, обществу и себе.

Травматическая зона развития — включает в себя все стабильные и кризисные этапы возрастного развития, решение задач которых является необходимым условием действительной реализации стремления индивида «сбросить груз» травматического прошлого.

Травматический образ — это, прежде всего, представления пострадавшего и персонификатора о распределении и закреплении полярных позиций в рамках *взаимоотношений власти*. Содержание образа может инвертироваться в сознании каждой стороны травматического конфликта, подобно эффекту «фигура — фон», в зависимости от их представлений о распределении *позиций* в момент травматического события. Позиция «сверху» (господина) обеспечивает ощущение безопасности, а позиция «снизу» (раба) налагает груз неизбежной тревоги, объективируемой на вариативные или стабильно деструктивные травматические образы. Пострадавший не может — в силу подавленности аффектом — легко ориентироваться в травматической ситуации и категоризировать ее детали, поскольку стремится «выбросить их из своей жизни» (вытеснение), а МП с удовольствием «прогуливается» по своим воспоминаниям.

Каждая из сторон не может произвольно изменить содержание образа, который является предметом их травматического конфликта. Для этого требуется внутренняя убежденность каждого и их взаимное согласие. Маловероятно, чтобы эгоцентрический персонификатор добровольно уступил свое безопасное место господина и согласился с унижительной позицией беззащитного раба. Других вариантов взаимоотношения власти просто не содержат. Поэтому реабилитационная инвертация образа может быть совершена пострадавшим только вне рамок взаимоотношений власти, при условии его личностного роста и помощи своему персонификатору в переходе на один из продуктивных уровней общения.

В связи с необходимостью обеспечения указанных условий *реабилитационные отношения* пострадавшего должны строиться именно на основе согласия или несогласия персонификатора на совместный духовный подъем в целях выхода за травмогенную область деструктивных уровней общения. *Сила личности (Р. Мей)* пострадавшего определяется его способностью совершить личностный рост в направлении

смыслообразующих ценностей, которые, в свою очередь, и являются источником этой гуманистической силы, в отличие от ее «демонической» формы, свойственной личности самоизолирующегося, а потому социально дезориентированного и конформного индивида.

«Чисто защитный» выход из травматического конфликта имеет манипулятивное содержание и ненадежную виртуальную форму. Объективно он основан на маловероятном, хотя и возможном, варианте смены позиций в рамках взаимоотношений власти.

Флегант — конформный *эгоцентрик*, воспитанный в семье *социальных невротиков*. Его социальная невротизация может быть не связана с наличием перенесенной ранее *травмы*. В этом смысле он является «счастливым» и, как правило, чувствует себя таковым. Поэтому мы называем флеганта «счастливым социальным невротиком».

Флеганты составляют подавляющее большинство из общего числа социальных невротиков. Они не первооткрыватели новых способов разрушения социальных норм в целях своей психологической защиты. Для этого надо быть немножко социализированной личностью, иметь внутренние конфликты и «располагать способностью» попадать в социальные ловушки и глубокие психологические травмы. Характерной чертой флегантов является *легкость их адаптации* к процессу распада общественных отношений, доступные средства которого они активно изучают и репродуцируют, полагая их реально действующими правилами, которые открывают для их эгоцентрической личности «новые перспективы».

Эгоцентризм — *психологическая защита* социального невротика от невыносимого чувства одиночества (*Э. Фромм*), которое в то же время является результатом процесса его же собственной последовательной самоизоляции и нежелания хоть в какой-то мере разделить с другими груз социальной ответственности.

Это устойчивая внутренняя позиция социального невротика, позволяющая ему легко потреблять, получать от общества и окружающих людей необходимые ему блага в соответствии с его растущими потребностями, ничего не отдавая взамен: ни времени, ни душевных сил. Атрибутом Э. является безусловная установка на эксплуатацию окружающих. Э. позволяет социальному невротiku избежать момента того ощущения одиночества и внутреннего взрыва (*Ф. Перлз*), которое обеспечивает социализированной личности, развивающейся по пути аутентичности, принять груз ответственности за свое развитие и, следовательно, за непрерывное возрождение и обновление культурно-исторических духовных ценностей. Э. позволяет социальному невротiku чувствовать себя вполне в безопасности перед лицом гуманитарных и остросоциальных проблем, на пороге реальной угрозы социальных, природных и техногенных катастроф. Он твердо надеется, что сможет вовремя переложить все неизбежные страдания на плечи окружающих.

В то же время Э. не только не препятствует, но даже способствует «слипанию» социальных невротиков в социальные группы и выработке соответствующей эгоцентрической групповой или общественной идеологии индивидуализма.

Э. не препятствует развитию мышления и памяти индивидуума. Более того, он обеспечивает оперативную и «полную» в своей ценностной ограниченности ориентировку социального невротика в любой социальной или межличностной ситуации. Экзистенциальные, гуманитарные, морально-этические и даже эстетические задачи и проблемы эгоцентрически упрощаются, но без ущерба для главной ценности социального невротика — власти над окружающими как главным условием реальной возможности их эксплуатации.

Эти разрушительные Э. ценности парадоксально могут утвердиться в качестве основных в государстве и гражданском обществе. В этом случае они неизменно выдаются за

необходимые условия прогресса и процветания, демократии и гуманизма. И если массы спровоцированных индивидов поддержат идеологию эгоцентризма и, оставив путь социализации, устремятся в направлении соответствующих Э. ценностей, то само общество неизбежно начинает распадаться и, в конце концов, оказывается перед лицом национальной или общечеловеческой катастрофы¹. Лидеры этого движения легко препарируют любую идеологию в целях рационализации своих эгоцентрических интересов. Они легко меняют идеологическую форму, греющую их внутренний эгоцентризм². Их убежденность, которая сквозит в каждом произвольном жесте, это убежденность ребенка, которому окружающие взрослые непременно должны предоставить все, что непреодолимо привлекло его внимание. Иначе он «с пацанами» будет «уродовать», биться в истерике, занимать пространство километровым флагом на улицах города и т. п.

«Портрет этот производит впечатление очень тяжелое. Перед глазами зрителя восстает чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение. Идиоты вообще очень опасны, и

¹ Массы активных выборщиков, которые приспособились во время застоя «чувствовать социальные проблемы желудком», легко путают ограниченное упорство идейного эгоцентризма с целенаправленностью созидательной и социально ответственной идеологии. Кажется, что известный юморист шутит про желудок, но он смог доказать всем своим современным творчеством, что это его серьезные политические убеждения, ради которых литератор может пожертвовать даже собственным талантом. Вспоминается, хотя и «не совсем к месту», трагическая судьба В. В. Маяковского, наступившего на горло собственной песне. В этой застоявшейся психологической атмосфере любой либеральный деятель, ратующий за подготовку многотысячного менеджмента для приватизации национальных парков, имеет возможность держаться спокойно и уверенно, как убежденный прогрессист.

² Точно так же, как вместе с достатком индивид, стремящийся к комфорту, меняет свою дубленку на шубу из меха леопарда, соболя или шиншиллы. «Кролик» сейчас не в моде. И это понятно. Несомненно, что деидеологизация периода «оттепели» и «застоя» способствовала росту эгоцентризма в среде «партийно-хозяйственного актива», разложившегося до степени спазматических импульсов и управленческих тиков «революции сверху».

даже не потому, что они непременно злы (в идиоте злость или доброта — совершенно безразличные качества), а потому, что *они чужды всяким соображениям и всегда идут напролом, как будто дорога, на которой они очутились, принадлежит исключительно им одним.* Издали может показаться, что это люди хотя и суровых, но крепко сложившихся убеждений, которые сознательно стремятся к твердо намеченной цели. Однако ж это оптический обман, которым отнюдь не следует увлекаться. Это просто со всех сторон *наглухо закупоренные существа, которые ломают вперед, потому что не в состоянии сознать себя в связи* (курсив наш. — А. К.) с каким бы то ни было порядком явлений...» (Салтыков-Щедрин М., 1975. С. 157).

Список литературы

- Адлер, А.* Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер. — М., 1993.
- Адлер, А.* Понять природу человека / А. Адлер. — М., 1997.
- Айхорн, А.* Трудный подросток / А. Айхорн. — М., 2001.
- Александров, А. А.* Современная психотерапия / А. А. Александров. — СПб., 1997.
- Алиев, Х.* Метод КЛЮЧ в борьбе со стрессом / Х. Алиев. — Ростов н/Д, 2003.
- Бандура, А.* Подростковая агрессия / А. Бандура, Р. Уолтерс. — М., 2000.
- Белкин, А. И.* Формирование личности при смене пола / А. И. Белкин // Психология личности: Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. — М., 1982. — С. 197—205.
- Бердяев, Н.* Царство Духа и царство Кесаря / Н. Бердяев. — М., 1995.
- Берн, Э.* Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Э. Берн. — М., 1988.
- Бернс, Р.* Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. — М., 1986.
- Блейхер, В. М.* Толковый словарь психиатрических терминов / В. М. Блейхер, И. В. Крук. — Воронеж, 1995.
- Бодалев, А. А.* О человеке в экстремальной ситуации / А. А. Бодалев // Мир психологии. — 2002. — № 4. — С. 127—134.
- Бондырева, С. К.* Выживание (факторы и механизмы) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. — М., 2005.
- Боулби, Д.* Привязанность / Д. Боулби. — М., 2003.
- Василюк, Ф. Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. — М., 1984.
- Венгер, А. Л.* Проблемы детской психологии и научное творчество Д. Б. Эльконина / А. Л. Венгер, В. И. Слободчиков, Б. Д. Эльконин // Хрестоматия по возрастной психологии / Ред.-сост. О. А. Карабанова и др. — М., 1999. — Ч. 1. — С. 28—31.
- Возрастно-психологическое консультирование детей и подростков / Под ред. Г. В. Бурменской и др. — М., 2002.
- Выготский, Л. С.* Основы дефектологии / Л. С. Выготский // Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. Т. А. Власовой. — М., 1983. — Т. 5.

- Выготский, Л. С.* Детская психология / Л. С. Выготский // Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. Д. Б. Эльконина. — М., 1984. — Т. 4.
- Гальперин, П. Я.* Лекции по психологии / П. Я. Гальперин. — М., 2002.
- Гегель, Г. В. Ф.* Работы разных лет: В 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1973. — Т. 2.
- Глэддинг, С.* Психологическое консультирование / С. Глэддинг. — М., 2002.
- Гриндер, Г.* Из лягушек — в принцы / Г. Гриндер, Р. Бэндлер. — Екатеринбург, 1998.
- Грэхэм, Д.* Как стать родителем самому себе. Счастливый невротик / Д. Грэхэм. — М., 1993.
- Добрович, А. Б.* Воспитателю о психологии и психогигиене общения / А. Б. Добрович. — М., 1987.
- Додонов, Б. И.* Эмоция как ценность / Б. И. Додонов. — М., 1978.
- Додонов, Б. И.* Гармоническое развитие и типологическое своеобразие личности / Б. И. Додонов // Психология формирования и развития личности / Под ред. Л. И. Анцыферовой. — М., 1981. — С. 284—304.
- Донцов, А. И.* О подходе к исследованию ценностного отношения личности / А. И. Донцов // Социально-психологические проблемы личности и учебно-воспитательного коллектива. — М., 1975.
- Достоевский, Ф. М.* Идиот / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч.: В 14 т. — М., 1882а. — Т. 6; Т. 7 (окончание).
- Достоевский, Ф. М.* Село Степанчиково и его обитатели / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч.: В 14 т. — М., 1882б. — Т. 2. — С. 136—346.
- Дубровина, И. В.* Школьная психологическая служба / И. В. Дубровина. — М., 1991.
- Дюркгейм, Э.* Самоубийство / Э. Дюркгейм. — М., 1994.
- Егидес, А. П.* Лабиринты общения / А. П. Егидес. — М., 1999.
- Ершов, А. А.* Взгляд психолога на активность человека / А. А. Ершов. — М., 1991.
- Жене, Ж.* Дневник вора / Ж. Жене. — М., 1997.
- Захаров, А. И.* Психотерапия неврозов у детей и подростков / А. И. Захаров. — Л., 1982.
- Захер-Мазох, Л.* Венера в мехах. Демонические женщины / Л. Захер-Мазох. — М., 1993.
- Зейгарник, Б. В.* Теория личности К. Левина / Б. В. Зейгарник. — М., 1981.
- Зейгарник, Б. В.* Теории личности в зарубежной психологии / Б. В. Зейгарник. — М., 1982.
- Зимбардо, Ф.* Социальное влияние / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе. — СПб., 2000.
- Змановская, Е. В.* Девиантология / Е. В. Змановская. — М., 2003.

- Иванников, В. А.* Психологические механизмы волевой регуляции / В. А. Иванников. — М., 1991.
- Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л. Б. Шнейдер. — М., 2003.
- Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благоннадежиной. — М., 1972.
- Ильенков, Э. В.* Психика человека под «лупой времени» / Э. В. Ильенков // Природа. — 1970. — № 1. — С. 88—91.
- Ильенков, Э. В.* Философия и культура / Э. В. Ильенков. — М., 1991.
- Ильин, И. А.* Путь духовного обновления / И. А. Ильин // Соч.: В 2 т. — М., 2003. — Т. 2. — С. 75—304.
- Имелинский, К.* Сексология и сексопатология / К. Имелинский. — М., 1986.
- Искандер, Ф.* Кролики и удавы / Ф. Искандер. — М., 1988.
- Кабанов, М. М.* Реабилитация психически больных как социальная и клиническая проблема / М. М. Кабанов // Клинические и организационные основы реабилитации психически больных / Под ред. М. М. Кабанова, К. Вайзе. — М., 1980. — С. 50—80.
- Каплан, Х. С.* Сексуальная терапия / Х. С. Каплан. — М., 1994.
- Карнеги, Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / Д. Карнеги — М., 1989.
- Кемплер, И.* Практика сексуальной терапии: В 2 т. / И. Кемплер. — М., 1994.
- Кле, М.* Психология подростка / М. Кле. — М., 1992.
- Кон, И. С.* Введение в сексологию / И. С. Кон. — М., 1989.
- Кон, И. С.* Психология ранней юности / И. С. Кон. — М., 1989.
- Корнелиус, Х.* Выиграть может каждый / Х. Корнелиус, Ш. Фейр. — М., 1992.
- Короленко, Ц. П.* Чудо воображения. Воображение в норме и патологии / Ц. П. Короленко, Г. В. Фролова. — Новосибирск, 1975.
- Коул, М.* Культурно-историческая психология: наука будущего / М. Коул. — М., 1997.
- Крайг Г.* Психология развития / Г. Крайг. — СПб.: 2000.
- Красило, А. И.* Социально-психологическая позиция преподавателя в системе управления учебно-воспитательным процессом: Дис. ... канд. психол. наук / А. И. Красило. — М., 1986.
- Красило, А. И.* Объективированные идеалы / А. И. Красило // Столичное образование. — 1998а. — № 1. — С. 14—21.
- Красило, А. И.* Статус психолога и проблемы его адаптации в учебном заведении / А. И. Красило, А. П. Новгородцева. — 2-е изд., доп. — М.; Воронеж, 1998б.
- Красило, А. И.* Психологическое консультирование посттравматических состояний / А. И. Красило. — М., 2004.

- Красило, Т. А.* Особенности отношения креативной личности к продуктам творческой деятельности: Автореф. дис. ... канд. / Т. А. Красило. — М., 2005.
- Кун, Н. А.* Легенды и мифы древней Греции / Н. А. Кун. — М., 1987.
- Лебон, Г.* Психология толп / Г. Лебон. — М., 1998.
- Левин, К.* Теория поля в социальных науках / К. Левин. — М., 2000.
- Леонтьев, А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М., 1975.
- Леонтьев, А. Н.* Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев. — М., 2001.
- Лермонтов, М. Ю.* Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов // Собр. соч.: В 4 т. — М., 1969. — Т. 4.
- Линдемманн, Э.* Клиника острого горя / Э. Линдемманн // Психология зрелости и старения. — М., 1998. — С. 61—68.
- Лихт, Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции / Г. Лихт. — М., 2003.
- Ломов, Б. Ф.* Особенности познавательных процессов в условиях общения / Б. Ф. Ломов // Психологический журн. — 1980. — № 5. — С. 26—41.
- Лоренц, К.* Агрессия / К. Лоренц. — М., 1994.
- Лосев, А. Ф.* Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. — М., 1991.
- Лотман, Ю. М.* Избранные статьи / Ю. М. Лотман. — Таллин, 1992.
- Лоуэн, А.* Физическая динамика и структура характера / А. Лоуэн. — М., 1996.
- Ляудис, В. Я.* Структура продуктивного учебного взаимодействия / В. Я. Ляудис // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащихся. — М., 1980.
- Ляудис, В. Я.* Специфика функций и генезис памяти человека: Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии / В. Я. Ляудис; Под ред. И. И. Ильясова, В. Я. Ляудис. — М., 1981. — С. 256—262.
- Майерс, Д.* Социальная психология / Д. Майерс. — СПб., 1997.
- Макаренко, А. С.* Педагогическая поэма / А. С. Макаренко. — М., 2003.
- Малкина-Пых, И. Г.* Экстремальные ситуации / И. Г. Малкина-Пых. — М., 2005.
- Маркиз де Сад* Философия в будуаре. Тереза-философ / Маркиз де Сад. — М., 1991.
- Маркс, К.* Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 1—4.
- Маслоу, А.* Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. — М., 1997.
- Метерлинк, М.* Сокровище смиренных; Погребенный храм; Жизнь пчел / М. Метерлинк. — Самара, 2000.

- Минделл, А.* Лидер как мастер единоборства: В 2 ч. / А. Минделл. — М., 1993.
- Морено, Я.* Психодрама / Я. Морено. — М., 2001.
- Московичи, С.* Машина, творящая богов / С. Московичи. — М., 1998.
- Мей, Р.* Любовь и воля / Р. Мей. — М., 1997.
- Мей, Р.* Проблема тревоги / Р. Мей. — М., 2001а.
- Мей, Р.* Сила и невинность / Р. Мей. — М., 2001б.
- Мей, Р.* Искусство психологического консультирования / Р. Мей. — М., 2002.
- Мясищев, В. Н.* Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. — Л., 1960.
- Набоков, В.* Приглашение на казнь / В. Набоков // Собр. соч.: В 7 т. — М., 1990. — Т. 4. — С. 5—132.
- Набоков, В.* Лолита / В. Набоков // Собр. соч.: В 7 т. — М., 1992. — Т. 5.
- Неймарк, М. С.* Направленность личности и эффект неадекватности у подростков / М. С. Неймарк // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благонадежиной. — М., 1972. — С. 112—146.
- Нельсон-Джоунс, Р.* Теория и практика консультирования / Р. Нельсон-Джоунс. — СПб., 2000.
- Никитин, В. Н.* Энциклопедия тела / В. Н. Никитин. — М., 2000.
- Ницше, Ф.* Воля к власти / Ф. Ницше. — М., 1995.
- Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. — М., 2002.
- Ожегов, С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 1985.
- Оллпорт, Г. В.* Личность в психологии / Г. В. Оллпорт. — М.; СПб., 1998.
- Орлов, А. Б.* Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики / А. Б. Орлов. — М., 2002.
- Пастернак, Б.* Доктор Живаго / Б. Пастернак // Избр. произведения. — М., 1991.
- Пашукова, Т. И.* Эгоцентризм в подростковом и юношеском возрасте: причины и возможности коррекции / Т. И. Пашукова. — М., 1998.
- Перлз, Ф.* Внутри и вне помойного ведра / Ф. Перлз. — СПб., 1995.
- Петровская, Л. А.* Компетентность в общении / Л. А. Петровская — М., 1989.
- Петровский, А. В.* Психологическая теория коллектива / А. В. Петровский. — М., 1979.
- Петровский, В. А.* Психология неадаптивной активности / В. А. Петровский. — М., 1992.
- Подольский, А. И.* Внимание: подростковая депрессивность / А. И. Подольский, О. А. Идобаева. — М., 2004.
- Пономарев, Я. А.* Психика и интуиция / Я. А. Пономарев. — М., 1967.

Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / Под ред. И. В. Дубровиной. — Екатеринбург, 2000.

Психокоррекционная и развивающая работа с детьми: Учеб. пособие / И. В. Дубровина, А. Д. Андреева, Е. Е. Данилова, Т. В. Вохмянина; Под ред. И. В. Дубровиной. — М., 2002.

Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. — М., 1979.

Психологические особенности самодеятельных подростково-юношеских групп / Под ред. Д. И. Фельдштейна и др. — М., 1990.

Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б. Д. Карвасарского. — СПб., 2002.

Пушкин, А. С. Выстрел / А. С. Пушкин // Соч.: В 3 т. — М., 1986. — Т. 3. — С. 48—58.

Решетников, М. Интерперсональный психоанализ Гарри Салливана: [Предисловие] / М. Решетников // Интерперсональная теория в психиатрии / Г. С. Салливан. — М.; СПб., 1999. — С. 6—20.

Риман, Ф. Основные формы страха / Ф. Риман. — М., 1999.

Роджерс, К. Р. Консультирование и психотерапия / К. Р. Роджерс. — М., 1999.

Рождественский, Р. Поэма о разных точках зрения / Р. Рождественский // За двадцать лет. — М., 1973.

Розанов, В. В. Сочинения / В. В. Розанов. — М., 1990.

Салливан, Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии / Г. С. Салливан. — М.; СПб., 1999.

Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города / М. Е. Салтыков-Щедрин. — М., 1975.

Свядоц, А. М. Женская сексопатология / А. М. Свядоц. — М., 1974.

Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. — М., 1979.

Сигеле, С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии / С. Сигеле // Преступная толпа. — М., 1998. — С. 13—118.

Стендаль. О любви / Стендаль. — М., 1983.

Степанов, В. Г. Психология трудных школьников / В. Г. Степанов. — М., 2002.

Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. — М., 1983.

Талызина, Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний / Н. Ф. Талызина. — М., 1975.

Тард, Г. Мнение и толпа / Г. Тард // Психология толп. — М., 1998. — С. 257—408.

Тернер, Дж. Структура социологической теории / Дж. Тернер. — М., 1985.

Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. — М., 1953.

Фабри, К. Э. Основы зоопсихологии / К. Э. Фабри. — М., 1976.

- Федоров, Н. Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. / Н. Ф. Федоров. — М., 1995.
- Фельдштейн Д. И.* Особенности стадий развития личности на примере подросткового возраста / Д. И. Фельдштейн // Хрестоматия по возрастной психологии / Сост. Л. М. Семенюк; Под ред. Д. И. Фельдштейна. — М., 1994. — С. 226—236.
- Фельдштейн, Д. И.* Проблемы возрастной и педагогической психологии / Д. И. Фельдштейн. — М., 1995.
- Фестингер, Л.* Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. — СПб., 1999.
- Фишер, Р.* Путь к согласию / Р. Фишер, У. Юри. — М., 1992.
- Флейвелл, Д. Х.* Генетическая психология Жана Пиаже / Д. Х. Флейвелл. — М., 1967.
- Фонтана, Д.* Как справиться со стрессом / Д. Фонтана. — М., 1995.
- Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М., 1990.
- Франкл, В.* Психотерапия на практике / В. Франкл. — СПб., 2000.
- Фрейд, А.* Детский психоанализ / А. Фрейд. — СПб., 2003.
- Фрейд, З.* Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. — М., 1989.
- Фромм, Э.* Иметь или быть? / Э. Фромм. — М., 1990.
- Фромм, Э.* Душа человека / Э. Фромм. — М., 1992.
- Фромм, Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — М., 1994.
- Фромм, Э.* Здоровое общество / Э. Фромм // Психоанализ и культура. — М., 1995. — С. 275—596.
- Хайдеггер, М.* Феноменология и трансцендентальная философия ценности / М. Хайдеггер. — Киев, 1996.
- Хорни, К.* Наши внутренние конфликты / К. Хорни // Психоанализ и культура. — М., 1995. — С. 7—190.
- Хрестоматия по педагогической психологии / Сост. и авт. введ. очерков А. И. Красило, А. П. Новгородцева. — М., 1995.
- Хухлаева, О. В.* Основы психологического консультирования и психологической коррекции / О. В. Хухлаева. — М., 2002.
- Цветаева, Марина.* Просто — сердце / Марина Цветаева. — М. 1998.
- Чалдини, Р.* Психология влияния / Р. Чалдини. — СПб., 1999.
- Частная сексопатология: В 2 т. / Под ред. Г. С. Васильченко. — М., 1983. — Т. 2.
- Шибутани, Т.* Социальная психология / Т. Шибутани. — М., 1969.
- Шихирев, П. Н.* Современная социальная психология в США / П. Н. Шихирев. — М., 1979.
- Шостром, Э.* Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор / Э. Шостром. — М., 1994.

Штерн, Э. «Серьезная игра» в юношеском возрасте / Э. Штерн // Психология подростка: Хрестоматия / Сост. Ю. И. Фролов. — М., 1997. — С. 20—32.

Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкас. — СПб., 1999.

Эллис, А. Гуманистическая психотерапия / А. Эллис. — М., 2002а.

Эллис, А. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии / А. Эллис, У. Драйден — СПб., 2002б.

Эльконин, Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д. Б. Эльконин // *Вопр. психологии.* — 1971. — № 4.

Эльконин, Д. Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / Д. Б. Эльконин // *Избр. психол. тр.* / Под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. — М., 1989.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс. — М., 1969.

Энциклопедия практического самопознания / Сост., предисл. и коммент. А. И. Красило. — М., 1994.

Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. — СПб., 1996а.

Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. — М., 1996б.

Юнг, К. Аналитическая психология / К. Юнг. — СПб., 1994.

Юри, У. Преодолевая «нет», или Переговоры с трудными людьми / У. Юри. — М., 1993.

Kohlberg, L. Essays of moral development / L. Kohlberg. — N. Y., 1984. — Vol. 2: The psychology of moral development.

Meneghette, A. *Ontopsicologia Clinica* / A. Meneghette. — Roma, 1978.

Г. С. Смирнов

Оглавление

<i>Глава 1.</i> Сущность травматического взаимодействия	101
<i>Глава 2.</i> Содержание и динамика психологической травмы	194
<i>Глава 3.</i> Основные проблемы	101
<i>Глава 4.</i> Процесс психологического консультирования.	173
§ 1. Содержание процесса консультирования	194
§ 2. Практическая типология травматических переживаний.	216
§ 3. Социогенная травма.	233
§ 4. Сексуальная травма	326
<i>Заключение</i>	438
<i>Приложение 1.</i> Гипотетические схемы основных направлений распада и восстановления отношений любви	449
<i>Приложение 2.</i> Программа укрепления психологического здоровья дошкольников и младших школьников средствами художественного творчества: «Артабилитация».	452

Оглавление

<i>Глава 1.</i> Сущность травматического взаимодействия	101
<i>Глава 2.</i> Содержание и динамика психологической травмы	194
<i>Глава 3.</i> Основные проблемы	101
<i>Глава 4.</i> Процесс психологического консультирования.	173
§ 1. Содержание процесса консультирования	194
§ 2. Практическая типология травматических переживаний.	216
§ 3. Социогенная травма.	233
§ 4. Сексуальная травма	326
<i>Заключение</i>	438
<i>Приложение 1.</i> Гипотетические схемы основных направлений распада и восстановления отношений любви	449
<i>Приложение 2.</i> Программа укрепления психологического здоровья дошкольников и младших школьников средствами художественного творчества: «Артабилитация».	452

<i>Приложение 3. План проведения предварительной экспресс-диагностики . . . . .</i>	<i>470</i>
<i>Приложение 4. Онтологические игры . . . . .</i>	<i>474</i>
<i>Послесловие . . . . .</i>	<i>476</i>
<i>Словарь используемых терминов. . . . .</i>	<i>480</i>
<i>Список литературы . . . . .</i>	<i>492</i>
<i>Сведения об авторе . . . . .</i>	<i>500</i>

<i>Приложение 3. План проведения предварительной экспресс-диагностики . . . . .</i>	<i>470</i>
<i>Приложение 4. Онтологические игры . . . . .</i>	<i>474</i>
<i>Послесловие . . . . .</i>	<i>476</i>
<i>Словарь используемых терминов. . . . .</i>	<i>480</i>
<i>Список литературы . . . . .</i>	<i>492</i>
<i>Сведения об авторе . . . . .</i>	<i>500</i>

Сведения об авторе

А. И. Краси́ло работает в должности директора ГОУ «Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции «Практик»» г. Москвы, который создавался им с группой единомышленников на основе авторской концепции. Им разработан авторский вариант практической модели психолого-педагогической реабилитации и коррекции.

Сведения об авторе

А. И. Краси́ло работает в должности директора ГОУ «Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции «Практик»» г. Москвы, который создавался им с группой единомышленников на основе авторской концепции. Им разработан авторский вариант практической модели психолого-педагогической реабилитации и коррекции.

Под его руководством проведена первичная и основная организационная работа по созданию материально-технической базы, кадрового и методического обеспечения, что позволяет Центру эффективно функционировать по всем основным направлениям.

А. И. Красило в 1975 г. закончил факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Имеет 30-летний стаж преподавания психологии в различных вузах г. Москвы, является кандидатом психологических наук, доцентом. Его лекции по возрастной, педагогической и социальной психологии, ряду спецкурсов стали составной частью базовых дисциплин при подготовке практических психологов в Надыме, Омске, Новом Уренгое, Сыктывкаре, Сургуте, Вологде и других городах России. Общий объем опубликованных им методических и научных работ превышает 100 печатных листов. Наиболее значительные работы: Энциклопедия практического самопознания (1994), Хрестоматия по педагогической психологии (1995), Статус психолога и проблемы его адаптации в учебном заведении (1998), Психология обучения художественному творчеству (1998), Психологическое консультирование посттравматических состояний (2004).

С октября 2002 г. А. И. Красило является ответственным за Службу практической психологии по Центральному образовательному округу г. Москвы. Разработана оригинальная модель Службы, на базе которой последняя успешно функционирует и развивается, объединяя и координируя работу психологов, социальных педагогов, логопедов и дефектологов.

Под его руководством проведена первичная и основная организационная работа по созданию материально-технической базы, кадрового и методического обеспечения, что позволяет Центру эффективно функционировать по всем основным направлениям.

А. И. Красило в 1975 г. закончил факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Имеет 30-летний стаж преподавания психологии в различных вузах г. Москвы, является кандидатом психологических наук, доцентом. Его лекции по возрастной, педагогической и социальной психологии, ряду спецкурсов стали составной частью базовых дисциплин при подготовке практических психологов в Надыме, Омске, Новом Уренгое, Сыктывкаре, Сургуте, Вологде и других городах России. Общий объем опубликованных им методических и научных работ превышает 100 печатных листов. Наиболее значительные работы: Энциклопедия практического самопознания (1994), Хрестоматия по педагогической психологии (1995), Статус психолога и проблемы его адаптации в учебном заведении (1998), Психология обучения художественному творчеству (1998), Психологическое консультирование посттравматических состояний (2004).

С октября 2002 г. А. И. Красило является ответственным за Службу практической психологии по Центральному образовательному округу г. Москвы. Разработана оригинальная модель Службы, на базе которой последняя успешно функционирует и развивается, объединяя и координируя работу психологов, социальных педагогов, логопедов и дефектологов.

Учебное издание

Красило Александр Иванович

Психологическое консультирование: проблемы, технологии

Технический редактор
Корректоры

И. Л. Карюков
А. Г. Кабаченко
Е. П. Колтакова
Е. А. Петухов
Е. А. Микерова

Компьютерная верстка

Сдано в печать 24.10.06. Бумага офсетная. Формат 60×84/16.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,4.
Уч.-изд. л. 25,11. Тираж 5 000 экз. Заказ № 4207.

Издательство

Московского психолого-социального института
115191, Москва, 4-й Рошинский проезд, 9а.
Тел.: (495) 234-43-15, 958-17-74, доб. 111, 117
E-mail: publish@col.ru

Издательство НПО «МОДЭК»

394000, Воронеж, а/я 179. Тел.: (473-2) 49-87-35
E-mail: modek@modek.vsi.ru

Отпечатано с компьютерного набора

в ОАО «Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж»»
394000, Воронеж, пр-т Революции, 39.

Учебное издание

Красило Александр Иванович

Психологическое консультирование: проблемы, технологии

Технический редактор
Корректоры

И. Л. Карюков
А. Г. Кабаченко
Е. П. Колтакова
Е. А. Петухов
Е. А. Микерова

Компьютерная верстка

Сдано в печать 24.10.06. Бумага офсетная. Формат 60×84/16.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,4.
Уч.-изд. л. 25,11. Тираж 5 000 экз. Заказ № 4207.

Издательство

Московского психолого-социального института
115191, Москва, 4-й Рошинский проезд, 9а.
Тел.: (495) 234-43-15, 958-17-74, доб. 111, 117
E-mail: publish@col.ru

Издательство НПО «МОДЭК»

394000, Воронеж, а/я 179. Тел.: (473-2) 49-87-35
E-mail: modek@modek.vsi.ru

Отпечатано с компьютерного набора

в ОАО «Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж»»
394000, Воронеж, пр-т Революции, 39.